A11 4/64 *

Верхняя
Обложка
отсутствует

A XI 4/64

Верхняя
Обложка
Отерва

УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА

ДЛЯ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ОПЫТЪ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ
РУССКАГО ЯЗЫКА.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

ЧАСТЬ I. – 2

ЭТИМОЛОГІЯ.

СОСТАВЛЕНО, НА ОСНОВАНІИ НАСТАВЛЕНІЯ ДЛЯ ОБРАЗОВАНІЯ ВОСПИТАННИКОВЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО 24-ГО ДЕКАБРЯ 1848 ГОДА,

Ѳ. Буслаевымъ.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1858.

Верхняя
Облож
отор в

ОПЫТЪ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

Верхняя
Обложка
отрезок

УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА
для
ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ОПЫТЪ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ
РУССКАГО ЯЗЫКА.

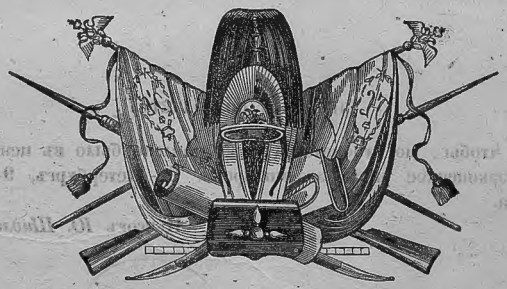
УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

Часть I.

ЭТИМОЛОГІЯ.

СОСТАВЛЕНО, НА ОСНОВАНІИ НАСТАВЛЕНІЯ ДЛЯ ОБРАЗОВАНІЯ ВОСПИТАННИКОВЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО 24-ГО ДЕКАБРЯ 1848 ГОДА,

Ѳ. Буслаевымъ.



МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1858.

Верхняя Одеон обзор

Утверждено ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ГОСУДАРЕМЪ НАСЛѢДНИКОМЪ ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ, Главнымъ Начальникомъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Начальникъ Штаба,
Генералъ-Адъютантъ *Ростовцевъ*.

20 Октября 1853 г.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 9-го Ноября, 1856 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій*.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

ВСЕПОДДАННЪЙШЕЕ ПРИНОШЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЭТИМОЛОГІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I-й части.

	Стран.
Предисловіе.	1
Введеніе.	1
Глава первая. Звуки и соотвѣтствующія имъ буквы.	23
1. О гласныхъ.	25
2. О согласныхъ.	52
3. Раздѣленіе слова по слогамъ.	70
Глава вторая. Образованіе словъ.	72
Общія понятія.	—
Образованіе частей рѣчи.	82
1. Глаголъ.	—
2. Мѣстоименіе.	101
3. Имя существительное.	106
4. Имя прилагательное.	117
5. Имя числительное.	129
6. Нарѣчіе.	131
7. Предлогъ.	141
8. Союзъ.	144
9. Междометіе.	147
Слова сложныя.	148
Глава третья. Измѣненіе словъ.	156
Общія понятія.	—
1. Спряженія.	158
2. Склоненія.	184
1. Склоненіе мѣстоименій.	187
2. Склоненіе существительныхъ	192
3. Склоненіе прилагательныхъ.	219
4. Склоненіе числительныхъ.	232

ЧИТАТЕЛИ БЛАГОВОЛЯТЪ ИСПРАВИТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ, ЗАМѢЧЕННЫЯ ВО ВРЕМЯ ПЕЧАТАНІЯ I-Й ЧАСТИ:

Стран. 16, строк. 9, напечат. ъ *исправ.* ы *17, къ строк. 37 прибав.* Сверхъ того, въ древнихъ памятникахъ, 900 означалось буквою ѳ. *108, 11: напечат.* -инъ, *исправ.* -ина, *216, 33—34, вмѣсто:* архимандрита, *вм.* архимандритъ, *исправ.* Патріарха (отъ Польск. patryarcha), *вм.* Патріархъ. Смотр. Христом. Церковнослав. и Русск. язык. столб. 1073, строк. 7, 27 и 36.

Списокъ учебныхъ руководствъ и учебныхъ пособій по преподаванію Русскаго языка и Словесности, издаваемыхъ одновременно Главнымъ Начальствомъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Конспектъ, содержащій объясненіе исторической методы преподаванія Русскаго языка и Словесности.

1. **РУКОВОДСТВО** для преподаванія Русскаго языка въ классѣ Приготовительномъ. — Сост. Учитель 3-го рода А. Разинъ.

2 **ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ** Русскаго языка. (Учебное пособіе для учащихъ). Часть I. Этимологія.—Часть II. Синтаксисъ.—Сост. Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета Ѳ. Буслаевъ.

3. **ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.** Часть I. Теорія Поэзіи. — Часть II. Теорія Прозы. — Сост. Главный Наблюдатель по преподаванію Русскаго языка и Словесности въ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ И. Введенскій. (*)

4. **ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.** — Сост. Профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба А. Галаховъ.

5. **ХРЕСТОМАТІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО И ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКОВЪ.** — Сост. Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета Ѳ. Буслаевъ.

6. **ХРЕСТОМАТІЯ КЪ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ.** Часть I. Теорія Поэзіи. — Часть 2. Теорія Прозы. — Сост. Профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба А. Галаховъ.

7. **ХРЕСТОМАТІЯ КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.**—Сост. Профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба А. Галаховъ.

(*) За смертію его, изданіе этого руководства пріостановлено.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Руководства Русской Грамматики, долгое время употреблявшіяся въ нашихъ училищахъ, составляемы были по способу филологическому, заимствованному отъ филологовъ, то есть, знатоковъ классической литературы (греческой и римской), которые пользовались этимъ способомъ въ руководствахъ къ изученію языковъ классическихъ.

Для филолога языкъ есть только средство къ познанію древней литературы. Онъ изучаетъ Грамматику не для того, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ этимологическомъ составѣ каждой грамматической формы; а для того единственно, чтобы удобнѣе и скорѣе достигнуть практической цѣли, состоящей въ ясномъ пониманіи классическихъ писателей, и въ умѣніи правильно выражаться изустно и письменно на языкѣ этихъ писателей. Грамматики, въ смыслѣ *науки*, онъ не понимаетъ; она для него есть только *искусство правильно говорить и писать*.

Въ Этимологіи онъ не останавливается на разборѣ звуковъ, приставокъ и окончаній; и все вниманіе обращаетъ на изученіе склоненій и спряженій, какъ такого предмета, въ которомъ свѣдѣнія необходимы учащемуся при самомъ вступленіи его въ область чужаго языка. За то съ особеннымъ тща-

ніемъ Филологъ обрабатываетъ Синтаксисъ, котораго правила состоятъ въ ближайшей связи съ изученіемъ образцовыхъ писателей и съ употребленіемъ языка ихъ, устнымъ и письменнымъ. Такъ какъ классическіе языки дошли до насъ преимущественно въ литературныхъ произведеніяхъ; то само собою разумѣется, что филологическая Грамматика ограничилась только рѣчью литературною, правда, рѣчью образцовою, но книжною, а не живою, разговорною, которая для потомства погибла невозвратно, вмѣстѣ съ поколѣніями, ее употреблявшими. Такимъ образомъ, уча говорить на языкѣ мертвомъ, филологическая Грамматика составила свой особенный, образцовый языкъ, на которомъ, вѣроятно, никогда не говорили ни Греки, ни Римляне; но который художественно былъ обработанъ ихъ литературою. Изъ сказаннаго явствуетъ, что филологи не имѣли ни повода, ни охоты обращать вниманіе на языкъ разговорный, не воздѣланный искусствомъ.

При всѣхъ недостаткахъ своихъ въ теоретическомъ пониманіи языка, филологическая Грамматика имѣетъ неоспоримое достоинство въ отношеніи практическомъ. Хотя она ограничивается только *правилами*, извлеченными изъ художественной рѣчи писателей образцовыхъ, и вовсе не знаетъ *законовъ* языка, которыми объясняются происхожденіе, существо и видоизмѣненія грамматической формы: однако, направляя всѣ свои замѣчанія къ практической цѣли, учитъ правильно говорить и писать на какомъ-либо языкѣ. Хотя ея правила, ни на чемъ, кромѣ большинства грамматическихъ случаевъ, не основанныя, только обязательны, но нисколько не убѣдительны для учащихся; хотя исключенія, которыми она сопровождаетъ грамматическое правило, не будучи объясняемы изъ законовъ языка,

должны быть заучиваемы наизусть, какъ неправильности, случайно въ языкѣ очутившіяся: однако вѣковой опытъ доказалъ, что многія поколѣнія выучивались отчетливо языкомъ классическимъ по этому филологическому способу, единственно отъ того, что Грамматика постоянно имѣла въ виду ближайшую цѣль свою — практическое изученіе языка. Филологъ не *разумѣлъ* внутренняго состава грамматической формы, но *умѣлъ* ее правильно употреблять, и ясно понималъ ее въ томъ значеніи, въ какомъ встрѣчается она у писателя образцоваго. Самое ученіе наизустъ, естественно усиленное въ слѣдствіе безотчетности правилъ и исключеній, приносило значительную пользу учащимся: потому что, въ усвоеніи чужаго языка, многое должно пріобрѣтаться памятью и навыкомъ; а сверхъ того самый характеръ, или геній какого бы то ни было языка, какъ отдѣльнаго организма, усвояется не путемъ отвлеченнаго знанія, а постояннымъ заучиваньемъ грамматическихъ формъ и практическимъ упражненіемъ: чему всѣми, зависящими отъ нея, средствами способствовала Грамматика филологическая.

Грамматисты, принимаясь за составленіе Грамматики роднаго языка, взяли себѣ въ образецъ филологическую языковъ древнихъ, совершенно выпустивъ изъ виду то обстоятельство, что отношеніе учащихся къ чужому и къ родному языку не одинаково: въ слѣдствіе чего польза филологическаго способа значительно убавилась, а неудобства увеличились.

Грамматику роднаго языка, пошедшую по филологическому пути, можно назвать практическою, не потому, чтобы она дѣйствительно была такова; а потому, что въ практическомъ примѣненіи полагала она единственную цѣль свою: имѣла въ виду научить правильному употребленію роднаго

языка, не только письменному, но и устному. Эта Грамматика опредѣлила кругъ своихъ дѣйствій слѣдующимъ образомъ.

1. Она ограничилась рѣчью только писателей образцовыхъ; преимущественно ближайшихъ къ современности, признавъ грубымъ, неправильнымъ и недостойнымъ науки все то, чего не находила у нихъ.—При содѣйствіи Готшеда и Аделунга, болѣе ста лѣтъ держалось въ Германіи это ограниченное понятіе о Грамматикѣ роднаго языка. У насъ ведетъ оно свое начало отъ первыхъ временъ новаго періода русской литературы, вызваннаго преобразованіями Петра Великаго. Уже Сумароковъ, въ языкѣ Ломоносова, осуждалъ выраженія, усвоенныя будто бы «отъ привычки худаго и простонароднаго употребленія»; а въ Грамматикѣ его видѣлъ порчу языка, потому что составитель ея пользовался народною рѣчью, видоизмѣняемою по мѣстнымъ говорамъ.

Такая исключительность въ выборѣ грамматическаго матеріала, весьма понятная въ Грамматикѣ языковъ мертвыхъ, но вредная для языковъ живыхъ, могла еще имѣть нѣкоторый смыслъ въ литературѣ, уже твердо установившейся, какова литература народовъ западныхъ. Впрочемъ, и тамъ писатели даровитѣйшіе, какъ напр., Гёте, возставали противъ стѣснительныхъ мѣръ Готшедовской Грамматики. Въ литературѣ же юной и свѣжей, какова наша, ни коимъ образомъ не могла установиться эта разборчивая нетерпимость, которая исключаетъ изъ грамматическихъ правилъ все, чего не находитъ у образцовыхъ писателей. Потому Грамматика Ломоносова должна была уступить мѣсто руководствамъ, принявшимъ за образецъ рѣчь Карамзинскую; но дальнѣйшіе успѣхи нашего языка, въ сочиненіяхъ Грибоѣдова, Крылова,

Пушкина, уже не нашли себѣ оправданія въ этихъ руководствахъ; въ слѣдствіе чего, первый художникъ и знатокъ русскаго слова, Пушкинъ увидѣлъ себя въ странномъ противорѣчіи со многими параграфами принятой въ его время Грамматики. Въ настоящее время, слѣдовало бы, вновь пересмотрѣвъ грамматическія правила, присовокупить къ нимъ все то, что было прибавлено или измѣнено, въ письменной рѣчи, Пушкинымъ и его современниками. Но и въ этомъ случаѣ, Грамматика представила бы тѣ же препятствія будущимъ успѣхамъ языка, какія были замѣчены и въ прежнихъ руководствахъ. Мертвящее начало, заимствованное въ Готшедовскую Грамматику, изъ Грамматики языковъ мертвыхъ, останется въ ней до тѣхъ поръ, пока она не обратится къ родному языку, какъ къ живому слову, вѣчно юному и неистощимо богатому, въ его видоизмѣненіяхъ историческихъ и мѣстныхъ (§. 5); и пока не опредѣлитъ правильнаго отношенія нѣкоторыхъ нововведеній и особенностей, внесенныхъ въ нашу рѣчь твореніями образцовыхъ писателей, къ тому живому цѣлому, которое называемъ языкомъ роднымъ. Только тогда авторитетъ образцовъ, не противорѣча живому слову, и не стѣсняя, а подкрѣпляя дарованія, принесетъ нашей литературѣ желаемые плоды.

2. Не зная законовъ языка, практическая Грамматика ограничилась правилами. Руководства, составленныя по методѣ Готшеда и Аделунга, до того были далеки отъ всякаго понятія о законахъ, по которымъ образуются грамматическія формы, что подвели подъ общій уровень съ явленіями языка, основанными на его внутреннемъ построеніи, многія чисто формальные орѳографическіе пріемы. Такъ напр., въ главѣ о Правописаніи, помѣщались правила объ употребленіи буквы *ъ*, ко-

торой значеніе опредѣляется только исторіею славянскаго языка; и, вмѣстѣ съ тѣмъ—правила объ употребленіи прописныхъ буквъ въ началѣ каждаго стиха, или въ наименованіи дѣйствующихъ лицъ басни, правила, составленныя на основаніи только условно принятаго обычая.—Конечно, благовоспитанный человѣкъ, какъ на письмѣ, такъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, обязанъ сообразоваться съ общепринятыми правилами приличія; но Грамматика должна строго отличать принятое обычаемъ отъ того, что основано на внутреннихъ законахъ языка. Такъ напр., въ ней должно быть упомянуто, въ видѣ правила, объ употребленіи *ѣ* въ реченіяхъ *болѣе*, *менѣе*: но здѣсь же должно быть сказано, что это общепринятое начертаніе противорѣчитъ законамъ языка (§§ 25 и 69). Только тогда для учащихся будетъ занимательна эта наука, когда они станутъ ясно понимать ее; а чтобы ясно понимать изучаемый предметъ, нужно отдавать себѣ въ немъ отчетъ; правила же и исключенія, которыми наполнялись Готшедовскія и Аделунговскія руководства, тѣмъ отличаются отъ законовъ языка, что безотчетны, и отъ того трудно усвояются и легко выходятъ изъ памяти.

3. Практическая Грамматика не входитъ въ отчетливое и обстоятельное разсужденіе о звукахъ и образованіи словъ, и всю Этимологію ограничиваетъ преимущественно склоненіями и спряженіями, предлагая ученикамъ во множествѣ правилъ, съ неизбѣжными исключеніями, подробныя наставленія, какъ склонять и спрягать реченія роднаго языка (въ чемъ весьма рѣдко ошибаются и люди безграмотные). Правда, что изъ множества этимологическихъ подробностей, извѣстныхъ въ родномъ языкѣ всякому, есть и такія, въ которыхъ можно

ошибаться. Но эти послѣднія практическая Этимологія не отдѣляетъ отъ многихъ другихъ замѣчаній, которыя могутъ быть полезны только иностранцу. Чтобы вывесть учащихся родному языку изъ такой запутанной системы въ изложеніи на путь, ближайшій къ практической цѣли, грамматисты извлекли изъ Этимологіи все то, что наиболѣе затрудняетъ въ родномъ языкѣ на практикѣ, и составили, такимъ образомъ, преимущественно изъ этимологическихъ отрывковъ, съ дополненіемъ нѣкоторыхъ синтаксическихъ, особую часть Грамматики, подъ именемъ Орѳографіи, или Правописанія. Какъ руководство, назначаемое для справокъ, при практическихъ занятіяхъ, эта часть Грамматики имѣла бы неоспоримыя достоинства, еслибы недостатки теоретическіе не вредили ея практическому примѣненію. Во первыхъ, въ Орѳографіи нѣтъ никакой системы: то говорится о звукахъ и буквахъ, что собственно принадлежитъ къ Этимологіи; то о знакахъ препинанія, что ни коимъ образомъ не должно быть отдѣляемо отъ Синтаксиса; многое же, весьма необходимое для руководства въ письменномъ употребленіи языка, и вовсе опускается: такъ что учащемуся часто приходилось, и для правописанія, справляться не съ Орѳографіею, а съ Этимологіею или съ Синтаксисомъ. При такомъ, казалось бы, только теоретическомъ недостаткѣ въ системѣ, значительно страдала и практика: ибо практическая Орѳографія, по своей неполнотѣ, не достигала предназначенной цѣли, — и учащемуся предоставлялось, по всѣмъ параграфамъ руководства, отыскивать какую нибудь одну, нѣсколько затруднительную на письмѣ, грамматическую форму, въ тысячѣ такихъ, въ которыхъ не ошибется ни одинъ русскій. — Во вторыхъ, правила Орѳографіи излагались безъ объясненія тѣхъ основаній, на ко-

торыхъ они должны бы держаться. Такъ напр., все ученіе объ употребленіи буквъ основывается на Этимологіи: а практическая Этимологія говорила о буквахъ мимоходомъ, предоставляя этотъ предметъ Ореографіи; послѣдняя же, не вмѣняя себѣ въ обязанность разсуждать о свойствѣ звуковъ и буквъ, ограничивалась условно принятыми обычаями письма, вовсе не касаясь причинъ, почему пишутъ такъ, а не иначе; и не затрудняя себя вопросами о томъ, всегда ли писалось то или другое такъ, какъ теперь писать принято. Такимъ образомъ, ученикамъ предоставлялось заучивать, совершенно наобумъ, правила о томъ, что должно писать, напр., *міръ* — въ значеніи вселенной, и *миръ* — въ значеніи спокойствія; *время*, *бремя* съ буквою *е*, а не съ *ѣ*, и проч.; между тѣмъ какъ, въ сущности, такія правила основаны только на обычаѣ, условно принятомъ. Конечно Грамматика не должна предписывать правилъ, противныхъ общепринятымъ внѣшнимъ приличіямъ; но, не выпуская изъ виду мысли объ отличіи закона отъ правила (смотр. § 10), должна она предоставить на письмѣ двоякое начертаніе: *миръ* и *міръ*, и употребленіе *е* въ словахъ: *время*, *бремя* и въ друг.; однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна замѣтить, что двоякое начертаніе одного и того же слова: *миръ* и *міръ* — есть не существенная принадлежность языка, а позднѣйшая выдумка грамотныхъ людей, и что начертаніе словъ: *время*, *бремя*, есть такая же ошибка, какъ *смотреть*, вмѣсто *смотрѣть* (смотр. §§ 15 и 25). Сбивчивость ореографическихъ правилъ увеличивалась многими, вымышленными отъ грамматистовъ, нововведеніями; такъ напр., одни предлагали писать: *лечить*, вм. *лѣчить* (смот. § 47); другіе—*звѣнѣть*, *Звѣнигородъ*, вм. *звенѣть*, *Звенигородъ* (при

мологическою формою: почему многія явленія въ языкѣ, совершенно нормальныя, выдавала за ошибки. Такъ напр., признавая за превосходную степень имена прилагательныя, съ окончаніемъ сравнительной, на-*шій*, -*ѣйшій* и -*айшій*, она находила уже противнымъ здравому смыслу поднимать эти прилагательныя еще одною степенью выше, помощію присовокупленія къ нимъ мѣстоименія *самый*; между тѣмъ, какъ лучшіе наши писатели: Карамзинъ, Батюшковъ и другіе, нисколько не грѣша противъ законовъ языка, употребляютъ: *самый пріятнѣйшій*, *самый опаснѣйшій* и проч. (§ 69). — Думая строго слѣдовать соображеніямъ здраваго смысла, она предписывала: всѣ глаголы, выражающіе дѣйствіе одного и того же подлежащаго въ предложеніи, полагать въ одномъ времени, видѣ, наклоненіи, числѣ, лицѣ и родѣ; при этомъ допускала однако различіе въ видѣ, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы нарѣчіемъ, или же и другою частію рѣчи, было выражено обстоятельство, объясняющее перемѣну вида. Эти правила, казалось бы, весьма согласныя съ требованіями здраваго смысла, встрѣчаютъ себѣ преткновеніе почти на каждой страницѣ любаго образцоваго писателя. Такъ напр., на 126 стр. 1-го тома сочиненій Пушкина, читаемъ два стиха, которые, на основаніи предложеннаго правила, слѣдовало бы причислить къ грамматическимъ ошибкамъ, оскорбляющимъ правила здраваго смысла нарушеніемъ единства въ послѣдовательности видовъ и временъ глагола; а именно: «не шевелится, не дохнетъ» и «опомнилась, глядитъ Татьяна.» Такое странное противорѣчіе грамматическихъ правилъ языку образцовыхъ писателей даетъ намъ разумѣть, что соображенія здраваго смысла тогда только приносятъ истинную пользу наукѣ, когда они основаны на

подробномъ и тщательномъ разборѣ матеріаловъ изучаемаго предмета.

Изъ сказаннаго явствуетъ, почему грамматисты Готшедовской школы, при всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ своихъ, не достигали предположенной ими цѣли, то есть, не могли своими руководствами удовлетворить практикѣ: противорѣчили образцамъ языка, при желаніи имъ слѣдовать; а учащихся затрудняли въ разговорѣ и на письмѣ, хотя все вниманіе свое обращали на обученіе говорить и писать на родномъ языкѣ правильно. Важнѣйшею причиною такого невыгоднаго положенія этой методы было странное убѣжденіе грамматистовъ, что они обязаны учить тому, *какъ должно употреблять грамматическія формы роднаго языка*, а не тому, *какъ онѣ дѣйствительно употребляются писателями образцовыми*. Отъ того, хотя составители руководствъ и слѣдовали образцамъ, однако думали стать выше ихъ, подвергая ихъ авторитетъ какому-то высшему суду грамматической критики. Такъ напр., они признали за ошибочныя, противныя правиламъ языка, дѣепричастія прошедшаго времени, въ этимологической формѣ настоящаго, образовавшіяся отъ глаголовъ совершеннаго и однократнаго вида; каковы, напр., *войдя, брося* и друг., вмѣсто: *вошедъ, бросивъ* и друг. Но такія дѣепричастія встрѣчаются у всѣхъ образцовыхъ писателей, начиная отъ Ломоносова до Пушкина и Жуковскаго, какъ въ стихотворныхъ ихъ сочиненіяхъ, такъ и въ прозаическихъ (§ 54). Такимъ образомъ всякій пойметъ, почему не только трудно, но даже невозможно было выучиться говорить и писать порусски правильно, по Готшедовскимъ и Аделунговскимъ руководствамъ, когда уже внутренній голосъ, вопреки всѣмъ

вымышленнымъ правиламъ, заставляетъ насъ сказать, напр.: «*спустя* нѣсколько минутъ» «жить, *спустя* рукава» вмѣсто: «*спустивъ* нѣсколько минутъ» «жить, *спустивъ* рукава.»

Въ теченіе столѣтій, Грамматика была вѣрнымъ отголоскомъ Схоластики, помѣстившей ее въ число семи свободныхъ искусствъ; а въ XVIII вѣкѣ, не измѣнившись въ своихъ началахъ, дружественно сошлась она съ французскимъ *классицизмомъ*.—Дѣйствительно, этому направленію въ исторіи искусствъ вполнѣ соотвѣтствуетъ разсмотрѣнное выше направленіе въ грамматической литературѣ. И то и другое стремилось за идеальною чистотой, и принесло нѣкоторую пользу успѣхами просвѣщенія, въ эпоху борьбы условныхъ правилъ изящества съ возстановленіемъ болѣе глубокихъ понятій о жизни и о представленіи ея въ художественныхъ формахъ. Какъ классицизмъ французской теоріи вкуса осудилъ Шекспира въ грубости и невѣжествѣ; такъ и Готшедовская Грамматика, знакомая только съ искусственною фразою, видѣла въ языкѣ старинныхъ литературныхъ памятниковъ и въ народной рѣчи жалкій лепетъ младенца, недостойный серіознаго изученія. Какъ французскій классицизмъ покровительствовалъ искусственному воодушевленію и искусственной постройкѣ стиха; такъ и Грамматика, въ своихъ правилахъ, тщательно отличала піитическія вольности отъ простаго и естественнаго выраженія мысли, предполагая, что поэзія имѣетъ право быть неестественною.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что большинство людей образованныхъ, но не посвятившихъ себя наукѣ, ранѣе отказалось отъ условнаго классицизма, нежели отъ условныхъ правилъ Грамматики. Причина тому заключается въ соотвѣтствіи безотчетныхъ правилъ практической Грамматики ограничен-

ному понятію о языкѣ, въ которомъ, кромѣ условныхъ звуковъ, случайно приноровленныхъ къ выраженію мысли, ничего не видѣли и не хотѣли видѣть. Такое ограниченное понятіе нашло себѣ оправданіе даже въ философской теоріи, именно, въ ученіи *о механическомъ составѣ языка*. По этой теоріи, казалось возможнымъ предположить, будто языкъ произошелъ случайно, въ слѣдствіе изобрѣтенія сначала отдѣльныхъ звуковъ, потомъ слоговъ и наконецъ цѣлыхъ словъ; будто языкъ составился людьми грамотными, напр., церковнославянскій — переводчиками Св. Писанія; будто русскій языкъ пошелъ отъ церковнославянскаго, перенесеннаго къ намъ въ книгахъ Св. Писанія; будто наши прилагательныя полныя составились по образцу греческихъ; будто двойственное число Славяне заимствовали у Грековъ, и т. п. Однимъ словомъ, думали, что нѣтъ въ языкѣ ни одной грамматической формы, которая была бы обязана своимъ происхожденіемъ не случаю, а внутренней потребности человѣка. Ложное воззрѣніе на исторію народовъ примѣняли и къ исторіи языка: какъ въ Рюрикѣ и Олегѣ видѣли героевъ новѣйшей исторіи; такъ и позднѣйшее, искусственное отношеніе писателей къ родному языку переносили къ эпохѣ его образованія и возрастанія; полагая, что слово, и первоначально, было такимъ же условнымъ знакомъ мысли, какимъ оно кажется теперь, когда въ языкѣ отвлеченность понятій и сужденій взяла верхъ надъ собственнымъ смысломъ этимологической формы.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія возникла, подъ именемъ Лингвистики, новая наука о языкѣ. Въ противоположность филологическому, лингвистическій способъ разсматриваетъ языкъ не только, какъ средство для знакомства съ литерату-

рою, но и какъ самостоятельный предметъ изученія. Лингвистъ мало слѣдитъ за ходомъ и судьбою литературы, и находитъ своей любознательности столько же пищи въ языкѣ необработанномъ, даже въ грубомъ областномъ нарѣчіи, сколько и въ художественныхъ произведеніяхъ классической литературы: для него лепетъ народа самаго дикаго есть уже благородное произведеніе духовной природы; потому что онъ видитъ во всякомъ языкѣ, какъ въ живомъ организмѣ, не искусственное изобрѣтеніе, а естественное выраженіе дара слова, которымъ Творецъ премудро отличилъ человѣка отъ прочихъ животныхъ. Для лингвиста Грамматика стала уже не искусствомъ, а положительною наукою о языкѣ, какъ о явленіи природы, основанномъ на законахъ, предначертанныхъ самимъ Творцемъ. Въ соотвѣтствіе микроскопическимъ наблюденіямъ и химическому анализу, въ области Естествознанія, Лингвистика принялась за разложеніе состава словъ на мельчайшіе элементы, извѣстные подъ именемъ членораздѣльныхъ звуковъ, приставокъ, окончаній; и, на основаніи своихъ наблюденій, стремилась открыть законы въ образованіи языка. Какъ успѣхи Анатоміи и Физіологіи не мало зависѣли отъ сравненія органовъ и отправленій ихъ у разныхъ животныхъ; такъ и Лингвистика усвоила себѣ методъ сравнительный, извлекающій законы изъ сличенія или цѣлыхъ языковъ, или же формъ одного и того же языка, исторически развившихся одна изъ другой. Въ первомъ случаѣ получила она названіе *Грамматики Сравнительной*, во второмъ—*Исторической*.

Блистательные результаты Сравнительной Грамматики, открывшей единство законовъ въ образованіи индоевропейскихъ языковъ, нашли себѣ сочувствіе между многими грамматистами,

которые тотчасъ же признали необходимымъ украшеніемъ Грамматики не только древняго, но и отечественнаго языка сближенія съ санскритскимъ и другими коренными языками. Само собою разумѣется, что эти сближенія, заимствованныя изъ вторыхъ рукъ, не могли быть основательны: и филологи, а также и грамматисты школы Готшедовой и Аделунговой, принявъ неудачныхъ послѣдователей за двигателей науки, встрѣтили это нововведеніе неблагосклонно, осудивъ Лингвистику въ поверхностномъ взглядѣ и въ непримѣнимости къ практическому знакомству съ языками. Старинные предразсудки долгое время поддерживали недоразумѣніе между враждовавшими партіями. Поборники новизны весьма неудачно защищали правое дѣло, предавая его своими поверхностными свѣдѣніями въ области Сравнительной Лингвистики, ограничивавшимися однимъ внѣшнимъ созвучіемъ словъ въ языкахъ индоевропейскихъ, созвучіемъ, которое было единственнымъ руководителемъ и прежней теоріи о механическомъ составѣ языка. Защитники старины, привыкшіе къ остроумнымъ, но ни на чемъ не основаннымъ догадкамъ о заимствованіи не только языка, но и всей національности одного народа отъ другаго, видѣли, въ сближеніи роднаго языка съ санскритскимъ, литовскимъ и другими, намѣреніе лингвистовъ производить свою національность отъ чужой; и ни коимъ образомъ не умѣли понять той простой мысли, что цѣлыя массы народовъ точно также могутъ быть искони родственны между собою, какъ и племена одного и того же языка.

Къ этому переходному времени, ознаменованному борьбою Лингвистики съ Филологіею, относится дѣятельность Карла Фердинанда Беккера, весьма даровитаго грамматиста, ко-

торый оказалъ значительное вліяніе на преподаваніе роднаго языка, не только въ Германіи, но и у насъ. Съ искреннимъ сочувствіемъ къ преобразованіямъ, совершеннымъ въ наукѣ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, Яковомъ Гриммомъ, Боппомъ и другими, этотъ ученый рѣшился построить цѣлую философскую систему, въ которой думалъ изложить всѣ важнѣйшіе результаты Лингвистики. Его книга «Организмъ языка» подѣйствовала обаятельно на многихъ педагоговъ, какъ новостію содержащихся въ ней результатовъ Сравнительно-Исторической Грамматики, такъ и стройною системою въ изложеніи предмета, основанною на блистательной мысли В. Гумбольдта объ организмѣ языка. Но попытка Беккера была преждевременна. Не только въ ту пору, когда онъ взялся за нее, но и теперь еще не пришло время подводить подъ общія, философскія соображенія частные выводы науки о языкѣ, и давать отрывочнымъ изслѣдованіямъ видъ округленной системы. Недостаточность положительныхъ фактовъ систематическій умъ Беккера искусно прикрылъ общими выводами отвлеченнаго, логическаго содержанія. И именно въ томъ, что собственно принадлежитъ этому грамматисту, то есть, въ отвлеченныхъ выводахъ и въ философскихъ соображеніяхъ, оказалась слабая сторона его системы, какъ въ ученомъ, такъ и въ учебномъ отношеніи.

Въ ученомъ отношеніи, Беккеръ не умѣлъ опредѣлить настоящихъ границъ между Грамматикою и Логикою, по той причинѣ, что, не имѣя достаточнаго запаса историческихъ свѣдѣній въ языкахъ, онъ нечувствительно сошелъ съ прямаго пути въ развитіи общихъ понятій о языкѣ, съ пути, предначертаннаго В. Гумбольдтомъ, и принялъ ложное

направленіе старинныхъ, такъ называемыхъ, *Общихъ Грамматикъ*, имѣвшихъ цѣлію рѣшеніе весьма странной задачи оправдать языкъ логически, то есть, доказать, что параграфы Схоластической Логики удобно примѣняются къ грамматическимъ фактамъ. Ограничившись общими понятіями о выраженіи мысли въ формахъ языка, Беккеръ все вниманіе обратилъ на Синтаксисъ, коснувшись Этимологіи слегка, только для полноты системы. Въ слѣдствіе того, его Синтаксисъ, не будучи основанъ на этимологическомъ разборѣ формъ, оказался не наукою о языкѣ, а отвлеченнымъ разсужденіемъ о примѣненіи законовъ Логики къ готовому матеріалу языка.

Въ отношеніи учебномъ, метода Беккера, удовлетворительная для разбора логическаго, давала слишкомъ значительный перевѣсъ опредѣленіямъ различныхъ логическихъ тонкостей передъ положительнымъ изученіемъ самого языка: такъ что дѣти, научившись, по Беккеровскимъ руководствамъ опредѣлять, что̀ есть *причина*, *условіе*, *уступленіе*, и тому подобное, не умѣли бы писать правильно на родномъ языкѣ, если бы не пользовались наставленіями прежнихъ практическихъ Грамматикъ. Ибо Беккеровская метода, при своемъ отвлеченномъ направленіи, не могла сдѣлать ни какихъ улучшеній, не только въ ученіи объ Орѳографіи, но даже и въ Синтаксисѣ, относительно тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ эта часть Грамматики касается не теоріи языка вообще, а синтаксическаго употребленія языка отечественнаго. И такъ, въ практическомъ отношеніи, эта метода уступаетъ прежней; въ теоретическомъ же стоитъ нѣсколько выше ея. Она правильно опредѣлила части рѣчи и части предложенія; но не умѣла дать надлежащаго основанія синтаксическому ученію.

Между тѣмъ лингвисты не переставали разработывать исторически каждый изъ языковъ индоевропейскихъ, и полагали, такимъ образомъ, прочную историческую основу Сравнительной Лингвистикѣ. Наконецъ и филологи увидѣли, что безъ этой науки Этимологія классическихъ языковъ не можетъ имѣть ни твердой основы, ни научнаго интереса; что только при пособіи сравнительно-историческаго метода, Грамматика могла дойти до той глубокой и простой истины, что въ языкѣ, какъ въ живомъ организмѣ, нѣтъ неправильностей и исключеній, которыя, будучи основательно поняты, не подводились бы подъ общее начало. Такимъ образомъ, въ новѣйшее время, при изученіи не только роднаго языка, но и классическихъ, мало-по-малу стала оказываться потребность въ болѣе основательномъ объясненіи грамматическихъ формъ, по мѣрѣ того, какъ въ области Сравнительно-Исторической Лингвистики возникали важнѣйшіе вопросы о внутреннемъ построеніи языка. Эта наука разсматриваетъ слово уже не только, какъ средство для взаимнаго сообщенія мыслей, но и какъ живой памятникъ духовнаго бытія народовъ, и при томъ памятникъ древнѣйшій, котораго исторія можетъ быть постановлена во главѣ исторіи умственнаго развитія человѣчества.

Само собою разумѣется, что Сравнительно-Историческая Грамматика, въ такомъ глубокомъ смыслѣ и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, не можетъ быть предметомъ начальнаго обученія родному языку. Но такъ какъ ходъ науки, въ высшихъ ея областяхъ, всегда оказывалъ дѣйствіе и на успѣхъ учебниковъ, которые, заимствуя свое направленіе, а частію и содержаніе изъ общаго достоянія науки, примѣняютъ свѣдѣнія, выработанныя вѣками, къ возрасту учащихся и къ потреб-

ностямъ ихъ учебнаго курса: то господствующее въ наше время направленіе науки о языкѣ, очищенное критикою въ продолжительной борьбѣ филологовъ съ лингвистами, не могло миновать и учебниковъ роднаго языка.

Самымъ отношеніемъ учащихся къ Грамматикѣ роднаго языка опредѣляется уже необходимость историческаго метода этой науки. Беккеровскія руководства, развивая въ учащихся природный даръ слова логическимъ разборомъ прочтеннаго образца, опускали изъ виду то важное обстоятельство, что дѣти должны усвоить себѣ по Грамматикѣ многія формы языка книжнаго, завѣщанныя намъ по преданію; формы, хотя родственныя и понятныя ученикамъ, но въ разговорѣ неупотребительныя, книжныя. Прежнія практическія руководства, напротивъ того, сосредоточившись на языкѣ литературномъ, не хотѣли допустить родной, разговорной рѣчи въ Грамматику роднаго языка, и разсматривали рѣчь книжную не такъ, какъ явленіе, произшедшее въ слѣдствіе необходимыхъ причинъ историческаго развитія языка, а какъ нѣчто случайно составленное, и совершенно отвлеченное отъ естественной способности учениковъ — говорить на родномъ языкѣ. — Историческое направленіе примиряетъ эти оба противоположныя ученія. Оно признаетъ и права родной, разговорной рѣчи, и права языка литературнаго. Оно видитъ въ русскомъ книжномъ языкѣ результатъ историческаго движенія и взаимнаго вліянія русской рѣчи, разговорной, видоизмѣняемой по мѣстнымъ говорамъ, и языка церковнославянскаго, положеннаго въ основу нашей грамотности, съ отдаленныхъ временъ внесенія Христіанства въ Русскую землю.

1. Отправляясь отъ этой простой мысли о современномъ

состояніи языка русскаго, Историческая Грамматика ведетъ изученіе этого языка въ непрерывной связи съ изученіемъ церковнославянскаго. Такъ какъ наши предки учились грамотѣ по церковнославянской азбукѣ и на чтеніи книгъ Св. Писанія; то Грамматика полагаетъ въ основу историческаго изслѣдованія книжной рѣчи языкъ церковнославянскій. Эта древняя основа составляетъ необходимѣйшій предметъ учебника Русской Грамматики, въ троякомъ отношеніи: во первыхъ, при объясненіи законовъ языка, даетъ наукѣ преимущества сравнительно-историческаго метода, въ сближеніи формъ русскаго языка съ формами одного изъ славянскихъ нарѣчій, ранѣе прочихъ усвоившаго себѣ письменность, и потому сохранившаго, въ бо́льшей полнотѣ и чистотѣ, первоначальныя свойства славянскаго языка; во вторыхъ, служитъ источникомъ для объясненія многихъ, какъ этимологическихъ, такъ и синтаксическихъ формъ нашей книжной рѣчи, образовавшихся подъ вліяніемъ церковнославянской письменности; и наконецъ, въ третьихъ, въ отношеніи педагогическомъ, скрѣпляетъ тѣснѣйшими узами живую связь нашей родной рѣчи съ языкомъ Церкви.

2. Историческая Грамматика не ограничивается языкомъ русскимъ книжнымъ, потому что не можетъ объяснить всѣхъ грамматическихъ формъ его, не входя въ подробное разсужденіе о рѣчи разговорной. Ибо, подъ именемъ книжнаго языка, она разумѣетъ не только слогъ высокій (чѣмъ ограничивалась старинная практическая Грамматика), но и рѣчь разговорную, въ сочиненіяхъ содержанія повѣствовательнаго, драматическаго и т. п. При томъ, она находитъ столь же правильный русскій языкъ въ сочиненіяхъ стихотворныхъ, какъ и въ прозаическихъ, полагая, что всякая, такъ называемая, пііти-

ческая вольность (если только она не безсмыслица) должна имѣть свое разумное основаніе въ законахъ языка. Грамматическія особенности, замѣчаемыя въ сочиненіяхъ образцовыхъ писателей, она влагаетъ въ обширную раму, которая объемлетъ всю область языка русскаго, какъ разговорнаго, по мѣстнымъ его видоизмѣненіямъ, такъ и книжнаго, въ его историческомъ движеніи. Авторитету писателей и грядущимъ успѣхамъ языка полагаетъ она въ основу историческое преданіе, почерпая изъ него законное оправданіе первому и свѣжія силы послѣднимъ. Такимъ образомъ, сочувствуя старинѣ и держась авторитета, она имѣетъ цѣлію не стѣснять, а руководить возникающія дарованія учащихся.

3. Всѣ свои выводы Историческая Грамматика основываетъ на авторитетѣ не только письменныхъ, но и устныхъ памятниковъ языка, подчиняя личное сужденіе грамматиста свидѣтельству фактовъ. Авторитета образцовъ она не ограничиваетъ двумя, тремя писателями (какъ это замѣчено въ Грамматикѣ практической), а тщательно изучаетъ всѣхъ лучшихъ авторовъ, начиная отъ Ломоносова до Пушкина включительно, приводя изъ сочиненій ихъ примѣры, какъ для объясненія законовъ языка, такъ и въ образецъ практическому употребленію. Практическая Грамматика преходила молчаніемъ нѣкоторыя формы языка въ писателяхъ образцовыхъ, отличающихся свѣжестію выраженія, заимствованною изъ живой, разговорной рѣчи; напр., въ стихотвореніяхъ Державина, въ комедіяхъ Фонъ-Визина, въ сочиненіяхъ Крылова, Грибоѣдова, Пушкина. Грамматика Историческая вмѣняетъ себѣ въ обязанность упоминать, въ своихъ параграфахъ, о всѣхъ такихъ формахъ, не съ тѣмъ, чтобы осуждать ихъ въ неправильности противъ языка,

а съ тѣмъ, чтобы предъявить права устной рѣчи въ участіи, какое принимаетъ она въ образованіи языка книжнаго.

Въ самомъ выборѣ примѣровъ Историческая Грамматика держится извѣстной системы. Во первыхъ, она почитаетъ совершенно ненужнымъ приводить изъ писателей цитаты въ объясненіе такихъ правилъ, на которыя приходятъ примѣры сами собой въ голову не только учителю, но и ученику; такъ напр., на правила о согласованіи прилагательнаго съ существительнымъ въ одномъ родѣ, числѣ и падежѣ. Тѣмъ съ бо́льшею тщательностью основывается она на авторитетѣ писателей въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ употребленіе языка можетъ затруднить учащагося; напр., въ правилахъ о согласованіи сказуемаго, то въ единственномъ, то во множественномъ числѣ, съ подлежащими: *нѣсколько*, *большая часть* и т. п. Беккеровская Грамматика поступала иначе: она приводила примѣры изъ образцовыхъ писателей на всевозможныя логическія сочетанія мыслей, въ предложеніяхъ и періодахъ; напр., для объясненія обстоятельствъ времени, мѣста, причины, цѣли и т. п.; и не исчерпывала авторитета образцовъ тамъ, гдѣ учащійся долженъ бы ожидать того, для руководства въ правильномъ употребленіи языка. — Во вторыхъ, въ образцовыхъ писателяхъ Историческая Грамматика не должна утаивать такихъ выраженій, о которыхъ прежнія руководства умалчивали, можетъ быть, потому, что находили въ этихъ выраженіяхъ противорѣчіе своимъ правиламъ. Такъ напр., предписывалось употреблять частицу *между* или *межъ*, съ родительнымъ падежомъ, при означеніи движенія, и съ творительнымъ — при означеніи покоя. Но самъ Жуковскій, осторожнѣйшій изъ современныхъ стилистовъ, противорѣчитъ этому правилу; напр., въ про-

зѣ: «утесы стояли неподвижно, и *между ними* легкимъ дымомъ, нѣчтожными призраками *летали* остатки минувшей бури» VII, 200; въ стихахъ:

Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ *межъ гробовыхъ досокъ*. IV, 15.

Отраждая себя авторитетомъ образцовъ, Историческая Грамматика освобождаетъ учащагося отъ многихъ условно принятыхъ правилъ Готшедовской Грамматики, объясняя фактами, что эти правила, будучи выдуманы грамматистами, теряютъ свою обязательную силу, противорѣча образцамъ. Такъ напр., полагалось правиломъ — съ подлежащимъ: *нѣсколько*, согласовать сказуемое въ среднемъ родѣ единственнаго числа, когда сказуемое слѣдуетъ за подлежащимъ; при этомъ допускалось исключеніе: дозволялось ставить сказуемое и во множественномъ числѣ, когда оно предшествуетъ подлежащему: *нѣсколько*. Но Жуковскій убѣждаетъ насъ, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, слѣдуетъ пользоваться согласованіемъ словъ, совершенно противоположнымъ этому правилу. Такъ напр., онъ говоритъ: «*нѣсколько* камней, сорвавшись съ высоты, *увязли* въ ущельѣ и *образовали* кровлю» VII, 189; «*нѣсколько* елей, выросшихъ на высотѣ, *кажутся* букетомъ» VII, 201. — Еще примѣръ. Признавалось ошибкою соотвѣтствіе союзовъ *когда—то*, вмѣсто *когда—тогда*. Но тотъ же писатель говоритъ: «*когда* покажется солнце, *то* оно грѣетъ какъ весеннее» VII, 236. — Разъ отправившись по пути изобрѣтенія условныхъ правилъ, стилисты готовы были осудить всякое выраженіе, нѣсколько отступающее отъ простѣйшихъ законовъ согласованія и управленія словъ: и тяжелая мысль о невозможности угодить какому нибудь вновь выдуманному правилу невольно приходила въ голову

всякому, кто только брался за перо. Такъ напр., нѣкоторые пуристы запрещали писать и говорить, при обозначеніи мѣры прошедшаго времени: *тому назадъ*, предписывая употреблять что-нибудь одно: или *тому*, или *назадъ*. — Но если такъ выражается самъ Жуковскій, осторожнѣйшій изъ пуристовъ нашего времени (напр. «мимо ужасныхъ развалинъ горы, задавившей, *двѣнадцать лѣтъ тому назадъ*, прелестную деревню Goldau, пошелъ къ деревенькѣ Ловерцъ» VII, 211); — то къ чему же затруднять учащагося лишнимъ правиломъ въ Грамматикѣ?

4. Историческая Грамматика вмѣняетъ себѣ въ обязанность положить въ основу изученія подробный этимологическій разборъ формъ языка, для того, чтобы изъ этого разбора извлечь грамматическіе законы, понятные и убѣдительные въ теоретическомъ отношеніи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣнительные къ практикѣ. Орѳографію основываетъ она на Этимологіи, а въ Синтаксисѣ стремится опредѣлить правильнѣйшее отношеніе отвлеченныхъ пріемовъ Логики къ формамъ языка. Упростивъ, такимъ образомъ, методъ изученія, она имѣетъ въ виду замѣнить безотчетныя, и потому невразумительныя правила Готшедовской Грамматики общепонятнымъ объясненіемъ законовъ языка. Въ слѣдствіе того, она весьма часто бываетъ обязана представлять учащемуся предметъ изслѣдованія совершенно съ новой стороны. Такъ на примѣръ, въ реченіяхъ *больше, дальше, меньше, тоньше*, практическая Грамматика видѣла только имена прилагательныя краткія средняго рода, а въ реченіяхъ *болѣе, далѣе, менѣе, тонѣе* — только нарѣчія. Грамматика Историческая видитъ въ первыхъ общеупотребительныя русскія формы, а во вто-

рыхъ остатки старинныхъ прилагательныхъ средняго рода: болѣе, мьнѣе и проч. (§ 69), съ приставкою звука ѥ на концѣ этихъ реченій (т. е. болѣ-ѥ и проч., § 30); слѣдовательно и тѣ и другія признаетъ, по происхожденію ихъ, прилагательными краткими средняго рода, имѣющими способность — по общему закону — переходить въ нарѣчія. Потому почитаетъ равно правильными выраженія: «тише ѣдешь, *дальше* будешь» и «*болѣе* или *менѣе* подробный»; и отличаетъ ихъ только тѣмъ, что первое относитъ къ рѣчи разговорной, а послѣднее къ книжной. — Практическая Грамматика, случайно принявъ какое нибудь основаніе для своего правила, видѣла въ формахъ языка, противорѣчащихъ правилу, отступленіе, которое выдавала за *грамматическую фигуру*. Отношеніе такихъ грамматическихъ фигуръ къ выраженіямъ, основаннымъ на правилѣ, предлагалось въ томъ же смыслѣ, въ какомъ схоластическая Риторика понимала отношеніе, такъ называемаго, *украшеннаго языка* къ *естественному* или *простому*. Такъ на примѣръ, въ согласованіи подлежащаго: *большая часть*, со сказуемымъ, эта Грамматика отличаетъ правильное, или логическое употребленіе отъ фигурнаго: по правилу, будто бы слѣдуетъ согласовать сказуемое въ единственномъ числѣ и въ женскомъ родѣ, если измѣняется оно по родамъ; напр. «большая часть людей всегда трудилась»; въ видѣ же грамматической фигуры, допускалось сказуемое и во множественномъ числѣ, напр. «большая часть людей трудятся». Само собою разумѣется, что это чисто внѣшнее дѣленіе выраженій, на простыя и фигурныя, ничего не объясняетъ, потому что не основывается на законахъ самого языка. Согласно съ этимъ распредѣленіемъ, слѣдовало бы признать за грамматическую

фигуру употребленіе числительныхъ *пять*, *шесть*, *десять* и друг., со сказуемымъ множественнаго числа; напр. «десять лошадей скачутъ, везутъ» и проч.: ибо, по этимологическому образованію, эти числительныя суть не что иное, какъ существительныя собирательныя, наровнѣ съ реченіями: *сонмъ*, *толпа*, *часть*, въ выраженіи *большая часть*, и друг. (§ 61). — Предложенныя здѣсь затрудненія, въ согласованіи словъ, Историческая Грамматика объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Положивъ въ основу синтаксическому ученію законъ о двоякомъ сочетаніи словъ: 1) по внѣшней этимологической формѣ, и 2) по внутреннему значенію слова, она видитъ, въ выраженіи «большая часть людей всегда трудилась», согласованіе сказуемаго съ внѣшнею формою подлежащаго, какъ существительнаго ед. числа, женск. рода; а въ выраженіи «большая часть людей трудятся» — согласованіе сказуемаго съ самымъ смысломъ подлежащаго, какъ имени собирательнаго. По всей исторіи нашего языка проходитъ этотъ простой законъ, опредѣляемый отношеніемъ первоначальной Логики самого языка къ отвлеченному мышленію, которое оказываетъ свою силу на языкъ уже въ послѣдствіи. Такъ напр., съ числительными *пять*, *восемь*, *десять* и друг., образовавшимися въ формѣ существительныхъ собирательныхъ женскаго рода, согласовались слова опредѣлительныя и сказуемыя въ единственномъ числѣ женскаго рода; напр., въ Юридическихъ актахъ, подъ 1654 годомъ: «та десять копенъ описана», подъ 1679 годомъ: «въ ту десять лѣтъ» и многъ. друг. Въ современномъ Синтаксисѣ, внутренній смыслъ числительныхъ взялъ верхъ надъ внѣшнею, этимологическою формою. — Сверхъ того, въ древнерусскомъ и церковнославянскомъ, допускалось сказуемое въ мно-

жественномъ числѣ, при подлежащемъ, выраженномъ въ формѣ существительнаго собирательнаго, въ единственномъ числѣ, Напр. въ Остромировомъ спискѣ Евангелія: «и молиша и вьсь народъ» Ев. отъ Лук. 8, 37; въ лѣтописи, по Лаврентьевскому списку: «идуть Русь» «рѣша же дружина Игорева» «дружина сему смѣятися начнуть»; въ Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ: «весь народъ тому смѣялися» «собираются тутъ православный народъ» и мн. друг.—Такимъ образомъ, подлежащія *нѣсколько, большая часть* и т. п., на основаніи общихъ законовъ языка, выразившихся въ историческомъ развитіи его формъ, могутъ равно правильно согласоваться со сказуемымъ и единственнаго, и множественнаго числа.

5. Историческая Грамматика соединяетъ оба способа изученія языковъ, то есть, филологическій и лингвистическій.—Вѣрнѣе старинной практической Грамматики она слѣдуетъ способу филологическому, въ подробномъ и тщательномъ изученіи образцовыхъ писателей, не ограничивая произвольно числа ихъ. Съ другой стороны, основываясь на законахъ языка, открытыхъ Сравнительно-Историческою Лингвистикою, она разширяетъ область Филологической Грамматики отчетливымъ изслѣдованіемъ формъ языка, на основаніи историческаго ихъ развитія.

Если обученіе языкамъ классическимъ (греческому и латинскому) можетъ быть, до извѣстной степени, замѣнено обученіемъ языку родному: то, безъ сомнѣнія, въ томъ только случаѣ, когда отечественная Грамматика, основанная на историческихъ началахъ, будетъ изучаема въ постоянной связи съ чтеніемъ важнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ, которые должны быть изданы для училищъ, съ необходимыми грамматическими объясненіями, въ Исторической Хрестоматіи.

Такое знакомство съ роднымъ языкомъ полезно въ двоякомъ отношеніи: въ теоретическомъ и практическомъ. Въ отношеніи теоретическомъ, оно ведетъ къ ясному уразумѣнію грамматическихъ формъ роднаго языка, указывая на ихъ первоначальный видъ и позднѣйшія видоизмѣненія, и объясняя современную рѣчь, какъ совокупность этихъ формъ, дошедшихъ до насъ отъ различныхъ эпохъ, но подчиненныхъ общему имъ всѣмъ синтаксическому началу. Въ практическомъ отношеніи, оно служитъ пособіемъ, при изученіи литературныхъ памятниковъ, и руководствуетъ учащихся въ употребленіи современнаго языка, объясняя законы какъ изустной рѣчи, видоизмѣняемой по областнымъ нарѣчіямъ, такъ и письменной, основанной на историческомъ преданіи.

Само собою разумѣется, что Историческая Грамматика, предназначаемая для училищъ, должна ограничить свой объемъ, примѣнительно къ общей потребности людей образованныхъ, къ потребности въ основательномъ изученіи языка, преимущественно современнаго: потому она касается древнихъ формъ языка болѣе для того, чтобы ими объяснить нынѣ употребительныя. При такихъ умѣренныхъ требованіяхъ и въ такомъ ограниченномъ объемѣ, Опытъ Русской Исторической Грамматики возможенъ и въ настоящее время, не смотря на то, что мы еще не имѣемъ не только полнаго изложенія исторіи нашего языка, но даже и надлежащаго запаса изданныхъ, по этому предмету, монографій. Ученые, спеціальные труды по Исторіи русскаго языка въ послѣдствіи внесутъ значительнѣйшія улучшенія въ историческую методу. Но уже и въ настоящее время, въ ожиданіи этихъ улучшеній и съ полною готовностію ими воспользоваться, учебникъ русскаго языка долженъ

быть построенъ не на прежнихъ, умозрительныхъ, а на болѣе положительныхъ, сравнительно-историческихъ основаніяхъ.

Изданный нынѣ «Опытъ» составленъ по изложеннымъ здѣсь соображеніямъ. Въ какой степени авторъ успѣлъ удовлетворить имъ, предоставляется на судъ читателей. Всякое замѣчаніе людей знающихъ и опытныхъ, клонящееся къ успѣхамъ общеполезнаго дѣла — обученія родному языку, авторъ приметъ съ благодарностью и не замедлитъ имъ воспользоваться.

Примѣнительно къ преподаванію роднаго языка, «Опытъ Исторической Грамматики» имѣетъ двоякое назначеніе: 1) для учащихъ служитъ пособіемъ въ преподаваніи, при объясненіи грамматическихъ правилъ; и 2) для учащихся предлагаетъ справочную книгу, въ которой они могутъ находить рѣшеніе затруднительныхъ вопросовъ грамматическихъ, встрѣчающихся имъ на практикѣ; а именно: при чтеніи произведеній церковно-славянской и русской литературы, учащіеся могутъ справляться съ этою книгою, для объясненія отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій; при собственныхъ же письменныхъ упражненіяхъ могутъ руководствоваться ею въ правильномъ употребленіи языка.

Сообразивъ съ объясненнымъ здѣсь назначеніемъ «Опыта Исторической Грамматики» современныя требованія науки о языкѣ, въ примѣненіи ея къ преподаванію, авторъ долженъ былъ сдѣлать, въ этой книгѣ, нѣкоторыя, по его мнѣнію, необходимыя уклоненія отъ системы въ изложеніи, принятой прежними учебниками. А именно.

1. Предполагая въ учащихся, которые будутъ пользо-

ваться этою книгою, уже первоначальныя, приготовительныя свѣдѣнія въ отечественной Грамматикѣ, какія могутъ быть пріобрѣтены въ теченіе двухлѣтняго, преимущественно практическаго обученія, авторъ не счелъ за нужное начать Историческую Грамматику ни логическимъ разборомъ предложенія, ни синтаксическимъ объясненіемъ значенія частей рѣчи и ихъ принадлежностей. И то и другое отнесено въ «Опытѣ» къ Синтаксису.

2. Строгое отдѣленіе Этимологіи отъ Синтаксиса дало автору возможность — какъ онъ осмѣливается думать — упростить изученіе роднаго языка, и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи. Исключивъ изъ Этимологіи все, относящееся къ Синтаксису, онъ внесъ въ нее ученіе о Правописаніи, основанное на историческихъ данныхъ. Въ слѣдствіе того, 1) Этимологія (не смотря на историческій ея характеръ) получила значеніе практическаго руководства; и 2) оказалась вовсе ненужною особая часть Грамматики, помѣщаемая въ учебникахъ, подъ именемъ Орѳографіи. Эта часть особенно скучна и трудна была для учащихся, потому что ни на чемъ, кромѣ случайностей употребленія, не основывалась. Въ Исторической Этимологіи авторъ желалъ дать отчетливое объясненіе каждому правилу орѳографическому.

3. Такъ какъ Словосочиненіе имѣетъ предметомъ уже не отдѣльные звуки, приставки и окончанія, а сочетаніе словъ, выражающее мысль; то эта часть Исторической Грамматики начинается введеніемъ, посвященнымъ опредѣленію отношенія между грамматическими формами и законами мысли. Здѣсь, на основаніи Исторіи языка, полагаются границы между Логикою и Грамматикою, не точно обозначенныя въ такъ на-

зываемыхъ Общихъ, или Философскихъ Грамматикахъ. За тѣмъ, въ первой главѣ, излагаются общія понятія о составѣ предложеній и о значеніи частей рѣчи, которыхъ полное опредѣленіе собственно принадлежитъ къ Синтаксису. Потомъ уже слѣдуетъ историческая часть Словосочиненія, состоящая въ подробномъ синтаксическомъ разборѣ не только предложеній, но и отдѣльныхъ грамматическихъ формъ, каковы: залоги, виды, времена и проч. (что особенно важно въ практическомъ отношеніи). Сверхъ того, во многихъ параграфахъ 2-й части Грамматики, гдѣ оказалось только нужнымъ, предложены общія основанія для изученія отечественнаго языка сравнительно съ иностранными, и преимущественно съ новѣйшими, въ отношеніи синтаксическомъ. Практическое значеніе этого предмета весьма ощутительно въ переводахъ съ одного языка на другой.

4. Такъ какъ всякій учебникъ имѣетъ цѣлію примѣненіе къ потребностямъ учащихся и упрощеніе свѣдѣній, уже выработанныхъ наукою, и въ ней установившихся; то авторъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность, въ изложеніи предмета, слѣдовать лучшимъ сочиненіямъ въ литературѣ грамматической, не увлекаясь своими собственными изслѣдованіями и соображеніями. Въ сочиненіяхъ В. Гумбольдта, Я. Гримма, Дица и другихъ лучшихъ лингвистовъ нашего времени, читатели найдутъ оправданіе тому, въ чемъ авторъ отступилъ отъ прежнихъ, Аделунговскихъ руководствъ. Впрочемъ, составляя свой «Опытъ», онъ имѣлъ осторожность — постоянно сверять его съ этими практическими учебниками, для того, чтобы непрестанно имѣть въ виду практическую цѣль въ изученіи роднаго языка. — Сверхъ того, онъ воспользовался многими замѣчаніями Профессора Славянскихъ Нарѣчій, О.

М. Бодянскаго, которому изъявляетъ свою искреннюю благодарность.

5. Важнѣйшія уклоненія отъ прежнихъ руководствъ «Опытъ Исторической Грамматики» предлагаетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторитетъ литературныхъ образцовъ противорѣчитъ наставленіямъ сказанныхъ руководствъ. Потому всѣ правила, въ которыхъ этотъ учебникъ отступаетъ отъ прежнихъ, подтверждаются свидѣтельствомъ писателей. — Объясненіе сокращеній, которыми означены имена авторовъ и названія сочиненій, прилагается въ концѣ 2-й части.

Сочиненія авторовъ, еще не переставшихъ трудиться на поприщѣ нашей литературы, предоставляется внести въ грамматическій матеріалъ будущимъ грамматистамъ, для которыхъ словесныя произведенія нашего времени могутъ быть предметомъ уже безпристрастнаго историческаго изслѣдованія.

6. Предметамъ, еще не обработаннымъ наукою, авторъ не имѣлъ права давать мѣсто въ своемъ учебникѣ. Таково, между прочимъ, ученіе объ этимологическомъ удареніи.

Учебникъ Исторической Грамматики напечатанъ двумя шрифтами: крупнымъ и мелкимъ. Крупнымъ шрифтомъ отличены основныя положенія науки и свѣдѣнія, необходимѣйшія для учащихся; а мелкимъ — подробности, важныя частію для объясненія общихъ понятій, изложенныхъ въ основныхъ положеніяхъ, частію же для справокъ при практическихъ упражненіяхъ въ языкѣ. Сверхъ того, къ концу 1-ой части присовокуплены приложенія, не обязательныя для учащихся, но полезныя для тѣхъ, кто пожелаетъ въ бо́льшей подробности изучать грамматическія формы.

Для желающихъ короче познакомиться съ литературою Сравнительно-Исторической Грамматики предлагается здѣсь перечень важнѣйшихъ сочиненій по этому предмету.

I. Для изученія языковъ Индоевропейскихъ вообще.

1) В. Гумбольдта «Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts», сочиненіе, изданное въ видѣ предисловія къ изслѣдованію этого ученаго: «Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Iava», 1836 г., и потомъ перепечатанное въ 1848 г., въ 6-мъ томѣ его сочиненій («Wilhelm von Humboldt's gesammelte Werke», 1841 и слѣд.). Сверхъ этого сочиненія весьма важны отдѣльныя монографіи В. Гумбольдта, въ разныя времена выходившія въ «Abhandlungen» Берлинской Академіи наукъ и въ другихъ изданіяхъ, и частію перепечатанныя въ собраніи его сочиненій. Таковы монографіи: О мѣстоименіяхъ и нарѣчіяхъ («Ueber die Verwandschaft der Ortsadverbien mit dem Pronomen in einigen Sprachen»), О двойственномъ числѣ («Ueber den Dual») и друг.

2) Боппа «Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthanischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen», въ шести выпускахъ (1833—1852 г.) Славянскій языкъ введенъ только со втораго выпуска (1835 г.). Въ отношеніи этого языка необходимыя дополненія къ Грамматикѣ Боппа были сдѣланы Миклошичемъ, въ рецензіи этого сочиненія, помѣщенной въ Вѣнскомъ ученомъ журналѣ: «Jahrbücher der Literatur», 1844 г., № 105.

3) Боппа «Glossarium Sanscritum in quo omnes radices et vocabula usitatissima explicantur et cum vocabulis graecis, latinis, germanicis, lithuanicis, slavicis, celticis comparantur», 1847 г.

4) Я. Гримма «Deutsche Grammatik», въ четырехъ частяхъ (1-я часть вышла въ 1819 г., потомъ вторымъ изданіемъ въ 1822 г., и третьимъ — въ 1840 г.; 2-я часть вышла въ 1826 г.; 3-я въ 1831 г., и 4-я въ 1837 г.). Важнѣйшее дополненіе къ ученію Я. Гримма о звукахъ гласныхъ предложилъ Боппъ въ сочиненіи: «Vocalismus oder sprachvergleichende Kritiken über I. Grimm's deutsche Grammatik und Graff's althochdeutschen Sprachschatz», 1836 г.

5) Я. Гримма «Geschichte der deutschen Sprache» 1848 г., въ двухъ частяхъ. Необходимое дополненіе къ этому сочиненію для изученія языка въ связи съ исторіею народнаго быта предлагаютъ изслѣдованія того же ученаго: «Deutsche Mythologie», 2-е изд. 1844 г., и «Deutsche Rechtsalterthümer», 1828 г.

6) Я. и В. Гриммовъ «Deutsches Wörterbuch», изданіе, выходящее выпусками съ 1852 г.

7) Дица (Diez) «Grammatik der romanischen Sprachen», въ трехъ частяхъ, 1836—1844 г. Исправленія и дополненія къ этому сочиненію сообщаетъ Диць въ Словарѣ романскихъ языковъ, изданномъ въ 1853 г. подъ заглавіемъ: «Etymologisches Wörterbuch der Romanischen Sprachen».

8) Потта «Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-Germanischen Sprachen», въ двухъ частяхъ, 1833—1836 г. Систематическое обозрѣніе языковъ Индосвропейскихъ Поттъ предложилъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Indogermanischer Sprachstamm», напечатанной въ 18-й части втораго отдѣла Всеобщей Энциклопедіи Эрша и Грубера, въ 1840 г. Въ отношеніи историческаго развитія языковъ, статья эта дополняется Лингвистическими изслѣдованіями Шлейхера, изданными въ двухъ выпускахъ: первый подъ заглавіемъ: «Zur verglei-

chenden Sprachengeschichte», 1848 г., и второй подъ заглавіемъ: «Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht», 1850 г.

9) Для изученія наречій языковъ классическихъ:

а) Аренса (Ahrens) «De Graecae linguae dialectis», въ двухъ частяхъ.

б) Ауфрехта и Кирхгофа «Die Umbrischen Sprachdenkmäler», сочиненіе, издаваемое выпусками съ 1849 г.

в) Моммсена «Die unteritalischen Dialecte», 1850.

10) Лингвистическіе журналы:

а) Гёфера «Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache», издаваемый съ 1845 г.

б) Ауфрехта и Куна «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», издаваемый съ 1852 г.

II. Для изученія Славянскихъ наречій вообще и русскаго языка въ особенности.

1. Славянскій языкъ и его наречія вообще.

1) Шафарика «Slowanské starožitnosti», 1837. Это сочиненіе переведено на русскій языкъ и издано Профессоромъ Бодянскимъ въ 1848 г., подъ заглавіемъ: «Славянскія древности».

2) Шафарика «Slowanský narodopis», съ картою, изд. 2-е, 1842. Это сочиненіе переведено на русскій языкъ и издано Профессоромъ Бодянскимъ въ 1843 г., подъ заглавіемъ: «Славянское народописаніе».

3) Шафарика лингвистическія статьи въ журналѣ Чешскаго Музеума (Časopis českého Myseum); именно: а) объ образованіи словъ посредствомъ удвоенія корня, 1846 г.; б) о

развитіи глагольныхъ корней посредствомъ вставки и приставки согласныхъ звуковъ, 1846 г.; в) объ измѣненіи гортанныхъ согласныхъ, 1847 г.; г) объясненіе нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ славянскаго языка, именно: мѣстнаго падежа, склоненія прилагательныхъ, временъ глагола, 1847 г.; д) лингвистическій разборъ числительныхъ именъ, 1848 г.

4) Миклошича «Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen», 1852.

2. Церковнославянскій языкъ.

1) Добровскаго «Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris», 1822. Это сочиненіе переведено на русскій языкъ и издано Профессорами Погодинымъ и Шевыревымъ въ 1833—1834 г.

2) К. Калайдовича «Іоаннъ Ексархъ Болгарскій», 1824.

3) Востокова «Остромирово Евангеліе», 1843 г., съ Грамматикою и Словаремъ. Необходимое дополненіе къ этому изданію предложено въ изслѣдованіи Востокова о славянскомъ языкѣ, которое напечатано въ 17-й части Трудовъ Общ. Любит. Рос. Слов., 1820 г. Лучшая рецензія изданія Остромирова Евангелія, составленная Миклошичемъ, напечатана въ Вѣнскомъ ученомъ журналѣ: «Jahrbücher der Literatur», 1847 г., № 119.

4) Копитара «Glagolita Clozianus», 1834.

5) Шафарика «Památky hlaholského písemnictwí» (т. е. Памятники глаголитской письменности), 1853.

6) Бодянскаго «О времени происхожденія Славянскихъ Письменъ», 1855 г.

7) Кеппена «Собраніе Словенскихъ Памятниковъ», 1827 г., съ Грамматикою и Словаремъ.

8) Миклошича «Lautlehre der altslovenischen Sprache». 1850.

9) Миклошича «Formenlehre der altslovenischen Sprache», 1850.

10) Шлейхера «Die Formenlehre der kirchenslawischen Sprache», 1852.

11) Билярскаго «Судьбы Церковнаго языка», въ двухъ выпускахъ, 1847—1848.

12) Лучшіе словари: а) Миклошича «Radices linguae slovenicae veteris dialecti», 1845. б) Того же автора «Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti», 1850.

13) Лучшія Описанія рукописей: а) Востокова «Описаніе Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума» 1842 г. б) Горскаго и Невоструева «Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки. Отдѣлъ первый.» 1855 г.

3. Русскій языкъ.

1) Каткова «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», 1845.

2) Бетлинга «Beiträge zur Russischen Grammatik», сочиненіе, напечатанное въ Bulletin de la Classe des sciences histor., philol. et polit. de l'Académie Impér. des sciences de St. Pétersb. T. IX. Nro. 3 — 7. 1851. Въ русскомъ переводѣ издано въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по I-му и III-му Отдѣленіямъ. Т. I. Выпускъ 1. 1852.

3) Павскаго «Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка», изд. 2-е, въ четырехъ выпускахъ, 1850.

Рецензія этого сочиненія напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ за 1852 г. Т. LXXXI.

4) Максимовича «Начатки Русской Филологіи», 1848.

5) Срезневскаго «Мысли объ Исторіи Русскаго языка», 1850. Рецензія этого сочиненія напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ за 1850 г. Т. LXXII.

6) П. Лавровскаго «О языкѣ Сѣверныхъ Русскихъ лѣтописей», 1852.

7) Для областныхъ наръчій Русскаго языка:

а) «Опытъ областнаго великорусскаго Словаря», изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, 1852. Рецензія этого изданія, составленная Далемъ, напечатана, подъ заглавіемъ: «О мѣстныхъ наръчіяхъ Русскаго языка», въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, за 1852 г. Другая рецензія этого же изданія напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ за 1852 г. Т. LXXXV.

б) «Этнографическій Сборникъ», издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, съ 1853 г.

8) Періодическое изданіе, посвященное изслѣдованіямъ о русскомъ языкѣ и словесности и обнародованію матеріаловъ для изученія этихъ предметовъ: «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности. Издается съ 1852 г.

4. Прочія Славянскія наръчія

1) Лучшія грамматическія сочиненія:

а) Шафарика «Serbische Lesekörner, oder historisch-kritische Beleuchtung der Serbischen Mundart», 1833.

б) Вука Караджича «Kleine Serbische Grammatik» 1824. При этой Грамматикѣ напечатано предисловіе Я. Гримма, имѣющее предметомъ сравнительно-историческое изученіе Славянскаго языка.

в) Копитара «Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten-und Steyermark», 1808.

г) Добровскаго «Lergebäude der Böhmischen Sprache», 1819.

д) Шафарика Грамматика Древнечешскаго языка, помѣщенная во введеніи къ собранію памятниковъ Чешской Литературы изданному этимъ ученымъ въ 1845 г., подъ заглавіемъ: «Wybor z literatury české». Необходимое дополненіе къ этой Грамматикѣ составляютъ филологическія изслѣдованія о языкѣ древнѣйшихъ произведеній Чешской письменности, помѣщенныя въ книгѣ, изданной Шафарикомъ и Палацкимъ, подъ заглавіемъ: «Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache», 1840.

е) Смита (Smith) «Grammatik der polnischen Sprache», 1845.

ж) Новикова «О важнѣйшихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій», 1849.

з) Безсонова Грамматика Ново-Болгарскаго языка, присовокупленная къ его изданію Болгарскихъ пѣсенъ, во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1855 г., и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

2) Лучшіе Словари:

а) Линде «Słownik języka polskiego», въ шести частяхъ, 1807—1814.

б) Юнгмана «Slownik česko-německý», въ пяти частяхъ, 1835—1839.

в) Вука Караджича Сербскій словарь, изд. 2-е, 1852 г., подъ двумя заглавіями: подъ Сербскимъ: «Српски ріечнік», и подъ Латинскимъ: «Lexicon serbico-germanico-latinum».

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Языкъ есть не случайное изобрѣтеніе, совершенное однимъ или нѣсколькими лицами, а необходимое выраженіе дара слова, которымъ Творецъ отличилъ человѣка отъ прочихъ животныхъ. Образованіе языковъ сокрыто отъ насъ въ глубинѣ вѣковъ, предшествовавшихъ появленію народовъ на историческомъ поприщѣ. Знаемъ только, что ни одинъ народъ, даже на самой низкой ступени общественнаго быта, безъ языка не обходился. — Въ церковнославянскихъ книгахъ реченіемъ *языкъ* именуется не только даръ слова, но и самый народъ; согласно съ той истиною, что языкъ образуется не отдѣльными лицами, а цѣлымъ народомъ, составляя его существенное достояніе.

Мы не имѣемъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, на которыхъ могли бы основать предположеніе о томъ, что люди сначала пользовались только отдѣльными членораздѣльными звуками, потомъ сложили ихъ въ слоги, а слоги въ слова, и наконецъ связали слова въ стройное цѣлое для выраженія мысли. Напротивъ того изъ исторіи всякаго языка убѣждаемся, что первоначальная форма, въ которой выразился даръ слова, есть уже цѣлое *предложеніе*: что совершенно согласно съ существеннымъ назначеніемъ дара слова — передавать мысли членораздѣльными звуками; ибо только въ цѣломъ предложеніи мысль можетъ быть выражена. Потому образованіе какъ частей рѣчи, такъ и измѣненій ихъ основывается на законахъ синтаксическихъ; ибо совершается по требованію мысли: слѣдовательно только въ предложеніи получаютъ свое значеніе отдѣльныя слова и ихъ окончанія и приставки. Такимъ образомъ, и членораздѣльные звуки, сложившіеся въ слова, и ка-

ждое отдѣльное слово суть не что иное, какъ живые члены цѣлаго живаго состава, именуемаго предложеніемъ.

Такъ какъ предложеніе образовалось въ разговорѣ между лицами, а разговоръ состоитъ во взаимномъ сообщеніи и подробномъ изложеніи мыслей; то сочетаніе мыслей должно было выразиться въ языкѣ сочетаніемъ предложеній. Рядъ соединенныхъ предложеній называется *рѣчью*.

Примѣч. Изъ сказаннаго явствуетъ, что все построеніе языка, отъ отдѣльнаго звука до предложенія и сочетанія предложеній, представляетъ намъ живую связь отдѣльныхъ членовъ, дополняющихъ другъ друга, и образующихъ одно цѣлое, которое въ свою очередь даетъ смыслъ и значеніе каждому изъ этихъ членовъ. Такое взаимное отношеніе въ рѣчи между частями и цѣлымъ именуется *организмомъ языка*. Только въ послѣдствіи, помощію науки, дошли до того, что стали разлагать это живое цѣлое на отдѣльные члены, каковы: мысль и выражающіе ее звуки, предложенія и части рѣчи, цѣлыя слова и ихъ корни, приставки и окончанія. Первоначально всѣ эти составныя части языка разумѣлись только въ цѣломъ, т. е. въ рѣчи. Согласно съ такимъ представленіемъ о языкѣ, какъ живомъ организмѣ, въ которомъ всѣ части нераздѣльно соединены въ одно цѣлое, мы употребляемъ реченіе *слово* въ значеніи не только отдѣльной части рѣчи, но и цѣлаго разговора, бесѣды, проповѣди, т. е. цѣлой рѣчи; напр. говоримъ: *духовное слово, похвальное слово, Слово о полку Игоревѣ* и проч.

§ 2. Въ самую отдаленную эпоху исторія находитъ народы уже раздѣленными на множество языковъ и нарѣчій. По языкамъ раздѣляются цѣлые народы, по нарѣчіямъ племена каждаго изъ нихъ.

Языки церковнославянскій и нашъ русскій, какъ отдѣльныя нарѣчія, суть члены одного, общаго имъ обоимъ славянскаго языка, который въ свою очередь, вмѣстѣ съ языками Индусовъ, Персовъ, Грековъ, Римлянъ, Кельтовъ, Нѣмцевъ и Литовцевъ, входитъ, какъ отдѣльный членъ, въ общій составъ языковъ *индоевропейскихъ*.

Какъ родство всѣхъ этихъ языковъ, такъ и раздѣленіе ихъ по нарѣчіямъ относится къ эпохѣ доисторической. Всѣ они суть языки самостоятельные, и потому ни одинъ изъ нихъ не происходитъ отъ другаго.

Примѣч. Кромѣ нашего индоевропейскаго поколѣнія, важны въ исторіи человѣчества: 1) поколѣніе семитическое, между языками котораго особенно замѣчателенъ еврейскій, на которомъ писаны книги Ветхаго Завѣта; и 2) поколѣніе сѣверное, къ которому, между прочими, принадлежатъ языки: чудской и татарскій.

Изъ языковъ индоевропейскихъ, въ Азіи особенно замѣчательны: языкъ древнихъ Индусовъ, въ его важнѣйшихъ нарѣчіяхъ: санскритскомъ и пракритскомъ; и языкъ древнихъ Персовъ, сохранившійся въ священныхъ книгахъ этого народа, извѣстныхъ подъ именемъ Зенда-весты. Древнѣйшее нарѣчіе Индусовъ, на которомъ писаны Веды, т. е. священныя книги этого народа, называется ведійскимъ. — Цыганы говорятъ на одномъ изъ нарѣчій языка Индусовъ.

Въ Европѣ ранѣе другихъ индоевропейскихъ языковъ образовались литературно языки классическіе, т. е. греческій и латинскій; прочіе же, именно: кельтскій, нѣмецкій, литовскій и славянскій, позднѣе выступили на историческомъ поприщѣ, но, по составу своему, столь же древни, какъ и языки классическіе.

Важнѣйшія нарѣчія языка греческаго суть: эолическое, дорическое, іоническое и аттическое. Средневѣковый греческій языкъ именуется византійскимъ. Нынѣшніе Греки пользуются нарѣчіемъ новогреческимъ, которое относится къ древнегреческому такъ же, какъ романскіе языки къ латинскому.

Латинскій языкъ имѣлъ при себѣ нѣсколько областныхъ италійскихъ нарѣчій, каковы: умбрійское, оскское, сабинское и нѣк. друг. Въ средніе вѣка отъ латинскаго образовались языки романскіе, а именно: провансальскій, французскій, итальянскій, испанскій, португальскій, ретороманскій (подъ которымъ разумѣются нѣкоторыя мѣстныя нарѣчія Швейцаріи) и румунскій (къ которому принадлежитъ нарѣчіе валашское), отличающійся отъ прочихъ языковъ романскихъ славянскою примѣсью.

Къ племени нѣмецкому принадлежитъ нѣсколько языковъ и нарѣчій, подраздѣляемыхъ на два главные отдѣла: на собственно нѣмецкій и скандинавскій. Къ нѣмецкому причисляются: 1) готскій (на который въ IV в. по Р. Х. переведено было Ульфилою Св. Писаніе); 2) верхненѣмецкій, съ нарѣчіями: древнимъ, среднимъ и новымъ, образовавшимся современъ Лютера; и 3) нижненѣмецкій, къ которому принадлежатъ нарѣчія: а) древнесаксонское съ нарѣчіями нидерландскими; б) фризское и в) англосаксонское, изъ котораго въ послѣдствіи образовался, при значительномъ вліяніи французскаго, языкъ англій-

ский.—Къ отдѣлу скандинавскому причисляются языки: 1) скандинавскій или древнесѣверный, съ нынѣшнимъ нарѣчіемъ исландскимъ, 2) датскій и 3) шведскій.

Изъ соплеменныхъ языковъ ближе всѣхъ къ славянскому литовскій, раздѣляющійся на три нарѣчія: 1) собственно литовское, 2) латышское и 3) древнепрусское.

§ 3. Славянскій языкъ, по своимъ нарѣчіямъ, дѣлится на два отдѣла: на юговосточный и западный. I. Къ юговосточному принадлежатъ нарѣчія: 1) церковнославянское (на которое, во второй половинѣ IX в., переведено съ греческаго языка Св. Писаніе), съ нарѣчіемъ новоболгарскимъ; 2) нарѣчія сербскія: а) собственно сербское и б) хорутанское; и 3) нарѣчія, составляющія языкъ русскій: а) великорусское, б) малорусское и в) бѣлорусское.—II. Къ западному отдѣлу принадлежатъ: 1) нарѣчія чешскія: а) собственно чешское и б) словацкое; 2) польское; 3) нарѣчія лужицкія: а) верхнее и б) нижнее; и 4) полабское или древанское, уже вымершее.

Раздѣленіе славянскаго языка на нарѣчія относится ко временамъ, предшествовавшимъ появленію Славянъ на историческомъ поприщѣ.

Изъ раздѣленія славянскаго языка на нарѣчія явствуетъ: 1) что русское не произошло отъ церковнославянскаго, но искони было такъ же самостоятельно, какъ и это послѣднее; и 2) что церковнославянское, вмѣстѣ съ русскимъ, принадлежа къ одному и тому же отдѣлу славянскихъ нарѣчій, весьма вразумительно русскому народу, и потому было легко усвоено имъ въ языкѣ Церкви.

Примѣч. Нарѣчія юговосточныя отличаются отъ западныхъ не только по мѣсту жительства племенъ, но и по нѣкоторымъ грамматическимъ примѣтамъ (§§ 35 и 38).

Въ древнѣйшую эпоху, какъ свидѣтельствуютъ письменные памятники до XIV в., славянскія нарѣчія болѣе нынѣшняго сближались между собою, по грамматическому построенію.

Нарѣчія юговосточныя, къ которымъ принадлежитъ и нашъ языкъ, намъ понятнѣе западныхъ.

Только въ отношеніи къ славянскому языку, какъ совокупности всѣхъ нарѣчій славянскихъ, языки русскій, церковнославянскій, поль-

ский, чешскій и друг., должны быть именуемы нарѣчіями; обыкновенно же, не только въ разговорѣ, но и на письмѣ, они называются языками.

§ 4. Нашъ языкъ сталъ называться *русскимъ* съ той отдаленной эпохи, когда первыми русскими Князьями было положено начало государственному устройству нашего отечества.

Въ старину подъ именемъ *Руси* разумѣли не только русскій народъ, но и русскую страну, и притомъ сначала южную часть ея, а потомъ и всѣ прочія. Отъ слова *Русь* образовалось прилагательное *русскій* (въ старину: *русьскыи*, *рускыи*, *рускый*, *рускій*), которымъ до XVI в. означали все, принадлежащее нашему отечеству, а равно и языкъ. Съ XVI в. грамотные люди стали вводить въ книжный языкъ реченія *россія* и *россійскій*.

Примѣч. Древнѣйшія свѣдѣнія о рѣченіяхъ русскаго языка относятся къ половинѣ X в. Императоръ греческій Константинъ Багрянородный, въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи Имперіею», приводитъ названія днѣпровскихъ пороговъ, русскія и славянскія, съ греческими объясненіями. Подъ русскими онъ разумѣетъ названія на какомъ-то языкѣ, русскому человѣку непонятномъ; вѣроятно, на одномъ изъ сѣверныхъ нѣмецкихъ нарѣчій; подъ названіями же славянскими разумѣетъ собственно наши, славянорусскія.

§ 5. Сопутствуя народу какъ въ исторической его жизни, такъ и въ размѣщеніи его по областямъ, языкъ претерпѣваетъ двоякаго рода измѣненія: 1) по времени, въ теченіи котораго народомъ употребляется, и 2) по пространству, по которому онъ, вмѣстѣ съ народомъ, распространился. Измѣненія перваго рода именуются *историческими*, втораго рода — *областными*, извѣстными подъ именемъ *областныхъ нарѣчій*.

Въ исторіи языка то нарѣчіе выступаетъ передъ прочими, которое принадлежитъ средоточію государственной власти. Изъ нарѣчій русскаго языка, преимущественно передъ другими, образовалось *великорусское*, которое и называютъ *языкомъ русскимъ*, въ отличіе отъ *малорусскаго* и *бѣлорусскаго*.

Областная рѣчь именуется *просторѣчіемъ* или *языкомъ народнымъ* (а также и *простонароднымъ*), въ отличіе отъ языка *книжнаго*, *литературнаго*, *искусственнаго* или *образованнаго*. Первоначально

языкъ книжный не могъ отличаться отъ народнаго: ибо первымъ писателямъ свойственно выражаться на письмѣ такъ, какъ говорятъ. Но слѣдующіе за ними грамотные люди учатся читать и писать уже по тѣмъ книгамъ или рукописямъ, которыя оставлены были имъ въ наслѣдство отъ поколѣнія предшествовавшаго; и потомъ, въ свою очередь, передаютъ свое собственное писаніе поколѣніямъ послѣдующимъ. Такимъ образомъ, въ теченіи времени, составляется языкъ книжный, основанный на литературномъ преданіи, и значительно отличающійся отъ живой, разговорной рѣчи. Книжный языкъ русскій уже съ древнѣйшихъ временъ отличался отъ разговорнаго, потому что образовался на основѣ церковнославянскихъ книгъ, по которымъ наши грамотные предки учились читать и писать.

Изъ областныхъ нарѣчій, московское болѣе прочихъ приняло участіе въ образованіи нашего книжнаго языка.

Примѣч. 1. Нарѣчія великорусскаго языка суть слѣдующія: 1) московское, 2) на сѣверъ отъ московскаго, новгородское, 3) на югъ — рязанское, 4) на востокъ — владимірское.—Къ московскому ближе прочихъ рязанское. Сибирское принадлежитъ къ сѣверному или новгородскому. Нарѣчіе смоленское относится уже къ языку бѣлорусскому. Всѣ эти нарѣчія различаются между собою грамматическими признаками, изъ которыхъ важнѣйшіе суть:

1. По звукамъ гласнымъ: а) явственное произношеніе звука *о* не только тамъ, гдѣ онъ означается на письмѣ, но иногда и вмѣсто книжнаго *а* (во владимірскомъ, новгородскомъ), или же наоборотъ, б) замѣна звука *о*, стоящаго безъ ударенія, звукомъ *а* (въ московскомъ, рязанскомъ); в) употребленіе *и* вм. *ѣ* (частію въ новгородскомъ); г) обоюдный переходъ звуковъ *у* и *е* (въ новгородскомъ); д) смягченіе звука *э* въ *ь* (въ рязанскомъ).

2. По звукамъ согласнымъ: а) смягченіе звуковъ *д* и *т* въ *дз* и *тс* или *ц* (частію въ новгородскомъ); б) произношеніе звука *г*—либо твердое, какъ *g* (въ новгородскомъ, владимірскомъ), либо мягкое, какъ *h* (въ рязанскомъ).

Всѣ эти примѣты основаны на законахъ языка, а не на случайныхъ ошибкахъ въ выговорѣ (смотр. ниже, въ главѣ о звукахъ).

Примѣч. 2. Такъ какъ памятники древнерусской литературы были писаны въ разныхъ областяхъ нашего отечества: въ кіевской, новгородской, псковской, владимірской, московской и друг.: то древнерусскій языкъ, въ

письменныхъ памятникахъ, предлагаетъ образцы различныхъ областныхъ нарѣчій. Ибо этотъ языкъ, такъ же какъ и нынѣшній, распадался на областныя нарѣчія, хотя и не столь рѣзко, какъ теперь, отличавшіяся одно отъ другаго. — Древнѣйшая письменность западной и южной Руси намъ понятнѣе нынѣшнихъ нарѣчій бѣлорусскаго и малорусскаго.

Послѣ московскаго, нарѣчіе новгородское почитается важнѣе прочихъ областныхъ; потому что ведетъ свою исторію отъ древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности.

§ 6. Во всякомъ языкѣ должно отличать основные *законы*, которыми опредѣляются существенныя его свойства, отъ отдѣльныхъ *формъ*, къ которымъ законы прилагаются. Такъ напр., о смягченіи звука *д* въ языкахъ церковнославянскомъ и русскомъ, имѣетъ силу слѣдующій законъ: *д* передъ мягкими гласными звуками смягчается: въ церковнославянскомъ въ *жд*, а въ русскомъ въ *ж*. Отдѣльныя формы, на которыя этотъ законъ оказалъ свое дѣйствіе, суть тѣ слова, въ которыхъ *д* смягчается въ *жд*, или въ *ж*; напр. отъ глагола *вѣдать*, церковнославянская форма *вѣсѣжда*, русская — *вѣсѣжа* (§ 36).

Измѣненія, которымъ подвергся русскій языкъ, какъ въ теченіе вѣковъ, такъ и въ раздѣленіи по мѣстнымъ нарѣчіямъ, касаются не столько основныхъ его законовъ, сколько отдѣльныхъ формъ. Искони образовавшіеся въ нашемъ языкѣ законы сочетанія звуковъ, законы склоненія и спряженія, согласованія и управленія и проч., съ немногими видоизмѣненіями, и доселѣ остаются, въ существѣ своемъ, тѣ же самые. Но отдѣльныя формы, къ которымъ эти законы примѣняются, съ теченіемъ времени претерпѣвали измѣненія: выходили изъ употребленія формы старыя, и вносились новыя; иныя формы остались въ областномъ употребленіи и не вошли въ языкъ книжный; иныя, сохранившись въ литературѣ, не приняты въ просторѣчіи. Отъ того нѣтъ никакой возможности дать удовлетворительный отчетъ, почему изъ нѣсколькихъ грамматическихъ формъ, подчиненныхъ одному и тому же закону, однѣ въ современномъ литературномъ языкѣ удержались, другія исчезли. Такъ напр., законъ образованія многократнаго вида существуетъ въ нашемъ языкѣ и теперь, какъ онъ существовалъ въ немъ искони: однако въ нынѣш-

немъ образованномъ языкѣ не всѣ глаголы подлежатъ этому закону. Напр. *говаривалъ*, отъ глагола *говорить*, мы употребляемъ; формы же *веливалъ*, *убивывалъ*, *отбивывалъ*, отъ глаголовъ *вельть*, *убить*, *отбить*, въ современной книжной рѣчи отвергнуты, хотя въ старину и были весьма обыкновенны.

§ 7. Измѣняются грамматическія формы, впосятся въ языкъ новыя и забываются прежнія дѣйствіемъ особенной силы, которая, вмѣстѣ съ основными законами, врождена всякому языку, и которая дѣйствуетъ въ немъ неукоснительно, пока онъ не вымеръ вмѣстѣ съ народомъ. Эта сила именуется *употребленіемъ*. Употребленіе дѣйствуетъ на языкъ двояко: 1) благодѣтельно, по обычаю сохраняя въ немъ древнѣйшія формы, какъ слѣды нѣкогда дѣйствовавшаго въ немъ закона; потому, напр., въ нынѣшнемъ языкѣ удержались окончанія двойственнаго числа: *два*, *двѣ*, *оба*, *обѣ*, *двою* – родный, *очи*, *уши*, *плечи*, *колѣни* и проч. (§ 90); и 2) разрушительно, вытѣсняя прежнія формы, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляя и силу тѣхъ законовъ, на которыхъ онѣ основаны; такъ напр., тѣже числительныя *два*, *двѣ*, *оба*, *обѣ*, доселѣ сохранивъ въ именительномъ падежѣ окончаніе двойственнаго числа, въ прочихъ падежахъ склоняются по множественному: *двухъ*, *обоихъ*, *обѣимъ* и проч.

§ 8. Съ утратою грамматическихъ формъ, можетъ ослабѣвать и сила самыхъ законовъ. Тогда употребленіе, мимо закона, прибѣгаетъ къ новымъ сочетаніямъ звуковъ и словъ, руководствуясь вновь возникающими правилами. Такъ напр., нашъ языкъ, сохранивъ только нѣкоторыя формы двойственнаго числа, и уклонившись отъ закона, на которомъ онѣ основаны, далъ числительнымъ *два* и *оба*, особенное синтаксическое согласованіе: 1) еще не совсѣмъ забывъ, что эти слова остались въ двойственномъ числѣ, онъ согласовалъ съ ними существительныя имена не во множественномъ числѣ, а въ особенной формѣ, хотя и сходной съ родительнымъ падежемъ единственнаго, однако напоминающей и окончанія именительнаго падежа двойственнаго; напр. *два стола*, *оба стола*, *двѣ книги*, *обѣ книги*; 2) слова же опредѣлительныя: мѣстоименія и прилагательныя, при су-

ществительныхъ съ такими окончаніями, употребилъ во множественномъ числѣ, и, вопреки общему правилу о согласованіи, составилъ весьма странное сочетаніе словъ, каково напр. «два человѣка сильные» «обѣ новыя книги»; и наконецъ 3) въ противность какъ понятію о двойственномъ числѣ, такъ и законамъ согласованія, синтаксическія правила, касающіяся употребленія реченій *два, оба*, распространилъ на такія числительныя, которыя уже двойства не выражаютъ, именно на *три* и *четыре*, напр. «три стола» «четыре стола.»

§ 9. Употребленіе языка надобно отличать двоякое: въ обширномъ и въ тѣсномъ смыслѣ. Въ обширномъ смыслѣ употребленіе языка распространяется на всѣ его мѣстныя нарѣчія; въ тѣсномъ смыслѣ оно ограничивается рѣчью книжною.

Для изученія законовъ русскаго языка равно важны: и языкъ разговорный съ его мѣстными видоизмѣненіями, и языкъ книжный. Просторѣчіе не только разширяетъ силу закона, стѣсняемую книжною рѣчью, но иногда значительно отступаетъ отъ него. Такъ напр., книжный языкъ удержалъ въ спряженіи глагола *хотѣть*, только формы *хотимъ, хотите*, для того чтобы согласить 1-е и 2-е лицо съ 3-мъ: *хотятъ*, и всѣ три лица множественнаго числа подвести подъ правило 2-го спряженія. Напротивъ того, просторѣчіе приняло за основаніе церковнославянскія формы, и, переложивъ, по свойству русскаго языка, церковнославянское *щ* на *ч* (какъ **нощь** — *ночь*, § 36), составило формы: *хочемъ*, *хочете* (и даже *хочутъ*), въ согласіе съ церковнославянскими: **хощемъ**, **хощете**, и съ формами ед. числа: *хочешь*, *хочетъ*, проспрягавшимися по 1-му спряженію, какъ и **хощемъ** — *хочемъ*, **хощете** — *хочете*. Эти областныя формы употреблялись уже въ старину (напр. въ Новг. лѣт. 31, 34), но въ послѣдствіи были окончательно устранены изъ книжнаго языка Ломоносовымъ (смотр. § 422 его Грамматики). Впрочемъ, образцовые писатели, слѣдуя просторѣчію, употребляютъ иногда *хочемъ, хочете* вм. *хотимъ, хотите*; напр. Пушкинъ, въ слѣдующемъ стихѣ, изъ Бориса Годунова: «котораго захочемъ наказать» I, 300;

Дмитріевъ въ баснѣ Ласточка и Птички: «какъ хочете меня зовите.»

Въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, менѣе книжнаго языка подвергавшихся измѣненіямъ, сохранилось больше старины.

§ 10. Въ грамматикѣ должно отличать *законы* отъ *правилъ*. Грамматическія правила основываются на современномъ употребленіи книжнаго языка. Такъ напр., употребленіе словъ *прежній* (вм. прежній) и *преже*, *переже* (вм. прежде), въ современной книжной рѣчи, правилами грамматическими возбраняется; не смотря на слѣдующее противорѣчіе: *прежній* — правильно, хотя и происходитъ отъ неправильнаго *преже*, съ окончаніемъ – *ній*; а *прежній* — неправильно, хотя и происходитъ отъ правильнаго *прежде*, съ тѣмъ же окончаніемъ – *ній*.

Грамматическіе законы основываются на свойствахъ языка постоянныхъ и не зависящихъ отъ временнаго употребленія, ограниченнаго только нѣкоторыми формами. Отсюда понятно, что правила грамматики иногда могутъ стать въ противорѣчіе съ законами языка, какъ это видно въ предложенныхъ примѣрахъ. По законамъ языка, равно правильны формы: какъ *прежній*, такъ и *преже*, *переже*, съ тою только разницею, что, по закону смягченія *д* въ *жд* и въ *ж*, *прѣжній* (отъ слова *предъ*) есть форма церковнославянская, въ отличіе отъ русской — *прежній*; а *преже* и *переже* формы русскія, вмѣсто церковнославянской *прежде*, усвоенной современнымъ употребленіемъ, по вліянію языка книжнаго. — Любопытнѣйшіе примѣры противорѣчія грамматическихъ правилъ законамъ языка предлагаетъ современная орѳографія буквы *ѣ* (§ 25).

Въ употребленіи языка надобно согласоваться съ правилами. Но чтобы понять правило, необходимо знать тотъ законъ, къ которому оно относится. Тогда, съ одной стороны, легче усвояются правила, а съ другой, самое употребленіе языка въ разговорѣ и на письмѣ становится отчетливѣе. Такъ напр., по правилу надобно писать: *сдѣлать*, а не *здѣлать*, — *здѣсь*, а не *сдѣсь*: между тѣмъ какъ, по законамъ языка, оба эти слова должны бы писаться одинаково:

или оба съ буквою *с*: *сдѣлать, сдѣсь*, или оба съ *з*: *здѣлать, здѣсь*. Перваго начертанія требуетъ производство, послѣдняго законъ измѣненія звуковъ (§ 31). По производству, въ обоихъ словахъ начальные звуки (*с, з*) суть приставки: въ глаголѣ *сдѣлать*, *с* есть предлогъ *съ*, а въ нарѣчіи *здѣсь*, *з* употреблено вм. *с*, отъ котораго образовалось указательное мѣстоименіе *сей* (§ 73). Но по закону сочетанія звуковъ, *с* передъ *д* измѣняется въ *з*: въ современномъ правописаніи, на нарѣчіе *здѣсь* (отъ древняго *сьде*) этотъ законъ распространился, а на глаголъ *сдѣлать* — не распространился.

§ 11. Современный русскій языкъ представляется совокупностію грамматическихъ формъ самаго разнообразнаго происхожденія и состава. Одѣ изъ нихъ сходны съ формами церковнославянскаго языка, какъ напр. *есмь, прежде;* другія отъ нихъ отличны, напр. *хотимъ, хотите*; иныя сохранили на себѣ остатки древнѣйшаго употребленія, напр. слова въ двойственномъ числѣ: *два, оба*; иныя старину подновили такъ, что трудно опредѣлить тотъ законъ, по которому онѣ составлены; напр. въ согласованіи: *два великіе мужа*; иныя чисто русскія и старинныя формы, вытѣсненныя изъ языка письменнаго, сохранились въ областномъ просторѣчіи; напр., *прежъ*, сокращеніе старинной, но русской формы *прежде*, вмѣсто церковнославянской *прежде*; иныя же, вполнѣ соотвѣтственныя имъ, удержались какъ въ просторѣчіи, такъ и въ языкѣ книжномъ; напр., не только церковнославянская форма *между*, но и русская *межъ*; не смотря на то, что *межъ* относится къ *между* точно такъ же, какъ *прежъ* къ *прежде*, по закону измѣненія церковнославянскаго *жд* на русскій звукъ *ж*.

Такое разнообразіе формъ объясняется *историческимъ образованіемъ языка*. Изъ богатыхъ записовъ языка церковнославянскаго и древнерусскаго, а также нынѣшняго областнаго, нашъ современный образованный языкъ удержалъ въ своемъ составѣ тѣ грамматическія формы, которыя оказались въ употребленіи нужными, какого бы времени и происхожденія онѣ ни были. Слѣдовательно грамматика нашей книжной рѣчи относится къ исторіи русскаго языка, какъ

часть къ цѣлому; а чтобы ясно уразумѣть какую нибудь часть, надобно разсматривать ее въ связи съ цѣлымъ. Самъ языкъ указываетъ на эту живую связь нынѣшней образованной рѣчи съ древнею, въ общихъ законахъ, проходящихъ по грамматическимъ формамъ той и другой. Потому, чтобы отчетливо объяснить себѣ грамматическія формы современнаго русскаго языка, необходимо исторически разсматривать ихъ первоначальный видъ и позднѣйшія измѣненія, подводя и то и другое подъ общіе законы. Такъ напр., чтобы объяснить, по чему слова *кромѣ*, *внѣ*, оканчиваются на *ѣ*, необходимо эти частные случаи подвести, въ историческомъ обозрѣніи, подъ общій законъ образованія нарѣчій по падежамъ (§ 72).

§ 12. Изъ предъидущаго явствуетъ, что мы получили бы превратное понятіе объ исторіи языка; если бы стали разсматривать ее такъ же, какъ исторію какого-либо искусства, ремесла, или даже науки. Всѣ эти отрасли народнаго образованія возникаютъ изъ малыхъ начатковъ и постепенно совершенствуются. Что же касается до языка, то мы не знаемъ первыхъ начатковъ его; знаемъ только, что всѣ языки, въ ихъ древнѣйшую эпоху, намъ доступную по оставшимся памятникамъ, отличаются особенною полнотою и разнообразіемъ грамматическихъ формъ.

Русскій языкъ, въ связи съ церковнославянскимъ, уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ нашей письменности, не только такъ же богатъ и разнообразенъ въ своихъ грамматическихъ формахъ, какъ и языкъ нынѣшній; но даже во многомъ его богаче и совершеннѣе. Потому мы должны обращаться къ древнему языку не съ тѣмъ, чтобы изъ сравненія съ нимъ современной образованной рѣчи опредѣлять ея успѣхи; а преимущественно съ тѣмъ, чтобы яснѣе понять нынѣ употребительныя грамматическія формы, сблизивъ ихъ съ соотвѣтствующими имъ древними. Такъ напр., изъ сближенія нынѣшнихъ формъ *бояться*, *молиться*, съ древнѣйшими *боятися*, *молитися* (**боятися**, **молитися**), объясняется, по чему въ обоихъ глаголахъ, передъ *ся*, должно ставить *ь* (§ 27).

§ 13. Исторія нашего книжнаго языка ведетъ свое начало со временъ изобрѣтенія славянской грамоты.

До принятія Христіанской вѣры, Славяне (по древнѣйшему свидѣтельству о славянскихъ письменахъ) *чертами и рѣзами читали и гадали,* т. е. употребляли какія-то начертанія; принявъ же Христіанскую вѣру, стали выражать славянскую рѣчь греческими и латинскими буквами. Наконецъ, въ началѣ второй половины IX в., уроженцы города Солуня, Константинъ, въ монашествѣ наименованный Кирилломъ, и братъ его Меѳодій, приступивъ къ переводу Св. Писанія на славянскій языкъ, усмотрѣли необходимость въ славянской азбукѣ. Эта азбука тогда же и была изобрѣтена Кирилломъ, по имени котораго и доселѣ именуется *Кирилловскою* или *Кириллицею.* Изобрѣтатель удержалъ въ ней почти всѣ греческія буквы, приноровивъ къ нимъ звуки славянскаго языка. Для прочихъ же звуковъ, которыхъ въ греческомъ не имѣется, начертанія частію взяты были изъ другихъ алфавитовъ, частію изобрѣтены вновь.

Сверхъ Кирилловской, есть еще другая славянская азбука, отличающаяся отъ нея начертаніями. Она именуется *Глаголицею, Глаголитою* или *Глаголитскою.* Время изобрѣтенія ея неизвѣстно.

Примѣч. Черноризецъ Храбръ, жившій въ концѣ IX или въ началѣ X в., въ своемъ сочиненіи «О писменехъ» говоритъ слѣдующее: «Прѣжде оубо Словѣне не имѣхѫ книгъ, нѫ чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ, погани сѫще. крьстивше же ся, римьсками и грьчьскыми писмены нѫждаахѫся писати.» «Потомь же чловѣколюбьць Богъ, строяи вьсѣ, и не оставлѣя чловѣча рода безъ разоума, нѫ вься въ разоумоу приводя и спасенню, помиловавъ родъ словѣньскъ, посла имъ Святаго Костантина философа, нарицаемаго Кирила, мѫжа праведна и истинна, и сътвори имъ писмена три десяте и осмь, ова убо по чиноу грьчьскыхъ писменъ, ова же по словѣньстѣи рѣчи».

Церковнославянская рѣчь, еще въ X в., была выражаема латинскими буквами, какъ это свидѣтельствуетъ Фрейзингенская рукопись X в., содержащая въ себѣ славянскія молитвы, начертанныя латинскими буквами.

Исторія глаголитской письменности восходитъ до X в.

§ 14. Св. Писаніе было переведено на древнѣйшее нарѣчіе болгарскихъ Славянъ, значительно отличающееся отъ новоболгарскаго (§ 3).

Отъ болгарскихъ Славянъ азбука перешла къ намъ въ переводахъ Св. Писанія и церковныхъ книгъ, вскорѣ послѣ ея изобрѣтенія, вѣроятно при первыхъ христіанахъ, появившихся на Руси, еще задолго до Св. Владиміра.

Рукописей, писанныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, до насъ не дошло. Древнѣйшіе же списки церковнославянскихъ книгъ, начертанные кирилловскими буквами, по мѣсту, гдѣ были составлены, весьма различны.

Примѣч. 1. Изъ рукописей, писанныхъ въ Россіи, важнѣйшія суть: 1) Евангеліе, переписанное дьякономъ Григоріемъ въ Новѣгородѣ, въ 1056—1057 г., для посадника Остромира: по чему этотъ списокъ именуется Остромировымъ. 2) Изборникъ (т. е. сборникъ), переписанный дьякомъ Іоанномъ въ 1073 г., для Великаго Князя Святослава, по имени котораго обыкновенно и называется Святославовымъ. Эта рукопись заключаетъ въ себѣ статьи не только духовнаго, но и свѣтскаго содержанія. 3) Подобный же Изборникъ, писанный тѣмъ же лицомъ и для того же Князя, въ 1076 г. — Первый памятникъ, т.е. Остромировъ списокъ Евангелія, принадлежитъ къ русской письменности сѣверной, именно къ новгородской; два послѣдніе къ южной, кіевской.

Между писанными внѣ Россіи, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по древности, есть рукопись, извѣстная подъ именемъ Супрасльской. По языку она принадлежитъ болгарскимъ Славянамъ; относится къ XI в.; содержитъ въ себѣ нѣкоторыя житія Святыхъ и слова Св. Іоанна Златоуста.

Изъ старопечатныхъ книгъ церковнославянскихъ важнѣйшая въ исторіи нашей грамотности есть Библія, напечатанная въ 1581 г., въ городѣ Острогѣ, и потому извѣстная подъ именемъ Острожской.

Свѣдѣнія о первоначальныхъ отличительныхъ свойствахъ церковнославянскаго языка почерпаются изъ древнѣйшихъ его памятниковъ. Въ рукописяхъ церковнославянскихъ, переписанныхъ въ Россіи, даже въ самыхъ древнихъ, замѣтно уже вліяніе языка рус-

скаго, внесенное въ нихъ русскими писцами. Въ послѣдствіи времени, церковныя книги, бывъ постоянно переписываемы, значительно уклонились отъ первоначальнаго характера древней церковнославянской письменности.

Такимъ образомъ въ исторіи церковнославянскаго языка надобно отличать два періода: къ первому относится языкъ древнѣйшій, въ наибольшей чистотѣ сохранившійся въ древнѣйшихъ его памятникахъ; ко второму — языкъ позднѣйшій, образовавшійся подъ вліяніемъ русскаго: это тотъ языкъ, которымъ мы пользуемся въ нынѣ употребительныхъ церковныхъ книгахъ.

Чтобы понять грамматическія формы новаго церковнославянскаго языка, необходимо знать, что въ немъ собственно принадлежитъ древнему, и что внесено изъ русскаго.

Русскій языкъ, по грамматическому составу, оказывается въ двоякомъ родствѣ съ языкомъ Церкви: во первыхъ, по племенному родству, оба они суть нарѣчія одного общаго имъ цѣлаго, т. е. языка славянскаго (§ 3); и во вторыхъ, тотъ и другой, въ историческомъ своемъ развитіи, состоятъ въ обоюдной зависимости: языкъ Церкви измѣнился у Русскихъ, подъ вліяніемъ ихъ рѣчи, и въ свою очередь оказалъ дѣйствіе на образованіе нашего языка, не только книжнаго, но частію и разговорнаго.

Примѣч. 2. И другія славянскія нарѣчія юговосточнаго отдѣла состоятъ въ такомъ же отношеніи къ древнему церковнославянскому, какъ и русскій.

§ 15. Изъ древнѣйшаго свидѣтельства о славянскихъ письменахъ намъ извѣстно, что первоначально изобрѣтено было для нашей азбуки только 38 буквъ. Но въ Остромировомъ спискѣ Евангелія насчитывается ихъ уже до 46. Онѣ суть слѣдующія:

Начертаніе.	Значеніе.	Начертаніе.	Значеніе.
а	а	д	д
ѧ	я	є	е (э)
б	б	ѥ	е
в	в	ж	ж
г	г	ꙁ	з

Начертаніе.	Значеніе.	Начертаніе.	Значеніе.
ѕ	з	х	х
и	и	ѱ	ц
ї	и	ѵ	ч
к	к	ҁ или ҂	число 90
л	л	ш	ш
м	м	щ	щ
н	н	ъ	ъ
о	о	ы	ы
ѡ	о	ь	ь
ѿ	от	ѣ	ѣ
п	п	ѧ	носовые
р	р	ѫ	гласные
с	с	ѩ	зву-
т	т	ѭ	ки.
оу	у	ѯ	кс
в	у	ѱ	пс
ю	ю	ѳ	ѳ
ф	ф	ѵ	ѵ

Изъ этихъ же буквъ, за исключеніемъ немногихъ, составленъ и нынѣшній русскій алфавитъ. Самое названіе ихъ въ русскомъ языкѣ удержалось церковнославянское: *азъ*, *буки*, *вѣди*, *глаголь* и проч.

Примѣч. 1. О нѣкоторыхъ начертаніяхъ должно замѣтить слѣдующее:

1) Въ древней письменности буквы и (и) и і равно могли полагаться, какъ передъ согласною, такъ и передъ гласною. Слово миръ писалось одинаково въ обоихъ значеніяхъ: и согласія, и вселенной.

2) ѿ есть начертаніе сложное: состоитъ изъ ѡ съ постановленною наверху буквою *т*; произносится *от*.

3) Буквы ѧ, ѫ называются юсами. Онѣ означали гласный звукъ, сопровождаемый носовымъ *н* или *м* (§ 28).

4) Буквы ѩ, ѥ, ю, ѭ, ѧ суть не что иное, какъ а, є, у, ѫ, ѧ, облеченныя гласною і, что явствуетъ какъ изъ произношенія, такъ и изъ начертанія (§ 26).

5) Равномѣрно и ѣ есть начертаніе, составленное изъ двухъ, именно: изъ ѣ и і; первоначально обѣ эти буквы въ начертаніи *ѣі* соединялись: ѣ. Въ церковнославянскомъ языкѣ *ѣі* имѣетъ два выговора: чистый и носовой (§§ 24 и 28).

6) Буква ѵ, ѵ (ижица) произносится двояко: какъ *и*, и какъ *в*; употребляется только въ иностранныхъ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка; напр. *мѵро*, *сѵмволъ*, *Евангеліе*.

7) Буквы ф и ѳ употребляются также только въ иностранныхъ словахъ. Первой соотвѣтствуютъ: лат. *ph* или *f* и греч. *φ*; напр. *фигура*, лат. *figura*; *философія*, греч. *φιλοσοφία*, лат. *philosophia*; а второй — лат. *th* и греч. *θ*; напр. *каѳедра*, лат. *cathedra*, греч. *καθέδρα*.

8) Буквою щ отличается русская письменность отъ древнеболгарской, въ которой, вмѣсто щ, употреблялось шт; напр. **ношть** вм. **ночь**. Такой переходъ звуковъ оказывается и въ нѣкоторыхъ русскихъ словахъ; напр. *мти* и *ща*, *што* и *що* (вм. что); говорятъ: *щекатурка* вм. *штукатурка* и проч.

9) Сверхъ исчисленныхъ начертаній, въ старинныхъ церковнославянскихъ памятникахъ встрѣчаются нѣкоторыя другія, каковы: для гласнаго носоваго звука — ѧ, для смягченныхъ *л* и *н* — ѣ и ѥ, и друг.

10) Буквы ѕ, ꙁ и ѱ изъ русскаго алфавита исключены, потому что оказались ненужными.

Примѣч. 2. Сверхъ начертанія буквъ, церковнославянское письмо отличается отъ нынѣшняго: 1) употребленіемъ нѣкоторыхъ надстрочныхъ знаковъ (удареній и придыханій), поставляемыхъ надъ буквами; и 2) сокращеніемъ словъ, особенно часто встрѣчающихся въ рѣчи: выпускъ буквъ въ такихъ словахъ означается титлами; напр. цр҃ь — царь, прр҃къ — пророкъ, гл҃а — глагола и проч.

Примѣч. 3. По образцу греческой письменности, въ церковнославянскихъ книгахъ буквы служатъ для числительныхъ знаковъ. А именно:

а҃	в҃	г҃	д҃	є҃	ѕ	ꙁ	и҃	ѳ҃	і҃	ія҃	ів҃
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
г҃і	д҃і	є҃і	ѕ҃і	ꙁ҃і	и҃і	ѳ҃і	к҃	к҃а	л҃	м҃	н҃
13	14	15	16	17	18	19	20	21	30	40	50
ѯ҃	о҃	п҃	ч҃	р҃	с҃	т҃	ѵ҃	ф҃	х҃		
60	70	80	90	100	200	300	400	500	600		
ѱ҃	ѿ҃	ц҃	ѧ҃	ѩ҃	ѣ҃						
700	800	900	1000	2000	3000 и проч.						

Примѣч. 4. Почеркъ рукописей бываетъ уставный, полууставный и скорописный. Почеркъ уставный или уставъ отличается четкимъ, крупнымъ и округленнымъ письмомъ; полууставный или полуставъ составляетъ переходъ отъ устава къ скорописи. Древнѣйшія рукописи писаны уставомъ; полуставъ появился въ концѣ XIV в., и наиболѣе былъ употребителенъ въ XV и XVI в.; съ половины XVI в. начинается письмо скорописное.

Гражданская печать введена Петромъ Великимъ.

§ 16. Буквы всякаго алфавита, въ наибольшей точности, передаютъ произношеніе звуковъ только во время изобрѣтенія, или введенія письменъ; при томъ только въ томъ нарѣчіи, для котораго составленъ алфавитъ. Потому съ измѣненіемъ произношенія, по мѣрѣ историческаго развитія языка, а также съ распространеніемъ письменности одного нарѣчія на другія, неизбѣжно происходило разногласіе между письменами и звуками живой рѣчи. Бывали и такіе случаи, что письменность, взятая изъ чужаго языка, и въ древнѣйшую эпоху не буква въ букву соотвѣтствовала каждому звуку того языка, который сталъ ею пользоваться. Примѣръ такого разногласія видимъ между языкомъ и письменностью Французовъ, Англичанъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, усвоившихъ себѣ латинскую азбуку.

Русскіе читаютъ свою грамоту, измѣняя письмена по выговору, не только общепринятому, но даже иногда по мѣстному или провинціальному. Распространяя грамотность, просвѣщеніе мало по малу сглаживаетъ эти мѣстныя уклоненія отъ принятаго образованными людьми произношенія, наиболѣе сближеннаго съ начертаніемъ словъ; однако, до тѣхъ поръ, пока языкъ не вымеръ, не можетъ оно заставить говорящихъ произносить буква въ букву каждое слово, какъ оно по принятому правилу пишется. Потому, пользуясь правилами грамматики въ правописаніи роднаго языка, постоянно отступаемъ отъ нихъ въ произношеніи.

Что же касается до письменъ церковнославянской литературы, то мы должны выговаривать ихъ безо всякаго измѣненія на русское произношеніе; какъ потому что, вѣроятно, было время, когда цер-

ковнославянская грамота въ наибольшей мѣрѣ соотвѣтствовала произношенію; такъ и потому что, не зная, какъ читали ее нѣкогда на мѣстѣ, гдѣ переведено было Св. Писаніе, мы не имѣемъ права искажать старину, подновляя ее современнымъ обычаемъ. Отъ того рѣчь церковнославянская, возбуждая въ Русскихъ нѣкоторое благоговѣніе уже самыми звуками, хотя понятными, но отличными отъ ежедневнаго говора, составляетъ приличное дополненіе торжественности нашей церковной службы.

§ 17. Источники исторической грамматики русскаго языка суть слѣдующіе:

1. Церковнославянскій языкъ, какъ древнѣйшаго, такъ и позднѣйшаго періода (§ 14). Изученіе этого языка необходимо по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что онъ есть языкъ нашей Православной Церкви и книгъ церковныхъ, оказавшихъ значительное вліяніе на нашу литературу; и во вторыхъ, потому что, состоя въ ближайшемъ родствѣ съ русскимъ, онъ содержитъ въ себѣ такія грамматическія формы, которыя необходимо принимать въ соображеніе при объясненіи многихъ правилъ русской грамматики. Такъ напр., наше прошедшее время изъяв. наклоненія измѣняется не по лицамъ, а по родамъ; потому что есть не иное что, какъ прошедшее причастіе, которое въ церковнославянскомъ языкѣ, для означенія изъявит. наклоненія, употребляется съ глаголомъ вспомогательнымъ; напр. **есмь далъ, еси далъ, есть далъ**; а порусски, за выпускомъ вспомогательнаго, просто *далъ* (§§ 55 и 88). Бывъ первоначально причастіями, наши формы прошедшаго времени изъявит. наклоненія могутъ переходить въ прилагательныя, принявъ полное окончаніе; напр. *былъ былой, жилъ жилой, бывалъ бывалый* (§ 55).

Въ разсужденіи церковнославянскаго языка, надобно строго отличать письменность древнѣйшую отъ подновленной русскими писцами (§ 14). Многія формы русскаго языка объясняются именно только древнѣйшими, основными свойствами нарѣчія церковнославянскаго. Такъ напр. позднѣйшая письменность, удержанная и въ нынѣ употребительныхъ церковныхъ книгахъ, уже смѣшала буквы

а и ѧ, позабывъ носовое произношеніе послѣдней (§ 28). Между тѣмъ этою буквою объясняются въ русскомъ языкѣ многія формы; напр., склоненіе именъ средняго рода: *имя, знамя* и проч.; въ род. падежѣ *им-ен-и, знам-ен-и*, потому что первоначально писались: *имѧ, знамѧ*, т. е. *имен, знамен* (§ 95).

2. Собственно русскій народный языкъ, какъ древній, такъ и нынѣшній, съ его мѣстными видоизмѣненіями.

а) Древнерусскій языкъ, въ старинныхъ памятникахъ нашей письменности, оказывается въ бо́льшей или меньшей чистотѣ, смотря по тому, какъ много заимствовалъ сочинитель въ свое писаніе изъ языка церковнославянскихъ книгъ.—Въ сочиненіяхъ духовнаго содержанія, напр. въ проповѣдяхъ, въ поученіяхъ духовныхъ лицъ, въ постановленіяхъ Церкви и т. п., преобладаетъ языкъ церковнославянскій; въ сочиненіяхъ свѣтскаго содержанія, напр. въ лѣтописяхъ, въ юридическихъ актахъ, въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ, пословицахъ и т. п., преобладаетъ языкъ русскій, разговорный.

б) Нынѣшнее просторѣчіе, видоизмѣняемое по мѣстнымъ или областнымъ особенностямъ. Въ немъ сохранилось древнѣйшихъ и существенныхъ свойствъ русскаго языка больше, нежели въ современной образованной рѣчи (§ 9).

Значеніе и польза языка древнерусскихъ памятниковъ и областнаго просторѣчія, въ грамматическомъ изученіи современной образованной рѣчи, опредѣляются самымъ существомъ исторической грамматики русскаго языка (§§ 5, 6, 9, 11 и 12).

3. Образцовые писатели, устроившіе нашъ современный языкъ. Изъ нихъ важнѣйшіе суть Ломоносовъ, Карамзинъ и Пушкинъ. Ломоносовъ первый указалъ какъ на существенныя отличія языка русскаго отъ церковнославянскаго, такъ и на взаимное отношеніе обоихъ. Карамзинъ сблизилъ книжную рѣчь съ современнымъ языкомъ образованнаго общества и съ языкомъ древнерусскихъ письменныхъ памятниковъ. Пушкинъ, совершенствуя

начатое Карамзинымъ, оживилъ книжную рѣчь внесеніемъ въ нее разговорныхъ формъ изъ просторѣчія. — Сверхъ Пушкина, въ образованіи современнаго языка важнѣйшее участіе приняли Жуковскій и Крыловъ. Первый придерживался церковнославянскаго языка и рѣчи книжной, второй — просторѣчія. Пушкинъ далъ примѣръ обогащать современную рѣчь всѣми сокровищами роднаго слова, гдѣ бы они ни были, въ церковнославянскихъ книгахъ и въ древнерусскихъ памятникахъ, или въ просторѣчіи.

Языкъ, нынѣ употребляемый образованными людьми, составился подъ вліяніемъ литературнаго.

Въ правилахъ для употребленія языка, грамматика пользуется *авторитетомъ* образцовыхъ писателей, т. е. ихъ примѣромъ, свидѣтельствомъ и указаніемъ.

§ 18. *Грамматика* есть наука о языкѣ. Отдѣльныя грамматическія формы подводитъ она подъ общіе законы (§ 6), и отличаетъ видоизмѣненія послѣднихъ, произшедшія отъ употребленія (§§ 7 и 8), какъ въ разговорномъ, такъ и въ книжномъ языкѣ (§ 9). Основываясь на авторитетѣ писателей образцовыхъ (§ 17), она знакомитъ насъ съ языкомъ въ лучшихъ его литературныхъ произведеніяхъ, и выводитъ изъ нихъ правила (§ 10), для руководства въ практическомъ употребленіи языка, какъ въ разговорѣ, такъ и на письмѣ.

Какъ составъ нынѣшней образованной рѣчи (§§ 11 и 12), такъ и успѣхи ея, при содѣйствіи образцовыхъ писателей (§ 17)—объясняются въ русской грамматикѣ по способу *историческому*.

§ 19. Грамматика дѣлится на двѣ части: на *Этимологію* или *Словопроизведеніе* и *Синтаксисъ* или *Словосочиненіе*. Первая разсматриваетъ каждое слово въ отдѣльности; вторая разсматриваетъ слова во взаимномъ ихъ сочетаніи, въ предложеніяхъ простыхъ и сложныхъ.

Такъ какъ значеніе частей рѣчи и ихъ измѣненій опредѣляется въ синтаксической связи словъ (§ 1); то Этимологія не входитъ въ разсужденіе объ этомъ предметѣ, и ограничивается только звуковою частью реченій. Она разсматриваетъ сначала свойства зву-

ковъ, потомъ образованіе словъ помощію производства и сложенія, и наконецъ измѣненіе словъ по склоненіямъ и спряженіямъ; Синтаксисъ же объясняетъ значеніе и употребленіе частей рѣчи и ихъ измѣненій, составъ предложеній простыхъ и сочетаніе ихъ въ предложеніяхъ сложныхъ и въ періодахъ. — Такимъ образомъ Этимологія и Синтаксисъ отдѣльно изслѣдуютъ то, что въ языкѣ существуетъ въ совокупности, именно: членораздѣльные звуки и мысли, ими выражаемыя (§ 1). Первое составляетъ предметъ Этимологіи, второе — Синтаксиса.

Примѣненіе грамматическихъ законовъ къ письменному употребленію языка называется *Орѳографіею* или *Правописаніемъ*; а примѣненіе тѣхъ же законовъ къ произношенію называется *Просодіею* или *Словопроизношеніемъ*. Обѣ эти части грамматики основываются уже на Этимологіи и Синтаксисѣ, и потому, для бо́льшей ясности, должны быть излагаемы въ связи съ ними.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Этимологія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЗВУКИ И СООТВѢТСТВУЮЩІЯ ИМЪ БУКВЫ.

§ 20. Слово состоитъ изъ одного, или изъ нѣсколькихъ слоговъ: потому слова бываютъ односложныя, напр. *да*, *но*; или многосложныя, напр. *мѣ-ра*, *хо-ро-шо*. Въ произношеніи подчиняемъ слоги многосложнаго слова одному, на которомъ возвышаемъ голосъ, или дѣлаемъ удареніе; напр. *бѣда́*, *свидѣтельство*. Въ слогѣ всегда бываетъ гласный звукъ, или одинъ; напр. *а*, *у*; или съ согласнымъ, напр. *на*, *но*; или же съ нѣсколькими согласными; напр. *дно*, *чув-ство*.

Примѣч. Такъ такъ ъ и ь первоначально были гласными звуками, то въ сочетаніи съ согласнымъ могли составлять слогъ; напр. слъ-нь-це (*солнце*), прь-сть (персть), см. § 27.

Мягкими гласными звуками *я*, *ю*, *е*, состоящими изъ твердыхъ *а*, *у*, *е*, съ тонкимъ *ь*, выражается не чистый гласный звукъ, а цѣлый слогъ, содержащій въ себѣ сочетаніе гласнаго звука съ согласнымъ *j* (§§ 24, 26 и 32).

Звуки человѣческой рѣчи отличаются отъ крика животныхъ, отъ пѣнья птицъ и вообще отъ всякаго звука въ окружающей природѣ,

особеннымъ свойствомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *членораздѣльности*. Звуки, составляющіе языкъ, называются *членораздѣльными* потому, что могутъ раздѣляться на члены или мельчайшія части, извѣстныя подъ именемъ звуковъ *гласныхъ* и *согласныхъ*. Такъ напр., въ словѣ *громъ*, собственно слышится одинъ звукъ, произнесенный мгновенно; однако этотъ одинъ звукъ можемъ раздѣлить на его простѣйшія, уже недѣлимыя составныя части, т. е. членораздѣльные звуки: *г,р,о,м*.

§ 21. Каждый членораздѣльный звукъ въ азбукѣ означается особымъ начертаніемъ. Такъ какъ въ чтеніи произносимъ слова не буква въ букву, какъ они написаны (§ 16); то грамматика полагаетъ строгое различіе между буквами и членораздѣльными звуками, которые ими выражаются. Звуки, въ теченіи времени, измѣняются отъ произвола въ произношеніи гораздо свободнѣе, нежели буквы на письмѣ. Чтобъ оградить правильность книжнаго языка отъ порчи, грамматика подчиняетъ, на письмѣ, современный выговоръ правиламъ языка книжнаго, по преданію удержавшаго доселѣ многія свойства древнѣйшаго алфавита; и тѣмъ сберегаетъ первоначальный видъ реченій. Къ остаткамъ старины, освященнымъ давностью и преданіемъ, принадлежатъ въ современномъ правописаніи весьма многія правила; напр. о буквахъ *ъ, ѣ*, а частію и о буквѣ *ь*. Основываясь только на преданіи, пишемъ *смотрѣлъ*, а не *смотрел*; *читаешь*, а не *читаешъ* или *читаеш*.

Для того, чтобы отчетливо и сознательно укрѣпиться въ правописаніи, необходимо понять правильное отношеніе между буквами и звуками, т. е. между завѣщаннымъ по преданію начертаніемъ и между произволомъ выговора.

Современное правописаніе основано на исторіи нашего языка, состоящей въ связи съ письменностію церковнославянскою. Такъ напр., для того, чтобы рѣшить недоумѣніе, какъ правильнѣе писать: *лекарь* или *лькарь* — должно обратиться къ свидѣтельству древней церковнославянской письменности, гдѣ постоянно встрѣчаемъ: лѣкарь, лѣчьба и проч., согласно съ законами языка (§ 47).

§ 22. Звуки дѣлятся на гласные и согласные.

Гласные въ церковнославянскомъ суть слѣдующіе: а, ꙗ, є, ѥ, и, о (ѡ), ѹ (оу), ю, ъ, ы, ь, ѧ, ѩ, ѫ, ѭ. Русскій языкъ, прежде другихъ звуковъ, утратилъ носовые; потомъ смѣшалъ въ произношеніи звукъ *ѣ* съ *е*, и значительно ограничилъ употребленіе звуковъ *ъ* и *ь*. Остальные гласные онъ удержалъ всѣ, присовокупивъ къ нимъ *ё*, явственно слышимое въ выговорѣ, но не отличаемое особенною буквою на письмѣ. Также не отличаемъ на письмѣ *е* отъ ѥ; однако въ произношеніи употребляемъ *е* мягкое и *е* твердое, для изображенія котораго ставится буква *э*.

Согласные звуки въ церковнославянскомъ и въ русскомъ одни и тѣ же. Отсюда видно, что послѣдній отличается отъ перваго болѣе по звукамъ гласнымъ, нежели по согласнымъ.

Примѣч. Въ XVII и XVIII в. вмѣсто *ё* употреблялось *іо*.

Въ древнерусской письменности мягкій звукъ *е* (т. е. ѥ) обозначался начертаніемъ є.

1. О гласныхъ.

§ 23. Гласные звуки, въ отличіе отъ согласныхъ, могутъ быть произносимы протяжно или кратко,—съ удареніемъ или безъ ударенія. Такое измѣненіе звука называется количественнымъ. Долготу и краткость гласныхъ мы уже не отличаемъ, а пользуемся только повышеніемъ голоса, т. е. удареніемъ и пониженіемъ. Этотъ способъ произношенія оказываетъ свое дѣйствіе на свойства гласныхъ. Въ бо́льшей чистотѣ они слышатся, когда на нихъ ударяемъ голосомъ; напр., въ словѣ *хорошо́*, послѣднее *о* звучитъ явственно, тогда какъ два первыя—неопредѣленны; въ словахъ: *на́чалъ*, *вяза́лъ*, звуки *а* и *я* (въ слогахъ *ча* и *вя*) также неявственны. Для того, чтобы узнать, какою буквою изобразить неявственный гласный звукъ, слѣдуетъ припомнить себѣ такую грамматическую форму, въ которой тѣ же слова или ихъ корни имѣютъ удареніе надъ звуками, подавшими поводъ къ недоразумѣнію. Такъ, формы *нача́ть*, *повя́зка*, показы-

ваютъ ясно, что должно писать: *началъ, вялъ*; или форма *новенекъ*, показываетъ, что должно писать: *новенькой*, а не *новинькой*.

Примѣч. Въ нарѣчіяхъ: владимірскомъ, новгородскомъ, сибирскомъ, буква *о* не измѣняется на *а*, а слышится явственно; въ нарѣчіи же бѣлорусскомъ еще болѣе, нежели въ московскомъ, замѣтна наклонность къ произношенію *а* вмѣсто *о*.

Древніе русскіе писцы, слѣдуя выговору, часто ошибаются въ правописаніи. Соображая ошибки, вкравшіяся въ старинную письменность отъ выговора, составляемъ понятіе о томъ, какъ наши предки произносили звуки, и преимущественно гласные, наиболѣе подвергающіеся измѣненію.

§ 24. Все разнообразіе гласныхъ звуковъ подводится къ слѣдующимъ основнымъ: *и е а о у*. Изъ нихъ, *и а у* первоначальные, звуки же *ѣ* и *о* составляютъ переходъ: *е* отъ *а* къ *и*, *о* отъ *а* къ *у*.

Примѣч. 1. Исторія родственныхъ нашему языковъ ясно показываетъ, какъ изъ сліянія звуковъ *аи* происходитъ *ѣ*, а изъ сліянія *ау* — *о*. Смотр. Приложеніе.

Объ основныхъ гласныхъ звукахъ должно замѣтить слѣдующее.

1. *А* есть самый чистый гласный звукъ. Крайніе же звуки, т. е. *и* и *у*, переходятъ уже къ согласнымъ. Звукъ *и*, какъ латинскій и нѣмецкій *j*, приставляясь къ твердымъ гласнымъ *а*, *у* и проч., образуетъ *я*, *ю* и проч. (какъ бы *ja*, *ju*); потому лат. Januarius, Trajanus, Jupiter, нѣм. jahrmarkt и пр., нашими буквами изображаются: *Я*нварь, Траянъ, *Ю*питеръ, *я*рмарка.—Звукъ *у*, сокращаясь въ произношеніи, переходитъ въ согласный *в*; напр. *завтра* вм. *заутра*.

Примѣч. 2. Какъ въ нынѣшнемъ областномъ просторѣчіи, такъ и въ древнерусской письменности, звуки *у* и *в* замѣняютъ другъ друга; напр. *унукъ* вм. внукъ, *вже* вм. уже и проч.

2. Второстепенное значеніе звуковъ *о* и *е* явствуетъ изъ слѣдующаго.

а) Въ нѣкоторыхъ словахъ происходятъ они отъ первоначальныхъ гласныхъ, преимущественно отъ *а*. А именно: *о* отъ *а*: а) въ словахъ иностранныхъ, вошедшихъ уже въ древнѣйшія церковнославянскія книги; напр. ольтарь, т. е. олтарь (вм. альтарь, какъ въ О. Е.;

altare), **поганъ** (вм. паганъ, paganus, т. е. языческій), **полата** (palatium), **оцътъ, оцетъ** (вм. ацетъ, acetum, т. е. уксусъ), **сотона** (вм. сатана, satanas); б) въ предлогахъ *по* и *роз* вм. *па* и *раз*; напр. въ словахъ: *па-мять* и *по-мню, па-сынокъ, па-дчер-ица* (отъ словъ *сынъ, дочь*, съ предлогомъ *па* вм. *по*); *раз-умъ, раз-доръ* и *розъ-искъ, роз-вальни*. — Звукъ *е* вм. *а*; въ предлогѣ *пре* вм. *пра*; напр. *пре-красный, пре-вышать* и *пра-отецъ, пра-дѣдъ, пра-щуръ, пра-бабка*.

Примѣч. 3. Въ просторѣчіи говорится: *плотишь, плотитъ, заплотишь, заплотитъ*, вм. платишь, платитъ, заплатишь, заплатитъ, при глаголѣ *платить, плачу* (отъ слова *плата*). Принято писать: *платишь, платитъ* и проч.

А переходитъ въ *о* въ словахъ: *заря* и *зоря* (зо́рюшка), *равный* и *ровный* (ро́вница), *разный* и *розный, дубрава* и *дуброва* (дубра́вушка) и нѣк. др.

б) Звуки *е* и *о* вставляются; напр. *брать б-е-ру, гнать г-о-ню; путе-шествіе, вод-о-падъ*; или, соотвѣтствуя церковнославянскимъ *ъ* и *ь* (§§ 25 и 27), оказываются бѣглыми; напр. *кротъ-о-къ крот-ка, отъ-е-цъ, от-ца*.

Примѣч. 4. Въ нѣкоторыхъ словахъ замѣчается обоюдный переходъ звуковъ *о* и *е*; напр. **ровя** и *ребенокъ, ребята; себя* и древнерусское и областное *собя*, при общеупотребительномъ *собою*.

3. О звукѣ *ы* должно замѣтить слѣдующее.

а) По произношенію, этотъ звукъ, какъ видно уже изъ самаго начертанія его *ы*, состоящаго изъ *ъ* и *и*, есть звукъ твердый, соотвѣтствующій мягкому *и*. Потому *и*, съ предшествующимъ *ъ*, переходитъ въ *ы*; напр. слова *объ-искъ, предъ-идущій*, произносятся: *обыскъ, предыдущій*. Наши прилагательныя полнаго окончанія *на-ый*; напр. *добрый*, образовались изъ древнѣйшихъ церковнославянскихъ *на-ы* или *ъ-н*; напр. **добръ** или **добрън**, а послѣднія изъ краткой формы на *ъ*; напр. **добръ**, съ окончаніемъ *и*: **добръ-и** или **добрыи** (§ 58).

б) По употребленію въ образованіи словъ, звукъ *ы* есть не что иное, какъ видоизмѣненіе звука *у*; что явствуетъ изъ многихъ словъ;

напр. *духъ, душа* и (вз)*дыхать, дышать; слухъ* и *слыхать, слышать;* (на)*ука, уч-ить,* (при)*уч-ить* и (в)*ык-нуть,* (при-в)*ык-ать.* Формы **плыти, слы-ти** имѣютъ при себѣ корни *плу-, слу-.* Такъ какъ *у* сокращается въ *в*; то и *ы*, соотвѣтствуя звуку *у*, можетъ сокращаться также въ *в*; напр. **кыс-нжти** *квасъ,* **къ-ти** (за)*быть* (за) *бв-еніе, четыре чет-в-еро.*

Примѣч. 5. Въ народномъ языкѣ, по областнымъ нарѣчіямъ, иногда вмѣсто *ы*, употребляется *у*; напр. *хлустъ* (т. е. прутъ) вм. *хлыстъ.*

§ 25. При помощи количественнаго измѣненія гласныхъ (§ 23), произошли: первоначально краткіе: *ъ ь й*, иначе называемые полугласными; и первоначально долгіе, къ которымъ принадлежитъ *ѣ*. Такъ какъ долготу и краткость гласнаго звука мы теперь не отличаемъ, то естественно могли забыть первоначальное значеніе буквъ *ѣ ъ ь*. Буква *ѣ* для насъ стала то же, что́ *е*; а *ъ* и *ь* имѣютъ теперь смыслъ только слитно съ согласными, показывая твердое или мягкое ихъ произношеніе; напр. *пльнъ* и *день, объ-явить* и *друзь-ями* и проч. Въ звукѣ же *й* и доселѣ сохранилось произношеніе краткое, когда онъ употребляется безъ ударенія, послѣ гласныхъ; напр. *свой,* въ отличіе отъ *свой.*

Въ древнихъ памятникахъ церковнославянской и русской письменности, надъ краткимъ *и* не ставилось знака; напр. **покои** вм. *покой,* **твои** вм. *твой* и пр.

Примѣч. 1. Въ церковнославянскую азбуку было внесено изъ греческой двоякое *о*: краткое—**о** и долгое—**ѡ**: но въ самомъ языкѣ славянскомъ, такого количественнаго различія въ произношеніи этого звука не было. Впрочемъ позднѣйшіе грамматисты, пользуясь двоякимъ начертаніемъ: **о** и **ѡ**, употребляли послѣднее: 1) въ словахъ иностранныхъ, въ которыхъ Греки ставили **ѡ**; напр. **Їакѡвъ, Їѡсифъ**; 2) въ междометіи **ѡ** и въ предлогахъ **ѡ, ѡбъ, ѡ̃**; 3) въ началѣ нѣкоторыхъ словъ; напр. **ѡгнь, ѡнъ**; 4) въ окончаніи падежей мн. числа, для отличія отъ созвучныхъ имъ числа единственнаго; напр. род. **пророкъ, отрѡкъ**; дат. **оученикѡмъ** и т. п.; 5) въ родительномъ ед. числа мужескаго рода мѣстоименій и прилагательныхъ, для отличія отъ винительнаго; напр. **егѡ, скатагѡ**; 6) въ нарѣчіяхъ, для отличія отъ прилагательныхъ ср. рода; напр.

ѣлю. — Эти правила грамматистовъ не имѣютъ отношенія къ свойствамъ самого языка; потому что противорѣчатъ употребленію буквы *о* въ древнѣйшихъ рукописяхъ; введены же они были въ послѣдствіи, только для точности въ грамматическомъ разборѣ церковнославянскаго текста.

О звукахъ краткихъ и о долгомъ *ѣ* должно замѣтить слѣдующее.

1. Наши бѣглые звуки *о* и *е* соотвѣтствуютъ церковнославянскимъ *ъ* и *ь*; напр. крат-ъ-къ *крат–о–къ*, потому *крат–кій*, вм. цс. крат-ъ-кын, от-ь-ць *от–е–цъ*, потому род. пад. *от–ца*, вм. цс. от-ь-ца и пр. (§ 27). На этомъ основаніи употребляемъ: *пришелецъ* и *пришлецъ*, вм. цс. пришьльць; въ косвенныхъ падежахъ: *пришельца, пришельцу* и проч., при именительномъ *пришелецъ;* и *пришлеца, пришлецу,* при именительномъ *пришлецъ.*

2. Буква *ѣ* первоначально означала долгій звукъ *е*: что доселѣ явствуетъ изъ слова *ѣсть*, цс. ѣсть, въ которомъ *ѣ* произошло отъ долгаго *е*, образовавшагося изъ сліянія двухъ *е*, раздѣленныхъ, по законамъ благозвучія (§ 30), вставкою звука *j*: не-ѣсть, т. е. *не–j–есть*, вм. *не–есть* (точно такъ, какъ цс. мѣсмь, мѣси вм. *не–есмь, не–еси* и пр.).

Такъ какъ удареніемъ иногда замѣняемъ долготу звука; то и въ корняхъ словъ, за немногими исключеніями, и въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ, полагаемъ на *ѣ* удареніе. Напр. въ корняхъ словъ: *вѣсъ, вѣсить, взвѣшивать, привѣшиванье, увѣсистый;* нѣ–, въ словахъ: *нѣкто, нѣчто, нѣкоторый, нѣкоторыми, нѣсколько, нѣгдѣ, нѣкогда.* Исключенія въ этомъ случаѣ происходятъ отъ силы окончаній и приставокъ, иногда измѣняющихъ удареніе; напр. *бѣлый, бѣленькой* и *бѣлила, бѣловать, впробѣль;*—употребляется удареніе на *ѣ* въ окончаніяхъ: напр. въ словахъ: *смотрѣлъ, терпѣть,* откуда *терпѣніе; умнѣйшій* и проч.; но говорится и *терпѣливъ, прекраснѣйшій* и проч.

Чтобы не ошибиться въ употребленіи *ѣ* въ словахъ, гдѣ сверхъ этой буквы есть еще *е*, слѣдуетъ помнить, что буквою *ѣ* должно означать тотъ звукъ, на которомъ стоитъ удареніе; напр. *невѣста, Нѣмецъ, сѣверъ, телѣга, человѣкъ, хлѣбъ, добрѣе, желѣзо.*

Хотя уже съ древнѣйшихъ временъ русскій языкъ смѣшалъ буквы *ѣ* и *е*; однако, пользуясь указаніями исторіи церковнославянскаго и русскаго языковъ, позднѣйшая орѳографія находитъ нѣкоторыя основанія, по которымъ отличаетъ букву *ѣ* отъ *е*. А именно: 1) послѣдній звукъ, состоя въ связи съ церковнославянскимъ ь, тѣмъ самымъ изобличаетъ свое краткое произношеніе; потому онъ вставляется и опускается, для благозвучія: тогда какъ долгій звукъ *ѣ* не вставляется и не опускается. Вотъ почему въ слѣдующихъ словахъ должно писать *е*, а не *ѣ*: *очевид-е-цъ, самовид-е-цъ* (при глаголѣ *видѣть*), род. падежъ *очевид-ца, самовид-ца*, цс. **очевидьць, самовидьць**; *от-е-цъ от-ца*, цс. **от-ьць от-ьца**; *кач-е-ство*, цс. **кач-ьство** (слич. *бо-гат-ство*, вм. древнерусскаго и народнаго *богат-е-ство*, цс. **богат-ьство**, §56); *гор-е-къ*, цс. **гор-ьк-ъ**, откуда наше *гор-ь-кій* и проч. 2) Будучи звукомъ несамостоятельнымъ, *е* весьма часто переходитъ въ *ё*; тогда какъ долгій звукъ *ѣ* удерживаетъ свое чистое произношеніе. — Здѣсь оказалось исключеніе въ тѣхъ немногихъ словахъ, въ которыхъ, по смѣшенію звуковъ *ѣ* и *е*, русскій выговоръ взялъ верхъ надъ словопроизводствомъ. Впрочемъ наше правописаніе въ этомъ случаѣ не послѣдовательно. А именно: слѣдующія два реченія, отъ корня *дѣ-* (*дѣ-ть, дѣ-я-ть*), оно предписываетъ писать: *о-дежда, на-дежда* потому только, что соотвѣтствующія этимъ книжнымъ формамъ, простонародныя *одёжа, надёжа*, произносятся съ звукомъ *ё* вм. *ѣ*: между тѣмъ какъ мы не говоримъ: *одёжда, надёжда*. И наоборотъ, принято писать: *звѣзды, гнѣзда, сѣдла, пріобрѣлъ, цвѣлъ, надѣванъ* (отъ корня *дѣ*, откуда и *одежда*), хотя и произносимъ въ этихъ словахъ *ѣ* какъ *ё*.

Въ слѣдующей росписи, расположенной по порядку согласныхъ, предшествующихъ буквѣ *ѣ*, исчисляются коренныя слова, въ которыхъ принято употреблять эту букву. Но предварительно должно замѣтить, что въ роспись внесены нѣкоторые глаголы, оканчивающіеся въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія на *-лю* и въ прошедшемъ причастіи дѣйствительнаго залога на *-лъ*; напр. *сѣю, смѣю-сь, дѣ-ть* (причастіе прошедшее *дѣлъ*; напр. «куда ты

дѣлъ?») и друг. Такія слова употребляютъ *ть*, по общему правилу, по которому ни одинъ глаголъ не можетъ оканчиваться въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія на *-ею*, а въ прошедшемъ причастіи на *-елъ*.

Б.

Бѣг-ать.

Бѣд-а, бѣд-ный, бѣд-ить, по-бѣдить.

Бѣл-ый.

Бѣсъ.

В.

Вѣ-, *откуда древнерус.* вѣ-гласъ (*искусный, свѣдущій*), не-вѣгласъ (*невѣжда*); слич. цс. отъ-кѣ (*при глаголѣ* отъкѣтити).

Вѣд-ать (*при глаголѣ* видѣть, § 30), вѣс-ть (*при областномъ* вяха *вѣсть*), со-вѣсть, вѣд-и (*названіе буквы*), не-вѣжда, вѣжди (*по сродству глаголовъ* видѣть и вѣдать, § 30).

Вѣжа.

Вѣко.

Вѣкъ, у-вѣч-ить.

Вѣна (*имя города*).

Вѣно (*приданое, придревнемъ церковнославянскомъ глаголѣ* кѣнити *продавать*).

Вѣнъ (*вѣнокъ, областное слово*), *откуда*: вѣн-окъ, вѣн-ецъ *и проч.* (§ 44).

Вѣр-ить.

Вѣс-ить (*при глаголѣ* висѣть, § 30).

Вѣтвь.

Кѣтъ (*церковнославянское слово*), *откуда*: вѣч-ать, вѣщ-ать (§ 36); обѣтъ, обѣщ-ать, *см.* об-вѣтъ, об-вѣщ-ать (§ 38); по-вѣтъ (*уѣздн.*).

Вѣха (*шестъ, ставимый при дорогѣ для показанія пути*).

Вѣ-ять, вѣ-тръ (§ 55, V); по-вѣть.

Звѣзда.

Звѣрь.

Не-вѣста (*при старинномъ словѣ* с-вѣсть *свояченица*).

Свѣжій.

Свѣтъ.

Цвѣтъ.

Человѣкъ.

Д.

Дѣва.

Дѣдъ.

Дѣ-, *откуда:*

1) дѣ-ть, дѣ-вать, о-дѣ-ть, о-дѣ-вать, из-дѣ-вагься; *и*

2) Дѣ-я-ть, дѣ-ло, дѣл-ать, не-дѣля (§ 43); на-дѣ-я-ться.

Дѣл-ить.

Дѣти (*при формѣ* дитя).

З.

Зѣ-вать, зѣвъ, рото-зѣй (*при глаголѣ* зіять).

Зѣло (*названіе буквы, при церковнославянскомъ прилагательномъ* ѕѣльнъ *сильный, крѣпкій;* ѕѣло *сильно, крѣпко*).
Зѣн-ица (*слич. употребляемое въ просторѣчіи* зѣн-ки *глаза*).

Л.

Лѣвый.
Лѣз-ть, лѣс-т-ница.
Лѣк-арь, лѣч-ить (§ 47).
Лѣнь.
Лѣп-ить (*при глаголѣ* лип-нуть, § 30).
Лѣпый, не-лѣпый.
Лѣса́ (*веревка у уды*).
Лѣсъ, лѣш-ій.
Лѣто.
Лѣха (*борозда, гряда, рядъ; слово церковнославянское и русское областное*).
Глѣбъ (*собственное имя*).
Желѣза́.
Желѣзо.
Калѣка.
Клѣть, клѣт-ка.
Колѣно.
Лелѣ-ять.
Млѣ-ть.
Плѣнъ.
Плѣсень.
Плѣшь.
Полѣно.
Слѣдъ.
Слѣпой.
Телѣга.
Хлѣбъ.
Хлѣвъ.

М.

Мѣдь.
Мѣлъ.
Мѣна.
Мѣра.
Мѣсто.
Мѣс-яцъ.
Мѣс-ить, мѣш-ать, по-мѣх-а (§ 37).
Мѣхъ, мѣш-окъ.
Мѣт-ить.
Змѣй, змѣя (*при древней формѣ* змій).
Смѣ-яться, смѣ-хъ.

Н.

Нѣ-, *въ словахъ* нѣ-кто, нѣ-когда *и проч.* (§ 75).
Нѣга, нѣж-ный.
Нѣмъ, Нѣм-ецъ.
Воз-гнѣт-ить, под-гнѣт-а.
Гнѣвъ.
Гнѣздой.
Гнѣздо.
Днѣпръ. } *собственныя имена.*
Днѣстръ. } *собственныя имена.*
Печенѣгъ. } *собственныя имена.*
Снѣгъ.

П.

Пѣгій.
Пѣна.
Пѣн-язь.
Пѣст-овать, пѣст-унъ.
Пѣх-ота, пѣш-ій, пѣш-комъ.

Спѣ-ть, спѣ-хъ, спѣш-ить, у-спѣ-ть, у-спѣ-хъ.
Пѣ-ть, пѣ-с-ня, пѣ-ніе.

Р.

Рѣд-кій.
Рѣдька.
Рѣз-ать, рѣз-вый.
Рѣка.
Рѣпа, рѣп-ица.
Рѣсн-ица.
Рѣт-, *откуда*: рѣс-ти, об-рѣс-ти, об-рѣт-ать, вс-т-рѣч-ать (§ 38).
Рѣчь, на-рѣч-іе (*но* реку, речен-ный, *откуда* речен-іе, *имѣют* е).
Рѣш-ить; рѣха, *въ словѣ* про-рѣха.
Рѣш-ето, рѣш-ет-ка.
Рѣ-я-ть.
Брѣ-ю (*при неокончательномъ наклоненіи* брить).
Грѣхъ.
Зрѣ-ть.
Крѣп-кій.
Орѣхъ.
Прѣ-ть.
Прѣс-ный.
Свирѣпый.
Стрѣ-ла.
Стрѣ-ха, за-стрѣ-ха, *при областномъ глаголѣ* за-стрѣ-ть, *или* за-стря-ть.
Хрѣнъ.

С.

Сѣверъ (*при формѣ* сивер-ко).
Сѣд-, сѣс-ть (*областн.* сясть), сѣд--ал-ище, сѣд-ло, бе-сѣд-а (*но* село, селить, населять *употребляются съ* е).
Сѣдой.
Сѣку, сѣчь.
Сѣр-ый.
Сѣра.
Сѣно.
Сѣнь, сѣни, о-сѣн-ять.
Сѣт-ов-ать.
Сѣть.
Сѣ-я-ть, сѣ-мя.
По-сѣт-ить.

Т.

Тѣло.
Тѣнь, с-тѣнь, с-тѣна.
Тѣсный.
Тѣсто.
Тѣх-, у-тѣх-а, тѣш-ить.
Тѣ-я-ть, за-тѣ-я-ть, за-тѣ-я.

Ц.

Цѣв-ка, цѣв-ни-ца (*при коренномъ* цѣвь; *именительный множ. числа, въ областномъ просторѣчіи:* цѣвья).
Цѣд-ить.
Цѣл-ый, цѣл-ов-ать (*въ старину имѣло значеніе* здороваться).
Цѣль.
Цѣна.
Цѣпь, цѣпъ, цѣпл-яться, цѣп--ен-ѣть.

Буквою ѣ *начинаются только два коренные глагола.*

Ѣду, ѣзжу, ѣхать.

Ѣ–мъ (*цс.* имь, *вм.* яд–мь, § 38), *откуда происходятъ*: ѣд–а, н–ѣд–ро (*цс.* нд–ро *и* ѣд–ро, *или съ приставнымъ* н: недро *и* нѣдро); *съ приставками* об–, с–, мед *и др.*: об–ѣдъ, об–ѣдній, *цс.* с-н-ѣс-ти; мед–в–ѣдь *и другі.*

Изъ предложенной росписи видно, что буква *ѣ*, въ корняхъ словъ, соединяется съ согласными губными и зубными, и преимущественно съ плавными *л, м, н, р*, и съ придыхательными *в* и *с*; съ звуками же гортанными (за исключеніемъ названія буквы *хѣръ*) и съ небными сочетаться не можетъ.

Въ дополненіе къ этой росписи, объ употребленіи буквы *ѣ* должно замѣтить слѣдующее.

1. Въ практическомъ отношеніи.

а) Въ словахъ, заимствованныхъ изъ чужихъ языковъ, звукъ *е* изображается буквою *е*, а не *ѣ*; потому должно писать, напр.: *медикъ, сцена* (medicus, scena) и проч.

б) Въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ, заимствованныхъ изъ чужихъ языковъ, принято писать *ѣ*, только потому, что въ этихъ именахъ иностранное *і* выговариваемъ, какъ *е*; напр. *Апрѣль* вм. *Апріль, Алексѣй* вм. *Алексій, Сергѣй* вм. *Сергій* (Aprilis, Ἀλέξιος, Σέργιος) и друг.; но *Андрей* (Ἀνδρέας), *Тимоѳей* (Τιμόθεος) и друг., употребляются съ буквою *е*. Съ бо́льшимъ основаніемъ ставится *ѣ* въ тѣхъ собственныхъ именахъ, въ которыхъ эта буква соотвѣтствуетъ греческому двоегласному звуку *αι*; напр. *Матѳѣй* или *Матѳей* (Ματθαῖος), *Елисѣй* (Ἐλισαῖος).

Въ словахъ *Индѣецъ, индѣйскій*, принято писать *ѣ*, вмѣсто первоначальнаго *и* (въ словѣ *Индія*); хотя въ другихъ случаяхъ измѣняется *и* на *е*; напр. *Библія, библейскій*.

в) Нѣкоторые пишутъ ошибочно, съ буквою *ѣ*, слова: *мѣлкій* (при глаголѣ *мол–оть*, откуда *мельница*), *прилѣжный, прилѣжать* (при глаголѣ *лежать*, по древнѣйшему начертанію прилѣжати), *линѣйка* (при формѣ *линейный*), *грамотѣй* (отъ греч. γραμματεύς),

вм. *мелкій, прилежный, линейка, грамотей.* Въ реченіи *копѣйка*, принято писать *ѣ*, безо всякаго основанія.

Примѣч. 2. Употребленіе буквы *ъ*, въ окончаніяхъ словъ, объясняется при разборѣ самыхъ окончаній.

2. Въ отношеніи къ языку церковнославянскому.

Наше правописаніе весьма погрѣшительно, въ разсужденіи буквы *ѣ*. По принятому основанію, надлежало бы ставить эту букву вездѣ, гдѣ она употребляется въ церковнославянскомъ языкѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы слѣдуемъ древнѣйшему правописанію, въ нѣкоторыхъ же, безо всякой причины, отступаемъ отъ него. Такъ напр., пишемъ *ѣ* вм. *е*: въ формахъ сравнит. степени: *болѣе* (и усѣченно *болѣ*), *менѣе* (и усѣченно *менѣ*), вм. цс. **колѣе**, **мьнѣе** (§ 69); въ нарѣчіяхъ *гдѣ, здѣсь*, вм. цс. **къдѣ** или **гдѣ**,**сьдѣ** (§ 73); и наоборотъ, *е* вм. *ѣ*, въ словахъ: *клей, песокъ, бремя, темя* и во мн. друг., вмѣсто цс. **клѣи**, **пѣсъкъ**, **брѣма**, **тѣма** и проч.

Изъ многихъ случаевъ употребленія буквы *ѣ*, въ церковнославянскомъ языкѣ, должно замѣтить слѣдующія.

а) Въ корняхъ словъ, послѣ *л* и *р*, съ предшествующимъ согласнымъ звукомъ; напр. **мл҃ко** (молоко), **брѣгъ** (берегъ), **врѣма** (время), **прѣ** (пре), **прѣдъ** (предъ), **трѣзвъ** (трезвъ), **врѣда** (череда), **чрѣзъ** (черезъ) и проч. Это правило удержано нашею ореографіею въ словахъ: *Глѣбъ, клѣть, плѣнъ* (при формѣ *полонъ*), *плѣсень, плѣшь, слѣдъ, слѣпъ, хлѣбъ, хлѣвъ, брѣю, грѣхъ, зрѣть, прѣть, крѣпкій, прѣсный, стрѣла, стрѣха, хрѣнъ.*

б) Въ двойств. числѣ склоненій и спряженій: *α*) въ именит. и винит. падежѣ именъ и мѣстоименій жен. и сред. рода; напр. **дъвѣ** (двѣ), **рꙑбѣ** (двѣ рыбы), **мѣстѣ** (два мѣста), **тѣ**; *β*) въ им. падежѣ мѣстоименія **азъ**: **вѣ** (мы двое); *γ*) въ 1-мъ лицѣ глаголовъ; напр. **бис-вѣ** (мы двое бьемъ), **бихо-вѣ** (мы двое били).

в) Въ повелит. наклоненіи глаголовъ 1-го спряженія; напр. **идѣте** (идите), **вънемлѣте** (внемлите).

г) Въ глаголахъ **вѣд-ѣ-ти**, **мьн-ѣ-ти**, **пр-ѣ-тиса**, **въжделѣти**, откуда нынѣ употребляемыя отглагольныя формы: *вѣдо-ѣ-ніе, свѣдо-ѣ-ніе, мн-ѣ-*

ніе, со-мн-ѣ-ніе, пр-ѣ-ніе, вождел-ѣ-нный. Равномѣрно и *трѣніе* писалось съ *ѣ*, при глаголѣ **трѣти** (тереть, древнерус. *терть*).

д) Въ окончаніи **-ѣль**, доселѣ удержанномъ въ словахъ: *куп-ѣль* и *свир-ѣль* (§ 55, II).

Слова *надежда* и *одежда*, уже въ древнемъ церковнославянскомъ, имѣютъ *е* вм. *ѣ*; потому что происходятъ не прямо отъ корня *дѣ* (въ глаголѣ **дѣ-и-ти**), а отъ удвоенія его въ формѣ *дед*, или смягченно: *дежд* (§ 49), откуда **дєждь** (т. е. дѣну), въ О. Е. **одєждемъся** (т. е. одѣнемся).

Равномѣрно и **рєкѫ, рєкъ, рєцѣ**, уже въ древнемъ церковнославянскомъ, имѣютъ *е*; при формѣ прошедшаго времени **рѣхъ**.

3. Первоначальныя свойства звука *ѣ* оказываются:

а) Изъ замѣны его звукомъ *я*, почему онъ и называется *ять*. Такъ напр., нашимъ формамъ: *цвѣтъ, звѣзда* и проч., въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, соотвѣтствуютъ: *квятъ, гвязда*. Въ древнерусскомъ и въ областномъ языкѣ, сравнит. степень оканчивается на *яе* (или *аѣ*) вм. *ѣе*; напр. *смѣляе* вм. *смѣлѣе* (§ 69.) Послѣ небныхъ *ж, ч, ш, щ*, а иногда и послѣ зубнаго *ц*, звукъ *ѣ* переходитъ въ *а*; напр. *нижайшій* вм. *нижѣйшій*, *слышать* вм. *слышѣть*, при формѣ *слыхать*; на этомъ же основаніи пишутъ: *цѣловать* и *цаловать*. Остатокъ первоначальнаго родства звуковъ *я* и *ѣ* оказался въ формахъ: *ядъ* и **ѣда**, **ѣсти** и **с-н-ѣсти**, *ѣсть*; *сяду* и *сѣсть* (вм. *сѣд-ть*). Древнему начертанію **пѣскъ** соотвѣтствуетъ употребляемое въ просторѣчіи: *пясокъ*.

Примѣч. 3. Въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ рукописяхъ *ѣ* иногда употребляется вмѣсто *я* и *а*; напр. **бѣнѣ**, **трѣка** вм. **бяше**, **трака**, и наоборотъ, *я* вм. *ѣ*; напр. **мѣша** вм. **мѣшѣ**.

б) Изъ замѣны *ѣ* звукомъ *и*, не только въ древнерусскомъ, но и въ нынѣшнемъ областномъ языкѣ, какъ въ малорусскомъ, такъ и въ великорусскомъ, особенно по новгородскому нарѣчію. Напр. *кимъ, мисто, хлибъ, бида*; вм. *кѣмъ, мѣсто, хлѣбъ, бѣда*. Такое же соотвѣтствіе звуковъ *и* и *ѣ* замѣчается въ формахъ: *змій* и *змья*, *дитя* и *дѣти* и проч.

в) Изъ подъема звуковъ (§ 30). Звукъ *и*, усиливаясь, переходитъ въ *ѣ*: *висѣть вьішать, лип–нуть лѣпить, видѣть вѣдать* и проч.

Примѣч. 4. Долгота звука *ѣ* въ старину чувствовалась и въ русскомъ языкѣ. Иностранцы, заѣзжавшіе къ намъ въ старину, выражали этотъ звукъ двойнымъ *ее*; напр. *lobnoje meesto* (лобное мѣсто).

§ 26. Между гласными звуками отличаются чистые отъ носовыхъ и облеченныхъ звукомъ *і* (или іотированныхъ, § 32). Какъ носовые, такъ и облеченные звукомъ *і* отличаются отъ чистыхъ звуковъ тѣмъ, что къ гласному присовокупляютъ согласный: носовые — послѣ гласнаго звука; напр. ѫ-гры = *он–гры* или *ун–гры* (Венгры), имя = *им–ен*, откуда *им–ен–и*; облеченные же звукомъ *і* ставятъ согласный звукъ *j* (іотъ) передъ гласнымъ; напр. *я*, т. е. цс. ꙗ=*ja* и пр.

Облеченные звукомъ *і* (или іотированные) иначе называются мягкими, въ противоположность твердымъ; а именно:

твердые, или чистые гласные звуки:	мягкіе, или облеченные звукомъ *і*:
а	ꙗ, *я*
е (э)	є (є)
у	ю
ѫ	ѭ
ѧ	ѩ

Звуки *ъ* и *ы* относятся къ твердымъ, а *ь* и *и* къ мягкимъ. Твердому *о* соотвѣтствуетъ мягкое *е*, переходящее въ *ё* или *іо*.

Твердое *э* употребляется: 1) въ иностранныхъ рѣченіяхъ, въ началѣ слова, и, послѣ гласнаго звука, среди слова; напр. *экваторъ*, *поэзія*; и 2) въ началѣ нѣкоторыхъ русскихъ словъ, каковы напр. *этотъ*, *экой*, *эва* и нѣк. друг.

Въ составѣ языковъ церковнославянскаго и русскаго, соблюдается: 1) соотвѣтствіе твердыхъ мягкимъ, и 2) переходъ твердыхъ въ твердые и мягкихъ въ мягкіе; напр.

вод–*а*	пул–*я*
вод–*ы*	пул–*и*
вод–*о*–ю	пул–*е*–ю
вод–*ъ*	пул–*ь*

При мягкомъ гласномъ, смягчается и согласный звукъ; потому формы *пул-я*, *пул-ю*, произносятся какъ бы: *пуль-а*, *пуль-у* и проч.

Хотя звукъ *ѣ* соотвѣтствуетъ и твердымъ, и мягкимъ гласнымъ: почему, напр., говорится и *вод-ѣ*, и *пул-ѣ*; однако имѣетъ способность смягчать согласные (§ 37).

О смягченіи гласныхъ звуковъ, помощію *і* (*j*), должно замѣтить слѣдующее.

1. Смягчающій звукъ *і* соотвѣтствуетъ придыханіямъ *в*, *г* и *с* (§ 32).

2. Смягченіе гласныхъ, помощію звука *і*, составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ какъ церковнославянскаго языка, такъ и русскаго. И тотъ и другой, съ теченіемъ времени, болѣе и болѣе развивали это свойство. Потому въ древнѣйшемъ языкѣ чаще встрѣчаются твердые звуки, вмѣсто позднѣйшихъ, уже смягченныхъ. Напр. **аворъ** *яворъ*, **агода** *ягода*, **азъ** *язъ*, **анце** *яйце*, **угъ** *югъ*, **унъ** *юнъ*, **ѫзы** (*узы*) **ѭзы** (*юзы*), откуда *со-юзъ* (при глаголѣ *съ-узить*); *христіане христіяне* и проч. Вставка звука *і* между гласными употребляется въ избѣжаніе непріятнаго стеченія звуковъ; напр. *одѣяніе*, т. е. *одѣ-і-аніе*, вм. *одѣ-аніе* (§§ 30 и 32).

Иностранныя слова, оканчивающіяся на *іа*, порусски имѣютъ на концѣ *я*; напр. *Германія, Азія, Италія*. Въ словахъ же, отъ нихъ произведенныхъ, принято удерживать *а*, если предшествующая ей буква *і* не измѣнилась на *ь*; напр. *азіатскій*; если же измѣнилась на *ь*, то пишутъ *я*; напр. *итальянскій*. На этомъ основаніи отличается правописаніе словъ: *крестьянинъ* и *христіанинъ*. Но отъ слова *Россія*, производное *Россіянинъ* сохраняетъ *я*.

Примѣч. 1. Въ О. Е. встрѣчаемъ и древнѣйшія, не смягченныя формы, напр. **анце** вм. **ꙗнце**., и смягченныя, напр. **диꙗволъ** вм. **диаволъ**, **нюдеи** вм. **їоудеи**; равно какъ и въ Супр. рук.; напр. **крьстиꙗнъ** (откуда наше *крестьян-инъ*, § 58) вм. *христіанинъ* и проч.

3. Русскій языкъ уклоняется отъ законовъ смягченія въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ:

а) Въ употребленіи ъ, вм. церковнославянскаго ь, какъ въ склоненіи, напр. *врачемъ* вм. цс. кратьмь, такъ и въ спряженіи; напр. *дамъ, дмъ, дастъ, пстъ, плететъ, плетутъ*, вм. цс. дамь, имь, дасть, исть, плететь, плетать. Какъ остатокъ старины, у насъ сохранились: *есмь, есть* (а не *есмъ, естъ*), *вѣсть*, напр. въ изреченіи: «Богъ вѣсть».

Примѣч. 2. Уже въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ встрѣчаемъ употребленіе ѣ вм. ь; напр., въ Супр. рук., ѣсмъ вм. ѣсмь.

Какъ остатокъ древнѣйшаго произношенія, у насъ сохранились, въ областномъ говорѣ, формы: *будетъ, будутъ* и проч., вм. будетъ, будутъ.

б) Въ употребленіи *о* вм. цс. ѣ: напр. *одинъ, озеро, олень*, вм. цс. ѣдинъ, ѣзеро, ѣлень.

Примѣч. 3. Въ древнерус. языкѣ: *одва, ожде*, вм. цс. ѣдва, ѣже.

4. Звукъ *ё* (т. е. *іо*) принято изображать различными способами: въ иностранныхъ словахъ, или начертаніемъ *–іо*. напр. *маіоръ*; или *іо*, напр. *буль–іонъ*; или *–о*, напр. *почталі–онъ, сері–озно*, вм. *почталь–іонъ, серь–іозно*, или вм. *почталь–ёнъ, серь–ёзно*; въ русскихъ же словахъ — просто буквою *е*; напр. *ежъ* вм. *ёжъ*, или *іожъ; конемъ* вм. *конёмъ*, или *коніомъ*.

§ 27. Церковнославянскій языкъ отличается отъ русскаго употребленіемъ кратких ихъ, или полугласныхъ ъ и ь, и носовыхъ.

А. Въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ, буквы ъ и ь были въ бо́льшемъ употребленіи, нежели въ русскомъ и въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ, въ которыхъ имъ соотвѣтствуютъ: *о* буквѣ ъ, и *е* буквѣ ь.

Буквы ъ и ь въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ ставятся:

1. Въ корняхъ словъ; напр. бъд-ръ *бодръ*, дъх-нж *дохну*, съх-нж *сохну*, сль-за *слеза*.

2. Въ окончаніяхъ словъ вездѣ, гдѣ оказываются въ русскомъ бѣглые *о* и *е* (§§ 24 и 25).

3. Въ предлогахъ, оканчивающихся на ъ, въ сложеніи ихъ съ другими частями рѣчи; напр. възложити, отъсѣлъ.

Примѣч. 1. Уже въ древнѣйшую эпоху, русскіе произносили буквы *ъ* и *ь*, какъ *о* и *е*: потому писецъ Остромирова Евангелія, по русскому выговору, пишетъ: **сотьникъ** вм. **сътьникъ, пришедъи** (пришедшій) вм. **пришьдъи**; твор. пад. ед. числа муж. и ср. родовъ на-**омъ**, вм.-**ъмь**; напр. **гласомъ, родомъ, словомъ.**—Съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе подчиняясь русскому выговору, церковнославянскій языкъ, въ нынѣшнихъ церковныхъ книгахъ, замѣнилъ наконецъ, во всѣхъ вышеозначенныхъ случаяхъ, буквы *ъ* и *ь* буквами *о* и *е*; напр. **совершн** вм. **съвръшн, день** вм. **дьнь** и проч.

Древнерусскій языкъ, согласно произношенію, употребляетъ то *ъ* и *ь*, вм. *о* и *е*; то *о* и *е*, вм. *ъ* и *ь*. Напр. въ памятникахъ XIII и XIV вѣковъ: *за окъ* вм. *за око, за нъгу* вм. *за ногу, събою* вм. *собою, путе* вм. *путь, берего* вм. *берегъ, Ѳедоро* вм. *Ѳедоръ* и проч. Въ Стихираряхъ, даже по позднѣйшимъ спискамъ, въ молитвахъ для церковнаго пѣснопѣнья, вм. *ъ* и *ь*, употребляются *о* и *е*; напр., въ спискѣ XVI в.: «*не помолимося фарисеиски братие ибо возносяй себе сомиритеся*» (т. е. **съмириться**).

Полугласные звуки *ъ* и *ь*, въ образованіи словъ, соотвѣтствуютъ: *ъ* гласнымъ твердымъ; напр. **дъх-нѫ** и *духъ*, **съх-нѫ** и *сухъ*, **бъд-ръ** (*бодръ*), **бъд-ѣти** и **боуд-ити**; *ь*—гласнымъ мягкимъ; напр., слово **възьмѫ** составлено изъ **въз** и **имѫ**, почему должно писать: *возьму, возьмемъ*, а не *возму, возмемъ*; церковнославянскія формы: **боудеши, боуди, быти, мати**, переходятъ въ русскія: *будешь, будь, быть, мать*. Переходъ *и* въ *ь*, передъ гласнымъ звукомъ, столь обыкновенный въ нынѣшнемъ языкѣ (напр. *вареніе — варенье*), замѣчается уже въ древнѣйшемъ періодѣ церковнославянскаго языка; напр., въ памятникахъ глаголитской письменности: **цръквьѭ** (вм. — **иѭ**), **истьленье** (вм.—**иѥ**).

На родствѣ звуковъ *ъ* и *у* основывается переходъ реченія *нѣтъ* въ разговорную форму *нѣту*, употребляемую и въ книжномъ языкѣ, какъ въ позднѣйшемъ; напр., у Держ. «за счастіе поруки *нѣту*» I, 277; такъ и въ древнѣйшемъ; напр., въ Новг. лѣт. «яко и числа *нѣту*» 1, 16.

Употребленіе полугласныхъ *ъ* и *ь* послѣ согласныхъ, на концѣ словъ, въ русскомъ языкѣ, принадлежитъ къ остаткамъ глубокой древности, свидѣтельствуя намъ, что славянскій языкъ не могъ ни

одного слова оканчивать только на согласный звукъ; но непремѣнно требовалъ, чтобы къ согласному присовокуплялся, если не гласный, то полугласный, либо твердый *ъ*, либо мягкій *ь*. Потерявъ полугласное значеніе, обѣ эти буквы стали обозначать въ русскомъ языкѣ только твердое или мягкое произношеніе согласныхъ.

Въ правописаніи принято удерживать *ъ* и посреди словъ, именно сложныхъ, передъ гласнымъ звукомъ, когда этимъ послѣднимъ начинается вторая часть сложнаго реченія; напр. *предъ-идущій, съ-умыть, подъ-емлю*. Впрочемъ это правило не во всѣхъ случаяхъ наблюдается; именно: въ предлогѣ *съ* принято удерживать *ъ* передъ гласными, какъ твердыми, такъ и мягкими; напр. *съумыть, съузить, съиграть, съѣсть* и пр.; въ прочихъ же предлогахъ, *ъ* удерживается только передъ мягкими гласными; потому пишутъ, напр., *изъясить, отъиграть, разъиграть*, и проч.; и *изустно, отучать, разумъ* и проч.

Не должно смѣшивать *ъ* съ *ь*, въ словахъ *объяснить, объявить* (а не *обь-яснить, обь-явить*) и въ друг., сложенныхъ съ предлогомъ *объ*. Въ словѣ *подъячій* принято писать *ъ*, а не *ь*, хотя, по производству, здѣсь первоначально былъ звукъ *ь*, сократившійся изъ *і*: ибо *подъячій* происходитъ отъ слова *под-дякъ*, составленнаго изъ предлога *подъ* и *дякъ* (первоначально *діакъ*; слич. *дьяконъ* и *діаконъ*).

Примѣч. 3. Въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ рукописяхъ болгарскаго письма, *ъ* и *ь* ставятся послѣ плавнаго звука, когда онъ присовокупляется къ согласному твердому; напр. *влъкъ слъньце, срьдьце*; русскіе же писцы ставятъ *ъ* и *ь* передъ плавнымъ: *вълъкъ, сълъньце, сьрьдьце*, или *вълкъ, сълньце, сьрдьце*, слѣдуя въ этомъ случаѣ нашему выговору: *волкъ, солнце, сердце*.

§ 28. Б. Носовые звуки суть *ѫ* и *ѧ* (или облеченные звукомъ *і*; *ѭ* и *ѩ*).

Хотя въ древнѣйшія уже времена русскій языкъ утратилъ носовые звуки; однако нѣкогда они въ немъ были, что явствуетъ изъ многихъ грамматическихъ формъ, которыя объясняются только этими звуками. Такъ напр., если бы мы не знали, что слова *знамя, имя*,

племя, пламя и друг., первоначально писались: ѕнамѧ, имѧ, племѧ, пламѧ (т. е. *знамен, имен, племен, пламен*); то не могли бы объяснить, почему, въ косвенныхъ падежахъ, оказывается слогъ *ен*: *знам-ен-и, им-ен-емъ, плем-ен-а, плам-ен-и*. Отсюда ясно, почему было бы ошибочно написать: *знам-ян-ый, плам-ян-ый* и проч. Впрочемъ, утративъ первоначальный звукъ, изображаемый буквою ѧ, употребляемъ и *племянникъ* (вм. *плем-ен-никъ*), *безъимянный* и *безъименный* и нѣк. друг. — Равномѣрно, еслибы мы не знали, что глаголы *начать, мять, жать*, первоначально писались: начѧ-ти, мѧ-ти, жѧ-ти, т. е. *начын-ти, мын-ти, жын-ти* и *жъм-ти*; то приняли бы ихъ за неправильные, потому только, что въ спряженіи ихъ оказываются звуки *н* и *м*: *начну, мну, жну, жму*. Наши слова *Декабрь, Сентябрь*, потому соотвѣтствуютъ латинскимъ и нѣмецкимъ *December, September*, что въ старину писались, напр., въ О. Е., декѧбрь, сентѧбрь.

Остатковъ носоваго звука ѧ сохранилось въ русскомъ языкѣ меньше. Впрочемъ нѣкоторыя изъ нынѣ употребительныхъ формъ объясняются этимъ звукомъ. Такъ напр., мы говоримъ: *Угры* (названіе народа) и *Венгры*, на томъ основаніи, что это названіе первоначально изображалось: ѭгры (т. е. *унгры* или *онгры, енгры*, нѣм. *Ungarn*), изъ котораго, съ придыханіемъ *в* (какъ въ словѣ *вострый* вм. *острый*, § 32) образовалось: *Венгры*. — Слова, сложенныя съ предлогомъ *су* (вм. *со* или *съ*), соотвѣтствуютъ церковнославянскимъ, съ предлогомъ сѫ; напр. *супругъ* (при глаголѣ *сопрягать*) сѫпрѫгъ, *суспдъ* (въ просторѣчіи, вм. *сосѣдъ*) сѫсѣдъ и проч.

Въ церковнославянскомъ языкѣ надобно отличать употребленіе буквъ ѧ и ѫ отъ ѧ и ѫ. Двѣ первыя перешли у насъ въ *у* и *ю*, а двѣ вторыя въ *а* и *я*.

Звуки ѧ и ѫ, въ древнемъ церковнославянскомъ, употребляются:

1) Въ корняхъ словъ; напр. жѧлъ, жѧль, жѫкъ, бѫдѫ, дѫбъ, мѧдръ, мѧжь, рѫка и пр.

2) Въ склоненіи: а) въ вин. пад. ед. числа именъ и мѣстоименій женск. рода; напр. вѣрѫ, благѫ, благѫю, мѧ (*ее*); б) въ твор. падежѣ

ед. числа именъ женск. рода и мѣстоименій; напр. вѣроѭ, благоѭ, ѥѭ (*ею*), мъноѭ, тобоѭ, собоѭ.

3) Въ спряженіи: а) въ 1-мъ лицѣ ед. числа наст. и буд. временъ; напр. идѫ, ꙁнаѭ, исцѣлѭ; б) въ 3-мъ лицѣ мн. числа тѣхъ же временъ, въ 1-мъ спряженіи; напр. идѫть, ꙁнаѭть, възьмѫть (*возьмутъ*); в) въ 3-мъ лицѣ мн. числа преход. времени; напр. биꙗхѫ (*они били*).

4) Въ образованіи словъ: а) въ причастіяхъ наст. времени, дѣйств. залога глаголовъ 1-го спряженія; напр. могы (*могущій*), при которомъ прочія формы съ буквою ѫ; напр. могѫща (*могущаго*), могѫщи (*могущая*); б) въ образованіи глаголовъ слогомъ нѫ (рус. *ну*); напр. дъх-нѫ-ти (*дох-ну-ть*); в) въ предлогѣ сѫ (*со, съ*); напр., въ словахъ: сѫсѣдъ, сѫпрѫгъ.

Звуки ѧ и ꙗ, въ древнемъ церковнославянскомъ, употребляются:

1) Въ корняхъ словъ; напр. жѧти, мѧти, ѧти, откуда *ем-лю*, брѧцати, откуда *бр-ен-чать*; ꙁвѧцати, откуда *зв-ен-ѣть*, *звонъ* и *звяк-нуть*.

2) Въ склоненіи: а) въ род. пад. ед. числа именъ жен. рода; напр. доушѧ (*души*); б) въ имен. падежѣ множ. числа мѣстоименій, а также именъ жен. рода; напр. вьсѧ (*всѣ*), добрыꙗ (*добрыя*), каплꙗ (*капли*); в) въ вин. падежѣ множ. числа сущ. именъ муж. рода; напр. мѫжѧ (*мужей*); а прилагат. именъ и мѣстоименій муж. и жен. родовъ; напр. благыꙗ, ꙗ (*ихъ*).

3) Въ спряженіи: а) въ 3-мъ лицѣ множ. числа наст. и буд. временъ глаголовъ 2-го спряженія; напр. хвалѧть, исцѣлѧть; б) въ 3-мъ лицѣ множ. числа прош. времени; напр. ведошѧ, рекошѧ.

4) Въ образованіи словъ, а именно: а) нѣкоторыхъ существительныхъ средн. рода; напр. ꙁнамѧ, имѧ, телѧ (*теленокъ*); б) мѣстоименій: мѧ, тѧ, сѧ; в) причастій; напр. любѧ, любѧи.

Буква ы иногда употребляется, въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ, въ замѣнъ носовыхъ; а именно: 1) въ образованіи существительныхъ; напр. камы (=*камен*), т. е., нынѣшнее *камень*, ꙗчмы (=ꙗчмен) — нынѣшнее *ячмень*; пламы и пламѧ = *плам-ень*. (*ень*=ы, ѧ); 2) въ окончаніи причастій; напр. пекы (*пекущій*), въ соотвѣтствіе кончащимся на ѧ, какъ напр. любѧ. Такое же соотвѣт-

ствіе буквы ѧ буквѣ а оказывается въ вин. падежѣ мн. числа; напр. сѧны и мжа. Тоже должно сказать о соотвѣтствіи ѧ буквѣ ы въ измѣненіи причастій; напр. могы и могѧщи и проч.

Такъ какъ носовые звуки стали чужды русскому языку; то уже въ древнѣйшихъ русскихъ спискахъ церковнославянскихъ памятниковъ, по вліянію русскаго выговора, носовыя буквы иногда замѣняются чистыми: *у, ю, а, я*. Потому всѣ выше исчисленные случаи употребленія носовыхъ буквъ встрѣчаемъ въ О. Е., и въ правильномъ видѣ, т. е. согласно со свойствами древнѣйшаго языка, и въ неправильномъ, т. е., съ измѣненіемъ этихъ буквъ по русскому выговору.

Примѣч. 1. Примѣры изъ Остромирова списка Евангелія: ю (вм. ѭ, т. е. ѣе), а (т. е. ѧ, вм. ѧ—*ихъ*), землю вм. землѧ, оставлю вм. оставлѧ, клала вм. клала и проч.

Позднѣйшій церковнославянскій языкъ, въ нынѣшнихъ церковныхъ книгахъ, по вліянію русскаго, вовсе не употребляетъ ѧ и ѫ, замѣняя эти начертанія соотвѣтствующими имъ оу и ю; что же касается до начертанія ѧ, то хотя и удержалъ оное, но смѣшалъ съ и. Старинные грамматисты, желая дать какое нибудь значеніе буквѣ ѧ, которой носовое произношеніе уже было затеряно, употребляли ее по произвольно выдуманнымъ правиламъ. На такомъ правилѣ, напр., основано двоякое начертаніе слова языкъ: ꙗзыкъ—въ значеніи дара слова, и ѩзыкъ—въ значеніи народа. Но первоначально, и въ томъ и въ другомъ значеніи, это слово писалось: ѩзыкъ.

Примѣч. 2. Носовые звуки доселѣ сохранились между славянскими нарѣчіями, особенно въ польскомъ.

Переходомъ носовыхъ звуковъ одного въ другой объясняется областное малорусское *ятреба* (т. е. ѧтрека), вм. *утроба* (т. е. ѫтроба).

§ 29. Русскій языкъ отличается отъ церковнославянскаго, въ отношеніи гласныхъ звуковъ, вставкою *о* или *е* передъ плавными *л* и *р*. Предварительно должно замѣтить, что славянскій языкъ вообще и церковнославянскій въ особенности полагаетъ гласный звукъ послѣ плавныхъ, въ противоположность другимъ языкамъ, которые въ словахъ, соотвѣтствующихъ нашимъ, помѣщаютъ гласный звукъ передъ плавными; напр. *m–a–rmor мр–а–моръ*. На этомъ же перемѣ-

щеніи звуковъ основывается измѣненіе нѣкоторыхъ славянскихъ реченій; напр., измѣненіе формы *алк* на *лак*, въ словахъ: *алкать*, *алчный* и *лакать*, *лакомый*.

Русскій языкъ ставитъ гласные *о* или *е* по обѣ стороны плавнаго *л* или *р*, употребляя *еле*, *ело*, *оло*, *ере*, *оро*, вмѣсто церковнославянскихъ: ла, лѣ, ле, ра, рѣ, ре. Для примѣра предлагается здѣсь нѣсколько церковнославянскихъ словъ въ сличеніи съ русскими: гладъ *голодъ*, глась *голосъ*, злато *золото*, класъ *колосъ*, младъ *молодъ*, слама *солома*, млеко (древнее млѣко) *молоко*, градъ *городъ*, прагъ *порогъ*, брада *борода*, сребро *серебро*, брегъ (древнее брѣгъ) *берегъ*, предъ (древнее прѣдъ) *передъ*, пре- (напр. *пре-ложить*, древнее прѣ) *пере* (напр. *пере-ложить*), чрезъ (древнее чрѣзъ) *черезъ*; далѣе рус. областное *долонь*, откуда, съ перестановкою звуковъ, общеупотребительное *ладонь*, и проч.

Относительно этого свойства, въ историческомъ развитіи нашего языка, должно замѣтить слѣдующее.

1) Вставка гласныхъ *о* или *е*, передъ *л* или *р*, существовала въ русскомъ языкѣ искони, какъ свидѣтельствуютъ древнѣйшіе письменные памятники.

Примѣч. 1. Уже въ Остромировомъ спискѣ Евангелія, именно въ послѣсловіи и Святцахъ, по вліянію выговора писца, вошли рус. формы: Володимира, Новъгородъ, перегнижъ, вм. церковнославянскихъ: Владимира, Новъградъ, прѣгнижъ. Замѣчательно, что въ словѣ: перегнижъ, писецъ соединилъ свойства обоихъ языковъ, вставивъ *е* передъ *р*, и удержавъ *ж*.

2) Въ древнерусскихъ памятникахъ, вставку гласныхъ *о* и *е* встрѣчаемъ въ бо́льшемъ употребленіи, нежели теперь. Напр. писалось: *володѣть*, *молодшій*, *веремя*, *ворогъ*, *переже*, *шеломъ*, вм. нынѣ употребительныхъ: *владѣть*, *младшій*, *время*, *врагъ*, *прежде*, *шлемъ* и проч. Въ выраженіи: *на сторожѣ*, вм. *на стражѣ*, сохранилась древняя народная форма: *сторожа*, вм. *стража*.

Примѣч. 2. Гнѣдичъ, Пушкинъ и другіе новѣйшіе писатели иногда употребляютъ древнерусскую форму *шеломъ*, вм. *шлемъ*.

3) Въ областномъ просторѣчіи и доселѣ вставка гласныхъ о и е передъ плавными, почти столь же употребительна, какъ была она въ древнихъ памятникахъ.

4) Современный языкъ образованнаго общества и языкъ книжный, представляя смѣсь церковнославянскаго съ русскимъ, употребляютъ: 1) церковнославянскія формы: *владѣть, прежде, младшій, срамъ* и проч., вм. русскихъ: *володѣть, переже, молодшій, соромъ* и проч.; 2) русскія формы: *корова, ворона, воробей, горохъ* и проч., вм. церковнославянскихъ: кравa, кранa, кракiй, грахъ и проч.; 3) и тѣ и другія; напр. *пламя* и *поломя, младшій* и *моложе, влеку* и *волоку, чрезъ* и *черезъ пре* и *пере*.

Не смотря на такую смѣсь формъ русскихъ съ церковнославянскими, мы отличаемъ однѣ отъ другихъ: 1) по значенію; напр. *норовъ* и *нравъ, порожній* и *праздный, порохъ* и *прахъ, морочить* и *мрачить, хоромы* и *храмъ, хоронить* и *хранить, беремя* и *бремя, берегу* и *брегу* (*небрегу, пренебрегаю*), *вередъ* и *вредъ, волость* и *власть, голова* и *глава* и проч.; и 2) по употребленію: въ рѣчи книжной и возвышенной: *брегъ, глава, злато, сребро, стражъ* и проч.; въ рѣчиже разговорной: *берегъ, голова, золото, серебро, сторожъ* и проч. Потому слова нравственнаго значенія, напр. *бремя, владѣть* и проч., приняли форму церковнославянскую; а слова, имѣющія значеніе вещественное и употребляемыя въ ежедневной рѣчи, напр. *воробей, горохъ, корова* и проч., удержали форму русскую. Въ привѣтствіяхъ: «*здравствуйте*» «*здравія желаю*» и «*здорово живешь*» употребляется и та и другая форма, для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи.

5) Въ нашемъ литературномъ и особенно въ стихотворномъ языкѣ долго господствовали формы церковнославянскія, каковы: брегъ, глава, младъ и проч.; но со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться полногласныя, чисто русскія.

6) Впрочемъ нѣкоторыя краткія формы, какъ остатки старины, допускаетъ и просторѣчіе. Напр., въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: «*злато – серебро*» «*младъ ясенъ соколъ*» «*я млада младенька*» и проч.

Примѣч. 3. Многія древнерусскія полногласныя формы и доселѣ сохра-

нились въ областномъ просторѣчіи; напр., областное слово *болого* (или *болозе*, съ смягченіемъ г въ з), вм. *благо*, встрѣчается въ Рус. Правдѣ, въ пословицахъ XVII в. («у худа ума не *болозе* ногамъ» т. е. не хорошо ногамъ).

§ 30. Употребленіе гласныхъ подчиняется законамъ I) измѣненія и II) сочетанія этихъ звуковъ.

I. Важнѣйшій законъ измѣненія гласныхъ, оказывающій дѣйствіе на весь этимологическій составъ церковнославянскаго и русскаго языковъ, есть усиленіе, или подъемъ этихъ звуковъ. Вмѣстѣ съ гласными пользуются тѣмъ же закономъ и плавные *р* и *л*.

Усиленіе гласныхъ и плавныхъ: *р* и *л*, происходитъ двоякимъ образомъ: или А) черезъ перемѣну гласныхъ (преимущественно краткихъ на долгіе): *ь* на *и*; *ъ* на *у*, *ы*, *а* и *о*; *е* на *о*, *о* на *а*, *и* на *ѣ* и *я* на *ѧ*; или же В) черезъ вставку звуковъ *а*, *е*, *о*, передъ плавными *р* и *л*, и передъ гласными *и* и *у* (или *ы*).

Усиливая, такимъ образомъ, гласный или плавный звукъ, грамматическая форма измѣняетъ и самое значеніе свое: или изъ глагола становится именемъ, или принимаетъ значеніе винословное (напр. *вьшать*, при глаголѣ *висѣть*), или переходитъ изъ одного вида глаголовъ въ другой, или же измѣняетъ свой смыслъ вообще.

Сказанное объясняется слѣдующими примѣрами, въ основу которыхъ приняты, гдѣ нужно, церковнославянскія формы, сличенныя съ русскими.

Примѣч. 1. Церковнославянскія формы необходимы здѣсь потому, что правильнѣе русскихъ сохранили свой первоначальный составъ.

1. Перемѣна гласныхъ.

1) Перемѣна *ь* на *и*; напр. мьи-ѣти (*мню*, *по-мню*) по-мни-ати; жьд-ати (*ждать*) о-жид-ати.

2) Перемѣна *ъ* на *у* и *ы*; напр. бъд-ѣти (*бодрствовать*) боуд-нти, глъх-нж-ти (*глохнуть*) *глухъ глушить*, съх-нж-ти (*сохнуть*) *сухъ сушить*, дъх-нж-ти (*дохнуть*) *духъ душить*, съп-ати (*за*)*сыпать*.

3) Перемѣна *е* на *а* и *о*; напр. мрѣк-нж-ти (*меркнуть*) мракъ *мрачить по-мрач-ать морокъ морочить*, мрѣз-нж-ти (*мерзнуть*) мразъ *морозъ морозить*.

4) Перемѣна *е* на *о*; напр. *теку токъ* (*ис-токъ, по-токъ*) *точить* (т. е. заставить течь; напр. «точить кровь» «точить воду»), *везу возъ воз-ить, реку рокъ у-рокъ пре-урочить.*

5) Перемѣна *о* на *а*; напр. *клон-ить кланяться, творити тварь.*

6) Перемѣна *и* на *ь*; напр. *вис-ѣть вѣсъ вѣс-ить вѣш-ать, лип--нуть лѣп-ить, вид-ѣть вѣжди* (§ 36) *вѣдать.*

Примѣч. 2. Языкъ соединяетъ понятія о вѣдѣніи и зрѣніи, какъ это видно изъ послѣдняго примѣра.

7) Перемѣна *ж* на *ж*; напр. гряз-нж-ти (*грязнуть грязь*) гряжъ погряз-нти (*грузъ грузить*), звяц-нти звяжк (*звукъ звучать*), мятж (*мяту*) мят-нти (*мутить с-мута*), трас-ти тржс (*землетрясенье*) *трусъ трусить.*

Перемѣнѣ *ж* на *ж* соотвѣтствуетъ, въ нѣкоторыхъ словахъ, переходъ звуковъ *ен* въ *он*; напр. *зв-ен-ѣть зв-он-ъ зв-он-ить.*

2. Вставка гласныхъ а, о, е.

1) Передъ плавными *р* и *л*; напр. зр-нти (смотрѣть) з-о-рн з-л-рн *з-а-рево* и *з-о-рѣ* (*по-зорѣ у-зорѣ*) *з-о-рить* (*по-зорить*) *з-а-риться, мр-у м-о-рѣ м-о-рить, бр-ать б-е-ру, пл-ати* (т. е. *пылать*, отъ пла-ти образуется пла-мя) *п-а-лить* (т. е. жечь), (*за*)*кл-ать к-о-ло.*

Примѣч. 3. Языкъ соединяетъ понятія о зрѣніи и свѣтѣ.

2) Вставка *о* передъ *и*, въ слѣдствіе чего коренной звукъ *и* переходитъ въ *ои*; напр. *пи-ти п-о-й* (*водо-пой*) *п-о-ить, ги-ть ги-о-й ги-о-ить.*

3) Вставка *а* и *о* передъ *у* (при чемъ *у*, сокращаясь, переходитъ въ *в*, по § 24-му); слоу-ти (*слыть, слыву*, отъ *слу-ти* образовалось *слу-хъ*) *сл-а-в-а сл-а-вить сл-о-в-о сл-о-вить* (*благо-словить*).

Примѣч. 4. Языкъ соединяетъ понятія о словѣ и слухѣ, производя названія ихъ отъ одного и того же глагола.

4) Такъ какъ *ы* родственно звуку *у* (§ 24); то, при своемъ подъемѣ, измѣняется въ *ав* и *ов*, а иногда и въ *ва*; напр. *бы-ть б-а-в-ить* (*при-быть* и *при-бавить*, *у-быть* и *у-бавить*, *за-быть* и *за-бавить*), *плы-ть* (вм. *плу-ти*, какъ *слы-ть* вм. *слу-ти*) *пл-а-в-ать* и *пл-а-в-ить*, *р-ы-ть р-о-въ*, к-ы-с-нти (*киснуть*) *к-ва-съ к-ва-сить.*

II. При стеченіи гласныхъ, языкъ устрояетъ благозвучіе грамматической формы различными средствами. Изъ нихъ важнѣйшія суть:

1) Уподобленіе звуковъ. Если стоятъ рядомъ два гласные звука, различные по выговору, то одинъ изъ нихъ или вполнѣ измѣняется въ другой, или къ нему приноровляется: въ первомъ случаѣ уподобленіе бываетъ полное, во второмъ — неполное. Примѣръ полнаго оказывается въ предложномъ падежѣ единственнаго числа существительныхъ, оканчивающихся на *й* и *е*, съ предшествующимъ *і*, и въ дательномъ и предложномъ именъ на *я*, съ предшествующимъ *і*; напр. *о Василіи, во мытніи, Софіи, на линіи* (вм. *о Василіѣ, во мытніѣ, Софіѣ, на линіѣ*). Потому и въ правописаніи такія слова отступаютъ отъ общаго правила, по которому предложный и дательный падежъ оканчиваются на *ѣ*. Если звукъ *і*, предшествующій звукамъ *й, я, е*, переходитъ въ *ь*, то уподобленіе становится ненужнымъ; тогда въ дательномъ и предложномъ падежахъ, вмѣсто *и*, оказывается первоначальный *ѣ*; напр. *Софья, Софьѣ, о Софьѣ*. Въ именахъ, оканчивающихся на *е*, слышится *ѣ* явственно, когда на этомъ послѣднемъ звукѣ стоитъ удареніе; напр. *о житьѣ;* безъ ударенія же *ѣ* смѣшивается съ *и*, какъ въ выговорѣ, такъ и на письмѣ; напр. *на ученьи* и *на ученьѣ*.

Неполное уподобленіе оказывается въ переходѣ мягкихъ *я, ь, й* и друг. въ *е*, и твердыхъ *а, ъ* и друг. въ *о*; напр. *пут-ь пут-е-мъ, дом-ъ дом-о-мъ, во-й во-и-нъ во-е-вать, мудр-ъ мудр-о-вать*, цс. *сь* (*сей*) *с-е-го, с-е-му* и проч.; цс. *тъ* (*тотъ*) *т-о-го, т-о-му* и проч.; въ словахъ сложныхъ; напр. *пут-е-шествіе*, при словѣ *пут-ь; вод-о-падъ*, при словѣ *вод-а*. Отступленіе отъ этого закона замѣчается въ сложныхъ: *кров-о-пролитіе*, вм. *кров-е-пролитіе, чест-о-любіе*, при словахъ *кров-ь, чест-ь*. Но въ прилагательныхъ: *мудр-е-нъ, бѣд-е-нъ* и въ друг., звукъ *е* есть вставной, полагаемый между корнемъ слова (*мудр-, бѣд-*) и окончаніемъ (*-нъ*).

Важнѣйшій случай уподобленія полнаго оказывается въ церковнославянскомъ склоненіи именъ прилагательныхъ, состоящемъ

въ приставкѣ мѣстоименія **н, ꙗ, ѥ,** родит. **ѥго,** дат. **ѥмоу** и проч., къ краткимъ окончаніямъ прилагательныхъ (§ 99). Вмѣсто **нова-ѥго**, **новоу-ѥмоу**, обыкновенно употребляются, въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ, формы, образовавшіяся чрезъ уподобленіе гласныхъ: **нова-аго**, **новоу-оумоу** и проч.; но встрѣчаются и въ древнѣйшемъ видѣ, то есть, безъ уподобленія; напр. въ Супр. рук.: **осѫжденоу-ѥмоу** (*осужденному*), въ Болгарскомъ Паремейникѣ XII в.: **тврьда-его** (*твердаго*), **крѣпка-его** (*крѣпкаго*) и друг.

2. Вставка звуковъ согласныхъ (и звука *j*); а именно: 1) вставка *в*; напр. *одѣ-в-а-ть* (областн. *одѣ-в-ало*, вм. *одѣ-j-ало*, т. е. *одѣяло*), *бы-в-ать* (вм. *бы-ать*), *зѣ-в-ать* (вм. *зѣ-ать*); 2) *j*; напр. *одѣ-j-ати* (т. е. **одѣяти**, вм. *одѣ-ати*), *зі-j-ать* (т. е. *зіять*); 3) *н*; напр. *за-н-имать*, *по-н-имать*, *при н-емъ* (вм. *при емъ*), *съ нею*, (вм. *съ ею* §§ 32 и 33); 4) *б*, въ предлогѣ *объ*, вм. *о*, передъ твердыми гласными; напр. *объ урокѣ*, *объ отцѣ*, вм. *о урокѣ*, *о отцѣ*.

Такая вставка звуковъ объясняется законами благозвучія церковнославянскаго и русскаго языковъ, которые не терпятъ двухъ гласныхъ рядомъ, и раздѣляютъ ихъ, или вставкою согласнаго, напр. *одѣ-в-ать*; или приставкою *j* къ гласному, измѣняя послѣдній въ *я*, *ю*, **ѥ** и проч.; напр. *одѣ-ять* вм. *одѣ-j-ать*. На этомъ законѣ основывается переходъ иностранныхъ *Генуа*, *Падуа* и друг. въ *Генуя*, *Падуя*, а также и склоненіе этихъ именъ; напр. *Геную*, *Падую* и проч., вм. *Генуу*, *Падуу*.

Иностранныя слова: *по-эзія* (а не *по-j-эзія*), *те-атръ* (а не *те-j-атръ* или *теятръ*), *прові-антъ* (а не *прові-j-антъ* или *провіянтъ*), въ образованномъ языкѣ, не принимаютъ вставнаго *j*.

Примѣч. 5. Вставкою *j* объясняется переходъ древнѣйшихъ *Іунь*, *Іуль* въ позднѣйшія *Іюнь*, *Іюль* (т. е. *І-j-унь*, *І-j-уль*), а также иностранныхъ *океанъ*, *театръ*, *провіантъ* и друг., въ народныя формы: *океянъ* или *окіянъ*, вм. *оке-j-анъ*, *теятръ*, *провіянтъ* и друг.

Въ формахъ: *объ немъ*, *объ нихъ*, *объ языкѣ* и въ друг., оказывается двѣ вставки, именно: *о-бъ н-емъ*, *о-бъ н-ихъ*, *о-бъ j-азыкѣ*; а въ формахъ: *о немъ*, *о нихъ*, *о языкѣ* — одна вставка. На письмѣ употребляются и тѣ и другія формы.

3. Приставка звука; напр. приставка *е* къ формамъ *коле, мьнє* и проч., въ нарѣчіяхъ: *болье, меньше* и проч.

4. переходъ гласныхъ въ согласные; а именно:

1) *у* въ *в, ов* (цс. ѫ) и *ю* въ *ев*; напр. *жу-ю, ж-в-а-чка, ку-ю к-ов-ть, плю-ю пл-ев-ать*; потому должно писать: *совьт-ов-ать, сьт-ов-ать*, при формахъ: *совьт-у-ю, сьт-у-ю* (а не *совътывать, сътывать*), и наоборотъ: *откладывать, сказывать*, при формахъ: *откладываю, сказываю* (а не *откладовать, сказовать*). Принято писать *клювъ*, вм. *клевъ*, отъ глагола *клю-ю клев-ать*, въ значеніи орудія дѣйствія, въ отличіе отъ самаго дѣйствія, означаемаго формою *клевъ*.

2) *ы* въ *ов* (цс. ѫ); напр. *ум-ы-ть, ум-ов-енъ* (цс. ѹм-ѫ-енъ). *за-бы-ть заб-в-енъ* (цс. заб-ѫ-енъ), *р-ы-ть р-ов-ъ, кр-ы-ть кр-ов-ъ*. Равномѣрно и *ов* (или *ев*) можетъ перейти въ *ы* (или *и*); напр. книжныя формы: *Иван-ов-ичъ, Серг-ев-ичъ*, произносятся: *Ива-н-ы-чъ, Серг-и-чъ*. Въ древнеруск. языкѣ глаголы продолженнаго вида могли сокращать *ыва* въ *у*; напр. *разсказуетъ, приписуетъ*, вм. *разсказываетъ, приписываетъ*; какъ и теперь употребляютъ: *обязуюсь, испытуемый*, вм. *обязываюсь, испытываемый*.

3) *ѫ* въ *ьн* и *ьм*; напр. ж-ѫ-ть, (за)ч-ѫ-ть, ѫ-ть (*жать, за-чать, при-н-ять*): ж-ьн-ѫ и ж-ьм-ѫ, (за)ч-ьн-ѫ, ьм-ѫ-ть (*жну, жму, на-чну, при-емлю*); см. § 28.

5. Сокращеніе гласныхъ звуковъ. Оно особенно оказывается въ переходѣ языка отъ формъ древнѣйшихъ къ позднѣйшимъ.

1) Въ церковнославянскомъ языкѣ; напр. сокращеніе древнѣйшаго глагола имѣмь въ позднѣйшій имамь (§ 85); преходящаго времени; напр. вѣхъ въ бѣхъ или бихъ и проч. (§ 84).

2) Въ русскомъ языкѣ: а) опущеніе гласныхъ *о* и *е*; напр. *огнь огня, отецъ отца*; б) переходъ *и* въ *ъ*; напр. *братья, друзья* (вм. *братія, друзія*); в) сокращеніе гласныхъ на концѣ словъ, въ полугласныя *й* и *ъ*; напр. *рукой* (вм. *рукою*), *одной* (вм. *одною*), *дивлюсь* (вм. *дивлюся*), *брось, пусть* (вм. *броси, пусти*) и проч. г) опущеніе гласныхъ въ словахъ, взятыхъ изъ чужихъ языковъ; напр. *Д-и-митрій* и *Д-митрій*: первое употребляется въ важной рѣчи, а

второе въ обыкновенной, разговорной.—Разговорное *Ерусалимъ* (вм. *Іерусалимъ*) иногда употребляется и въ книжномъ языкѣ; напр. у Батюшкова: «тебѣ сей даръ, пѣвецъ *Ерусалима*! 2, 9.

3) Самый важный случай сокращенія гласныхъ оказывается въ переходѣ древнѣйшихъ формъ прилагательныхъ полныхъ, образовавшихся помощію уподобленія, въ позднѣйшія; напр. **добраго** *добраго*, **доброуоумоу** *доброму*, **добрымъ** *добрымъ*, **добрыихъ** *добрыихъ* и проч. Позднѣйшій церковнославянскій языкъ, равно какъ и нашъ книжный, имѣетъ уже только сокращенныя формы; напр. **добраго**, **добромоу** и проч. Но древнерусскій языкъ и областное просторѣчіе пользуются еще нѣкоторыми полногласными формами; напр. *родимыихъ*, *удалыимъ* и пр. (§ 99).

Примѣч. 6. Въ областномъ просторѣчіи: 1) приставка гласныхъ: *авчера*, *авторникъ*, *алленой*, *арженой*, *иржи*, *игдѣ* (вм. *вчера*, *вторникъ*, *льняный*, *ржаной*, *ржи*, *гдѣ*); слич. въ Словѣ о полку Игор. *аркучи* вм. *ркучи* (говоря); 2) опущеніе гласныхъ: *му мешь* вм. *имму имѣешь*, *за зеромъ* вм. *за озеромъ*, *чуть* вм. *чуять* (*почулъ—почуялъ*), *чать* вм. *чаять* (*чала* — думала, *чато* — думано), въ творит. пад. мн. числа: *крутымъ берегами* (вм. *крутыми*). Въ словѣ *серга* опущенъ, въ началѣ, гласный звукъ *у*, въ послѣдствіи перешедшій въ *и*; что явствуетъ изъ церковнослав. **оусерязь** и областнаго *исерыга*.

2. О согласныхъ.

§ 31. Согласные звуки дѣлятся на плавные и твердые. Плавные суть *л*, *м*, *н* и *р*. Остальные относятся къ твердымъ. Изъ числа послѣднихъ звуки *в*, *г* (*h*), *д* и *j* (смягчающій гласные *а*, *у* и др. въ *я*, *ю* и въ др.) называются придыханіями (§ 32). Какъ твердые, такъ и плавные звуки подраздѣляются, по органамъ произношенія: 1) на губные *б*, *п*, *ф*, *в*, *м*; 2) гортанные *г* (*g*), *к*, *х*; 3) зубные *д*, *т*, *з*, *с*, *ц*; 4) небные *ж* (*жд*), *ч*, *ш*, *щ* (*шт*); 5) язычные *р*, *л*; и 6) носовые, къ которымъ принадлежитъ *н* (*м*). Звуки *з*, *с*, *ц*, въ отличіе отъ *д*, *т*, *в*, именуются свистящими, въ соотвѣтствіе шипящимъ: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*.

Гласные, принимая свойства согласныхъ, замѣтнѣе отличаются по органамъ произношенія; *и* (черезъ *j*, какъ по французскому, такъ

и по нѣмецкому выговору) относится къ небнымъ, *у* (переходящее въ *в*) къ губнымъ, а *л* и *р* къ носовымъ.

Между звуками каждаго органа должно отличать тонкіе отъ среднихъ: *б*, *г*, *д*, *ж*, *з* суть тонкіе, имъ соотвѣтствуютъ среднія: *п*, *к*, *т*, *ш*, *с*: что явствуетъ изъ нашего произношенія, замѣняющаго звуки тонкіе средними въ концѣ словъ при полугласныхъ *ъ* и *ь*; напр. *групъ* вм. *грубъ*, *друкъ* вм. *другъ*, *дьть* вм. *дядь*, *дроіть* вм. *дрожь*, *восъ* вм. *возъ*. Отъ тонкихъ и среднихъ звуковъ отличаются придыхательные: *ф*, *ѳ* и *х*, означаемые, въ латинскомъ алфавитѣ, сочетаніемъ среднихъ *p*, *t*, *c*, (т. е. *k*) съ придыханіемъ *h*; а именно: *ph* (ф), *th* (ѳ), *ch* (х).

Въ произношеніи средніе одного органа передъ тонкими другаго измѣняются въ тонкіе, и наоборотъ; напр. *здѣлать* вм. *сдѣлать*, *коропка* вм. *коробка*. Правописаніе въ такихъ формахъ слѣдуетъ производству словъ, а не произношенію. Впрочемъ, въ слѣдствіе выговора, удержались и въ правописаніи: *гоѣ* вм. *коѣ*, цс. **къде**, *здѣсь* вм. *сдѣсь*, отъ цс. **сьде**. Такое измѣненіе звуковъ называется уподобленіемъ. Въ древнемъ церковнославянскомъ и древнерусскомъ языкахъ, правописаніе большею частію подчинялось, въ этомъ случаѣ, выговору; потому, напр. въ О. Е., встрѣчаемъ: **беспечали** вм. *безъ печали*, **беспорока** вм. *безъ порока* и пр.

Въ нынѣшнемъ русскомъ правописаніи принято измѣнять букву *з* на *с*, въ предлогахъ *воз-*, *из-*, *низ-* и *раз-*, передъ средними *п*, *к*, *т*, и передъ придыхательнымъ *х*; напр. *востокъ* вм. *воз-токъ* (*востекать*, т. е. восходить), *исключать* вм. *из-ключать* (*ключать*, *за-ключать*), *ниспадать* вм. *низ-падать*, *раскатъ* вм. *раз-катъ*; въ предлогахъ же *без-* и *чрез-* или *через-*, передъ тѣми же звуками, принято оставлять букву *з*; напр. *безпокоить*, *черезполосный*. Старинные писцы въ этомъ случаѣ были послѣдовательнѣе насъ.

Примѣч. О звукахъ *ф* и *ѳ* см. § 15.

§ 32. Придыханія и звуки плавные составляютъ болѣе подвижную и легкую часть согласныхъ, служа какъ бы переходомъ отъ гласныхъ къ согласнымъ твердымъ.

А. О придыханіяхъ должно замѣтить слѣдующее.

1. Самое обширное значеніе, въ церковнославянскомъ и русскомъ, получило придыханіе *і* (*j*). Оно имѣетъ способность смягчать какъ гласные звуки, приставляясь передъ ними, напр. *а* въ *я* (ꙗ, ї+а, см. § 26), такъ и согласные, слѣдуя за ними; напр. *бог-ъ; бож-ій*. Смягчительная сила этого звука оказывается и въ сокращеніяхъ его: *ь* и *й*, изъ которыхъ первое смягчаетъ согласные, за которыми слѣдуетъ; напр. *бог-ъ*, цс. **бож-ь-ство**, рус. *бож-е-ство*; а второе — гласные, передъ которыми оказывается; напр. *поко-й*, род. пад. *поко-я* (вм. *поко-й+а*), дат. *поко-ю* (вм. *поко-й+у*).

Звукъ *й* часто бываетъ остаткомъ мягкаго гласнаго; напр. *мое-й* вм. *мое-я* (т. е. *мое-j-а*, или *мое-й-а*), *истино-й* вм. *истино-ю* (т. е. *истино-j-у*, или *истино-й-у*). Впрочемъ, въ иныхъ случаяхъ, *й* есть только краткое *и*; напр. въ повелит. наклоненіи: *по-й*, въ соотвѣтствіе краткому *ь*: *будь*, вм. *буди* (§ 25).

Переходъ *j* въ *ж*, въ словѣ *Жидъ* (вм. *Іудей*), относится къ древнѣйшимъ временамъ; потому что формы: **жидовинъ, жидовьскы**, встрѣчаются уже въ церковнославянскихъ памятникахъ XI вѣка.

2. Звукъ *в*, подобно придыханію *і* (*j*), приставляется и вставляется для благозвучія. Какъ въ словахъ: **ꙗзъ**, *ягненокъ*, вм. **азъ**, *агнецъ* (§ 26), приставляется *і* къ *а*; такъ и *в* приставляется къ *о*, въ реченіяхъ: *в-оспа, в-осемь, в-отчимъ, в-острый*, вм. *оспа, осмь, отчимъ, острый*. Вставкою между гласными, звуки *в* и *і* также соотвѣтствуютъ другъ другу; напр. **да-ати**, откуда *да-в-ать да-в-аніе* и *да-і-ати да-і-аніе* (т. е. **даꙗти даꙗніѥ**); **одѣ-ати** *одѣ-в-ать* и *одѣ-і-ати одѣ-і-аніе* (т. е. **одѣꙗти одѣꙗніѥ**). Изъ предложенныхъ здѣсь формъ явствуетъ, что рус. языкъ предпочитаетъ придыханіе *в*. Потому реченія: *одѣяніе, даяніе*, какъ остатки церковнославянскаго языка, употребительнѣе въ рѣчи возвышенной; потому же прилагательное *вострый* имѣетъ значеніе вещественное, а *острый* — нравственное; если же послѣднее и употребляется вм. *вострый*, то не въ простой, а въ книжной рѣчи.

Звуки *в* и *й* переходятъ другъ въ друга; напр. *кра-в-чій* и *кра-й-чій*.

Примѣч. 1. На концѣ словъ смягченное *вь* могло переходить въ *й*, какъ это видно въ нарѣчіяхъ *домо-й*, *доло-й*, вм. старинныхъ и употребляемыхъ въ областномъ просторѣчіи: *домо-вь доло-вь* (иначе *домо-въ*, *доло-въ*, или *домо-у*, *доло-у*); вмѣсто дат. падежа: *домови*, *долови*. Сравн. въ Супр. рук. Дойнавъ вм. *Дунай*.

3. Звукъ *г* (*h*) состоитъ въ связи съ придыханіями *і* и *в*; потому: 1) *г* переходитъ въ *і*; напр. *Георгій*, черезъ старинную форму *Гюрги*, или *Гюргій* (Новг., Ипат. лѣт.), переходитъ въ *Юрій*; уже въ древнерус. языкѣ встрѣчаемъ *Генварь* вм. *Январь* (въ О. Е. снογαρα, род. пад.); 2) въ произношеніи, *г* переходитъ въ *в*, именно въ род. пад. ед. числа муж. и ср. род. прилагательныхъ и мѣстоименій; напр. *доброва* или *добрава*, *чево*, вм. *добраго*, *чего*. Правописаніе, въ этомъ случаѣ, уклоняется отъ выговора.

Примѣч. 2. Сверхъ *в* и *г* (*h*), должно упомянуть еще о придыханіи *с*. Оно весьма важно для сличенія славянскаго языка съ прочими родственными (смотр. Приложеніе); но мало замѣтно въ историческомъ развитіи церковнославянскаго и русскаго. Впрочемъ нѣкоторыя русскія формы могутъ быть объяснены имъ; напр. областная *мотрыть*, съ опущеніемъ придыханія *с*, вмѣсто общепринятой, съ этимъ придыханіемъ: *с-мотрыть*. Переходъ *г* въ *с* оказался въ церковнославянскомъ мѣстоименіи уєсо, вм. уєго.

Примѣч. 3. Придыханія *в* и *г* соотвѣтствуютъ одно другому, что видно изъ сличенія общеупотребительныхъ формъ съ областными; а именно: *в* вм. *г*: *господинъ* и *восподинъ*, *государь* и *восударь*, *государство* и *восударство*; и наоборотъ *г* вм. *в*: *вострый* и малорус. *гострый*. Въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ (въ рязанскомъ и частію въ новгородскомъ), въ отличіе отъ московскаго и владимірскаго, не измѣняется *г* на *в* въ окончаніи род. падежа *-аго*, *-его*, *-ого*.

Примѣч. 4. Въ просторѣчіи *в* иногда отбрасывается въ началѣ слова; напр. *ишь* вм. *вишь*, т. е. *видишь* (§ 46).

§ 33. Б. О плавныхъ должно замѣтить слѣдующее.

1. Они приставляются и вставляются для благозвучія. А именно: 1) *н*; напр. *отъ н-его*, *в-н-утрь*, отъ корня *утр-* цс. утр-, откуда *утр-*

-о-ба; *за-н-ять*, *при-н-ять*, *об-н-ять* (при церковносл. формахъ: **пріяти, объяти**), т. е., съ предлогами, глаголъ *ять*, цс. **ѧти**. 2) *л* при губныхъ замѣняетъ придыханіе (§ 35). Общеупотребительной формѣ *бояринъ* соотвѣтствуетъ древнѣйшая: **болхринъ** (употребляемая уже въ Супр. рук., въ Изборн. Святосл.).

Примѣч. 1. Въ областномъ просторѣчіи: *ледва* (въ смоленск.), *ледвь* (въ тульск.; слич. польск. *ледво*), вм. *едва*; *ской* вм. *сколь*, *ай* вм. *аль*.

2. Находясь между согласнымъ звукомъ и гласнымъ мягкимъ, плавные пропускаютъ черезъ себя смягчающее дѣйствіе послѣдняго на первый; напр. *вес-н-а вещ-н-ій*, *мыс-л-ить мыш-л-еніе*, *ост-р-и-ть из-ощ-р-ять*. Такое же свойство оказывается и въ придыханіи *в*; напр. *мерт-в-ить у-мерщ-вл-ять*, **колх-в-ъ колс-в-и** (§§ 36 и 37).

3. Плавные переходятъ другъ въ друга; а именно: 1) *р* въ *л*; напр. *Февраль* (*Februarius*, въ О. Е. **февруарь**) *Февраль*, *крикъ кликъ*, *крюкъ клюка*, *прорубь* (отъ глагола *рубить*, съ предлогомъ *про*) *прорубь*; и наоборотъ, *л* переходитъ въ *р*; напр. *верблюдъ* вм. *вельблюдъ*, въ О. Е. **вельбѫдъ**; 2) *р* переходитъ въ *н*; напр., принято писать: *ярмарка* (отъ нѣм. *jahrmarkt*), вмѣсто употребляемой въ разговорѣ формы: *ярманка* или *ярмонка*.

4. Плавные заступаютъ мѣсто твердыхъ; напр. *Сентябрь* вм. древняго **сентабрь** (September).

Примѣч. 2. Въ разсужденіи плавныхъ, должно замѣтить слѣдующіе случаи, въ которыхъ оказываются общія свойства этихъ звуковъ, въ примѣненіи къ мѣстнымъ нарѣчіямъ русскаго языка; а именно: 1) согласные твердые переходятъ въ плавные; напр. *птица мтица*, *пчела мчела*, *колыбель коломель*, *свадьба сварьба свальба*, *эдакъ* или *этакъ* и *эракъ*; въ старинномъ стихѣ объ Алексіи Божіемъ Человѣкѣ: «поставилъ бы я келью не такую, и еще бы не въ *ракомъ* я мѣстѣ» (вм. *этакомъ* или *эдакомъ*), въ Сборникѣ Румянц. Муз., подъ № 408; въ наименованіи русскаго писателя XI в.: *Лука Жидята* и *Лука Жирята*. 2) Плавные переходятъ другъ въ друга; а именно: *р* и *л*; напр. *портно* вм. *полотно*, *пелепелка*, въ пѣснѣ начала XVII в., вм. *перепелка*; *м* и *н*; напр. *зень* вм. *земь*, т. е. *земля*; *клейно* вм. *клеймо*,

мырять вм. *нырять*. 3) Плавные звуки переходятъ въ *в*, и наоборотъ; напр. *мнукъ* вм. *внукъ*, *вного* вм. *много*, *вымо* вм. *мимо*. Сюда относится измѣненіе формы *скрозь* (цс. **скроzѣ**) въ *сквозь* (цс. **сквоzѣ**), смотр. § 37; 4) сверхъ того, плавный *л* переходитъ въ *в*; напр. *хвостыть* вм. *хлыстать* (т. е. бить), а потомъ, черезъ *в*, въ гласный звукъ, именно въ *у*, не только въ малорусскомъ, но и въ великорусскомъ языкѣ, по мѣстнымъ нарѣчіямъ; напр. *поймау*, *поймавъ* вм. *поймалъ*, *сопышко*, *совнышко* вм. *солнышко*.

Примѣч. 3. Свойства придыханій и плавныхъ, замѣченныя здѣсь въ областныхъ видоизмѣненіяхъ русскаго языка, оказываются, въ бо́льшихъ размѣрахъ, въ историческомъ образованіи прочихъ родственныхъ языковъ. Смотр. Приложеніе.

§ 34. Измѣненіе согласныхъ звуковъ зависитъ отъ сочетанія ихъ или съ гласными, или между собою. Въ первомъ случаѣ должно обратить вниманіе на законъ смягченія согласныхъ (§§ 35, 36 и 37), во второмъ — на перемѣны, претерпѣваемыя согласными при ихъ стеченіи (§ 38).

§ 35. Важнѣйшій законъ, которому подчиняется въ церковнославянскомъ и русскомъ языкахъ употребленіе согласныхъ звуковъ, есть законъ смягченія ихъ передъ гласными мягкими, при содѣйствіи придыханія *і* (j), которымъ облекаются послѣдніе звуки (§§ 26 и 32). Законъ смягченія видоизмѣняется по характеру смягчающихся согласныхъ звуковъ, различаемыхъ по органамъ. Смягчаются согласные: А) губные, Б) зубные и В) гортанные.

А. Губные звуки *б*, *п*, *ф*, *в* и *м*, смягчаясь передъ мягкими гласными, принимаютъ послѣ себя звукъ *л*, переходя такимъ образомъ въ звуки: *бл*, *пл*, *фл*, *вл* и *мл*; напр. *люб-ить любл-ю*, *воп-ить вопл-ѣ*, *потраф-ить потрафл-ю*, *кров-ъ кровл-я*, *зем-ной земл-я*. Такъ какъ звукъ *л* здѣсь соотвѣтствуетъ смягчающему *і*(*ь*), то въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянскихъ губные звуки смягчаются, вмѣсто плавнаго *л*, звукомъ *ь*; какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ формъ въ Супр. рук.: **любьѣ** вм. *люблю*, **погубьѣ** вм. *погублю*, **славьѣ** вм. *славлю*, **zемьѣ** вм. *землю*, **благословьенъ** вм. *благословленъ*, **въскрѣмьенъ** вм. *вскормленъ*, и проч. Впрочемъ, въ О. Е. встрѣчаемъ формы, уже постоянно смягченныя звукомъ *л*; напр. **люблѣ**,

ꙁемлѭ, благословлѥнъ и пр. Русскій языкъ, хотя также постоянно смягчаетъ губные звукомъ *л*; однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отступаетъ отъ этого закона; напр. употребляетъ, въ просторѣчіи, *корабь* вм. *корабль*, *журавь* вм. *журавль*, а форму *земь*, вм. *земля*, допускаетъ и въ книжномъ языкѣ; напр. *на-земь*, *о-земь*. Въ такихъ формахъ русскій языкъ встрѣчается съ закономъ смягченія губныхъ, замѣченнымъ въ Супр. рук., гдѣ находимъ не только «**на ꙁеми**» вм. «*на землѣ*», но и **корабьи, корабьѩ** вм. *корабли*, *корабля*.

Глаголы *кайм-ить* и *клейм-ить* имѣютъ *кайм-ю* и *клейм-ю* (вм. *каймл-ю*, *клеймл-ю*).

Примѣч. 1. Смягченіемъ губныхъ помощію плавнаго *л*, славянскія нарѣчія юговосточныя отличаются отъ западныхъ. Въ юговосточныхъ: *корабль*, *земля*, *ловленъ*, *топленъ* и проч.; въ западныхъ: *корабь*, *земе*, *ловенъ*, *топенъ* и проч.

Въ областномъ просторѣчіи употребляются смягченныя формы: *буравль* вм. *буравъ*, *муравли* вм. *муравьи*, *скамля* вм. *скамья* и друг.

§ 36. Б. Зубные *д* и *т* въ церковнославянскомъ языкѣ смягчаются въ *жд* и *шт* или *щ*, а въ русскомъ въ *ж* и *ч*; напр. *родити* **рождѫ** и *рожу*, **рождьство** и *рожество*; *ходити* **хождѫ** и *хожу*, *предъ прежде* и *преже переже*; *хотѣти* **хоштѫ** или **хощѫ** и *хочу*, *свѣтити* **свѣшта** или **свѣща** и *свѣча*.

Примѣч. 1. О смягченіи *т* въ *шт* и *щ* должно замѣтить, что первое принадлежитъ церковнославянскому языку по письменности болгарской и сербской, а второе по русской. Потому, напр., въ Супр. рук. **хоштѫ**; въ О. Е. **хощѫ**, а также и **сѫштоу**, какъ остатокъ болгарскаго письма, вм. **сѫщоу** (т. е. *сущему*), и друг. Слич. § 15.

Примѣч. 2. Весьма часто церковнославянскія формы, съ звуками *жд* или *щ* (*шт*), при соотвѣтствующихъ имъ русскихъ (съ звуками *ж* или *ч*), не имѣютъ при себѣ ни въ церковнославянскомъ, ни въ русскомъ языкѣ первоначальныхъ формъ, съ звуками *д* или *т*; напр. *между* и *межъ*. Впрочемъ и въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ предполагать первоначальныя формы съ звуками *д* или *т*. Такъ напр., церковнославянская форма **щоуждии** (порусски *чужой*) предполагаетъ форму *тудъ*; потому въ О. Е. встрѣчаемъ: **тоуждии** (*чужой*); слич. сербск. *тудь*. Смотр. Приложеніе.

При изученіи русскаго языка необходимо вникать въ отличіе

смягченныхъ формъ русскихъ отъ церковнославянскихъ, въ отличіе, проникающее весь составъ того и другаго языка; такъ напр., въ образованіи прилагательныхъ: *надеж-ный, нуж-ный, преж-ній*, (а не *надежд-ный, нужд-ный, прежд-ній*), отъ русскихъ формъ: *надёжа, нужа, преже*; въ образованіи дѣепричастій: русское окончаніе дѣепричастій наст. времени, на *-чи*, соотвѣтствуетъ церковнославянскому причастію настоящ. времени жен. рода, на **-щи**; напр. **творящи** *дѣлаючи* (§ 54), и проч.

Въ историческомъ отношеніи о смягченіи звуковъ *д* и *т* должно замѣтить слѣдующее.

1) Уже въ О. Е., по вліянію выговора писца, встрѣчается смягченіе русское вмѣсто церковнославянскаго; напр. **прихожѫ** вм. **прихождѫ**, **прѣже** вм. **прѣждѣ**, **рожьство** вм. **рождьство**, **рожьшоуса** вм. **рождьшоуса** (т. е. *родившемуся*), **такоже** вм. **такождѣ**. — Что касается до древнѣйшихъ церковнославянскихъ рукописей, писанныхъ внѣ Россіи, какова Супр. рук., то въ нихъ точнѣе соблюдается церковнославянскій законъ смягченія зубныхъ.

2) Древнерусскіе памятники строже современнаго книжнаго языка слѣдуютъ русскому закону смягченія зубныхъ *д* и *т* въ *ж* и *ч*. Такъ напр., въ нихъ встрѣчаемъ: *вожь* вм. *вождь*, *переже* вм. *прежде*, *межю* и *межу* (откуда нынѣшнее *межъ*) вм. *между*, *нужа* вм. *нужда* (отъ *нудить*), *жажа* вм. *жажда* (отъ *жадати*); *вьчати*, *обьчати* вм. *вьщати*, *обьщати* (отъ словъ: *вѣтъ*, *обѣтъ*), и проч.

3) Областное просторѣчіе, въ отношеніи къ смягченію зубныхъ въ шипящіе, стоитъ ближе къ языку древнерусскихъ памятниковъ, нежели къ современному книжному.

4) Позднѣйшій церковнославянскій языкъ хотя и придерживается закона о смягченіи зубныхъ въ *жд* и *щ*; однако употребляетъ многія формы, смягченныя и по русскому выговору. Такъ напр., въ нынѣшнихъ Церковныхъ книгахъ встрѣчаемъ: **госпожа** вм. **госпожда** (отъ слова *господь*), **кижу** вм. **книжду**, и проч.—Какъ церковнославянскій, такъ и русскій законъ смягченія иногда оказываются даже

въ одномъ и томъ же словѣ. Такъ напр., въ словѣ *чуждый*, *д* смягчилось въ *жд*, по церковнославянскому закону, а *т* въ *ч* — по русскому.

Примѣч. 3. Такое отношеніе законовъ, въ примѣненіи даже къ одному реченію, восходитъ ко временамъ Остромирова Евангелія, въ которомъ встрѣчаемъ, напр., какъ чисто церковнославянскую форму: **щоуждии**, такъ и съ русскимъ переходомъ *д* въ *ж*, вм. *жд*: **щоужии**.

5) Современный русскій языкъ, образованный литературно, ближе, во многихъ случаяхъ, къ позднѣйшему церковнославянскому, нежели къ древнерусскому и къ нынѣшнему народному. Онъ представляетъ смѣсь смягченныхъ формъ церковнославянскихъ съ русскими. При чемъ должно замѣтить, что онъ употребляетъ: или 1) церковнославянскія формы вмѣсто русскихъ; напр. *прежде* вм. *преже*, *между* вм. *межу*, *вѣжди* вм. *вѣжи* (отъ слова *видѣть*), *нужда* вм. *нужа*, *жажда* вм. *жажа*, *вѣщать* вм. *вѣчать*, *смущеніе* вм. *смученіе* (отъ глагола *мутить*); или 2) русскія вм. церковнославянскихъ; напр. *вижу* вм. *вижду*, *клажа* вм. *клажда* (отъ глагола *кладу*), *кража* вм. *кражда* (отъ глагола *краду*), *хочу* вм. *хощу*, *отвѣчать* вм. *отвѣщать* и проч.; или 3) и тѣ и другія; напр. *между* и *межъ*, *тождество* и *тожество*, *невѣжда* и *невѣжа*, *чуждый* (форма полурусская) и *чужой*, *со-кращать* и *у-корачивать*, *помощь* и *помочь*, и проч.

Смягченныя формы церковнославянскія большею частію отличаются, въ образованномъ языкѣ, отъ русскихъ, какъ 1) по значенію; напр. *гражданинъ* и *горожанинъ*, *невѣжда* и *невѣжа*; такъ и 2) по употребленію: принадлежа языку книжному, онѣ болѣе приличны рѣчи возвышенной; напр. *вѣщать*, *услаждать*, *чуждый*, *поглощаю* (при русской формѣ: *проглочу*) и проч. Впрочемъ многія формы стали достояніемъ языка образованнаго вообще, каковы напр. *жажда*, *нужда*, *между*; причастія на *-щій* (напр. *дѣлающій*, *говорящій*), и друг.

Примѣч. 4. Предполагаемыя несмягченныя формы, каковы напр. *тудь* вм. *щуждъ* или *чужой*, *медю* вм. *между* и друг., дѣйствительно существуютъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, именно въ сербскомъ.

Примѣч. 5. Русскій языкъ, наклонный къ смягченію зубныхъ *д* и *т*, по своимъ нарѣчіямъ доводитъ это смягченіе до высшей степени, измѣняя

д въ *дз* и въ *з*, а *т* въ *тс* или *ц*. Напр., въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: *дзень* (день), *дзѣдъ* (дѣдъ), *будзь* (будь), *тсѣнь* или *цѣнь* (тѣнь), *казаць* (казать) и проч. Высшей степени смягченія достигаетъ нарѣчіе Ситкарей, т. е., поселившихся по рѣкѣ Сити. Въ этомъ нарѣчіи *д* переходитъ не только въ *дз*, напр. *идзи* вм. *иди*; но даже въ придыханіе *j*, которое присоединяется къ слѣдующему гласному; напр. *ий* (т. е. *иjи* вм. *идзи*, т. е. иди), *гляятъ* (т. е. *гляjятъ* вм. *глядзятъ*, т. е. глядятъ). Слич. въ олонецк. нарѣчіи: *гляй* вм. *глядь*, въ калужскомъ *зля* вм. *для*.

Примѣч. 6. Смягченіе *д* въ *жд*, свойственное церковнославянскому языку, уцѣлѣло въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ русскаго. Такъ напр., въ сибирскомъ говорится: *прихождане* вм. *прихожане*, *неурождай* вм. *неурожай*; въ рязанскомъ: *обижда*, *обиждать* вм. *обида*, *обижать*.

Со смягченіемъ зубныхъ *д* и *т* находятся въ связи слѣдующія особенности въ измѣненіи согласныхъ.

1) Звуки *д* и *т*, соединяясь съ *с*, переходятъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, въ *ц*; напр., въ старинномъ языкѣ, *цка* (вм. *дска*, т. е. *доска*), *посацкій* (вм. *посадскій*), *Полоцкъ* (вм. *Полотскъ*). На письмѣ слѣдуемъ въ этомъ случаѣ производству, а не выговору; потому пишемъ: *кадет-скій* (а не *кадецкій*), *вологод-скій* (а не *вологоцкій*) и проч.; но въ собственномъ имени: *Полоцкъ*, сохраняемъ старинное начертаніе. Въ числительныхъ: *два-дцать*, *пят-на-дцать* и проч., принято удерживать *дц*, образовавшееся изъ *дс*: *дцать*, т. е. *дсять*, вм. *десять*.

2) Сочетаніе звуковъ *зж*, въ нѣкоторыхъ формахъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго языка, переходитъ въ *жд*; напр. *вожделѣнный* вм. *возжелѣнный* (т. е. возжеланный), *иждивеніе* вм. *изживеніе*, отъ церковнославянскаго глагола: **иждити**, т. е. *изжить* (прожить, истратить).

Примѣч. 7. Такой переходъ звуковъ весьма употребителенъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ; напр. **въждешти** вм. **възжещи**, т. е. возжечь; **иждєнѫ** вм. **изженѫ**, т. е. изгоню, и проч.

§ 37. В. Смягченіе гортанныхъ *г*, *к* и *х*.

Предварительно должно замѣтить, что зубные звуки мягче гортанныхъ: потому на первой степени смягченія гортанные переходятъ въ зубные; какъ это явствуетъ изъ смягченія *к* въ *т*; напр. *паукъ*

паут-ина (древн. *паучина*), *Евдокія Авдотья* (и *Овдотья*); *прек* (*у-прек-ъ во-прек-и*) *прет-ить*; и потомъ, на второй степени смягченія, *т* переходитъ въ *щ*; напр. *за-прещ-ать*, при смягченной формѣ: *прет-ить*. Равномѣрно *ск* смягчается въ *ст*, и потомъ *ск* и *ст* въ *щ*; напр. *пуск-ать пуст-ить пущ-у*, *иск-ать ист-ецъ ищ-у*, *толстъ толще*. Въ церковнославянскомъ языкѣ смягченіе *ск*, черезъ *ст*, доходитъ до *сц*, передъ гласными *и* и *ѣ*; напр. **человѣчьскыи** (человѣческій) и **человѣчьстии** (человѣческіе), **іерусалимьскъ** и «**на горѣ іерусалимьстѣ**», **іерусалимьскъ** и «**въ градѣ іерусалимьсцѣ**» (въ О. Е.).

Примѣч. 1. Въ областномъ просторѣчіи, *ск* смягчается иногда въ *ст*; напр. *бастье* (лучше, красивѣе), сравн. степ. сравненія *баско* (хорошо, красиво).

Гортанные *г*, *к* и *х*, подъ вліяніемъ мягкаго звука *і* (*ј*) и смягченныхъ согласныхъ *я*, *ю* и друг., а также звука *ь*, смягчаются въ свистящіе *з*, *ц* и *с*, и въ шипящіе *ж*, *ч* и *ш*. При этомъ должно отличать слѣдующія степени смягченія: 1) гортанные послѣдовательно переходятъ въ свистящіе и шипящіе; напр. *друг-ъ друзь-я друж-ескій*; и 2) переходятъ только свистящіе въ шипящіе; напр. *пис-ать пиш-у пиш-етъ*, *рѣз-ать рѣж-у рѣж-етъ*, *овц-а овеч-ка*, *отец-ъ отч-ій*.

При смягченіи гортанныхъ должно имѣть въ виду слѣдующіе законы, въ наибольшей строгости сохраняемые древнѣйшимъ церковнославянскимъ языкомъ.

1) Гортанные могутъ сочетаться только съ твердыми гласными; напр. **гыбнѫти**, **человѣкы**, **хытити**. Русское правописаніе, забывъ соотвѣтствіе звуковъ, уже употребляетъ гортанные съ мягкими; напр. *гибнуть*, *человѣки*, *хитить*. Въ этомъ случаѣ, оно такъ далеко отошло отъ первоначальнаго закона сочетанія звуковъ, что даже положило правиломъ употребленіе мягкаго *и*, вмѣсто твердаго *ы*, послѣ гортанныхъ. Такое правописаніе перешло и въ позднѣйшій церковнославянскій языкъ, въ нынѣ употребительныхъ Церковныхъ книгахъ; напр. **враги** вм. **врагы** (вин. множ. числа).

2) Находящійся при гортанномъ, твердый гласный звукъ, самъ измѣняясь въ мягкій, измѣняетъ и гортанный звукъ въ мягкій же,

т. е. въ свистящій или шипящій; напр. смягченныя формы: **дрѹже** и **дрѹзи**, произошли отъ несмягченной: **дрѹгъ**; потому что твердый *ъ* измѣнился въ мягкіе *е* и *и*. Такимъ образомъ, сочетаніе гласныхъ мягкихъ съ гортанными не возможно; въ избѣжанія такого сочетанія, гортанный звукъ смягчается: *гя* въ *жа*, *гю* въ *жу*, *гь* въ *жь*, *ге* въ *же*, *ги* въ *зи*, *гѣ* въ *зѣ*; *кя* въ *ча*, *хя* въ *ша* и проч.

Примѣч. 2. Для ясности этотъ законъ требуетъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія. а) Въ смягченныхъ слогахъ: *жа*, *чу*, *ша*, *ца*, *цу* и проч., твердые гласные *а*, *у* и друг., очевидно суть остатки мягкихъ *я*, *ю* (т. е. *і+а*, *і+у*): заключающійся съ этихъ гласныхъ, звукъ *і*, соединившись съ гортанными *г*, *к*, *х*, произвелъ изъ нихъ мягкіе *ж*, *ч*, *ш* и др. Потому уже въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ встрѣчаемъ, напр.: **мѫжа**, **мѫжоу**, **врачѧ**, **врачоу**, **доуша**, а также: **отьца**, **отьцоу** и проч., а не **мѫжꙗ**, **мѫжю**, **врачꙗ**, **отьцю** и проч.; но въ древнерусскихъ памятникахъ сочетаніе звуковъ: *жя*, *жю*, *чя*, *чю* и др., допускается; напр. *нужя* (нужда), *межю* (между), *хочю*, и пр. б) Что касается до сочетанія смягченныхъ согласныхъ съ полугласнымъ, то постояннѣе встрѣчаемъ въ церковнославянскихъ памятникахъ *ь*; напр. **мѫжь**, **врачь**, **отьць**, **нищь** и проч. в) Буква *ѣ* съ свистящими *з*, *ц* и *с*, употребляется; съ гортанными же *г*, *к* и *х* (исключая названіе буквы *хѣръ*) и съ шипящими *ж*, *ч* и *ш*, сочетаться не можетъ. При послѣднихъ звукахъ она измѣняется въ *а*; напр. *ближайшій*, *крѣпчайшій*, вм. *ближѣйшій*, *крѣпчѣйшій*; согласно съ этимъ закономъ, въ нарѣчіи новгородскомъ, доселѣ употребляются формы: *громчае*, *корочае*, *легчае*, *тишае* (т. е. *громчѣе*, *тишѣе*, какъ въ Древн. рус. стих. 285: «а въ землѣ то идетъ свѣча *тишѣя*», и т. д.) вм. *громче*, *короче*, *легче*, *тише* и пр.

Въ сочетаніи гласныхъ съ гортанными, свистящими и шипящими, русскій языкъ слѣдуетъ церковнославянскому, впрочемъ съ нѣкоторыми уклоненіями; а именно: а) употребляетъ *ъ* послѣ шипящихъ и свистящаго *ц*; напр. *мужъ*, *душъ*, *отецъ*, вм. церковнославянскихъ: **мѫжь**, **доушь** (род. пад. множ. числа), **отьць**. б) Твердое *о*, вмѣсто мягкаго *е*, съ удареніемъ, послѣ тѣхъ же звуковъ; напр. *хорошо*, *гордецовъ*, вм. *хороше*, *гордецевъ*; в) *ы* послѣ *ц*; напр. *отцы*. Такое употребленіе вошло и въ новѣйшій церковнославянскій языкъ; напр. **оучєницы** вм. **оучєници** (т. е. ученики). г) Удерживается *ѣ* по-

слѣ *г*, *к* и *х*; напр. *о богѣ*, *о человѣкѣ*, *о духѣ*; д) *ь* послѣ шипящихъ отметается передъ суффиксами; напр. *доч-ка* (вм. *дочь-ка*), *ноже-ка* (вм. *ножь-ка*), *точ-ный* (вм. *точь-ный*) и проч. е) Частицы *же* и *уже* принято писать: *жъ*, *ужъ*, вм. *жь*, *ужь*.

Законами сочетанія нѣбныхъ съ гласными объясняется несоотвѣтствіе гласныхъ въ склоненіяхъ; а именно переходъ *ъ* въ *и*; *а* въ *и* и пр.; напр. *врач-ъ* (вм. *врачь*) *врач-а* и *врач-и* (а не *врач-ы*) *врач-ей* (какъ *кон-ь кон-ей*) *кож-а* и *кож-и* (а не *кож-ы*). Нѣкоторые пишутъ: *Ивановичъ*, *мечъ*, *ежъ*, *ножъ*, вм. *Ивановичъ*, *мечъ*, *ежъ*, *ножъ* и проч.; послѣднее начертаніе правильнѣе, потому что согласнѣе съ выше объясненными правилами сочетанія звуковъ въ русскомъ языкѣ.

Гортанные измѣняются въ свистящіе и шипящіе: I въ корняхъ и въ образованіи словъ, и II во флексіяхъ, или измѣненіяхъ словъ по склоненіямъ и спряженіямъ.

I. Въ корняхъ и въ образованіи словъ, какъ въ церковнославянскомъ, такъ и въ русскомъ.

1) *Г* смягчается: а) въ *з*; напр. *лег-кій*, откуда *лы-ота* и *льзя* (*нельзя*, въ арханг. нарѣчіи: *нельга*) *по-льза* (старинное и народное *по-лыа*), **кънаг-ыни** (*княгиня*) и **къназь**; б) въ *ж*; напр. *годить* и *ждати* (*ждать*; т. е., гортанный *г*, передъ *ь*, измѣняется въ *ж*), **гонж** и **женж** (зн. тоже гоню), *горло* и *жерло*, откуда *ожерелье* (тведому *го-* соотвѣтствуетъ мягкое *же-*); *другъ дружескій дружокъ* (собственно *дружекъ*) *дружка* (вм. *дружька*).

2) *К* смягчается: а) въ *ц*; напр. *ликъ лице*, *зеркало зерцало*, *никнуть ницъ*. Мягкія окончанія *-ць* (-цъ), *-ца*, *-це* (-цо), соотвѣтствуютъ твердымъ *-къ*, *-ка*, *-ко*; напр. *стрѣле-цъ* и *стрѣло-къ*, *пѣви-ца* и *пѣв-ка*, *солн-це* и *солныш-ко*; б) въ *ч*; напр. цс. **къто** (*кто*) и **ъто** (*что*), *кого* и *чего* (*къ = чь*, *ко = че*), *укъ* (откуда *на-ука*, *ново-укъ*) и *уч-ить*, *по-кою* и *по-чію* (см. § 30. I. 2. 2); *рука ручка* (вм. *ручька*) *ручной* (вм. *ручьный*); *человѣкъ*, цс. прилаг. **члокѣчь** или **челокѣчь**; *поперекъ поперечникъ* (вм. *поперечьникъ*), *кинжалъ* и народное *чинжалище*, употребляемое въ пѣсняхъ.

3) Х смягчается: а) въ *с*; напр. *хмур-иться хмур-ный* (напр. у Жуковск. VI, 186) *па-смур-ный*, *трух-нуть трус-ить*, *тряx-нуть тряс-ти*; б) въ *ш*; напр. *ход-ить* и цс. шьдъ, шьдъши и проч., откуда наши: *шедъ*, *шедши*, *шелъ* (вм. *шедлъ*); *дух-ъ душ-ный* (вм. *душ-ь-ный*, откуда *душенъ*) *душ-а*; *пастухъ пастушій*.

Примѣч. 3. Нѣкоторыя формы употребляемъ въ смягченномъ видѣ, забывъ первоначальныя несмягченныя, отъ которыхъ онѣ произошли. Такъ формы: *звѣзда*, *цвѣтъ*, черезъ смягченіе гортанныхъ, образовались изъ несмягченныхъ: *гвѣзда*, *квѣтъ*, или *гвизда*, *квитъ*, иначе: *гвязда*, *квятъ*, существующихъ въ соплеменныхъ нарѣчіяхъ. Форма *твѣтъ* употребляется и у насъ въ областномъ просторѣчіи. Равномѣрно смягченная форма: *чрезъ*, сохранилась, а несмягченная: *крозь*, цс. скроꙁѣ, осталась только въ областномъ просторѣчіи, именно: *скрозь*. Областная форма: *твѣтъ*, замѣчательна тѣмъ, что указываетъ на первую степень смягченія звука *к*, именно въ *т*; потомъ уже, на второй степени смягченія, *т* перешло въ *ц*, и образовало форму: *цвѣтъ* вм. *твѣтъ*.

Примѣч. 4. Въ древнерусскихъ памятникахъ, по вліянію мѣстнаго говора, звуки *ц* и *ч* переходятъ другъ въ друга; напр. *черковь* вм. *церковь*, и наоборотъ: *Ярославиць* вм. *Ярославичь*. Такую же замѣну звуковъ доселѣ можно слышать въ областномъ языкѣ, преимущественно по новгородскому нарѣчію.

II. Въ измѣненіяхъ словъ по склоненіямъ и спряженіямъ. Смягченіемъ гортанныхъ въ свистящіе и шипящіе, церковнославянскія измѣненія (флексіи) значительно отличаются отъ нашихъ.

1) Въ склоненіи церковнославянскій языкъ пользуется постояннымъ закономъ смягченія звуковъ *г*, *к* и *х*, передъ *и* и *ѣ*, въ *з*, *ц* и *с*, а передъ *е* — въ *ж*, *ч* и *ш*; напр. бог-ъ о боꙁ-ѣ боꙁ-и бож-е, чловѣк-ъ о чловѣц-ѣ чловѣц-и чловѣч-е, доух-ъ о доус-ѣ доус-и доуш-е. Порусски же эти формы склоняются безъ смягченія: *богъ о бог-ѣ бог-и* (зват. падежъ *боже* мы заимствовали изъ церковнославянскаго языка), *человѣкъ о человѣк-ѣ человѣк-и*, *дух-ъ о дух-ѣ дух-и*. Такъ какъ окончанія *-зь*, *-ць* произошли, черезъ смягченіе, отъ *-гъ*, *-къ*; то, по церковнославянскому закону смягченія гортанныхъ передъ *е*, звуки *з* и *ц* переходятъ въ *ж* и *ч*; напр. кнѧ-ꙁь кнѧж-е, отьц-ь (отецъ) отьч-е.

Примѣч. 5. Смягченіе гортанныхъ въ свистящіе, въ склоненіи, не вошедшее въ нашъ говоръ, доселѣ сохранилось въ нарѣчіяхъ, и преимущественно: въ малорусскомъ; напр. *нози* (ногѣ), *дивци* (дѣвкѣ), *сваси* (свахѣ); и въ бѣлорусскомъ; напр. *дарозѣ* (дорогѣ), *лузѣ* (лугѣ), *руцѣ* (рукѣ).

Впрочемъ, великорусскій языкъ, по новгородскому нарѣчію, уже въ XI в. уклонялся отъ закона смягченія гортанныхъ звуковъ въ окончаніи падежей. Потому писецъ Остромирова Евангелія, какъ бы по нынѣшнему выговору, употребляетъ форму: **Пасхѣ**, не смягчая звука *х*, который въ этомъ словѣ, вмѣсто *с*, обыкновенно переходитъ по церковнославянски въ *ц*: **Пасцѣ** (отъ формы **Паска**).

Остатки смягченія гортанныхъ въ свистящіе и шипящіе, въ склоненіи, русскій языкъ сохранилъ въ формахъ: *друзья*, *лузья*, отъ словъ: *другъ*, *лугъ*; *очи*, *уши*, отъ словъ *око*, *ухо*.

2) Въ спряженіи, кромѣ измѣненій, общихъ съ русскимъ языкомъ, каковы напр.: **бѣг-ѫ бѣж-иши, пек-ѫ печ-еши, пис-ати пиш-ѫ**, церковнославянскій языкъ смягчаетъ гортанные звуки въ свистящіе и шипящіе, во многихъ формахъ, которыя въ русскомъ языкѣ или вовсе не употребляются, напр. **бых-ъ быш-а**, или остаются несмягченными; напр. цс. **помоꙁи, теци**, рус. *помоги*, *теки*.

Примѣч. 6. Касательно смягченія гортанныхъ должно замѣтить слѣдующія особенности, въ церковнославянскихъ спряженіяхъ.

1) Въ повелительномъ наклоненіи, передъ *и* и *ѣ*, гортанные измѣняются въ свистящіе; напр. **помог-ѫ помоꙁ-и помоꙁ-ѣте, тек-ѫ тец-и тец-ѣте**.

2) Окончаніе прошедш. времени 1 лица ед. числа *-хъ* измѣняется въ *с* и *ш*, въ прочихъ лицахъ двойств. и множ. чиселъ: въ *с* передъ *т*, и въ *ш* передъ **ѧ**; напр. **бы-хъ бы-с-та бы-с-те бы-ш-ѧ**; но въ 1 лицѣ какъ двойств., такъ и множ. числа, остается гортанное *х*, поддерживаемое твердымъ *о*; напр. **бы-х-овѣ бы-х-омъ**.

3) Преходящее же время, сверхъ того, измѣняетъ окончаніе 1-го лица ед. числа *-хъ* на *-ше* во 2-мъ и 3-мъ лицахъ ед. числа; напр. **бѣа-хъ (бѣ-хъ бꙗ-хъ) бѣа-ше (бѣ-ше бꙗ-ше)**. Но въ 3-мъ лицѣ мн. числа удерживаетъ *х*, по вліянію твердаго **ѫ**: **бѣа-хѫ (бѣ-хѫ бꙗ-хѫ**, а также и **бѣ-шѧ бꙗ-шѧ**, по вліянію **ѧ**).

4) Въ нѣкоторыхъ древнихъ церковносл. памятникахъ встрѣчается окончаніе прошедш. времени 1-го лица ед. числа: *-съ*, и множ. *-сомъ*, то есть, смягченное, вмѣсто общеупотребительнаго несмягченнаго: *-хъ*, *-хомъ*; напр. **пргꙗ-съ прꙗ-сомъ**, вм. **прꙗ-хъ прꙗ-хомъ** (т. е. принялъ приняли).

§ 38. При стеченіи согласныхъ языки церковнославянскій и русскій подчиняются слѣдующимъ законамъ.

I. Ни церковнославянскій, ни русскій языкъ не терпитъ стеченія одинаковыхъ согласныхъ въ одномъ и томъ же слогѣ, ни въ корняхъ словъ, ни въ окончаніяхъ. Удвоенныя согласныя остались у насъ только въ словахъ иностранныхъ, каковы: *суббота, грамматa* и друг. Но и эти слова въ старину постоянно писались: *субота* (уже въ О. Е. сѫбота), *грамота*, откуда происходятъ: *грамотей, грамотный*. Нынѣ пишутъ: *суббота*; *грамота* въ смыслѣ искусства читать и писать, и *грамматa*, а также и *грамота*, въ смыслѣ документа; но слово *грамматика*, производятъ отъ *грамматa*, и пишутъ съ двумя *мм*.

Даже при стеченіи двухъ одинаковыхъ согласныхъ: одного кореннаго и одного, принадлежащаго къ окончанію, въ старину пользовались только однимъ звукомъ, потому постоянно писали: *рускый* или *рускій*, вм. *рус-скій*. На томъ же основаніи осталось только одно *с* во 2-мъ лицѣ ед. числа наст. времени глагола *быть*: *еси* вм. *ес-си* (*ес* корень, откуда *ес-мь*, а *си* признакъ 2-го лица ед. числа; напр. *да-си, вѣ-си*, § 58).

Отклоненіе отъ этого закона оказалось въ глаголѣ *итти* (въ XVIII в. употребляли и *йтти*), вм. древняго *ити*. — Вмѣсто *итти*, иные пишутъ *идти*.

II. Слѣдующіе согласные звуки измѣняются, выпадаютъ, или же вставляются:

1. Зубные звуки *д* и *т*:

1) Переходятъ въ *с*: а) передъ *т*; напр. *вед-у вес-ти* вм. *вед-ти*, *плет-у плес-ти* вм. *плет-ти*; *яд-ѣ яс-ти* вм. *яд-ти*, *ѣд-а ѣс-ть*; *вѣд*(*ать*) — 3-е лицо ед. числа наст. времени: кѣс-ть вм. *вѣд-ть*; 2-е лицо множ. числа наст. времени: кѣс-те вм. кѣд-те; ѣт-ж ѣс-ть вм. ѣт-ть (*честь, почесть*). Отклоненіе отъ этого закона оказывается въ позднѣйшей формѣ *ит-ти* или *ид-ти* (вм. *ис-ти*). б) Передъ *л* и *м*; напр. *гуд-у гус-ли*, ѣт-ж *чит-аю чис-ло* цс. унс-мл (зн. тоже число). Сюда же должно отнести измѣненіе *з* въ *с*, передъ *л*; напр. *маз-ать масло*.

2) Выбрасываются, уподобляясь слѣдующему за ними звуку: а) передъ плавными: *л*, *м* и *н*. Передъ *л*; напр. *пад-у палъ* вм. *пад-лъ* (или *пал-лъ*), *плет-у плелъ* вм. *плет-лъ* (или *плел-лъ*). Передъ *м*; напр. отъ корней: *дад-*, *вѣд-*, *яд-*, 1-е лицо ед. числа наст. вр.: **да-мь**, **вѣ-мь**, **я-мь**, вм. *дад-мь*, *вѣд-мь*, *яд-мь* (или *дам-мь* и проч.). На этомъ основаніи, церковнославянская форма **седмь** переходитъ въ русскую *семь*. Передъ *н*; напр. *у-вяд-ать вя-нуть* вм. *вяд-нуть*, *гляд-ѣть гля-нуть* вм. *гляд-нуть*; цс. **свнт-ати** (*свѣт-ать*) **о-свѣ-щати** вм. **о-свѣт-нати**. б) Передъ *с*; напр. отъ корней *дад-*, *вѣд-*, *яд-*, 2-е лицо ед. числа наст. вр.: **да-си**, **вѣ-си**, **я-си**, вм. *дад-си*, *вѣд-си*, *яд-си* (или *дас-си* и проч). в) Передъ *в*; напр. тѣхъ же глаголовъ 1 лицо двойств. числа наст. врем.: **да-вѣ**, **вѣ-вѣ**, **я-вѣ**, вм. *дад-вѣ*, *вѣд-вѣ*, *яд-вѣ* (т. е. мы двое дадимъ, знаемъ, ѣдимъ).

Примѣч. 1. Западныя славянскія нарѣчія отличаются отъ юговосточныхъ тѣмъ, что не только допускаютъ сочетаніе зубныхъ *д* и *т* съ плавными *л* и *н*, напр. *падлъ* вм. *палъ*, *квѣтлъ* вм. *цвѣтъ*, *вадну* вм. *вяну* и проч.; но и вставляютъ *д* передъ *л*, напр. *мыдло* вм. *мыло*, *модлитисе* вм. *молитися* и проч.

3) Вставляются, преимущественно передъ *р*: а) въ церковнославянскомъ языкѣ, по древнѣйшимъ рукописямъ: *т* между *с* и *р*, и *д* между *ж*, *з* и *р*; напр. **с-т-рѣтѣніе**, отъ корня *рѣт-*, откуда *об-рѣт-ать*; **ж-д-рѣба** вм. **ж-рѣба** (жеребенокъ), **раz-д-рѣшати** вм. **раz-рѣшати**, **ноz-д-ри** вм. **ноz-ри**. б) Въ русскомъ языкѣ, сверхъ принятыхъ въ правописаніи: *ноз-д-ри*, *вс-т-рѣча* вм. *вс-рѣча* (отъ корня *рѣтать*), употребляются простонародныя формы, не только со вставкою *т* между *с* и *р*; напр. *с-т-рамъ* вм. *с-рамъ*, *с-т-раженіе* вм. *с-раженіе* (отъ глагола *разить*); но и со вставкою *д* между *н* и *р*; напр. *н-д-равъ* вм. *нравъ*; и со вставкою *т* между гласнымъ и небнымъ *ч*; напр. *при-т-чина* вм. *при-чина* (отъ глагола *чинить*, т. е. дѣлать), *пре-т-чій* вм. *прочій* (отъ слова *прокъ*, въ древнихъ памятникахъ встрѣчается **прокъи**, вм. *прочій*). Правописаніе отвергло эти формы, усвоенныя выговоромъ.

Вставка *д* между плавнымъ и гласнымъ оказывается въ глаголѣ *ин-д-ивѣть* вм. *ин-ивѣть*, отъ слова *ин-ей*, (област. *иневѣть*).

2. Гортанные *г* и *к*, передъ звукомъ *т*, переходятъ вмѣстѣ съ нимъ, въ церковнославянскомъ, въ *щ*(*шт*), въ русскомъ — въ *ч* (§ 36); напр. мог-ѫ мощи *мочь* (вм. *мог-ти мог-ть*), пек-ѫ пещи *печь* (вм. *пек-ти пек-ть.*)

Примѣч. 2. Формы церковнослав. дъщи, дъщерь, и рус. *дочь*, *дочерь*, предполагаютъ первоначальную дъгтерь (смотр. Приложеніе).

Въ областныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка дѣйствительно употребляются нѣкоторыя изъ предполагаемыхъ здѣсь формъ; напр. неопред. наклоненіе: *мог-ти* вм. *мочь*, и потомъ съ смягченнымъ *т*, вм. *ч*: *пек-чи* вм. *печь* и проч. Слич. въ пѣснѣ начала XVII в. *постритчи* вм. *постричь* (отъ гл. *стригу*).

3. Губные звуки:

1) Звуки *б* и *п* выпадаютъ передъ *н*; напр. гъ-нѫти (*гнуть*), отъ корня *губ* (*су-губ-ый*), измѣняющагося въ *гыб*: гыб-кыи (*гибкій*), и въ *гъб*: (*со-гъб-ен-ный*); оу-съ-нѫти (*уснуть*) вм. оу-съп-нѫти, отъ глагола съп-ати; потому и слово сънъ (*сонъ*) вм. *съпнъ*; *ка-нуть* вм. *кап-нуть*, отъ глагола *кап-ать*. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ формахъ звуки *б* и *п* могутъ и выбрасываться передъ *н*, и удерживаться; напр. *гинуть* и *гибнуть*, *кануть* и *капнуть*.

2) Звуки *в*, *б* и *п* выпадаютъ передъ *т*; напр. *жив-у жи-ть* вм. *жив-ть* (отъ корня *жив*); цс. гре-ти вм. греб-ти, хрѣ-ти вм. хръп-ти, отъ корней *греб*, *чръп*. Въ этомъ случаѣ церковнославянскій языкъ вставляетъ иногда *с*; напр. греп-с-ти вм. греб-с-ти; а русскій выбрасываетъ губной звукъ: *грести*.

3) Звукъ *в*, послѣ *б*, выпадаетъ; напр. *об-леку об-лачу* вм. *об-влеку об-влачу*, откуда *об-лако* вм. *об-влако*; *об-ласть* вм. *об-власть*, *об-язать* вм. *об-вязать* (нашъ языкъ усвоилъ обѣ послѣднія формы, различивъ ихъ значеніемъ), *об-ычай* вм. *об-вычай* (отъ корня *вык-*, откуда *при-выч-ка*, *при-вык-нуть*).

Примѣч. 3. Въ областномъ просторѣчіи употребляются: *обвозъ* вм. *обозъ*, *обвѣтъ* вм. *обѣтъ*, *обвѣщать* вм. *обѣщать*, *обвязанъ* вм. *обязанъ* и проч.

3. Плавный звукъ *л*, безъ поддержки полнаго гласнаго звука, выпадаетъ въ русскомъ языкѣ, въ отличіе отъ церковнославянскаго:

1) Послѣ гортанныхъ; напр. *мог-у могъ* вм. *могль*, *пек-у пекъ* вм. *пекль*; а съ гласными *л* удерживается: *могла могли*, *пекла пекли*.

2) Послѣ зубныхъ *з* и *с*; напр. *вез-у везъ* вм. *везль*, *нес-у несъ* вм. *несль*; а съ гласными: *везла везли*, *несла несли*.

3) Послѣ губныхъ; напр. *погиб-ну погибъ* вм. *погибль*; а съ гласными: *погибла погибли*.

4) Послѣ *р*; напр. *умр-у умеръ* вм. *умерль*, *тр-у теръ* вм. *терль*; а съ гласными: *умерла умерли*, *терла терли*.

Церковнославянскій языкъ, въ этихъ случаяхъ, *л* удерживаетъ; напр. **моглъ** (*могъ*), **спасль** (спасъ) и проч.

3. Раздѣленіе слова по слогамъ.

§ 39. Раздѣленіе слова по слогамъ основывается на существѣ звуковъ и на законахъ сочетанія ихъ между собою.

Когда слово не умѣщается къ концу строки, тогда для переноса буквъ въ другую строку, раздѣляютъ оное по слогамъ, руководствуясь слѣдующими правилами.

1. Звукъ гласный, или одинъ, или же съ предшествующимъ согласнымъ (равно какъ и съ придыханіемъ *і*) составляетъ слогъ; напр. *о-динъ*, *мо-е*, *хо-ро-шо*, *ю-ный*.

Впрочемъ не принято, при перенесеніи слова, оставлять въ предъидущей строкѣ одну начальную гласную, или переносить въ послѣдующую строку одну послѣднюю гласную; какъ напр. *о-динъ*, *тво-е*. Если же передъ начальной гласною будетъ стоять предлогъ, то при поддержкѣ его, позволяется оставлять оную въ предъидущей строкѣ; напр. *къ о-ному*.

2. При стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ среди слова должно обращать вниманіе, какимъ согласнымъ начинается это стеченіе, твердымъ или плавнымъ: если твердымъ, то всѣ звуки составляютъ одинъ слогъ; напр. *тре-звый*, *ве-дро*, *се-стра*; если же плавнымъ, то этотъ послѣдній относится къ предшествующему слогу; напр. *дол-женъ*, *вер-ста*, *кор-мить*.

Примѣч. 1. Причисленіе плавнаго звука къ предшествующему гласному основывается на томъ, что славянскій языкъ ставитъ гласный звукъ послѣ стеченія согласныхъ, оканчивающагося плавнымъ (*р* или *л*), завершая, такимъ образомъ, слогъ; напр. **кръ-ста** (*вер-ста*), **кръ-мити** (*кор-мить*), **клъ-комъ** (*вол-камъ*) и проч.

3. Плавный звукъ *л* не отдѣляется отъ губныхъ, которыя онъ смягчаетъ, потому что вмѣстѣ съ ними составляетъ нераздѣльное цѣлое (§ 35); напр. *лю-блю*, *то-млю*.

4. При стеченіи двухъ одинаковыхъ согласныхъ среди слова, одинъ согласный относится къ предъидущему, а другой къ послѣдующему слогу; напр. *суб-бота*, *грам-матика*, *вож-жа*, *дрож-жи* и проч.

5. Буква *ь*, находясь между согласными, раздѣляетъ слогъ; напр. *пись-мо*; а находясь между согласною и гласною, вмѣстѣ съ ними, причисляется на письмѣ къ одному слогу, хотя въ выговорѣ и раздѣляетъ слоги; напр. переносятъ: *крестья-нинъ*.

Такъ какъ буква *і*, безъ ударенія, можетъ сокращаться въ *ь*; то, при перенесеніи слова, не отдѣляется отъ слѣдующей за нею гласной; напр. *по-пѣ-че-ніемъ* = *по-пе-че-ньемъ*.

6. Слова иностранныя, въ раздѣленіи по слогамъ, слѣдуетъ грамматикѣ тѣхъ языковъ, изъ которыхъ нами заимствованы; напр. *ав-торъ* (au-tor), *Ев-ропа* (Eu-гора), *э-кзаменъ*, а не *эк-заменъ* (e-xamen); *гаупт-вахта*, а не *га-уптвахта* (haupt-wache); *вуаль*, а не *ву-аль* (voile) и проч.

Примѣч. 2. Сверхъ изложенныхъ здѣсь правилъ, должно руководствоваться, при перенесеніи слова изъ одной строки въ другую, законами образованія словъ (§ 43).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБРАЗОВАНІЕ СЛОВЪ.

Общія понятія.

§ 40. Слова бываютъ простыя, напр. *вода*, *падать*, и сложныя, напр. *вод-о-падъ*. Простыя слова состоятъ изъ корня и окончанія; напр. слово *вода* — изъ корня *вод-*, откуда происходятъ *вод-*ный, *вод-*ица, и изъ окончанія *-а*; *падать* — изъ корня *пад-*, откуда происходятъ: *пад-*аль, у-*пад-*окъ, *пад-*еніе, и изъ окончанія *-ать*.

Между корнями словъ должно отличать корни знаменательныхъ частей рѣчи отъ корней служебныхъ частей рѣчи. Въ первыхъ преимуществуютъ корни глагольные; напр. *слу-*, откуда происходятъ: *слухъ*, *слово*, *слава*; въ послѣднихъ — корни мѣстоименные; напр. *к-*, въ словахъ: *к-то* (цс. кто), *кой*, *ку-да*, *какъ* и проч. Мѣстоименные корни могутъ употребляться и въокончаніяхъ; напр. *к-*, въ прилагательныхъ: выс-о-*къ*, глуб-о-*къ*, дерз-о-*къ*

Слова, происшедшія, помощію окончаній, отъ другихъ словъ, именуются производными, напр. *дн-евный*; слова же, которыхъ произвести отъ другихъ словъ нельзя, именуются первообразными, напр. *день* (цс. дьнь).

Сложныя слова состоятъ изъ двухъ или изъ нѣсколькихъ словъ; напр. *пут-е-шествіе*, *сам-о-любіе*, *не-из-реченный*.

Служебныя части рѣчи, каковы: нѣкоторыя мѣстоименія, отрицательныя частицы: *не*, *ни*, и предлоги, называются приставками. Къ приставкамъ же принадлежатъ частицы, употребляемыя только

слитно, каковы суть: *вз-*, *воз-*, *взо-* (цс. *въ*); напр. *вз-лѣзать*, *воз-носиться*, *взо-йти*; *вы-*; напр. *вы-бирать*; *наи-*; напр. *наи-лучшій*; *низ-*; напр. *низ-вергаться*; *нь-*; напр. *нь* кто, *нь-*который; *пре-*, *пере-*; напр. *пре-*красный, *пере-йти*; *раз-*, *роз-*; напр. *раз-умъ*, *раз-дѣлить*, *роз-дыхъ*; *су-*; напр. *су-*пругъ.

Надобно отличать слова съ приставками отъ настоящихъ сложныхъ словъ: послѣднія состоятъ изъ сочетанія знаменательныхъ корней, или изъ знаменательнаго корня съ числительнымъ именемъ и съ нѣкоторыми мѣстоименіями; напр. *често-любіе*, *едино-сущный*, *само-видьцъ*.

§ 41. Между окончаніями должно отличать окончанія образующія, или суффиксы, отъ измѣненій, или флексій. Флексіями называются измѣненія, которыя претерпѣваетъ слово въ синтаксическомъ его употребленіи въ рѣчи, именно измѣненія по склоненіямъ и спряженіямъ. Суффиксами же называются тѣ окончанія, помощію которыхъ слово причисляется къ тому или другому разряду словъ. Такъ отъ корня *лом-*, помощію суффиксовъ: *-ать*, *-ъ*, *-кій*, образовались: глаголъ *лом-ать*, существительное *лом-ъ*, прилагательное *лом-кій*. Суффиксы частей рѣчи склоняемыхъ остаются неизмѣнными, при склоненіи; напр. суффиксъ *-иц* въ словѣ *вод-иц-а*: *вод-иц-ы*, *вод-иц-ею* и пр.

Части рѣчи неизмѣняемыя, за исключеніемъ нарѣчій, флексій имѣть не могутъ. Нарѣчія же, образовавшись помощію флексій, болѣе не измѣняютъ уже ихъ (§§ 71 и 72.); и, въ отношеніи этимологическомъ, не составляютъ особаго разряда словъ, потому что произошли отъ прочихъ частей рѣчи помощію флексій.

Къ образованію словъ помощію суффиксовъ принадлежатъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ составѣ частей рѣчи, существенно отличающіяся отъ флексій, а именно: 1) въ глаголахъ: залоги, виды, причастіе, дѣепричастіе и неокончательное наклоненіе; 2) въ существительныхъ: родъ и представленіе, и 3) въ прилагательныхъ: степени сравненія.

§ 42. Для того, чтобы открыть корень слова, надобно освободить оный отъ приставокъ и окончаній. Такъ напр., въ словѣ *преизбыточествовать*, цс. **прѣизъбытъчьствовати**, окончанія суть:

1) *-овать*, какъ въ словахъ: *царств-овать*, *блаженств-овать*. За отнятіемъ этого окончанія, остается: *преизбыточеств-*;

2) *-ство*, какъ въ словахъ: *блажен-ство*, *владыче-ство*. За отнятіемъ окончанія, остается: *преизбыточе-*, цс. **прѣизъбытъчь**. Рус. *че* соотвѣтствуетъ церковнославянскому **чь**; здѣсь звукъ *ь* или *е* (§§ 24 и 27) есть соединительный. Отнявъ его, получимъ *преизбыток* (ибо несмягченное *ч* есть *к*, § 37);

3) *-къ*, какъ въ словахъ: *остат-о-къ*, цс. **остат-ъ-къ**; *свит-о-къ*, цс. **свит-ъ-къ**. За отнятіемъ этого окончанія, остается: *преизбыто*, цс. **прѣизъбыт**.

Отбросивъ приставки: *пре-* (цс. **прѣ-**) и *из-*, получимъ слово *быть*. Но и это слово не первообразное, а производное. Какъ въ словѣ *свитокъ*, форма *сви-т* есть страд. причастіе прош. вр. отъ глагола *сви-ть*, такъ и *бы-т* есть причастіе того же залога и времени отъ глагола *бы-ть* (§ 55, IV). А корень этого глагола есть *бы*; окончаніе же *-ть* или *-ти*, есть знакъ неокончательнаго наклоненія. И такъ, длинное слово *преизбыточествовать* своимъ корнемъ имѣетъ краткій слогъ *бы*.

Одѣваясь приставками и окончаніями, корень слова иногда значительно измѣняется. Такъ напр., можно-ли узнать глаголъ *ять*, цс. **ѧти**, въ словѣ *возьму*? — Отбросивъ предлогъ *воз-*, получимъ *ьму*. Полугласный *ь* равняется звуку *и*, а также звуку *е* (§ 27); слѣдовательно, *ьму* = *им-у* и *ем-л-ю*; а звуки *им* и *ем* въ древней письменности выражаются буквою **ѧ** или **ѩ** (§ 28). Отъ корня **ѧ**, съ окончаніемъ *-ти*, образовался глаголъ **ѧти**, наше *ять*, въ словахъ *при-н-ять*, *от-н-ять* и др.

§ 43. Въ современномъ употребленіи языка мы не обращаемъ вниманія ни на корни словъ, ни на приставки и окончанія. Слово имѣетъ для насъ важность только по той мысли, которую мы привыкли соединять съ нимъ. Потому спрашивается: какую пользу

въ практическомъ отношеніи можетъ имѣть ученіе объ образованіи словъ?—Польза этого предмета двоякая: 1) для правописанія и 2) для уразумѣнія смысла словъ, встрѣчающихся не только въ литературныхъ произведеніяхъ, но и въ ежедневномъ, устномъ и письменномъ употребленіи.

1) Для правописанія ученіе объ образованіи словъ необходимо потому, что въ начертаніи словъ принято у насъ руководствоваться не столько произношеніемъ, сколько образованіемъ реченій. Потому мы соображаемся съ послѣднимъ: а) въ начертаніи буквъ; такъ напр., въ словахъ *смьхъ*, *спьхъ*, *сьмя*, *затья*, пишемъ *ь* потому, что они произошли отъ глаголовъ, оканчивающихся на *–лью*: *смью–сь спью*, *сью*, *затью*; пишемъ *ь* въ словѣ *понедѣльникъ*, потому что оно произошло отъ слова *недѣля*, а *недѣля* состоитъ изъ *не–* и *–дѣл–я* (отъ глагола *дѣ–ять*), и означало въ старину воскресенье, праздникъ; потому *понедѣльникъ* зн. день, слѣдующій за праздникомъ. Пишемъ: *укрощать*, а не *укращать*, потому что это слово производимъ отъ прилагательнаго *крот–кій*, а не *крат–кій*; пишемъ: *счастіе*, а не *щастіе* (какъ писалось въ старину), потому что это слово состоитъ изъ предлога *с* (*съ*) и формы *–частіе*, происшедшей отъ *часть*, откуда *у–часть*. Пишемъ: *счетъ*, *считать*, а не *щетъ*, *щитать*, потому что эти слова происходятъ отъ глагола ѣсть–ѣ, откуда *четъ*, т. е. пара, и *читать*; съ предлогомъ *съ*, получаемъ слова *с–четъ*, *с–читать* (цс. **съчьтъ**, **съчитати**). б) Въ раздѣленіи слова по слогамъ, при перенесеніи оныхъ изъ одной строки въ другую, необходимо отличать корни словъ отъ приставокъ и окончаній. Такъ напр., неправильно было бы раздѣлить слова такимъ образомъ: *раз–ложить*, *владыче–тво*, *жат–ва*, *жерт–ва*, *па–ства*; потому что *раз–* есть приставка, а *–ство* и *–тва* окончанія (§ 56): слѣдовательно должно раздѣлить такъ: *раз–ложить*, *владыче–ство*, *жа–тва* (цс. **жа-тва**, отъ глагола **жа-ти**, откуда рус. *жн–у*), *жер–тва* (отъ глагола **жьр-ж** и **жр-ж**—приношу жертву), *пас–тва* (отъ глагола *пас–у*).

2) Уразумѣніе настоящаго смысла словъ необходимо для того, чтобы пользоваться реченіями роднаго языка сознательно; чему спо-

собствуетъ ученіе объ образованіи словъ. Такъ напр., только тогда будетъ вразумителенъ собственный смыслъ словъ: *столица, прапорщикъ, кормчая книга, наказъ, гостиный дворъ* и друг.; когда примется въ соображеніе, что *столица* происходитъ отъ слова *столъ*, означавшаго въ старину престолъ (откуда *стольный городъ*, вм. престольный); *прапорщикъ* отъ слова *прапоръ*, означавшаго знамя; *кормчій* отъ глагола *кормить*, цс. **кръмити**, въ значеніи управлять (откуда *кормило*); *наказъ* отъ глагола *казати*—наставлять, сообщать (откуда *с-казать, у-казать*, потому и *наказаніе* въ старину означало наставленіе), *гостиный* отъ слова *гость*, имѣвшаго значеніе купца.

Самое правописаніе, какъ показано выше, основывается на уразумѣніи собственнаго значенія словъ, помощію этимологическаго ихъ разбора.

Примѣч. Ошибочное понятіе о значеніи слова, можетъ вести и къ ошибочному начертанію. Такъ слово *пріятель* производили отъ глагола **ꙗти** (брать), съ предлогомъ *при*, и писали: *приятель*; но въ церковнославянскомъ это слово пишется съ простымъ **ꙗ**, а не съ **ꙗ**: **приꙗтель**, и потому оно простое, а не сложное.

§ 44. Ближайшими источниками, откуда почерпается объясненіе словъ нынѣшняго общеупотребительнаго языка, служатъ: 1) языкъ церковнославянскій, 2) древнерусскій и 3) современный русскій, по мѣстнымъ его нарѣчіямъ. Въ этихъ источникахъ находимъ простѣйшія формы словъ, нынѣ употребляемыхъ въ языкѣ, образованномъ литературою.

1. Въ церковнославянскомъ языкѣ находимъ:

1) Первообразныя формы, отъ которыхъ происходятъ наши съ приставками и окончаніями; напр. **вѣтъ** (совѣтъ, вѣщаніе), откуда: *со-вѣтъ, при-вѣтъ, обѣтъ* (вм. *об-вѣтъ*); **жас-ити** (страшить), откуда: *у-жасъ, у-жас-ать*; **дръзъ** (дерзкій, смѣлый), откуда: *дерз-ать, дерз-о-къ*; **лѫка** (злоба, лукавство, первоначально кривизна), откуда: *лук-авъ, лук-ав-ить*; **реть** (соревнованіе, ревность, рьяность), откуда: *рет-ивъ*; напр. «конь *ретивый*» и проч.

2) Окончанія, заслоненныя въ русскихъ производныхъ словахъ другими окончаніями; напр. отъ церковнослав. **ꙗгн-ѧ, тел-ѧ** (т. е. *ягн-ен*,

тел-ен) происходятъ русскія съ окончаніемъ *-о-къ*: *яи-ен-о-къ*, *тел-ен-о-къ*; отъ словъ *тѣло*, *слово*, съ церковнославянскимъ окончаніемъ *-ес*, оказывающимся въ косвенныхъ падежахъ: **тѣл-ес-е**, **слов-ес-е**, происходятъ прилагательныя съ окончаніемъ *-ный*: *тѣл-ес-ный*, *слов-ес-ный*.

2. Въ древнерусскомъ языкѣ находимъ:

1) Первообразныя формы, отъ которыхъ происходятъ нынѣ употребительныя производныя. Такъ напр., прилагательное *браный*, т. е. сшитый изъ узорной ткани (напр. «*браная* скатерть» «*браный* пологъ»), есть не что иное, какъ причастіе отъ стариннаго глагола *брати* (работать узорную ткань; напр. «женамъ въ Воскресеніе Христово ни шити, ни *брати*» Юрид. акт. 383, подъ 1590 г.). Потомъ отъ причастія *бра-ный* происходитъ названіе и самой матеріи: *бра-нь*. Забывъ происхожденіе прилагательнаго *браный*, книжный языкъ сталъ забывать и самое значеніе онаго; потому Жуковскій называетъ «браными» уже столы, а не скатерти; напр. «кубки златые на *браномъ* столѣ передъ ними поставилъ». Одис. пѣсн. 1, ст. 140.—Нынѣ употребительному слову *на-ука*, состоящему изъ предлога *на-* и формы *-ука*, находимъ въ древнерусскомъ языкѣ первообразное слово *укъ* (откуда *уч-ить*, *при-уч-ить*, и съ измѣненіемъ *у* на *вы*: *вык-*, откуда *при-вык-ать*). Древнерусскій языкъ употребляетъ форму *укъ* въ сложномъ словѣ: *ново-укъ* (вновь пріучаемый, или только что привыкающій), которое Карамзинъ заимствовалъ въ свою Исторію; напр. «сей Архимандритъ еще *новоукъ* въ монашествѣ» V, 56; «*новоуки* въ Христіанствѣ» IX, 362.

2) Окончанія, которыми объясняются нынѣ употребляемыя формы. Такъ напр., слово *вой-ско* очевидно состоитъ изъ корня *вой* (откуда *вои-нъ*, *вой-на*) и окончанія *-ско*, составляющаго сред. родъ окончанія прилагательныхъ *-скій*, въ краткой формѣ; слѣдовательно это слово употреблено вм. полной формы: *войское*, т. е. сред. род. прилагательнаго *войскій*. Въ нынѣшнемъ книжномъ языкѣ такого прилагательнаго уже нѣтъ, но въ старину оно употреблялось; напр. «со

множествомъ *воискымъ* Неск. лѣт. 166; *невойскъ* (т. е. невоинскій) Неск. лѣт. 154.

3. Въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ современнаго языка находимъ:

1) Формы, отъ которыхъ происходятъ общеупотребительныя съ окончаніями. Напр. слова *вьн-окъ*, *вьн-икъ*, происходятъ отъ областнаго *вьнъ* (вѣнокъ); *торный*, напр., въ выраженіи: «*торная* дорога», отъ областнаго *торъ* (бойкое мѣсто).

2) Окончанія, которыми объясняются нынѣ употребительныя формы. Такъ напр., упомянутое прилагательное: *войское*, вм. войско, встрѣчаемъ и въ нынѣшнемъ областномъ языкѣ, напр., въ пѣснѣ на кончину Петра Великаго: «а все *войское* стоитъ — призадумалось».

Примѣч. Сверхъ этихъ трехъ ближайшихъ источниковъ, есть еще два столь же важные, хотя они и не состоятъ въ непосредственной связи съ историческимъ развитіемъ языка русскаго. Эти источники суть прочія славянскія нарѣчія и другіе индоевропейскіе языки. Многое въ образованіи словъ нашего языка находитъ себѣ объясненіе только въ этихъ двухъ источникахъ. Но такое сравнительное объясненіе реченій составляетъ предметъ уже Сравнительной Грамматики языковъ индоевропейскихъ вообще и славянскихъ нарѣчій въ особенности.

§ 45. Разсматривая образованіе словъ, на основаніи этихъ источниковъ, ясно видимъ, что нынѣшній общеупотребительный языкъ представляетъ совокупность реченій, которыхъ настоящій и полный смыслъ опредѣляется только исторически. Пока не узнаемъ собственнаго значенія и правильнѣйшей грамматической формы каждаго слова, до тѣхъ поръ будемъ считать оное случайнымъ звукомъ, выражающимъ ту, а не другую мысль, только по произволу говорящаго. Собственное же значеніе и правильнѣйшій видъ словъ опредѣляются исторіею языка. Она свидѣтельствуетъ намъ, что въ старину нашъ языкъ обладалъ, а по мѣстнымъ своимъ нарѣчіямъ и теперь обладаетъ такою полнотой и ясностью въ значеніи словъ, и такою свободой въ образованіи ихъ помощію окончаній, что нынѣ употребительная рѣчь, относительно образованія словъ, можетъ быть почитаема только частью того живаго цѣлаго, которое называемъ

языкомъ русскимъ, въ его историческомъ теченіи и въ раздѣленіи по мѣстнымъ нарѣчіямъ.

Примѣч. Объ отношеніи нынѣ употребительнаго языка къ его источникамъ, касательно образованія словъ, должно замѣтить слѣдующее.

1. Относительно значенія словъ древній языкъ отличается:

1) Точностію, которая опредѣляется ближайшимъ значеніемъ слова къ его корню. Такъ напр., мы употребляемъ слово *наука* въ значеніи знанія, ученія; между тѣмъ какъ оно, происходя отъ корня *ук-* (*вык-*), собственно означаетъ навыкъ, привычку, обычай. Въ этомъ послѣднемъ значеніи древнерусскій языкъ дѣйствительно употребляетъ слово *наукъ*; напр. «государьскимъ наказомъ и добрымъ *наукомъ* вѣкъ живетъ» Домостр.; «письмо Василью въ *наукъ* пошло» (т. е. онъ выучился и приучился писать) Древн. рус. стих. 73.

2) Изобразительностію, по которой слова, нынѣ употребляемыя только въ отвлеченномъ или въ нравственномъ смыслѣ, первоначально имѣли и вещественное значеніе. Напр., *по-н-ять* теперь значитъ уразумѣть, а прежде вообще брать; напр. «*понять* жену», т. е. взять жену, или жениться. Первоначальное значеніе этого глагола осталось въ выраженіи: «вода *поняла*», т. е. заняла, захватила; отсюда «*по-ем-ные* луга.» Прилагательное *лук-авъ* происходитъ отъ слова *лука* (кривизна).

3) Полнотою, расширяющею нынѣ принятое значеніе словъ. Она объясняется тѣмъ, что говорившіе живо чувствовали связь слова съ его корнемъ, котораго значеніе бываетъ всегда обширнѣе словъ производныхъ. Такъ напр., нынѣ употребляемъ слово *верета* только въ значеніи извѣстнаго разстоянія; въ старину оно имѣло смыслъ измѣренія вообще, и потому примѣнялось не только къ пространству, но и къ времени, означая возрастъ; напр. «еще унъ (т. е. юнъ) сый *верстою* (т. е. возрастомъ), но совершенъ умомъ» Пск. лѣт. 44. Выраженіе «въ ту *версту*», вм. «въ ту мѣру», весьма обыкновенно въ старинномъ языкѣ. Отсюда намъ понятно значеніе и деселѣ употребляемыхъ словъ: *сверстникъ*, *сверстать*, *наверстать*.

2. Относительно приставокъ и окончаній древній языкъ отличается:

1) Точностію, свидѣтельствующею о томъ, что въ старину ясно понималось значеніе приставокъ и окончаній; тогда какъ мы употребляемъ ихъ только по навыку. Такъ напр., теперь нужно уже объяснить, чѣмъ различаются между собою окончанія *-тый* и *-стый*, сказавъ, что первое собственно означаетъ принадлежность, а второе — избытокъ и превосходство; напр. *рог-а-тый* зн. съ рогами, а *рог-а-стый* — съ боль-

шими рогами. Въ старину не только ясно понимались эти окончанія, но и легко прилагались къ корнямъ словъ для выраженія точнѣйшаго понятія. Такъ напр., отъ слова *берегъ*, съ окончаніемъ *-стый*, въ старину возможно было прилагательное *бережистый*, *бережистая*, напр., о рѣкѣ, текущей въ крутыхъ берегахъ, Ипат. лѣт. 123. Пользуясь языкомъ древнихъ памятниковъ, Карамзинъ употребляетъ прилагательное *пчелистый* въ значеніи обильнаго пчелами: «мѣсто было изобильно, *пчелисто* и пожитно» И. Г. Р. V, 46.

2) Свободою въ употребленіи приставокъ и окончаній. Напр., съ приставкою *под-*, и теперь употребляемъ существительное *подмастерье*; но *поддружье* (на свадьбѣ, второй по дружкѣ), *податаманье* (второй по атаманѣ) уже не употребляемъ; тогда какъ въ старинныхъ памятникахъ эти слова попадаются (напр. у Котоших. 6, въ Др. рус. стих. 227). Слово *день* въ нынѣшнемъ языкѣ потеряло нѣсколько производныхъ, которыя составляли богатство и силу стариннаго языка, а именно: съ окончаніемъ *-ище*, означающимъ пространство (какъ въ словахъ *бон-ище*, *пожар-ище*): *дн-ище*, т. е. пространство, которое можно пройти въ теченіи дня; въ старину *днищами* измѣряли разстояніе (лѣт. Новг. 99, Ипат. 40, Кар. И. Г. Р. X, прим. 39. XI, прим. 30); съ окончаніемъ *-ина*, означающимъ одинъ предметъ изъ многихъ (какъ въ словахъ *горош-ина*, *орѣш-ина*): *дн-ина*; напр. «и такъ бившася ту *днину* до вечера» Ипат. 131; съ приставкою *у-*, означающею убыль (напр. *у-бавить*, *у-рѣзать*): *у-ден-ье*, въ значеніи полудня (Новг. лѣт. 5). Въ областномъ просторѣчіи *удни* доселѣ имѣетъ тоже значеніе.

3. Относительно внѣшней формы слова должно замѣтить, что древній языкъ предлагаетъ въ простѣйшемъ, а иногда и въ правильнѣйшемъ видѣ многія реченія, которыя нынѣ употребляются съ нѣкоторыми измѣненіями. Потому для объясненія такихъ реченій необходимо обращаться къ древнему языку. Такъ напр., существительное *особа* образовалось изъ древняго выраженія *особь*, вм. *о себѣ*, т. е. по себѣ, само собою, отдѣльно отъ прочихъ; напр. «Поляномъ же живущемъ *особь*» (т. е., когда Поляне жили отдѣльно, сами по себѣ) Лавр. лѣт. 5. Нарѣчіе *теперь* образовалось черезъ сокращеніе стариннаго *топерво* (т. е. *то* или *это первое*), имѣвшаго значеніе теперь, сей часъ; напр. «спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица (т. е. горностай) млада, акы *топерво* рожена» (т. е. рождена) Ипат. 5. Въ областномъ просторѣчіи и доселѣ употребляется *топерво* вм. теперь.

§ 46. Слово съ теченіемъ времени претерпѣваетъ нѣкоторыя измѣненія въ своей формѣ.

Важнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія:

1. Сокращеніе, состоящее въ выпускѣ и усѣченіи не только отдѣльныхъ звуковъ, но и цѣлыхъ слоговъ. Напр. слова: *царь*, *царство*, *царствовать*, образовались, черезъ сокращеніе, изъ древнѣйшихъ: ц-ѣс-арь, или ц-ѣс-аръ, ц-ѣс-арьство, ц-ѣс-арьствовати; напр. въ Супр. рук. «азъ цѣсароу моіемоу христосоу повиноуюсь» 79, «Цѣсарьствіе небесьное» 65. Слово *сударь* образовалось, черезъ сокращеніе, изъ *го-сударь*, въ народномъ языкѣ *осударь* (безъ придыханія г, § 32); *я* изъ и-ѫ, а-ѫ (§ 26); *мать*, *дочь* (цс. матн, дъщи), *имя*, *сѣмя* (цс. има, сѣма, § 28)— изъ формъ: *мат-ерь*, *доч-ерь* (цс. дъщ-ерь), *им-ен*, *сѣм-ен*, сохранившихся въ косвенныхъ падежахъ: *мат-ер-и*, *доч-ер-и*, *им-ен-и*, *сѣм-ен-и* и проч.; *надо*—изъ *на-доб-но* (отъ корня *доб-*, откуда: *у-добный*, *по-доб-ный*, *доб-рый*; древнее и областное *доба* зн. пора, время).

Примѣч. 1. Точно также образовались: *скло* изъ *стекло*, старинное *цка* изъ слова *доска*, дъска; *конь* изъ слова *комонь*, употребительнаго, какъ въ старинныхъ памятникахъ (у Нестора, въ Словѣ о полку Игор.), такъ и въ современномъ языкѣ, по мѣстнымъ нарѣчіямъ. Въ стихотвореніи XVII в. «дай *споди*» вм. «дай Господи». Въ просторѣчіи употребляются сокращенно: *вишь* вм. видишь, *хошь* вм. хочешь, *небось* вм. не бойся; въ областномъ языкѣ: *воздесять* вм. восемьдесять, *возь* вм. возьми, *гли-ко* вм. гляди-ко. *гля* вм. гляди, *дача* вм. давеча, *ли-же* и *ли-ко* вм. гляди-же, гляди-ко; *набъ* вм. надобно бы, *нь* вм. нѣтъ, *помъ* вм. пойдемъ, *сма-ка* вм. смотри-ко, и мн. др.

2. Перестановка звуковъ, особенно плавныхъ; напр. *алк-ать*, *алч-ный* и *лак-омый*, *лач-ный* (при глаголѣ *лак-ать*); *длань*, областное *долонь*, откуда, съ перестановкою: *ладонь*.

Примѣч. 2. Слово *сыворотка*, черезъ перестановку слоговъ, образовалось изъ формы *сыроватка*, или *сыро-вотка* (Käsewasser, milchwasser). Въ областномъ языкѣ весьма употребительна перестановка звуковъ; напр. *ведмедь* вм. медвѣдь, *девынесь* вм. день весь, *лопѣно* вм. полѣно и мн. др.

§ 47. Важнѣйшее правило, которымъ руководствуются въ ученіи объ образованіи частей рѣчи, состоитъ въ томъ, что производство словъ должно основываться на законахъ звуковъ. Такъ напр.,

производство реченій: *ржа, ржавчина*, отъ глагола *рдѣть* потому правильно, что *ж*, въ словѣ *ржа*, дѣйствительно происходитъ отъ *д*, какъ свидѣтельствуетъ церковнославянская форма этого слова: ръжда. Напротивъ того, производство словъ: *лькарь, льчить*, отъ прилагательнаго *легкій* (почему нѣкоторые и пишутъ: *лечить* вм. *льчить*) неправильно; потому что противорѣчитъ законамъ звуковъ: звукъ *г* (въ словѣ *легкій*) не можетъ ни измѣниться въ *к* или *ч*, ни выброситься вонъ. Потому должно писать: *лькарь, льчить*, согласно съ начертаніемъ этихъ словъ въ древнѣйшихъ памятникахъ.

Примѣч. Въ соплеменныхъ нарѣчіяхъ употребляется даже первообразная форма, отъ которой происходятъ слова: *лькарь, льчить*, именно: *лькъ*, въ значеніи лѣкарственнаго зелья.

Образованіе частей рѣчи.

1. Глаголъ.

§ 48. Основными корнями въ образованіи частей рѣчи знаменательныхъ бываютъ корни глагольные, отъ которыхъ происходятъ какъ глаголы, такъ и имена существительныя и прилагательныя. Напр. отъ корня *чьт-* (ѣть-ж, ѣс-ти, *чту, честь, про-честь*) происходятъ: *четъ* (вм. ѣтъ, т. е. пара; напр. «четъ и нечетъ»), *чет-ный, с-четъ, чес-ть* (цс. ѣс-ть), *чес-т-ный, чис-ло*, цс. ѣис-ма и проч. Отъ корня *бъд-* (къд-ѣти, т. е. бодрствовать): *буд-ить, бод-ръ* (цс. къд-ръ), въ значеніи бдительнаго; напр. «*бодру* (т. е. бдительну) быти на пѣнье Церковное» Лавр. лѣт. 79.

Примѣч. Есть нѣсколько существительныхъ и прилагательныхъ именъ первообразныхъ, которымъ глагольныхъ корней не находимъ ни въ русскомъ, ни въ церковнославянскомъ языкѣ; напр. *богъ, день, зем-ля, небо, ночь, быль, нагъ* и друг. Такія слова принадлежатъ къ древнѣйшему достоянію языка, общему всѣмъ соплеменнымъ нарѣчіямъ и родственнымъ языкамъ. Потому глагольные корни этихъ именъ были затеряны еще въ эпоху доисторическую. Смотр. Приложеніе.

§ 49. Глагольные корни могутъ состоять только изъ одного слога. А именно:

1) Изъ одного гласнаго звука; напр. оу-ти (*об-у-ть*), и-ти (наст. и-д-ж, со вставнымъ *д*); нынѣ употребительная форма *и-д-ти*, или

и-т-ти, образовалась не отъ настоящаго времени *и-ду*, а отъ усиленія древней формы *ити*, помощію удвоенія звука *т*, перешедшаго, по сродству, въ *д* въ формѣ *идти*.

Примѣч. Формы *ид-ти* и *ит-ти* позднѣйшаго образованія: потому *д* или *т*, передъ *т*, не измѣнилось въ нихъ по закону въ *с* (§ 38), и не образовалась форма *ис-ти*, вм. *ид-ти* или *ит-ти*.

2) Изъ гласнаго съ согласнымъ; напр. *ук-*, откуда: *уч-ить*, *на-ук-а*, *на-ук-а*.

3) Изъ согласнаго съ гласнымъ; напр. **кы-ти**, откуда: *бы-ль*, *бы-ть*; *да-ть*, откуда: *да-нь*, *да-ръ*; **дѣ-ти** (дѣть, напр. «куда *дѣлъ*?»), откуда: *дѣло*; **нѣ-ти**, откуда: *нѣ-с-нѣ*.

4) Изъ согласнаго, гласнаго и согласнаго; напр. *мок-*, откуда: **мок-нж-ти**, *мок-ръ*. Такъ какъ придыхательный звукъ *і* (j) имѣетъ значеніе согласнаго (§ 32), то сюда же относятся корни: *яд-* (*пд-*), откуда: **ѣс-ти**, *ѣс-ть*, *яд-ъ*, *ѣд-а*; и (т. е. *ем-* или *им-*), въ глаголѣ **и-ти**, **ем-лж**, откуда: *ем-кій*, *по-ем-н-ый*.

5) Изъ двухъ согласныхъ и одного гласнаго; напр. *слу-*, откуда: **слоу-ти**, *слу-хъ*, *слы-ть*, *сл-о-в-о*, *сл-а-в-а* (§ 30).

6) Изъ одного гласнаго между нѣсколькими согласными; напр. *стер-*, откуда: **стер-ти**, *стр-ана*, *про-стр-ан-ство*.

§ 50. Глагольный корень развивается въ языкѣ двоякимъ образомъ: или измѣняетъ свой внутренній составъ, или прикрывается приставками и окончаніями.

1. Измѣненія въ составѣ глагольнаго корня бываютъ двухъ родовъ; а именно:

1) Помощію **усиленія** звуковъ гласныхъ и плавныхъ (§ 30); при чемъ глагольный корень а) переходитъ въ имя; напр. *мр-у м-о-р-ъ*, *вез-у в-о-з-ъ*, **съх-(нжти)** *сухъ*, и б) измѣняется, какъ въ залогѣ глагола, напр. *мр-у мор-ю*, такъ и въ видѣ, напр. *вез-у вож-у*.

2) Помощію **удвоенія** кореннаго согласнаго звука. Этотъ способъ развивать глагольные корни сохранился у насъ въ немногихъ формахъ. Между глаголами замѣчательно удвоеніе корня *да-*, въ формѣ *дад-*: *дад-имъ*, *дад-утъ*. Бо́льшая же часть удвоенныхъ формъ осталась въ существительныхъ, первоначально происшедшихъ

отъ глагольныхъ корней. Напр. *пра-поръ* (отъ глаг. *пар-ить*; зн. знамя), откуда *прапор-щикъ*; *пе-пелъ* или *по-пелъ* (отъ глаг. *пла-ти*), *гла-голъ* (при словѣ *гла-съ*), *па-порть* или *па-порт-никъ* и проч.

Примѣч. Въ церковнославянскомъ удвояется также корень глагола *дъ-ть* (именно въ сложномъ *о-дъ-ть*): *дед-*, откуда повелит. накл. *дежди*, о-*дежди* (одѣнь), съ смягченіемъ *д* въ *жд* (§ 36), и съ переходомъ *е* въ *ь* и *жд* въ *ж*: одьжи, т. е. одѣнь, въ Злат. Чепи, рукописи XIV в.

Удвоеніе глагольнаго корня весьма обыкновенно въ нѣкоторыхъ родственныхъ славянскому языкахъ. Смотр. Приложеніе.

II. Прикрытіе глагольнаго корня приставками и окончаніями даетъ ему полную форму слова, въ рѣчи употребляемаго.

Въ разсужденіи образованія глаголовъ помощію окончаній, должно отличать глаголы первообразные отъ производныхъ. Первообразные глаголы приставляютъ знакъ неопредѣленнаго наклоненія *-ти, ть*, непосредственно къ корню глагола; напр. *зна-ть*, *печь* (*пек-ть*), *крас-ть* (*крад-ть*); производные же — посредствомъ звуковъ: *а, ва* (*я*), *ова* (*ева*), *и, ѣ, ну* (*нж*); напр. *чит-а-ти*, *да-а-ти*, *да-я-ти* и *да-ва-ть*, *пир-ова-ть*, *гор-ева-ть*, *черн-и-ть*, *черн-ѣ-ть*, *дви-ну-ть*, *двиг-нж-ти*. Эти вставные звуки называются примѣтами глагола.

Производные глаголы образуются изъ первообразныхъ весьма часто при посредствѣ именъ; напр. *ду-ть ду-хъ ду-ш-ить*, *дъ-я-ть дъ-ло дъ-л-ать*, *вез-ти возъ воз-ить*.

§ 51. Важнѣйшія формы въ образованіи глагола суть залоги, виды, причастія съ дѣепричастіями и неопредѣленное наклоненіе. Что эти принадлежности глагола относятся не къ спряженію, а къ словопроизводству, явствуетъ изъ участія ихъ въ образованіи словъ. А именно: залоги и виды могутъ происходить отъ первообразныхъ формъ черезъ существительныя отглагольныя; напр. *слы-ть слово слов-ить* (*благо-словить*), *вез-ти возъ воз-ить*; признакъ вида остается иногда въ именахъ отглагольныхъ; напр. *вы-ть за-вы-ва-ть за-вы-ва-ніе*, *бы-ть бы-ва-ть бы-ва-лый пре-бы-ва-ніе*.

Причастія, будучи сами прилагательными отглагольными, входятъ своими суффиксами въ образованіе другихъ частей рѣчи; напр. *с-ви-ть*, причаст. *с-ви-тъ*, откуда существит. *с-вит-окъ*; *прия-тъ прия-т-іе, люб-им-ый люб-им-ецъ* и проч. Дѣепричастія суть видоизмѣненіе причастій.

Неопредѣленное наклоненіе есть не что иное, какъ существительное, отъ глагола произведенное, и потому, по образованію своему, подлежитъ общимъ законамъ съ существительными отглагольными.

Такъ какъ въ связи съ образованіемъ глагольныхъ принадлежностей составились въ языкѣ многія формы именъ, то, говоря о первыхъ, должно касаться и послѣднихъ.

§ 52. А. Залогъ. Первообразные глаголы бываютъ двухъ залоговъ: дѣйствительнаго, напр. *даю, знаю*, и средняго, напр. *есмь, мру, пду*. Важнѣйшія примѣты прочихъ глаголовъ, какъ производныхъ, такъ и сложныхъ, суть слѣдующія:

1. Примѣта *и* даетъ глаголу значеніе дѣйствительнаго залога; напр. *живъ жив-и-ть, жен-а жен-и-ть, рух-нуть руш-и-ть*. Этой примѣтой пользуются глаголы винословные, произведенные отъ первообразныхъ глаголовъ помощію усиленія звуковъ (§ 30). Винословные суть такіе производные глаголы дѣйствительнаго залога, которые, означаютъ дѣйствіе, приводящее предметъ въ то состояніе или дѣйствіе, которое выражается глаголомъ первообразнымъ; напр. *мру морь мор-ить, теку токъ точ-ить, слы-ть слава слав-ить, быть -бавл, -бав-ить* (съ предлогами *за-, у-, при-, с-*).

2. Примѣта *ѣ* даетъ глаголу значеніе средняго залога, въ отличіе отъ примѣты *и*; напр. *богать богат-ѣ-ть* и *о-богат-и-ть, слабъ о-слаб-ѣ-ти* и *о-слаб-и-ть, бѣл-ѣ-ть* и *был-и-ть, чери-ѣ-ть* и *черн-и-ть*. Такъ какъ *ѣ* послѣ шипящихъ переходитъ въ *а* (§§ 25 и 37), то къ глаголамъ съ примѣтою *ѣ* должно отнести: *дрож-а-ть, молч-а-ть, слыш-а-ть* и проч.

3. Примѣта *н, ну* (*нж*), отбрасываемая въ прошедшемъ причастіи (напр. *о-слѣп-ну-ть о-слѣп-ѣ-ешь о-слѣпъ*), придается къ глаголамъ значенія средняго, и, такъ же какъ примѣта *ѣ*, противо-

полагается примѣтѣ *и*; напр. *съх-нж-ти* *съх-и-ешн* и *сухъ суш-и-ть*, *глъх-нж-ти* *глъх-и-ешн* и *глухъ о-глуш-и-ть*, *слѣп-ну-ть* и *слѣп-и-ть*.

Впрочемъ нѣкоторые изъ глаголовъ этого разряда употребляются у насъ въ прошедшемъ причастіи двояко: и отбрасываютъ, и удерживаютъ примѣру *ну*. Напр. *дох-ну-ть из-дохъ* и *из-дох-ну-лъ*; *у-молк-ну-ть у-молкъ* и *у-молк-ну-лъ*, *сох-ну-ть об-сохъ* и *об-сох-ну-лъ*, *до-стиг-ну-ть* (и *до-стичь*) *до-стигъ* и *до-стиг-ну-лъ*, *то-ну-ть* (вм. *топ-ну-ть*): старинное *у-топъ* и нынѣ употребительное *у-то-ну-лъ*.

Примѣч. Напр. «поникла и *умолкла*» Пушк. IX, 95. «Чтожъ ты *умолкъ*?» Ж. VI, 133; и «сказавши такъ, Гудеръ *умолкнулъ*» Ж. VI, 89; «и вдругъ *умолкнулъ* онъ» Ж. IV, 12. Вообще должно замѣтить, что у нашихъ писателей весьма употребительны эти глаголы въ прошедшемъ времени, съ примѣтою *ну*. Напр. у Дмитріева: «*умолкнулъ* гласъ», и громъ трикратно»... I, 6; «*исчезнулъ* вмигъ весенній цвѣтъ» II, 38; «гроза *утихнула*» III, 27; «*завянулъ* цвѣтъ лица» III, 42; «*увянулъ* цвѣтъ ума» III, 83; у Батюшк.: «я *вянулъ*, исчезалъ» II, 36; «*проникнулъ* взорами въ небесные чертоги» II, 111; у Жуковск.: «пѣвецъ *угаснулъ* отъ печали» II, 81; «но *стихнула* свирѣпость бури» III, 170; «въ каминѣ огонь, догорѣвши, *потухнулъ*» V, 159; «но подулъ вѣтерокъ, онъ *обсохнулъ*» II, 255. «И той гостинницы *достигли*» VI, 91; и «тѣмъ временемъ Рустемъ *достигнулъ* стана» VI, 120, «порывистый вѣтеръ *настигнулъ* нашу ладью.» IV, 46; и даже — *поклянулся*, вм. *поклялся*, что совершенно противно нашему языку: «но когда я *поклянулся* «не нанесть тебѣ обиды» V, 44.

4. Глаголы средняго залога (кромѣ глаголовъ съ примѣтами *ть* и *ну*), съ приставкою предлога, иногда принимаютъ значеніе дѣйствительнаго. Въ такомъ случаѣ отъ нихъ производится и причастіе страдат. залога. Напр. *идти на-йти на-йденный*, *быть за-быть за-бытый за-бвенный*, *жить на-жить на-житой* и проч.

5. Глаголы какъ дѣйствительнаго, такъ и средняго залога, могутъ слагаться съ мѣстоименіемъ *-ся* (*ся* = себя); напр. *мыть мыть-ся*, *красить красить-ся*. Къ глаголамъ дѣйствительнаго залога, сложеннымъ съ частицею *-ся*, принадлежатъ возвратные. Есть и такіе глаголы, которые безъ *-ся* въ рѣчи не употребляются; напр.

смѣять–ся, *боять–ся*, *на–дѣять–ся*, *гордить–ся*. Такіе глаголы именуются общими. Первоначально они могли имѣть смыслъ и безъ мѣстоименія *–ся*, что́ явствуетъ какъ изъ словъ производныхъ; напр. *о–смѣять*, *смѣ–хъ*, *боя–знь* и проч.; такъ и изъ языка старинныхъ памятниковъ, въ которыхъ эти глаголы употребляются отдѣльно отъ мѣстоименія *ся*.

§ 53. Б. Видъ. Въ образованіи видовъ глагола языкъ пользуется слѣдующими важнѣйшими способами:

1) Усиленіемъ звуковъ (§ 30); напр. *вед–у вод–ить*, *вез–у воз–ить*, *бред–у брод–ить*, *нес–у нос–ить*.

2) Продолженіемъ окончанія глагола помощію звука *а*, или *я* и *ва* (т. е. *а* съ придыханіями *j* и *в*, для благозвучія § 32); напр. *пад–у пад–а–ть пад–а–ю*, *да–ть да–ва–ть* да-и-ти (т. е. да-л-ти); *бы–ть бы–ва–ть*. Въ этомъ случаѣ звукъ *а* для бо́льшей силы принимаетъ на себя ударе́ніе; напр. *брóс–ить брос–áть*, *кóнч–ить конч–áть*. Такое продолженное окончаніе можетъ вновь продолжиться помощію звуковъ *ы* и *и*, которые, соединяясь съ *а*, образуютъ звуки *ыва* и *–ива*; напр. *кид–а–ть кид–ыва–ть*, *гул–я–ть гул–ива–ть*. При этомъ ударе́ніе обыкновенно переносится на коренной гласный звукъ, а если онъ будетъ *о*, то при ударе́ніи поднимается до *а*; напр. *ход–ить хáж–ива–ть*, *нос–ить нáш–ива–ть*, *вод–ить вáж–ива–ть*.

3) Окончаніемъ *ну* (иж), не выпускаемымъ въ прошедшемъ причастіи (въ отличіе отъ выпускнаго *ну*, § 52). Напр. въ церковнославянскомъ языкѣ: двиг-иж-ти, зи-иж-ти (отъ зи-и-ти) и проч.; въ русскомъ: *кол–оть колъ–ну–ть*, *зьв–ать зьв–ну–ть* (отъ зи-и-ти). Между этими глаголами есть впрочемъ и такіе, которые ни въ неопредѣленномъ наклоненіи, ни въ причастіи прошедшемъ, *ну* не допускаютъ: *дѣ–ть дѣ–ну*, *ста–ть ста–ну*.

4) Предлогами, которые приставляются какъ къ первообразнымъ глаголамъ, такъ и къ производнымъ; напр. *веду по–веду*, *вожу по–вожу по–важ̀иваю*; *несу по–несу*, *ношу по–ношу по–нашиваю*.

Въ отношеніи къ видамъ глагола, русскій языкъ отличается

отъ церковнославянскаго тѣмъ, что болѣе развилъ какъ многократныя, такъ и однократныя формы.

1. Многократныя формы претерпѣли слѣдующія измѣненія въ исторіи нашего языка. а) Древнерусскій языкъ производилъ эти формы свободнѣе нашего. Въ старинныхъ памятникахъ постоянно встрѣчаемъ формы, подобныя, напр., слѣдующимъ: *да́вывалъ*, *бы́вывалъ*, *вѣ́шивалъ*, *и́мывалъ* (т. е. биралъ), *ку́пливалъ*, *отби́вывалъ* и проч. б) По формамъ многократнаго вида нынѣшнее областное просторѣчіе ближе къ древнерусскому, нежели къ нашему книжному языку. в) Послѣдній же, образуясь въ своемъ составѣ, намѣренно избѣгалъ многократныхъ формъ, изъ стремленія усвоить себѣ складъ церковнославянской рѣчи, въ которой мало употребительны эти формы.

2. Русскій языкъ усвоилъ себѣ особенныя усѣченныя формы, которыя даже внѣшнимъ видомъ своимъ соотвѣтствуютъ мгновенности дѣйствія, ими выражаемаго; напр. *гляд-ѣть глядь*, *хват-ать хвать*. Такія краткія формы, за исключеніемъ немногихъ, принадлежатъ также болѣе исторіи языка, нежели современному его состоянію въ образованной рѣчи. И въ этомъ отношеніи областное просторѣчіе ближе къ старинному русскому языку.

Примѣч. Такъ напр. въ пословицѣ, употреблявшейся въ XVIII в. «ѣхалъ дорогою да *верть* цѣликомъ» (въ Письмовн. Курганова), реченіе *верть* (т. е. вернулъ, отъ глаг. *верт-ѣть*), безъ объясненія, стало уже намъ непонятно. Приводимое Ломоносовымъ (въ Граммат. § 427) *совъ* (отъ глаг. *сов-ать*) уже вышло изъ общаго употребленія.

§ 54. Причастія и дѣепричастія. Въ церковнославянскомъ языкѣ дѣепричастій нѣтъ, а есть только причастія краткія и полныя. Наши дѣепричастія произошли отъ церковнославянскихъ краткихъ причастій; собственно же причастія соотвѣтствуютъ у насъ церковнославянскимъ полнымъ.

Надлежитъ разсмотрѣть составъ причастій краткихъ и полныхъ въ церковнославянскомъ языкѣ сравнительно съ образованіемъ дѣепричастій и причастій языка русскаго.

1. Причастія краткія:

а) Настоящаго времени дѣйствительнаго залога:

	муж.	женск.	средн.
ед.	хвалѧ	хвалѧщи	хвалѧ
	сы	сѫщи	сы
дв.	хвалѧща	хвалѧщи	хвалѧщи
	сѫща	сѫщи	сѫщи
мн.	хвалѧще	хвалѧщѧ	хвалѧща
	сѫще	сѫщѧ	сѫща

б) Прошедшаго времени дѣйствительнаго залога.

	муж.	женск.	средн.
ед.	бивъ	бивъши	бивъ бивъше)
дв.	бивъша	бивъши	бивъши
мн.	бивъше	бивъшѧ	бивъша.

Русскій языкъ, образовавъ дѣепричастія изъ причастій краткихъ, позабылъ родъ и число; напр. *дѣлая дѣлаючи*, *бивъ бивши*: ибо наши окончанія *-чи* и *-ши* собственно соотвѣтствуютъ окончаніямъ церковнославянскихъ причастій женск. рода: -щи (или -шти) и ши, но рода не обозначаютъ. Уже въ древнерусскихъ памятникахъ смѣшиваются числа и роды этой церковнославянской формы.

Объ употребленіи дѣепричастій въ русскомъ языкѣ должно замѣтить слѣдующее:

а) Окончаніе дѣепричастія *-чи* весьма употребительно какъ въ древнерусскомъ языкѣ, такъ и въ областномъ просторѣчіи. Въ образованномъ же языкѣ, за исключеніемъ формы *будучи*, оно замѣтно вышло изъ употребленія, удержавшись только въ разговорной рѣчи; напр. у Пушк.: «*поючи* да *пляшучи*, женишковъ *поджидаючи*» X, 38; но книжный языкъ пользуется преимущественно дѣепричастіемъ наст. вр. на *-я* (съ его звуковой замѣной *а*), допуская весьма рѣдко разговорную форму на *-чи*; напр. *идучи* вм. *идя*, *играючи* вм. *играя* и нѣк. друг.

б) Русскій разговорный языкъ употребляетъ окончаніе дѣепричастія наст. времени *я* (и *а*) въ глаголахъ совершеннаго и однократнаго

вида, вмѣсто окончанія дѣепричастія прошедш. времени. Такую замѣну окончаній встрѣчаемъ какъ въ древнихъ памятникахъ, такъ и у позднѣйшихъ образцовыхъ писателей.

Примѣч. Напр. у Ломоносова: «земныхъ *оставя* низость мѣстъ» Од. II; «злыхъ совѣты *раззоря*» Од. II; у Ф. Визина: «*завезя* жену домой, ѣздилъ я въ Университетъ» 428; «развѣ мы *спустя* рукава живемъ» 70; у Карамзина: «*оставя* на время новую свою обитель, явися очамъ ихъ» II, 135—6; «почтенный старецъ сидѣлъ, *приставя* къ уху мѣдную трубку» II, 352; у Пушк. въ V томѣ: *поставя* 38, *допустя* 45, *представя* 49, *брося* 89, *услыша* 101 и проч. (ср. поставивъ, допустивъ, представивъ, бросивъ, услышавъ).

2. Полныя причастія образуются въ церковнославянскомъ языкѣ по образцу прилагательныхъ (§§ 58 и 65), приложеніемъ мѣстоименія *и*: такъ причастіе настоящее муж. рода: хвала-и, грады-и; прошедшее: видѣ-и (или видѣвъ), посладкыи и проч. Въ прочихъ родахъ и въ косвенныхъ падежахъ для причастія настоящаго времени берутся звуки -жщ или -жщ въ 1-мъ спряженіи, и -мщ или -мщ во 2-мъ спряженіи, а для причастія прошедшаго времени звукъ ш. Напр. родит. падежъ ед. числа муж. рода: хвалящаго, хваляшаго, видѣвшаго. Наши причастія настоящаго и прошедшаго вр. дѣйствительнаго залога образовались окончаніями косвенныхъ падежей церковнославянскихъ причастій; напр. *зов-ущ-ій, хвал-ящ-ій, видѣ-ш-ій*.

§ 55. Причастія составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ въ образованіи языка; потому что имена, происходя отъ глаголовъ, пользуются по преимуществу окончаніями причастій. Образовавшіяся такимъ образомъ имена существительныя означаютъ или лицо дѣйствующее, при вліяніи суффикса причастія дѣйств. залога, или предметъ, подлежащій дѣйствію, и самое дѣйствіе, при вліяніи суффикса причастія страд. залога. Имена же прилагательныя, происшедшія отъ причастій, обращаютъ дѣйствіе предмета въ его свойство.

Предварительно должно сдѣлать слѣдующія два замѣчанія. 1) Въ образованіи языка не такъ строго, какъ въ современной рѣчи, соблюдалось отличіе причастій дѣйствительныхъ отъ страдательныхъ:

что явствуетъ, напр., изъ производства нѣкоторыхъ причастій страдательныхъ отъ глаголовъ средняго залога, какъ въ церковнославянскомъ языкѣ, напр. бꙑва-ѥмꙑи, такъ и въ русскомъ, особенно въ просторѣчіи; напр. въ народныхъ пѣсняхъ: «не въ бесѣдѣ было *сижено*, «не въ саду да было *гуляно*.» 2) Отсюда ясно, почему въ нѣкоторыхъ именахъ, происшедшихъ отъ причастій, значеніе залога пропадаетъ, хотя и сохраняется звуковой признакъ причастія дѣйствительнаго или страдательнаго залога.

Разсмотримъ каждое изъ окончаній причастій въ отдѣльности.

1. Окончанія причастій настоящаго вр. дѣйствительнаго залога въ церковнославянскомъ языкѣ уже разсмотрѣны; они оказываются или вполнѣ: ѫщ (ѭщ) и ѧщ (ѩщ), или въ сокращеніи: ѫ и ꙑ. Отличительной примѣтой этихъ суффиксовъ служитъ носовой звукъ (въ соединеніи съ *т*, смягчающимся въ *шт* или въ *щ*, въ окончаніяхъ: -ѫшт, -ѧшт, или -ѫщ, -ѧщ).

Русскій языкъ своего собственнаго причастія дѣйств. залога наст. времени уже не имѣетъ, а пользуется церковнославянскимъ на *-щій*; напр. *дѣлающій*, *говорящій*. Когда же, по своему природному свойству, измѣняетъ въ этомъ окончаніи *щ* на *ч*, тогда образуетъ изъ церковнославянскихъ причастій русскія прилагательныя. Отсюда ясно, почему 1) причастія, оканчивающіяся на-*щій*, принадлежа языку книжному, мало употребительны въ разговорномъ, за весьма не многими исключеніями; и 2) почему прилагательныя на-*чій*, за исключеніемъ немногихъ, вошедшихъ въ языкъ книжный, составляютъ принадлежность народной рѣчи. Напр. *могучій*, *стоячій* (напр. «дерево стоячее»), *кипучій*, *ходячій* (напр. «облако ходячее»), *зыбучій* (напр. «болото зыбучее»), *горючій* (напр. «бѣлъ горючъ камень») и друг.

Примѣч. 1. Впрочемъ между такими прилагательными народный языкъ сохранилъ нѣсколько, съ звукомъ *щ* вм. *ч*; напр. *завидущій*, *загребущій* (напр. въ поговоркѣ: «глаза завидущи, руки загребущи»); *заблудящій*, *залетящій* (напр. въ Др. рус. ст. «что корова заблудящая, что ворона залетящая» 15 и 16); *распадущій*, *некладущій* (напр. въ загадкѣ: «кости мои распадущи и во гробъ некладущи» Парнас. Щепет. 47); *забыдящій*, или *забыдяющій* (напр. въ Духовн. стих.

«нашли они забыдяющую келью» 7, 360). Нѣкоторыя изъ такихъ прилагательныхъ вошли въ общее употребленіе и въ языкъ книжный, каковы напр. *плодущій*, *работящій*; нѣкоторыя же остались въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ; напр. *забудущій*, т. е. незабвенный (напр. въ пѣснѣ арханг. губ. «съ житьемъ дѣвичьимъ безпечальнымъ, «безпечальнымъ, забудущимъ»); *трепущій*, т. е. живой (напр. въ наговорѣ по южносибирск. нарѣчію: «съ крови горячей и трепущаго тѣла»).

Нѣкоторыя причастія на *–щій* получили въ языкѣ смыслъ прилагательныхъ, каковы напр. *настоящій*, *будущій*, *сущій* (напр. «сущая правда» «сущій грѣхъ»). Послѣднее слово произошло отъ церковнославянскаго сы, сы-н, сѫщи, причастія наст. вр. глагола есмь.

Общеупотребительный языкъ причастія будущаго времени на *–щій* не допускаетъ, за исключеніемъ причастія *буду–щій*, которое первоначально имѣло значеніе настоящаго времени; что явствуетъ изъ дѣепричастія *буду–чи*.

Примѣч. 2. Какъ въ древнерусскихъ памятникахъ, такъ и у новѣйшихъ образцовыхъ писателей встрѣчаемъ, хотя и весьма рѣдко, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, причастія настоящаго времени на *–щій*, отъ глаголовъ совершеннаго и однократнаго вида, въ значеніи будущаго времени. Напр. въ языкѣ лѣтописей: «на *придущемъ* вѣцѣ», т. е. въ будущемъ вѣкѣ, Лавр. лѣт. 74. Въ новой литературѣ, напр. у Жуковскаго: «братьевъ моихъ истребленье, тогда неизбѣжно *паду–щихъ*» V, 71.

II. Въ церковнославянскомъ языкѣ два прошедшихъ причастія дѣйствительнаго залога, 1-е и 2-е. 1-е удержалось и у насъ въ видѣ причастія и дѣепричастія прош. времени, а 2-е сохранилось въ прошедшемъ времени глаголовъ изъявит. наклоненія; напр. *сталъ*, *увялъ*.

1. Окончанія причастія 1-го въ церковнославянскомъ языкѣ суть слѣдующія: *–въ*, *–ъ*, *–ь*; напр. *бы-къ*, *кед-ъ*, *оставл-ь* (оставивъ), *спрош-ь* (спросивъ); и въ полномъ видѣ, тѣже звуки съ прибавкою звука *ш*; напр. *бы-къ-шн*, *кедъ-шлаго*, *оставль-ша* и проч. Въ русскомъ языкѣ остались тѣже окончанія, за исключеніемъ *ь*.

Для того, чтобы дать себѣ отчетъ, въ какихъ случаяхъ употребляются окончанія *–въ*, *–вшій*, и въ какихъ окончанія *–ъ*, *–ь*, *–шій*,

должно помнить, что первыя окончанія приставляются къ гласнымъ звукамъ, будутъ ли эти звуки заканчивать корень глагола, напр. *да-ть да-въ да-вшій*, или будутъ составлять примѣту глагола; напр. *вид-ѣ-ть вид-ѣ-въ вид-ѣ-вшій*; послѣднія же окончанія приставляются къ корню глагола, оканчивающемуся на согласный звукъ; напр. церковнославянскія формы усѣченныя: **ведъ, вълѣзъ, простьръ, въжегъ, текъ**; русскія полныя: *вед-шій, в-лѣз-шій, про-стер-шій, за-жег-шій, тек-шій*. Впрочемъ русскій языкъ, въ отличіе отъ церковнославянскаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отклоняется отъ этого правила, употребляя *в* передъ *ш*, вмѣсто кореннаго *д*; напр. *ѣвшій, сѣвшій*, при церковнославянскихъ **ядъ-ши, сѣдъ-ши** и проч. Потому изъ двухъ формъ, равно употребительныхъ въ нашемъ языкѣ: *падшій* и *павшій*, первая, согласная съ свойствами церковнославянскаго языка, прилична рѣчи книжной; напр. «падшій духъ»; а вторая, составившаяся по русскому выговору, употребительна въ рѣчи разговорной.

Изъ именъ прилагательныхъ, образовавшихся помощію суффиксовъ причастія прошедшаго 1-го, осталось въ общемъ употребленіи *служ-и-вый* отъ глагола *служ-и-ть* (древнерус. *служилый*); изъ существительныхъ же сюда принадлежатъ кончащіяся на *-во*; напр. *пи-во, жн-и-во* и проч.

2. Окончаніе 2-го прошедшаго причастія есть *л*; напр. *бы-лъ бы-ла бы-ло, па-лъ* вм. *пад-лъ* (§ 38), цс. **мог-лъ, съ-пас-лъ**, рус. *могъ мог-ла, с-пасъ с-пас-ла* (§ 38). Это причастіе, употребляющееся въ церковнославянскомъ языкѣ только съ усѣченнымъ окончаніемъ, перешло къ намъ въ видѣ прош. времени изъявит. наклоненія (§ 88): потому эта форма, въ отличіе отъ прочихъ временъ, измѣняется не по лицамъ, а по родамъ; напр. *я былъ, ты былъ, онъ былъ, я была, ты была* и проч.

Съ этимъ окончаніемъ причастія образовались слѣдующія формы:

1) Прилагательныя. Принимая полную форму, причастіе прошедшее 2-е переходитъ въ прилагательное. Такой переходъ составляетъ особенность языка русскаго, и допускается только въ глаголахъ средняго залога. Напр. *былъ былой, бывалъ бывалый, жилъ*

жилой, *мерзъ мерзлый*, *стоялъ* (по)*стоялый*, *быть былый*, *таялъ талый* и проч.

Примѣч. 3. Въ старинномъ языкѣ гораздо свободнѣе нынѣшняго было производство такихъ прилагательныхъ; такъ напр. употреблялись формы: *розсѣлый* или *разсѣлый* (т. е. разсѣвшійся: «отъ синего камня отъ розсѣлого» Юрид. акт. подъ 1532 г.), *пропалый* (т. е. пропавшій: «поклепавъ напрасно пропалыхъ своихъ гусей» Шуйск. акт. подъ 1682 г.), *немолый* (т. е. немощной: «вздохнулъ чрезвычайно немолымъ образомъ» Пересмѣшн. III, 159).

2) Существительныя; напр. *быть бы-лой бы-ль*, *нить ни-лой ни-ль*, *рас-ти рос-лый от-рас-ль*, *лѣто-рас-ль*, *па-да-ть пада-ль*.

Отъ глаголовъ *куп-а-ти* и *свир-я-ти*, съ окончаніемъ *-пль*, происходятъ *куп-пль* и *свир-пль*; послѣ шипящихъ этотъ суффиксъ измѣняется въ *-аль*; напр. *печ-аль*, *пищ-аль* (вм. *печ-пль*, *пищ-пль*).

Отъ существительныхъ на *-ль* должно отличать оканчивающіяся на *-ло*, *-ли*; напр. *дь-ло*, *мы-ло*, *ни-ло*, *прави-ло*, *сѣд-ло*; *яс-ли*, *гус-ли*.

Примѣч. 4. Реченіе *жило*, вм. *жилье*, употребляется у образцовыхъ писателей; напр. у Крыл. «зимой, раненько, близъ жила» 315, у Пушк. «слава Богу, жило недалеко» VII, 77.

III. Причастія настоящаго времени страдательнаго залога образуются помощію звука *м*, собственно отъ глаголовъ дѣйствительнаго залога; напр. *дѣла-ть дѣла-емый*, *чита-ть чита-емый*; впрочемъ иногда и отъ среднихъ; напр. *быва-емый*, *не-изсяка-емый*, *входи-мый*; напр. въ Еванг. отъ Марка: «не разумѣете ли, яко все, еже изнутрь входимое къ человѣку, не можетъ осквернити его.» 7, 18.

Примѣч. 5. Причастія наст. страд. залога собственно принадлежатъ церковнославянскому языку, и только по вліянію его употребляются въ нашемъ образованномъ и книжномъ. Просторѣчіе ихъ избѣгаетъ, или же даетъ имъ видъ прилагательныхъ; напр. Въ Древн. рус. стих. «а *незнаемы* люди къ нему появилися» 155; въ Духовн. стих. «тьма *несъчитаема*» 18, 27.

Помощію суффикса причастій настоящаго времени страд. залога *м* образовались:

1) Прилагательныя; напр. *знак-о-мый*, откуда *знак-о-м-ецъ*, *люб-и-мый*, откуда *люб-и-м-ецъ*, *род-и-мый*, напр. въ выраженіи «родимое пятно», откуда *род-и-м-ецъ* (болѣзнь), *пит-о-мый*, откуда *пит-о-м-ецъ*; *лак-о-мый* (отъ глагола *алк-ать*, съ перестановкою: *лак-ать*, § 46). Въ послѣднемъ прилагательномъ значеніе страд. залога не удержалось.

2) Существительныя, образовавшіяся помощію слога *-мен-* (цс. *-ма*, *-мы*, § 62), составляющаго древнѣйшій видъ окончанія причастій наст. вр. страд. залога. Эти имена оканчиваются на *-мя* (цс. *-ма*), *-мень*, цс. *-мы*; и многія изъ нихъ доселѣ сохранили значеніе страд. залога; напр. *съ-ять* сѣ-ма, *бр-ать* (въ значеніи нести) бр-ѣ-мя *бре-мя*, *зна-ть* зна-ма, *със-ти* (читать, считать) *чис-ло* (число), *пис-ать* пись-ма, откуда *пись-мен-а*, (наше слово *пись-мо*, также съ знакомъ причастія страд., съ звукомъ *м*); пал-ти пла-ма пла-мы и *пла-мень*, *сух-ить сух-мень*; сюда же относятся въ областномъ просторѣчіи: *глух-мець* (глухая пора), *кус-мень* (кусокъ); и съ измѣненіемъ *-мен-* на *-мин-*: *сѣ-мин-ы* и *ѣ-мин-ы* (во множ. числѣ), т. е. хлѣбныя зерна, назначаемыя на посѣвъ и на ѣду; отъ послѣдняго существительнаго употреблялось и и прилагательное *ѣмянной*, т. е. *ѣндомый*; напр. въ Юрид. акт. подъ 1669 г. «на хлѣбъ на сѣмянной и на ѣмянной», стр. 214. — Подобно слову пла-мы, образовались въ церковнославянскомъ: кыѣ-мы кыѣ-мень, ка-мы *ка-мень*.

IV. Причастія прошедшаго вр. страдательнаго залога образуются помощію звуковъ *н* и *т*; напр. *да-ть да-нъ*, *мы-ть мы-тъ*, *за-бы-ть за-бв-е-нъ* (*не-забвенный*) и *за-бы-тъ*. Существительное *бы-тъ* есть не что иное, какъ причастіе прош. вр. стр. залога отъ гл. *бы-ть*; въ средн. родѣ, *быто* употреблялось въ древнерусскомъ языкѣ, какъ существительное, въ значеніи имущества, напр. «Изборяне грабиша быто Московское и Псковское». Кар. И. Г. Р. VI, прим. 513).

Для образованія полнаго окончанія причастій съ суффиксомъ *-н*, къ этому звуку присовокупляется еще *и*, какъ знакъ имени при-

лагательнаго; напр. *данъ дан-ный* (какъ въ формахъ: *скрыт-ный, знат-ный*). Нѣкоторыя причастія на *-нный*, переходя въ прилагательныя, удерживаютъ и послѣднее *н*, въ усѣченномъ видѣ, т. е., оканчиваются въ муж. р. на *-ненъ* вм. *нъ*, въ женск. р. на *-нна* и т. д. Напр. отъ глагола *крыть* съ предлогами *по-* и *от-*, причастіе *по-кровенъ*, и прилагательное *от-кровененъ*.

Нынѣ глаголы раздѣлены между суффиксами *н* и *т*: одни пользуются звукомъ *н*; напр. *нес-ти нес-е-нъ, кова-ть кова-нъ*; другіе звукомъ *т*; напр. *гну-ть гну-тый, жа-ть* (*жа-ти*) *жа-тъ*. Но первоначально они свободнѣе принимали и тотъ и другой суффиксъ, какъ это видно: 1) изъ сличенія языка русскаго съ церковнославянскимъ, напр. въ формахъ: *у-би-тъ* и *оу-би-е-нъ*, *на-ду-ть* и *на-дъм-е-нъ*; 2) изъ дневнерусскаго и народнаго; напр. *зва-тый, зна-тый*, и нынѣ употребительныя: *зва-нъ*; *у-зна-нъ*; *одѣ-нъ* и нынѣ употребительное *одѣ-тъ*; и 3) изъ производства; напр. отъ глагола *пѣ-ть* два существительныхъ, образованныхъ помощію причастій прош. времени страд. залога: старинное *пѣ-т-іе*, и нынѣ употребительное *пѣ-н-іе*; старинное происходитъ отъ причастія доселѣ существующаго *пѣ-тъ*, а нынѣшнее слово *пѣ-н-іе* предполагаетъ утраченное причастіе *пѣ-нъ*. Точно также отъ глагола *ста-ть* предполагается двоякое причастіе прош. вр. страд. залога: *ста-тъ* и *ста-нъ*, какъ это видно изъ формъ *о-ста-т-окъ* и *о-ста-н-окъ*, во множ. числѣ *останки*.

Помощію окончаній причастія прошедш. времени страд. залога образовались:

1) Прилагательныя, напр. *бѣ-ить бѣш-е-ный, смысл-ить смышл-е-ный, уч-ить уч-е-ный*; отъ причастій *зна-тъ, скры-тъ*, происходятъ прилагательныя *зна-т-ный, скры-т-ный*. Нѣкоторыя прилагательныя отличаются только удареніемъ; напр. *прибли́женный, поло́женный, уни́женный*, суть причастія; а *приближённый, положённый, унижённый* — прилагательныя. Такое же различіе въ удареніяхъ находимъ въ словахъ *при́данъ* и *прида́ное*.

Примѣч. 6. Многія изъ нынѣшнихъ прилагательныхъ на *-ный* первоначально были не что иное, какъ причастія страдательнаго залога: таковы напр. *искус-ный* отъ *искус-ить*, *окая-нный* отъ *кая-ть* (поносить), *прелест-ный* отъ *прельст-ить*, *отчая-нный* отъ *отчая-ть* (отвергнуть). Эти прилагательныя встрѣчаемъ въ старинномъ языкѣ (напр. въ Молитвахъ Кирилла Туровскаго), въ видѣ причастій: «**не искусив**» (т. е. не искушену) «**отъ злыхъ помыслъ**» «**всѣми человѣки окаянъ**» (т. е. поносимъ) «**вѣхъ**» «**здобь прелестное**» (т. е. прельщаемое) «**человѣческое исстество**» «**тїи бо бѣша всѣми отчаяни**» (т. е. отвергнуты), «**ты же пріатъ а.**» Прилагательное *отчаянный*, также въ видѣ причастія, употребляется и въ народномъ языкѣ, напр. въ Духовн. стих., гдѣ оно противополагается слову *причаянный* (отъ глагола *при-чаять*): «кто будетъ кривдой (т. е., неправдой) жить, тотъ отчаянный отъ Бога» «а кто будетъ правдой жить, тотъ причаянный ко Господу.»

2) Существительныя; напр. *бы-ть бы-ть у-быт-окъ за-бы--т-ье, за-бв-е-н-іе; ста-ть ста-нъ до-ста-т-окъ; тль-ть тль-нъ тль-н-іе; ви-ть с-ви-т-окъ; жи-ть по-жи-т-ки, жив-отъ; плес--ти плет-ень; глядь-ть* (областн. *глядь-нъ* гора) *глядь-н-ье, сидь--ть сидь-н-ье, сѣс-ть при-сѣс-ть; шир-о-та* и *шир-и-на, выс-о--та* и *выш-и-на, глуб-о-та* и *глуб-и-на, прям-о-та* и *прям-и-з-на* (со вставнымъ *з*).

Примѣч. 7. Въ церковнославянскомъ языкѣ есть остатокъ причастій страдат. залога будущаго времени въ словѣ **ѣтма**, **ѣтми** или *четій*, отъ глагола **ѣс-ти** (читать), съ окончаніемъ *-ій*, и значитъ, то, что будутъ читать, или что должно читать; это слово осталось въ реченіи: *Четья-Минея*, т. е. Минея для чтенія. Слово **ѣтми** употребляется также въ значеніи чтеца, въ сложномъ **книгъ-ѣтми**, откуда сокращенное **книгѣми**. Форма *четья* сохранилась и въ русскомъ народномъ языкѣ; напр. въ Древн. рус. стих., о церковномъ пѣніи монахинь сказано: «запѣвали тутъ дѣвицы *четью* пѣть» 384.

V. Сверхъ означенныхъ выше, у насъ есть еще суффиксъ, первоначально принадлежавшій причастіямъ, но сохранившійся только въ именахъ, именно суффиксъ *тр*, въ окончаніяхъ *-тръ*; напр. *вѣ--ять вѣ-тръ*; *-тырь*; напр. *пас-ти пас-тырь*; или, съ измѣненіемъ *р* на *л* (§ 33), въ окончаніяхъ *-тель, -тель*; напр. *да-ть да-тель, учи-ть учи-тель, видѣ-ть с-видѣ-тель, утѣши-ть утѣши-тель,*

зр–ѣть зр–и–тель; *пѣ–ть пѣ–тель*, *удиви–ть удиви–тель–но*, *живи–ть живи–тель–но* и проч. Сюда же относятся суффиксы *–тухъ* и *–тай*, какъ видоизмѣненіе первоначальныхъ *–тырь*, *–тель*; напр. *пас–тухъ* (при словѣ *пас–тырь*), *пѣ–тухъ* (при словѣ *пѣ–тель*); *ход–ить ход–а–тай*, *ора–ть* (пахать) *ора–тай* и *ра–тай*, *глаша–ть глаша–тай* и проч. Всѣ эти суффиксы означаютъ лицо дѣйствующее: *учитель* — тотъ, кто учитъ, *пастухъ*—кто пасетъ, *вѣтеръ*—тотъ, кто вѣетъ (олицетвореніе вѣтра).

Замѣчательнѣйшее исключеніе представляетъ здѣсь слово *дѣ–тель*, отъ глагола *дѣ–яти*, означающее и лицо дѣйствующее, напр. въ словѣ *благо–дѣтель*, и самое дѣло, въ словѣ *добро–дѣтель*; впрочемъ, въ церковнославянскомъ языкѣ форма муж. рода: дѣ-тель (напр. благодѣтель), отличалась отъ формы женск. рода: дѣтель (напр. добродѣтель), имѣющей суффиксъ *–тель*, какъ и слова *куп–тель*, *свир–тель*.

§ 56. Неопредѣленное наклоненіе пользуется у насъ звукомъ *т*, признакомъ причастія страд. залога; и образуется приставкою суффикса **-ти**, въ церковнославянскомъ, и *–ть*, въ русскомъ языкѣ, къ корню глагола, или непосредственно; напр. да-ти *да–ть*, *плес–ти*, вм. *плет–ти* (§ 38), пѣ-ти *печь*, вм. *пек–ти* (§ 38); или посредствомъ примѣты глагола, напр. вид-ѣ-ти, твор-и-ти (§ 50).

Примѣч. 1. Въ древнерусскомъ языкѣ, равно какъ и въ нынѣшнемъ просторѣчіи, неопредѣленное наклоненіе оканчивается не только на *–ь*, но и на *–и*, согласно съ церковнославянскимъ языкомъ; напр. въ русскихъ пѣсняхъ XVII в. Такъ въ пѣснѣ о Ксеніи Борисовнѣ:

Сплачетца на Москвѣ царевна:
Охте мнѣ молоды (т. е. молодой) гореваѣи,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гриша Отрепьевъ ростригa;
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
Чернеческой чинъ наложити.

Въ пословицахъ XVII в.; напр. «желѣзу при рати обычай бываѣи». Въ Древн. рус. стих. «не утѣшити дитя безъ матери» 381. Въ образованномъ же языкѣ допускается неопредѣленное на *–и* только тогда, когда на этомъ звукѣ бываетъ удареніе; *идти*, *брести* и проч. Когда

же ударение снимается съ этого звука, тогда онъ переходитъ въ *ѣ*; потому говорится: *привести* и *привѣсть*, *пріобрѣсти* и *пріобрѣсть* и друг.

Въ церковнославянскомъ языкѣ употребляется особенный родъ неопредѣленнаго наклоненія, при глаголахъ, означающихъ движеніе, напр. при глаголахъ **ити, послати** и проч.,—извѣстный подъ именемъ достигательнаго (или супинума; смотр. Синтаксисъ). Достигательное наклоненіе измѣняетъ окончанія неопредѣленнаго наклоненія: **-ти** на-**тъ**, а **-шти, -ти** на **шть, -ть**; напр. неопредѣленное наклоненіе: **да-ти, пас-ти, обле-шти, обле-ти**; достигательное: **да-тъ, пас-тъ, обле-шть, обле-ть.**

Такъ какъ неопредѣленное наклоненіе (равно какъ и супинумъ) есть не что иное, какъ существительное отглагольное; то въ связи съ окончаніемъ этого наклоненія образовались нѣкоторыя окончанія именъ существительныхъ. А именно:

1) Въ связи съ окончаніями неопред. наклоненія **-ти** и **-шти, -ти, -ть**, состоятъ суффиксы существительныхъ жен. рода *-ть* и **-шть, -ть, -чь**; напр. **хьс-ти хьс-ть** *чес-ть по-чес-ть*, **ста-ти** *ста-ть* (напр. «къ какой стати?»), **пас-ти** *на-пас-ть*, **да-ти** *по-да-ть*; **мошти мощи, пешти пещи** и **мошть мощь, пешть пещь**, *мочь, по-мочь, печь*. Сюда же относится слово **па-мать** отъ корня **мьн-**: *мню по-мню*.—Существительныя, произведенныя отъ прилагательныхъ, къ этому окончанію *-ть* приставляютъ *с*, образуя суффиксъ *-сть*; напр. *молодъ молод-о-сть, свѣжъ свѣж-е-сть*.

Отглагольнымъ существительнымъ на-*ть* соотвѣтствуютъ отглагольныя же на-*нь*; напр. *да-ти да-нь*; или со вставкою звуковъ *с* и *з*; напр. **пѣ-ти** *пѣ-с-нь*, *ба-я-ти* (говорить) *ба-с-нь*; **жи-ти** *жи-з-нь*, **боя-тиса** *боя-з-нь*. Здѣсь *з* вставное, точно такъ же, какъ въ словахъ *нови-з-на, отчи-з-на*, при формахъ *новина* (*новин-ка*), *отчина*. — Слову *жи-з-нь* соотвѣтствуетъ древнѣйшее церковнославянское существительное **жи-ть** (зн. жизнь); точно такъ, какъ слову *да-нь* соотвѣтствуетъ *да-ть*, въ сложномъ *по-дать*; и со вставкою *з*

или *с*, общеупотребительной формѣ *боль-з-нь* — простонародная: *болъ-с-ть*.

Примѣч. 2. Такъ какъ окончанія *н* и *т* (напр. въ словахъ *влас-ть, да-нь*) суть также и суффиксы причастій прош. вр. страд. залога; то въ образованіи упомянутыхъ существительныхъ участвуютъ какъ причастіе, такъ и неопредѣленное наклоненіе, указывая тѣмъ на первоначальное сродство между собою.

Имена, образовавшіяся въ послѣдствіи прямо отъ причастій, отличаются отъ именъ древнѣйшихъ на *-ть* и *-нь* (*-сть, -знь*) отвлеченнымъ значеніемъ; напр. *жи-тіе* и *жи-знь, пь-ніе* и *пѣ-снь, вос-по-мин-а-ніе* и *па-мя-ть*.

2) Въ связи съ окончаніемъ достигательнаго наклоненія **-ть**, состоитъ суффиксъ *тв*, употребляющійся съ указателями: или женск. рода *а*, въ окончаніи *-тва*, или средн. рода *о*, въ окончаніи *-тво*, со вставнымъ звукомъ *с*: *-ство*. а) Съ окончаніемъ *-тва*; напр. *моли-ть моли-тва*, **жр-ѣти** *жер-тва, жа-ть жа-тва*. б) Съ окончаніемъ *-ство*, имена происходятъ не только отъ глаголовъ; напр. *бы-у бы-ство, чу-ти чу-ять чу-в-ство, уб-ить уби-й-ство*; но и отъ другихъ частей рѣчи; напр. *богатъ богат-ство, дѣти дѣт-ство, свой свой-ство, как-ъ как-е-ство*.

Примѣч. 3. Между окончаніемъ *-ство* и корнемъ слова вставляется мягкій звукъ: 1) послѣ согласныхъ *ь*, который въ церковнославянскомъ языкѣ постоянно оказывается; напр. **богат-ь-ство, оубож-ь-ство, как-ь-ство** (отъ словъ *богатъ, убогъ, какъ*, § 37); въ русскомъ же, или переходитъ въ *е*; напр. *убож-е-ство*, *как-е-ство*, или выбрасывается; напр. *богат-ство*, древнерус. и народное *богат-е-ство*. б) Послѣ гласныхъ вставляется *й* или *в*; напр. *уби-й-ство*, старинное и народное *уби-в-ство*; *чу-в-ство*, древнее церковнославянское **хоу-н-ство**.

Примѣч. 4. Суффиксъ *тв* (въ окончаніяхъ *-тва* и *-ство*) сближается съ окончаніемъ достигат. наклоненія **-ть**, потому что **-ть**, разлагаясь на *ту* (ибо *ъ=у*), есть не что иное, какъ *тв* (*в=у*).

Примѣч. 5. Въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ звукъ *с* вставлялся и передъ окончаніемъ *-тва* (какъ теперь вставляется передъ *-тво*, въ окончаніи *-ство*); напр. въ словѣ Иларіона: **гостн-стка** вм. **гостн-тка** (пиршество, угощеніе).

Въ словѣ *ятва*, или *ьства*, употребленіе смѣшиваетъ двѣ формы: женскаго рода *ятва*, *ьства*, именит. пад. множ. числа *ятвы*, *ьствы*, и средняго *ятво*, *ьство*, имен. пад. множ. числа *ятва*, *ьства*. Форма женскаго рода правильна; потому что слогъ *ят–*, или *ьв–* принадлежитъ корню *яд–*, *ьд–*, и образовался измѣненіемъ *д* въ *с*, передъ *т*, которымъ начинается окончаніе *–тва* (§ 38); форма же средняго рода *ятво* вошла въ употребленіе по сближенію этого слова съ оканчивающимися на *–ство*; напр. *чув–ство*.

Примѣч. 6. Въ народномъ языкѣ господствуетъ форма жен. рода *ятва*, или *ьства*; напр. въ Духовн. стих. «они первую, вторую ѣству вокушали» 7, 91; но у писателей уже начала XVIII в., напр. у Кантемира, встрѣчаются обѣ: и женск. и средн. рода. Карамзинъ употребляетъ это слово въ сред. родѣ; напр. «*ятва*, медъ и вино развозили обозами». И. Г. Р. XI, 18.

2. *Мѣстоименіе.*

§ 57. Въ образованіи словъ мѣстоименія занимаютъ первое мѣсто между частями рѣчи служебными, какъ глаголы между знаменательными.

Примѣч. 1. Мѣстоименія принадлежатъ къ остаткамъ древнѣйшаго періода языковъ. Потому одни и тѣже корни мѣстоименій встрѣчаются не только въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но и въ другихъ сплеменныхъ языкахъ. Смотр. Приложеніе.

Мѣстоименія употребляются въ языкѣ или 1) отдѣльно, или 2) слитно. Въ томъ и другомъ случаѣ пользуются они слѣдующими коренными звуками, для означенія лицъ — говорящаго и слушающаго, и для означенія вопроса и отвѣта или указанія, въ большей или меньшей степени опредѣленнаго.

1. Первое лицо въ своемъ склоненіи соединило нѣсколько словъ различныхъ корней. А именно: а) отъ звуковъ *м* и *н*: **м-я**, *м–е–ня*; **н–ы**, *н–ась* и т. д. б) Имен. пад. ед. числа *я*, происшедшее отъ цс. **ѧзъ**, черезъ **ѧзъ**, отличается по своему корню отъ прочихъ падежей всѣхъ трехъ чиселъ. в) Двойств. число 1–го лица въ церковнославянскомъ языкѣ для именит. падежа пользуется звукомъ *в*(**къ**), признакомъ мѣстоименій 2–го лица.

2. Второе лицо означается звуками *т* и *в*: *т–ы*, *в–ы*, *т–обою*, *в–асъ* и т. д.

3. Вопросъ означается звукомъ *к*, съ измѣненіемъ онаго въ *ч*: **къи кы кыи** *кой*, **чии чїи** *чей*, **къ-то ъ-то**, *к–то ч–то*. Два послѣднія мѣстоименія образуютъ косвенные падежи прямо отъ *къ* и *чь*, отбрасывая приставочный слогъ *–то*: *к–ого*, *ч–его* и проч. Мѣстоименный звукъ *к* встрѣчаемъ въ приставкахъ: **къ-гда**, **кж-дл**, **кж-доу**, *ко–гда*, *ку–да*, **къ-де**, откуда наше *гдѣ* (§ 73); въ окончаніяхъ: **т-ко** *та–къ*, **ни-к-ко** *ни–а–че* и проч.

Вопросительныя мѣстоименія и нарѣчія переходятъ въ относительныя (смотр. Синтаксисъ).

Въ церковнославянскомъ языкѣ, сверхъ звука *к*, относительныя и вопросительныя частицы пользуются звукомъ *и* (*j*), приставляемымъ къ гласнымъ; напр. **и-кы** (ка–кой), **и-ко** (ка–къ), **и-гда** (ко–гда), **и-ликъ** (ко–ликій), вм. *j–акъ*, *j–егда* и проч.

4. Указаніе означается слѣдующими мѣстоименными формами:

а) Указаніе на ближайшій предметъ звукомъ *с*; напр. **сь**, *сей*, *с–якъ* (напр. въ выраженіи «такъ и сякъ»). Въ приставкахъ: **сь-де**, откуда наше *з–дѣ–сь*; *сю–да*; въ окончаніяхъ: **дьнь-сь**, т. е. *дне–сь*, *вчера–сь*, *лѣто–сь*.

Указательнымъ *с* пользуется возвратное мѣстоименіе **с-а**, *с–ебя*. Отъ стариннаго и областнаго *собь* происходятъ: *о–соб–а* (древн. «о собѣ» § 45), *собить* (областн., въ значеніи готовить), откуда общепринятое *по–собить*.

б) Указаніе на дальнѣйшій предметъ означается звукомъ *т*: **ѳы тын** *той*, у насъ съ удвоеніемъ: *тотъ* вм. *тъ–тъ*, подобно тому, какъ въ древнерусскомъ и нынѣшнемъ областномъ удвояется сь, въ формѣ *сесь* или *сёсь*. Знакъ указательнаго мѣстоименія, *т* употребляется въ приставкахъ; напр. *то–гда*, *ту–да*.

Примѣч. 2. Мѣстоименіе *сесь*, вм. *сей*, употребляется, напр., въ Юридич. актахъ: «мнѣ Никитѣ до тое деревни Ярыгинскіе меншіе и дѣла нѣтъ, по *сесь* день» подъ 1583 г.; въ Живоп. Новик. 1781 г. «по *сіось* день Господень всіо таки у насъ, родимой, погода стоитъ добрая» II, 171.

Въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, именно въ чешскомъ, польскомъ, вмѣсто *тотъ*, употребляется *тенъ*, т. е. коренной звукъ *т*, съ окончаніемъ *-ен*, отметаемымъ въ прочихъ родахъ и падежахъ: *та, то, того, тому* и проч. Эта форма сохранилась и въ русскомъ языкѣ, напр. въ вологодск. нарѣчіи, въ сложномъ: *тен-часъ*, вм. тотъ часъ, сей часъ.

в) Указательныя мѣстоименія, употребляемыя для означенія третьяго лица: для имен. падежа *онъ*, котораго полная форма и доселѣ имѣетъ смыслъ указательнаго: *оный*; косвенные же падежи: *его*, *ему*, *ихъ*, *ими* и проч., происходятъ отъ другаго мѣстоименія, которое въ имен. падежѣ ед. числа имѣетъ: муж. и, жен. и, ср. ѥ. Въ церковнославянскомъ языкѣ эта частица, сложенная съ соединительнымъ союзомъ же, употребляется въ смыслѣ относительнаго мѣстоименія: и-же, и-же, ѥ-же, т. е. который, -ая, -ое.

г) Различныя степени опредѣлительности при указаніи на предметъ рѣчи означаются слѣдующими мѣстоименіями: а) *самъ, самый*, откуда существительныя *сам-ѣ-цъ*, *сам-ка*; b) *весь*, цс. вьсь; въ приставкахъ: вьсь-де *вез-дѣ*, вьсѣ-дою *всю-ду*, вьсѣ-гда *все-гда*; с) *одинъ*, цс. ѥдинъ, ѥдинъи и ѥдьнъ, откуда наши *од-на, од-но* и проч., вм. *одина, одино* и проч. Послѣднія формы въ древнерусскомъ языкѣ употреблялись. d) *Инъ, иной*, первоначально имѣвшее значеніе не только другаго, но и одного, какъ это видно изъ приставокъ: *ино-рогъ*, т. е. *единорогъ*, ино-ходъ, или ино-ходьмъ, т. е. *единородный* и проч. е) Употребляющееся только въ церковнославянскомъ: овъ, окыи (тотъ, одинъ — другой), откуда ов-о-гда.

Примѣч. 3. Къ мѣстоименіямъ указательнымъ принадлежатъ слова, означающія единичность предмета. Потому въ новѣйшихъ языкахъ, во французскомъ, нѣмецкомъ, члены (т. е. мѣстоименія указательныя) выражаются не только указательными частицами *le*, *der*, но и числительными, означающими единичность: *un*, *ein*. (Смотр. Синтаксисъ).

5. Производныя мѣстоименія образуются окончаніями: а) *ак*; напр. ѩкъ (*і-ак-ъ*, какой), *к-ак-ой*, *т-ак-ой*, *во-як-ой*; б) *ак-ов*; напр. *к-ак-ов-ой*, *т-ак-ов-ой*; в) *лик*: напр. ѥ-ликъ, ѥ-лик-о (сколько), *ко-лик-ій*, и нѣк. друг.

Къ производнымъ мѣстоименіямъ принадлежатъ **притяжательныя**, образовавшіяся помощію окончанія *и*, напр. отъ *я*: *я-о-й*, отъ *ты* (*тв*): *тв-о-й*, отъ возвратнаго *с* (*сб*=*св*): *св-о-й*; отъ *насъ*, *васъ*: церковнославянскія **нашь**, **вашь** (съ звукомъ *ь*=*и*), потомъ рус. *нашъ*, *вашъ*; отъ вопросительнаго *к* или *ч*: *ч-е-й*.

Примѣч. 4. Сверхъ этихъ притяжательныхъ, принятыхъ въ общеупотребительный языкъ, встрѣчаемъ въ церковнославянскомъ: **егокъ**, **оногокъ** (его), **чегокъ** (чей), **сегокъ** (сего), **тогокъ** (того), отъ мѣстоименій въ род. пад.: **его**, **оного**, **чего**, **сего**, **того**; въ областномъ просторѣчіи: *евойный* (его) отъ мѣстоименія *ево*, т. е. его; *ейный* (ея) отъ мѣстоим. *ея*; *мойской* (мой) отъ мѣстоим. *мой*, какъ *свойскій* отъ *свой* и проч. Притяжательное *ихный* (отъ мѣстоим. *ихъ*), употребительное въ рѣчи разговорной, еще не принято въ книжный языкъ.

Примѣч. 5. О составѣ словъ *который* и **ктеръ** смотр. § 69.

6. Изъ **сложныхъ** формъ замѣчательнѣйшія суть:

а) Мѣстоименіе **къ-ждо** или **къ-жьдо**, **кын-ждо**, состоящее изъ вопросительнаго **къ**, **кын**, и частицы **-ждо**, въ церковнославянскомъ прибавлявшейся, безъ измѣненія, къ склоняемымъ **къ**, **кын**: **кого-ждо**, **коего-ждо**, **комоу-ждо**, **коемоу-ждо**. Вмѣсто церковнославянскаго **къждо**, въ древнерус. памятникахъ встрѣчаемъ *кождо* и *каждо*, откуда, съ приставкою склоняемаго окончанія *и* къ несклоняемой частицѣ *-ждо*, образовалось нынѣшнее *кажд-ый*.

Примѣч. 6. Въ просторѣчіи: *каженый*, или съ областными видоизмѣненіями: *каженый*, *кажинь*. Правописаніе приняло форму: *каждый*, ближайшую къ первоначальному составу слова.

б) Съ приставками *нь-*, *ни-* и *э*: *нь-кто* (**нъ-къ-то**), *нь-кій*; *ни-кто* (**ни-къ-то**), *ни-что* (**ни-чь-то**); *э-тотъ*, *э-кой*. Приставка *э* составляетъ особенность русскаго языка, въ отличіе отъ церковнославянскаго.

Примѣч. 7. Въ областныхъ нарѣчіяхъ употребляются весьма любопытныя слова, сложенныя изъ личнаго мѣстоименія и глагола *чаять*, именно: *ян-чалъ* вм. я чаялъ, *ме-чалъ* вм. мнѣ чаялось, *тебѣн-чалъ* или *тая-чилось* вм. тебѣ чаялось.

Примѣч. 8. Отъ древняго церковнославянскаго мѣстоименія **тьзъ** (тотъ же) происходятъ: *тез-ка*, *тез-о-именитство*.

Примѣч. 9. Этимологическій разборъ мѣстоименныхъ нарѣчій, для ясности, присоединенъ къ отдѣлу о нарѣчіяхъ.

§ 58. Слитно съ другими частями рѣчи мѣстоименія употребляются: или I. въ образующихъ окончаніяхъ (въ суффиксахъ), или, II. въ измѣненіяхъ (во флексіяхъ).

I. Въ образующихъ окончаніяхъ, въ большей ясности, оказываются: 1) корень вопросительнаго мѣстоименія *к* (съ смягченіемъ въ *ц*); напр. *выс-о-къ, глуб-о-къ, слад-о-къ, стрьл-о-къ стрьл-е-цъ, голуб-ка голуб-и-ца, оч-ко, серд-це*; 2) корень указательнаго мѣстоименія *т*; напр. *бо-гатъ* (при словѣ *у-богъ*), *ро-гатъ, выс-о-та, добр-о-та*; 3) *-инъ* въ значеніи одного; напр. *христіан-инъ* (въ Супр. рук. просто крьстинъ, безъ суффикса *-инъ*), *Славян-инъ, боляр-инъ, хозя-инъ, шур-инъ* и проч. Потому въ множ. числѣ знакъ единичности (*инъ=одинъ*) отметается: *христіан-е, Славян-е, боляр-е* или *боляр-а, хозя-ева, шур-ья* и проч.

Примѣч. 1. Нѣкоторые суффиксы причастій и неопредѣленнаго наклоненія суть вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстоименные; напр. *т* въ формахъ: *би-ть, би-тый*.

Примѣч. 2. Отъ собирательнаго *людъ*, съ окончаніемъ *-инъ*, произошло древнее и областное *люд-инъ*, которое принято и въ общеупотребительный языкъ въ сложномъ *просто-людинъ*.

II. Въ измѣненіяхъ, т. е. въ спряженіяхъ и склоненіяхъ.

1. Въ спряженіяхъ мѣстоименіями обозначаются лица глагола. Это особенно явствуетъ въ образованіи 1-го лица. А именно: указатель 1-го лица *м* употребляется для означенія того же лица ед. и мн. чиселъ глаголовъ; напр. *ес-мь, да-мъ* и друг.; мн. число въ древнѣйшемъ церковнославянскомъ ѥс-мъ (въ позднѣйшемъ ѥс-мы), да-мъ (въ позднѣйшемъ да-мы, рус. *дад-и-мъ*); двойств. число 1-го лица ва (мы двое) образуетъ двойств. число глаголовъ 1-го лица; напр. ѥс-ва, да-ва.

Примѣч. 3. Такъ какъ буквы ж и щ содержатъ въ себѣ не только звукъ *н*, но и *м*, то въ окончаніяхъ глаголовъ ндж, пощ и проч. (откуда наши *иду, пою* и проч.), первоначально былъ слышенъ указатель 1-го лица *м*. 2-е лицо ед. числа образуется звукомъ *с*: да-си, и замѣною его, звукомъ *ш*: *да-шь*, ѣжд-е-ши, *буд-е-шь*. Для двойств. и множ. чиселъ 2-го лица, а равно и для 3-го лица употребляется звукъ *т*, въ

окончаніяхъ 2-го лица сближаемый съ личнымъ мѣстоименіемъ *ты*, а въ окончаніяхъ 3-го лица съ указательнымъ *т*, откуда *тотъ, та, то*. Напр. 2-е лицо двойств. числа ѥс-та, дас-та; множ. ѥс-те, дас-те; 3-е лицо ед. числа: ѥс-ть, дас-ть; двойств. ѥс-та, дас-та, множ. с-ѫть, дад-ѫть и дад-ѫть. 3-е лицо множ. числа отличается приставкою носоваго звука *н* къ мѣстоименному указателю *т*: ѭт = ѧт, ѫт.

2. Въ склоненіяхъ мѣстоименіе принимаетъ участіе, отличая формы именъ прилагательныхъ, а также мѣстоименій, полныя отъ краткихъ. Для этого употребляется указательное мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ. Для образованія полной формы, присоединяется это мѣстоименіе къ формѣ краткой; напр. краткія формы: *добръ добра добро*, полныя: добръ-и (добры, добры-и, нынѣ *добры-й*) добра-ꙗ добро-ѥ; краткія формы: *онъ она оно, самъ сама само*; полныя: *оный* (онъ-и) *она-ꙗ оно-ѥ, самый* (самъ-и) *сама-ꙗ само-ѥ*. — Для косвенныхъ падежей полныхъ формъ, и мѣстоименіе *и* измѣняется по падежамъ: *его, ему, имъ* и проч. Напр. добра-ѥго, добро-ѥмоу; *ближн-ему, ближн-имъ* (§ 99).

Такое присоединеніе указательнаго мѣстоименія къ именамъ и мѣстоименіямъ соотвѣтствуетъ употребленію члена въ другихъ языкахъ, какъ напр., во французскомъ и нѣмецкомъ.

Примѣч. 4. Сверхъ мѣстоименія *и, ꙗ, ѥ*, указательныя *тъ* и *сь*, въ видѣ члена, присовокупляются къ именамъ, какъ въ древнерусскомъ языкѣ; напр. въ Лавр. лѣт. *холм-о-тъ, отрок-о-тъ, град-о-сь, градок-о-сь*; въ Ипат. лѣт. *съвьт-о-сь*; т. е. этотъ холмъ, отрокъ, городъ, совѣтъ и проч.; такъ и въ нынѣшнемъ просторѣчіи; напр. *парень-отъ, парен-е-тъ* или *парень-то, сватьи-тъ* или *сватьи-то*. Мѣстоименія *-ось, -отъ*, присовокупляемыя къ именамъ (*град-ось, холм-отъ* = градъ-сь, холмъ-тъ), соотвѣтствуютъ указательнымъ частицамъ: *осе* и *ото*, употребляемымъ въ древнерусскомъ языкѣ въ значеніи: вотъ. Напр. «*осе есмь*» (вотъ и я), «*ото Давыдъ*» (вотъ Давидъ) Лавр. сп. 116, 110. Частица *ото*, принявъ придыханіе *в*, употребляется и нынѣ въ формѣ *в-отъ* (вм. *вото*); равно какъ и *осе* перешло въ частицу *вось*, употребляемую въ народномъ языкѣ, вм. *авось*; напр. «*вось* поговоритъ со мной» Чулк. Собр. Рос. пѣс. V. № 86.

3. Имя существительное.

§ 59. Въ образованіи существительныхъ надлежитъ отличать признакъ грамматическаго рода отъ суффикса. Напр. въ словахъ:

от-е-ц-ъ (цс. **отъ-ць**), *пт-и-ц-а*, *серд-ц-е*, конечные звуки *ъ*, *а*, *е*, суть знаки родовъ: мужескаго, женскаго и средняго; звукъ же *ц* есть общій всѣмъ тремъ словамъ суффиксъ, и потому не входитъ въ составъ ихъ корней, какъ это видно изъ формъ: *от-ній*, *пт-аха*, *серд-иться*.

Въ простѣйшемъ видѣ образованіе существительныхъ происходитъ помощію приставки родоваго признака къ глагольному корню: *вез-у воз-ъ*, *слу-ти слав-а слов-о*. Иногда признакъ рода совпадаетъ съ послѣднимъ звукомъ глагольнаго корня; напр. въ словахъ: *би-ть б-о-й*, *по-чи-ть по-ч-о-й* (§ 30), звукъ *й* принадлежитъ корню глагола и означаетъ муж. родъ существительнаго. А такъ какъ *ъ* на концѣ словъ мы не произносимъ, то и въ реченіяхъ на *ъ*, признакъ рода совпадаетъ съ послѣднимъ согласнымъ звукомъ корня; напр. *воз*(-*ъ*), *за-вод*(-*ъ*).

Суффиксы именъ существительныхъ большею частію суть глагольнаго и мѣстоименнаго происхожденія (§§ 55, 56 и 58); напр. *да-нь*, *дь-ло*, *сѣ-мя*, *коробъ-ка*, *стрѣл-о-къ*, *бар-инъ*.

Примѣч. 1. Древнерусскій языкъ и областное просторѣчіе свободнѣе книжнаго языка употребляютъ существительныя съ родовымъ признакомъ, безъ суффикса; напр. *по-выкъ-а* (при-выч-ка), *нуд-а*, *по-нуд-а* (по-нужд-ен-іе) *не-мога* (из-не-мож-ен-іе), *ход-а* (по-ход-ка), *ско-къ* (скака-н-іе), *топъ* (топа-н-ье), *шип-ъ* (шипѣ-н-ье) и проч. Согласно съ природными свойствами нашего языка, Пушкинъ употребляетъ слова *хлопъ* и *топъ*, вм. хлопанье и топанье:

Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и *хлопъ*,
Людская молвь и конскій *топъ*. I, 127.

Слич. у Жуковск. «отъ *топа* конскаго дрожали» VI, 98.

Примѣч. 2. Сверхъ суффиксовъ, объясненныхъ въ предъидущихъ §§-хъ, языкъ пользуется многими другими. Важнѣйшіе изъ нихъ:

а) *б*; напр. *служ-ить служ-ба*, *зло-й зло-ба*.

б) *д*; напр. *своб-о-да*, отъ древняго церковнославянскаго прилагательнаго **свободь** (при древнемъ существительномъ *своба*, т. е. свобода).

в) *х*; напр. *ду-ть ду-хъ*, *сѣ-ять-ться сѣ-хъ*; съ звуками гласными: *их*, *ех*; напр. *ткач-их-а*, *мач-ех-а*; послѣднее слово произносится двояко: *мач-их-а*, и, по областн. говору: *мач-ох-а*.

г) *р*; напр. *да-ть да-рь, вих-нуть вих-рь* (въ Древн. рус. ст. «а и буйны вѣтры не вихнутъ на ее» 87); и съ вспомогательнымъ вставнымъ звукомъ *х*; напр. *зна-ть зна-ха-рь*; въ областномъ просторѣчіи: *ба-ять ба-ха-рь, да-ть да-ха-рь, взя-ть взя-ха-рь.* Суффиксомъ *р* пользовались слова, означающія родство; напр. *братръ* — древнѣйшая форма, вм. *братъ*; въ областномъ просторѣчіи *кмотръ* вм. *кумъ*. Къ такимъ словамъ относятся изъ нынѣ употребительныхъ: *мать* и *дочь*, пользующіяся суффиксомъ *р*: *мат-ер-и, доч-ер-и.*

д) *-имъ*, въ значеніи подобія; напр. *отч-имъ, по-брат-имъ*, прилагательное *не-люд-имъ.*

е) *-инъ*, въ значеніи вещества; напр. *говяд-ина*, при старинномъ словѣ **говядо** (быкъ, скотъ); также въ значеніи поры, времени; напр. *годовщ-ина*, пс. **отрок-ина** (отрочество); во множ. числѣ: *имен-ины, род-ины* и проч. Въ словахъ *горош-ина, жемчуж-ина, хорост-ина*, въ области. *лѣс-ина* (дерево), этотъ суффиксъ имѣетъ значеніе единичности, такъ же, какъ и въ словахъ *дѣт-ина, купч-ина* и друг. (смотр. суф. *-инъ*, § 58).

ж) *-ище*, въ значеніи орудія, средства, пространства; напр. *топор-ище, прозв-ище, играл-ище, огн-ище, пепел-ище* и нѣк. др.

з) *-щи* (=*сть*), въ старинныхъ словахъ, употребляемыхъ во множ. числѣ: *льнощи* (лѣность), *радощи* (радость); прилагат. *худощ-авъ* предполагаетъ форму *худощи.*

Примѣч. 3. Составъ нѣкоторыхъ существительныхъ, безъ помощи родственныхъ языковъ, объяснить быть не можетъ. Таковы, напр., слова *сы-нъ, де-нь*, въ которыхъ звукъ *н* есть суффиксъ, приложенный къ глагольнымъ корнямъ. Такъ какъ производство такихъ словъ, въ русскомъ языкѣ, уже затерянно, то мы обыкновенно и причисляемъ ихъ къ первообразнымъ (примѣч. къ § 48-му). Смотр. Прилож. къ § 48-му.

§ 60. Русскій языкъ различаетъ существительныя по родамъ слѣдующими гласными звуками: муж. *ъ* (или по требованію благозвучія мягкіе *ь* и *й*), женск. *а* (или *я*), средн. *о* (или *е*). Напр. *сын-ъ, жител-ь, урожа-й*; *жен-а, изб-я*; *серебр-о, пол-е.* Исключеніе изъ этого общаго правила представляютъ имена, которыхъ родъ зависитъ отъ значенія, а именно: имена муж. пола, каковы напр. *воевод-а, судь-я, подмастерь-е* и проч.; и потомъ имена рода общаго; напр. *тезк-а, ровн-я* и проч. Что же касается до именъ женск. рода на *-ь*, напр. *чест-ь, дан-ь* и пр., и средн. рода на *-я*, напр. *врем-я* и друг.;

то и тѣ и другія образовались въ языкѣ совершенно различно отъ именъ муж. рода на *-ъ* и женск. на *-я*.

Примѣч. 1. Не всѣ указатели грамматическаго рода сохранились у насъ въ надлежащей цѣлости. Женскій и средній роды замѣтно отличаются звуками *а* или *я* но или *е*; мужескій же родъ, вмѣстѣ съ утратою гласнаго произношенія буквъ *ъ* и *ь*, собственно говоря, потерялъ и отличительный свой признакъ: такъ что для насъ корень слова *воз* и существительное *воз-ъ* звучатъ одинаково. Слѣдовательно русскій языкъ отличаетъ мужескій родъ на *-ъ* (или смягченно на *-ь*, *-и*) не потому, чтобы соединялъ съ этою буквой какое либо значеніе, а единственно съ тѣмъ, чтобы противопоставить формамъ женскаго и средняго рода форму рода мужескаго, собственно отличающуюся отсутствіемъ родоваго признака.

Примѣч. 2. Переходъ именъ муж. рода въ имена рода женскаго совершается двоякимъ образомъ: или непосредственно, т. е., присовокупленіемъ родоваго признака безъ помощи вставнаго суффикса, или посредственно, т. е., при помощи суффикса. Примѣръ перваго видимъ въ словахъ: *кум-ъ кум-а*, *тест-ь тещ-а*, *плясун-ъ плясунь-я* и проч.; примѣръ послѣдняго—въ словахъ: *сосѣд-ъ сосѣд-к-а*, *лев-ъ лв-иц-а*, *крестьян-ин-ъ крестьян-к-а*, *врал-ь врал-их-а* и проч. Имена должностей женскаго пола, напр. *лькар-к-а*, *дворн-иц-а* и друг., отличаются своими окончаніями отъ именъ тѣхъ же лицъ, прозываемыхъ по мужу: *лькар-ш-а*, *дворнич-их-а* и друг.

Нѣкоторыя имена муж. рода происходятъ отъ именъ рода женскаго; напр. *вдов-ц-ъ* отъ слова *вдов-а*; другія въ женск. родѣ сохранили древнѣйшую форму; напр. *свекровь*, цс. **свекры**, при муж. *свекоръ*.

Въ старинномъ языкѣ многія имена употреблялись не въ томъ родѣ, въ какомъ они ходятъ теперь; напр., въ муж. родѣ, вм. женскаго: *луча* вм. лучь, *пара* (и въ области. языкѣ) вм. паръ; въ женск. родѣ, вм. мужескаго: *поступка* вм. поступокъ, *ужина* вм. ужинъ, и мн. др.

Примѣч. 3. Нѣкоторыя существительныя, вмѣсто *-я*, оканчиваются въ древнѣйшемъ церковнославянскомъ языкѣ на *-и*; напр. **гръдыни**, **Магдалыни**, **милостыни**, **млъвни**, **поустыни**, **рабыни**, **Самаркыни**, **сѫдни**, вм. **гръдыня** (гордыня), **Магдалына** (Магдалина), **милостыня**, **млъвня** (молнія), **поустыня**, **рабыня**, **Самаркыня**. Въ словѣ **поустыни** звукъ *и* сокращается въ *ь*: **поустынь**.—Окончаніе именъ женск. рода *-и* принадлежитъ къ древнѣйшему періоду языка. Какъ остатокъ древности, оно

сохранилось въ женск. родѣ прилагательныхъ сравн. степени и причастій церковнославянскаго языка; напр. **больши** (бо́льшая), **сыщи** или **сышти** (сущая), **бывъши** (бывшая). — Это окончаніе, уже въ церковнославянскомъ языкѣ значительно вытѣсненное изъ общаго употребленія формъ женск. рода, вполнѣ чуждомъ русскомъ языкѣ совершенно пропало. Впрочемъ въ древнерус. еще встрѣчаемъ, напр., *княгыни* вм. княгиня.

Древній языкъ отличалъ формы женск. рода гласными звуками долгими: чѣмъ и объясняются выше приведенныя слова на *-и*; языкъ позднѣйшій окончанія долгія сталъ сокращать, какъ это, напр., явствуетъ изъ перехода формъ **мати, дъщи** въ *мать, дочь*.

Существительныя на *-іе* или *-ье* означаютъ понятія отвлеченныя и собирательныя; напр. *учен-іе, терпѣн-ье, стар-ье, тряп-ье*. Окончаніе *-ье* принадлежитъ собственно русскому языку, а *-іе* церковнославянскому, потому и усвоено у насъ въ важной рѣчи. Впрочемъ уже въ древнихъ церковнославянскихъ памятникахъ, преимущественно глаголитскихъ, встрѣчаются имена, на *-ье*; напр. **истлѣные, казаные** (наказанье, сказанье) и проч.

Примѣч. 4. Объ употребленіи окончанія *-ье* (*-іе*) въ русскомъ языкѣ должно замѣтить слѣдующее. 1) Просторѣчіе свободнѣе образованнаго языка производитъ собирательныя на *-ье*. Напр. областныя: *кожье* кожи, *кустовье* кусты, *кусье* куски, *лычье* лыки, *святье* святки и проч. 2) Древнерусскій языкъ пользуется окончаніемъ *-ье* (*-іе*) въ именахъ, сложенныхъ съ приставкою; напр. *без-мѣст-ье, за-мор-ье, за-псков-ье, на-вечер-ье* или *на-вечер-іе, не-погод-ье, не-люб-ье* или *не-любов-ье, обо-двер-ье* (что около дверей), *от-тепѣл-ье* (оттепель), *перед-город-ье* (что передъ городомъ), *по-год-ье* (погода), *по-мор-ье, по-сул-ье* (что по рѣкѣ Сулѣ), *полу-ноч-ье, под-атаман-ье, под-друж-ье* (§ 45), *при-мост-ье* (что при мостѣ), *при-сел-ье* (что при селѣ), *раз-вод-ье* (полая вода), *раз-рат-ье* (рать зн. война), *роз-мир-ье, у-ден-ье* (полдень), *у-сол-ье* и проч. Такимъ способомъ въ образованіи словъ съ приставками и доселѣ пользуется просторѣчіе; напр. въ пѣсняхъ: *замужье* («про замужье, про бездѣльное» Прач. 15); въ литературныхъ произведеніяхъ XVIII в.: *уголовье* (т. е. уголовное преступленіе, Живоп. Новик. 1781 г. I, 84), «до *полусотья*» (т. е. до полусотни, Анекд. древн. Пошех. 1798 г. стр. 80). Пушкинъ употребляетъ такимъ же образомъ составленное слово *первосоніе* («въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія» VII, 78).

Въ народномъ языкѣ существительное можетъ принять продолженное окончаніе *-ье*, послѣ двухъ предлоговъ, стоящихъ отдѣльно передъ этимъ именемъ: въ такомъ случаѣ, послѣдній предлогъ слагается съ именемъ; напр. *изъ заморья*, вм. изъ-за моря, *изъ задворья*, вм. изъ-за двора, *изъ застолья*, вм. изъ-за стола: въ послов. XVII в. «изъ заморья съ вѣстьми, а изъ задворья съ гостьми»; въ пѣснѣ по тульск. нарѣчію: «и милое чадо изъ застолья ведуть». Точно также составилось реченіе *из-под-лобья*. Нынѣ употребительное *Запорожье* образовалось изъ старинаго *За-пороги*, напр. въ послов. XVII в. «казакъ въ Запорогахъ, что пень при дорогахъ». Реченіе *поднебесье*, въ Древн. рус. стих., употребляется раздѣленнымъ на два слова: «*подъ небесью* летать» 191.

§ 61. Какъ въ церковнославянскомъ, такъ и въ русскомъ должно отличать имена женск. рода на *-ь* отъ именъ муж. рода съ тѣмъ же окончаніемъ. Въ послѣднихъ звукъ *ь* есть не что иное, какъ замѣна звуку *ъ*; потому они и склоняются по общему правилу съ именами на *-ъ*, за весьма не многими исключеніями (§§ 94 и 95); въ первыхъ же *ь* есть самостоятельный звукъ, соотвѣтствующій звуку *и*; потому они въ склоненіи существенно отличаются отъ именъ муж. рода на *ь* (§ 95).

Впрочемъ у насъ есть нѣсколько реченій муж. рода на *-ь*, сближенныхъ съ именами женск. рода, оканчивающимися на этотъ же звукъ: таковы *день*, *путь* и нѣк. друг. — Такое сближеніе оказалось: 1) въ именахъ, образовавшихся съ суффиксомъ причастій: *-мень*; почему одни приняли муж. родъ, напр. *пламень*, другія женскій, напр. *сухмень*; 2) въ нѣкоторыхъ словахъ на *-ь*, употребляемыхъ и въ муж., и въ женск. родѣ; напр. *степень*, въ старину, а въ важной рѣчи и доселѣ муж. рода; въ современномъ же языкѣ, женск. рода; *Псалтирь* муж. и женск. рода; 3) въ склоненіи нѣкоторыхъ именъ муж. рода на *-ь*; напр. *день*, *путь*, *камень*, *корень*, въ род. пад. ед. числа: *дн-я* и *дн-и* (цс. дьн-е), *пут-и*; *камн-я*, *корн-я*, и въ просторѣчіи: *камен-и*, *корен-и*, вмѣсто церковнославянскихъ: камен-е, корен-е (§ 95).

Главнѣйшіе виды именъ женск. рода на *-ь* суть слѣдующіе:

1) Имена, произведенныя отъ корней словъ, безъ помощи суффиксовъ, и потому отличающіяся краткостью; напр. *льн-ъ, твар-ь, выс-ь, глуб-ь, шир-ь, прыт-ь.* Такія имена нашъ языкъ любитъ употреблять въ формѣ нарѣчій; напр. *в-кось, на-ис-кось, на-от-машь, на-сквозь* (§ 72).

2) Имена съ суффиксами причастій и неопредѣленнаго наклоненія; напр. *по-да-ть, мил-о-с-ть, да-нь, пь-с-нь, чес-ть, печь* (вм. *пек-ть*), *бы-ль, пада-ль* и проч.

3) Имена числительныя; напр. *пят-ь* (цс. пать), *шест-ь* и друг., принявшія форму существительныхъ женск. рода на *-ь*.

Имена женск. рода на *-ь*, сверхъ значенія предметовъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ, имѣютъ смыслъ именъ собирательныхъ; напр. *знать, чернь, челядь.* Сюда же относится слово *Русь*, означающее не только страну, но и народъ. По своему собирательному значенію существительныя на *-ь* принадлежатъ къ одному разряду съ именами числительными, оканчивающимися на этотъ же звукъ; каковы: *пять, десять* и проч.

Примѣч. 1. Древнерусскій языкъ и областное просторѣчіе любятъ имена женск. рода на *-ь*. Напр. въ древнерусскихъ памятникахъ: имена собирательныя: *погань* (поганые), *талъ* (заложники), *чадь* (челядинцы); въ названіяхъ народовъ: *Чудь, Весь, Сербь* (Сербы), *Черемисъ*; вообще нарицательныя: *дороговь* (дороговизна), *дѣль* (раздѣлъ, раздѣленное), *лодь* (лодка), *прямь* (откуда *в-прямь*), *сыть* (откуда *полсыть, впохсыть, досыть*; *досыти*, иначе *досыта*), *ярь* (яровой хлѣбъ) и проч. Въ областномъ просторѣчіи: *кальчь* (калѣки, собират.), *лютъ* (лютость), *назовь* (названіе), *неимь* и *неймаль* (скотина, которую трудно поймать), *новь* (вымолоченный вскорѣ послѣ жатвы хлѣбъ), *пособь* (пособіе), *рань* (раннее время) и проч.

Примѣч. 2. Въ нарѣчіяхъ, сложенныхъ изъ существительныхъ съ предлогами, сохранились нѣкоторыя древнѣйшія формы именъ на *-ь*. Такъ слову *солнце* (цс. слънь-це, сълънь-це) находимъ простѣйшую форму, безъ окончанія суффикса *-це*, именно *солонь*, въ древнерус. нарѣчіи *по-солонь*, т. е. по солнцу; напр. въ Путешествіи Стеф. Новг. «и выйти изъ олтаря великаго на лѣвую руку посолонь.» Отъ коренного сло-

ва *солонь*, употребляется въ областномъ просторѣчіи глаголъ *солоновать*, въ значеніи ходить кругомъ чего-либо.

§ 62. Отъ разсмотрѣнныхъ доселѣ существительныхъ (въ §§-хъ 59, 60 и 61-омъ) надобно отличать тѣ, которыя или въ одномъ именительномъ, или въ именит. и винит. ед. числа отметаютъ суффиксъ, оказывающійся въ прочихъ падежахъ. Напр. въ словахъ: *знам-я знам-ен-и*, *дит-я дит-ят-и*, *дочь доч-ер-и*, *неб-о неб-е-с-а*, въ цс. црькы, откуда наше *церк-овь церк-в-и*, и проч., звуки *-ен-*, *-ят-*, *-ер-*, *-ес-*, *-в-* (*-ов-*), суть суффиксы, потому что они удерживаются въ производныхъ; напр. *знам-ен-итый*, *дит-ят-ко*, *доч-ер-ній*, *неб-ес-ный*, *церк-ов-ный* и проч.

Объ этихъ суффиксахъ въ церковнославянскомъ и русскомъ языкахъ должно замѣтить слѣдующее.

1. Суффиксъ *-ен-*, въ церковнославянскомъ языкѣ, выражается носовыми а и ы; въ русскомъ же эти носовые звуки сокращаются въ простое *я*; напр. цс. им-а (т. е. *им-ен*), плам-ы (т. е. *плам-ен*), рус. *им-я*, *плам-я*. Нѣкоторыя имена на *-а* и *-ы* (рус. *-я*), переходятъ, какъ въ русскомъ, такъ и въ церковнославянскомъ, въ имена на *-ень*; напр. кор-а кор-ень, плам-а и плам-ы плам-ень, шум-ы шум-ень, кам-ы кам-ень.

2. Суффиксъ *-ент-* (цс. -ат-) уже въ церковнославянскомъ языкѣ для именит. и винит. падежей сократился въ а, т. е. въ *-ен-*; напр жрѣб-а (т. е. *жрѣб-ен*, откуда *жереб-ен-окъ*); въ прочихъ же падежахъ удерживается сполна; напр. въ род. ед. жрѣб-ат-е. Отсюда явствуетъ, что наши формы: *ягн-ят-а*, *жереб-ят-а*, *тел-ят-а*, съ суффиксомъ *-ят-*, вм. цс. -ат-, происходятъ непосредственно отъ первообразныхъ: агн-а, жрѣб-а, тѣл-а, а не отъ производныхъ: *ягн-ен-окъ*, *жереб-ен-окъ*, *тел-ен-окъ*, которыя къ церковнославянскимъ: агн-а, жрѣб-а, тѣл-а, присовокупили уже новое окончаніе *-окъ*.

3. Суффиксъ *-ер-*, какъ въ русскомъ, такъ и въ церковнославянскомъ, удержался въ двухъ именахъ: цс. мат-и и дъщ-и или дъщ-и, винит. пад. мат-ер-ь и дъщ-ер-ь или дъщ-ер-ь; рус. *мат-ь*, *доч-ь*, *мат-е-р-и*, *доч-ер-и* и проч.

4. Суффиксъ *-ес-* въ русскомъ удержался, какъ остатокъ старины, только въ формахъ: *неб-ес-а*, *чуд-ес-а*; (отъ словъ *неб-о*, *чуд-о*); въ церковнославянскомъ же былъ употребляемъ въ косвенныхъ падежахъ многихъ словъ; напр. дрѣк-о, слок-о, тѣл-о, род. пад. ед. числа: дрѣк-ес-е, слок-ес-е, тѣл-ес-е, откуда наши прилагательныя: *древ-ес-ный*, *слов-ес-ный*, *тьл-ес-ный*. Образовавшись отъ церковнославянскихъ формъ, эти прилагательныя отличаются въ нашемъ языкѣ оттѣнкомъ книжной рѣчи: это явствуетъ уже и изъ того, что собственно русскія формы не могутъ отъ себя производить такихъ прилагательныхъ; потому, напр., не говоримъ: *дерев-ес-ный*, какъ бы слѣдовало сказать, производя это прилагательное отъ собственно русской формы: *д-е-рево*. Отъ упомянутыхъ прилагательныхъ отличаются чисто русскія: *дерев-янный*, *слов-ный* (откуда *словно*), *неб-ный*, *чуд-ный*.

Примѣч. 1. Слово *кол-ес-о* образовалось отъ основной формы косвенныхъ падежей древнѣйшаго существительнаго *коло*, склонявшагося въ церковнославянскомъ языкѣ при помощи суффикса *-ес-*; напр. кол-ес-е. Слово *коло* сохранилось въ формахъ: *о-коло*, *коль-цо*.

5. Суффиксъ *-в-* (*-ов-*) въ словахъ: *церк-о-в-ь*, *люб-о-в-ь*, *свекр-о-в-ь*, которыя въ церковнославянскомъ языкѣ оканчиваются на ы: црьк-ы, люк-ы, скекр-ы; въ прочихъ же падежахъ звукъ *в*, сокрытый въ *ы*, выступаетъ наружу; напр. въ род. пад. ед. числа: црькъ-в-е, любъ-в-е, скекръ-к-е.

Примѣч. 2. Нѣкоторыя изъ означенныхъ въ этомъ §-ѣ именъ отличаются той особенностью, что колеблются въ выборѣ формы для имен. пад. ед. числа. Такъ напр. плам-я, плам-ы и *плам-ень*; *стрем-я*, *стре-м-ень* (въ Словѣ о полку Игоревѣ: «въ златъ стремень») и въ просторѣчіи *стре-м-яно* (въ Древн. рус. стих. «стремяно въ стремяно богатырское» 180); люк-ы и *люб-о-вь*; црьк-ы, *церк-о-вь* и въ просторѣчіи *церк-ва*; равно какъ и въ церковнославянскомъ: смок-ва при формѣ смок-ы, боук-ва при названіи начертанія: боукы (*буки*).

§ 63. Нашъ языкъ, имѣя способность къ наименованію предмета присовокуплять представленіе о его величинѣ или достоинствѣ, образовалъ, помощію нѣкоторыхъ суффиксовъ, цѣлый рядъ именъ, из-

вѣстныхъ подъ названіемъ увеличительныхъ и уменьшительныхъ, ласкательныхъ, или смягчительныхъ, и унизительныхъ.

Отличительныя свойства этихъ именъ, въ отношеніи къ ихъ окончаніямъ, суть слѣдующія.

1. Окончанія этихъ именъ означаютъ по преимуществу качество предмета, и потому наиболѣе пользуются звукомъ *к* (§ 58) и соотвѣтствующимъ ему, смягченнымъ *ц*; напр. *стол-и-къ*, *брат-е-цъ*.

Важнѣйшее исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ имена увеличительныя, которыя пользуются звуками *н* и *щ*; напр., *дом-и-н-а*, *дом-и-щ-е*.

Примѣч. 1. Между *к* или *ц* и корнемъ слова вставляются вспомогательные звуки, каковы: *-ущ-*, *-ыш-*, *-ень-*, *-ец-*, и нѣк. друг.; напр. *дубров-уш-ка*, *мат-уш-ка*, *солн-ыш-ко*, *руч-ень-ка*, *руч-ец-ка*. Этими вспомогательными, серединными суффиксами различаются между собою имена уменьшительныя, ласкательныя и унизительныя. Суффиксъ *-ыш-* (напр. въ словѣ *солн-ыш-ко*) оказывается и въ концѣ словъ; напр. *дьт-ен-ышъ*, *пріем-ышъ*, *остан-ышъ*, *около-ышъ*, *гол-ышъ*; ему соотвѣтствуетъ *-уш-* или *-ух-*; напр. *Петр-уш-а*, *Петр-ух-а*. Нѣкоторыя слова допускаютъ *-ыш-* и *-уш-*; напр. *солн-ыш-ко* и *солн-уш-ко*, *пер-ыш-ко* и *пер-уш-ко*, и друг.; прежде *-уш-* чаще употреблялось и въ книжномъ языкѣ, а теперь выходитъ изъ обычая; но въ разговорномъ и особенно въ областномъ доселѣ держится крѣпко.

Примѣч. 2. Нашъ языкъ имѣетъ способность отъ уменьшительнаго или ласкательнаго имени вновь производить уменьшительное или ласкательное, пользуясь суффиксомъ *к*. Напр. *глазъ глаз-о-къ глаз-о-ч-е-къ* (здѣсь *ч* произошло отъ смягченія *к*).

2. Для образованія именъ ласкательныхъ нашъ языкъ пользуется суффиксами, которые употребляются въ названіи малыхъ дѣтей. Такъ суффиксъ *-ен(т)*, оказывающійся, напр., въ именахъ **ига-я**, *ян-ен-окъ* (§ 62), приспособленъ къ ласкательнымъ: *тят-я*, *дяд-я*, *мам-а*, *тет-я*, *Миш-а*, *Саш-а* (вмѣсто: **тат-я**, **тет-я**, **Миш-я**); что видно изъ формъ: *дяд-ень-ка*, *мам-ень-ка*, *Саш-ень-ка*. Этотъ же суффиксъ *-ен-* (или **я**) оказывается не только въ ласкательныхъ или смягчительныхъ существительныхъ: *нож-ень-ка*, *руч-ень-ка* и проч.,

но и въ прилагательныхъ: *бѣл-ень-кій*, *чист-ень-кій* и проч. Отсюда явствуетъ, почему ошибочно писать: *маминька*, *Машинька*, *ножинька*, *бѣлинькій*, и проч.

3. Многія существительныя, первоначально образовавшіяся въ формѣ уменьшительныхъ или ласкательныхъ, въ послѣдствіи потеряли оттѣнокъ уменьшительнаго или ласкательнаго представленія. Таковы напр. *кус-о-къ* при словѣ *кусъ*, *кон-е-цъ* при словѣ *конь*; *булав-ка*, *лав-ка*, при словахъ *булава*, *лавы*; *дон-це*, *коль-цо*, *крыль-цо*, при словахъ *дно*, *коло*, *крыло*, и проч.

Примѣч. 3. Уменьшительнымъ окончаніемъ языкъ весьма часто пользуется при перенесеніи слова отъ одного значенія къ другому; напр. *рука*, *нога*, *горло*, *шляпа*, и *ручка* у чашки, *ножка* у стола, *горлышко* у бутылки, *шляпка* у гвоздя, и проч.

Примѣч. 4. Отчасти ласкательною или смягчительною, отчасти уменьшительною формою объясняется образованіе слѣдующихъ существительныхъ: *вьн-е-цъ* и *вьн-о-къ* при областномъ словѣ *вьнъ*; *от-е-цъ* (цс. от-ь-ць) при старинномъ прилагательномъ *от-ній* (отъ потерянаго корня *от-*); *пт-и-ца* при формахъ *пт-аха*, *пт-аш-ка*; *кур-и-ца* при древнемъ и областномъ словѣ *куръ* (пѣтухъ), откуда множ. *куры*; *солн-це* (цс. слънь-це) при нарѣчіи *по-солонь*; *яй-це* при формѣ *яе*, употребляемой, въ значеніи яйца, въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ польскомъ, и проч.

Въ историческомъ отношеніи, вообще о представленіи именъ существительныхъ должно замѣтить слѣдующее. 1) Церковнославянскій языкъ употребляетъ болѣе формы уменьшительныя и ласкательныя, нежели увеличительныя и унизительныя. 2) Древнерусскій языкъ и областное просторѣчіе всѣми этими формами замѣчательно обильны. 3) Что же касается до рѣчи книжной, то она, приближаясь къ складу церковнославянскаго языка, весьма ограничила употребленіе этихъ формъ, преимущественно въ важномъ слогѣ.

Смягчительныя формы, по преимуществу оказавшіяся въ именахъ, языкъ распространяетъ и на другія части рѣчи; напр. *баиньки*, *спатиньки*, *миньшиньки* и пр.

Примѣч. 5. Въ областномъ просторѣчіи, уменьшительныя и смягчительныя формы отъ мѣстоимѣній: *мнѣчиньки*, *никóвушко* (вовсе никого), *то-*

говасенько (какъ бишь), *чтонибудка* (въ формѣ существительнаго, вм. что-нибудь) и друг.

§ 64. Къ особенностямъ нашего языка принадлежитъ образованіе именъ, означающихъ отчество: муж. рода на *-ичъ*, женск. рода на *-на*, отъ названія лицъ, при посредствѣ произведенныхъ отъ нихъ прилагательныхъ; напр. *Борисъ Борис-овъ Борис-ов-ичъ Борис-ов-на*, *Ѳома Ѳом-ичъ*, сокращенное изъ *Ѳом-ин-ичъ*, какъ это видно изъ женск. *Ѳом-ин-ич-на*, вм. *Ѳом-ин-ичь-на*.

Примѣч. Окончаніе *ичъ* употребляется и въ видѣ самостоятельнаго слова; напр. у Кар. «называться полнымъ отечествомъ или *Ичемъ*» И. Г. Р. IX, 356. Въ сибирск. нарѣчіи оно прибавляется къ мѣстоименію *чей*, въ формѣ *чеевичъ*, въ значеніи: чей сынъ?

Такія формы производятся не отъ однихъ только собственныхъ именъ, какъ это видно изъ словъ: *Цар-ев-ичъ*, *Цар-ев-на*, *княж-ичъ* (отъ прилагат. *княжъ*), *княж-на*, *бар-ичъ*, *бар-ыш-ня* (вм. *бар-ичь-ня*), *поп-ов-ичъ*, *поп-ов-на*, и проч.; и означаютъ не только дѣтей, но и вообще потомковъ; напр. *Олег-ов-ичъ*, *Мономах-ов-ичи*. Потому этимъ окончаніемъ пользуются названія племенъ и народовъ; напр. *Рус-ичи* (въ старину, вм. Русскіе), *Лют-ичи*, *Радим-ичи*, и проч. По примѣру послѣднихъ образовались имена жителей городовъ; напр. *Москва Москв-ичъ Москв-ичи* и проч., а потомъ — и самыхъ городовъ, во множ. числѣ; напр. *Боров-ичи*.

Русское окончаніе *-ичъ* соотвѣтствуетъ церковнославянскому **-ищть** или **-ищь**; напр. **Атремовищь** (въ церковнославянскомъ переводѣ Повѣсти о взятіи Трои). Это окончаніе въ церковнославянскомъ языкѣ усвоено названіямъ дѣтенышей; напр. **дѣт-ищь** (откуда наше *дѣт-ище*), **пѣт-ищь** или **пт-ич-ищь**, **коꙁл-ищь**, **лък-ищь** или **лък-ич-ищь**, **грѣх-ич-ищь**, т. е. дѣтеныши птицы, козы, льва, горлицы.

4. Имя прилагательное.

§ 65. Имена прилагательныя бываютъ или краткія, напр. *добр-ъ*, *добр-а*, *добр-о*, или полныя, образованныя приложеніемъ мѣстоименія *и* (§ 58) къ окончанію прилагательныхъ краткихъ; напр. **добръ-и**, **добрыи**, *добрый*, *добра-я*, *добро-е*.

При переходѣ прилагательныхъ изъ краткихъ въ полныя, русскій языкъ, для благозвучія (§ 25), иногда сокращаетъ звуки *о* и *е*, предшествующіе суффиксамъ: либо выбрасываетъ и тотъ и другой звукъ, либо измѣняетъ второй въ *ь* или *й*; напр. *крат–о–къ крат–кій, тяж–е–къ тяж–кій, гор–е–къ гор–ь–кій, поко–е–нъ поко–й–ный*. Церковнославянскій языкъ въ этомъ случаѣ представляетъ бо́льшее однообразіе, удерживая гласные звуки *ъ, ь, и*, какъ въ краткой, такъ и въ полной формѣ прилагательныхъ. Напр. **крат–ъ–къ крат–ъ–кын, таж–ь–къ таж–ь–кын, гор–ь–къ гор–ь–кын, поко–и–нъ поко–и–нын.**

Остатокъ церковнославянскаго перехода краткой формы въ полную сохранился у насъ въ прилагательномъ *досто–и–нъ* (вм. *досто–е–нъ*), *досто–й–ный*, въ отличіе отъ причастія *(у)досто–е–нъ, (у)досто–е–нный*.

Не всѣ прилагательныя пользуются обоими окончаніями, и краткимъ и полнымъ; иныя имѣютъ только полное; напр. *большой, нынѣшній, вчерашній*; другіе только краткое; напр. *радъ, гораздъ, сестринъ, Борисовъ*.

Примѣч. Въ историческомъ отношеніи о краткихъ и полныхъ формахъ прилагательнаго должно замѣтить слѣдующее. 1) Церковнославянскій языкъ употреблялъ многія прилагательныя въ краткой формѣ, которыя нынѣ ходятъ только въ полной; напр. **человѣчьскъ**, т. е. человѣческій. 2) Древнерусскій языкъ употреблялъ нѣкоторыя прилагательныя въ полной формѣ, которыя нынѣ ходятъ въ краткой; напр. въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ: *Борисовый, Глѣбовый, Всеволожій, Ярославій*, и проч. 3) Нашъ народный языкъ богаче книжнаго краткими формами прилагательныхъ, какъ это видимъ въ пѣсняхъ, пословицахъ и другихъ произведеніяхъ изустной словесности.

§ 66. Прилагательныя различаются по образованію своему и по значенію.

По образованію своему прилагательныя бываютъ первообразныя и производныя. Первообразныя присовокупляютъ признакъ рода: *–ъ –ь, –а –я, –о –е, –ый –ій, –ая –яя, –ое –ее*, непосредственно къ корню; напр. *яр–ъ яр–ый, син–ь син–е* и проч. Производныя между корнемъ и признакомъ рода помѣщаютъ суффиксъ. Напр. *р.*

доб-р-ый (при формахъ *у-доб-ный*, *по-доб-ный*, въ просторѣчіи *доба* зн. пора); *н*: *пол-н-ый*, *яс-н-ый*, *у-кром-н-ый*, *с-кром-н-ый*; *к*: *гиб-к-ій*, *мяг-к-ій* вм. *мяк-к-ій* (отъ корня *мяк-*, откуда *мяк-нуть*, *мяк-ишъ*); *ат*: *бог-ат-ый* (при формѣ *у-бог-ій*); *л*: *теп-л-ый* (древнѣйшее цс. **топлъ**), *свѣт-л-ый*, *кис-л-ый* (§ 55, II.); *-лив-*, т. е. *л* съ суффиксомъ *-ив*: *крад-лив-ый*, *проказ-лив-ый*, *страш-лив-ый*, и друг. Суффиксы приставляются или къ первообразнымъ прилагательнымъ же; напр. *яр-ъ яр-к-ій*; или къ глагольнымъ корнямъ; напр. *кис-нуть кис-л-ый*; или же къ существительнымъ и нарѣчіямъ; напр. *домъ дом-ов-ый*, *звѣрь звѣр-ин-ый*, *вчера вчера-сь вчера-ш-ній*, и проч. Къ прилагательнымъ производнымъ относятся причастія и числительныя имена порядковыя.

По значенію прилагательныя дѣлятся на качественныя и относительныя. Первыя означаютъ свойство предмета безъ отношенія къ другимъ предметамъ; напр. *бѣлый*, *чистый* и проч. Послѣднія означаютъ признакъ предмета, зависящій отъ другихъ предметовъ, которымъ что-либо принадлежитъ (напр. *Иванъ* — *Ивановъ*), или изъ которыхъ что-либо сдѣлано (напр. *желѣзо—желѣзный*), или къ которымъ что-либо относится (*небо* — *небесный*, *вчера* — *вчерашній*), и т. п.

Въ разсужденіи образованія прилагательныхъ должно обратить вниманіе на производство прилагательныхъ относительныхъ и на восхожденіе прилагательныхъ качественныхъ по степенямъ сравненія.

§ 67. Важнѣйшіе изъ суффиксовъ прилагательныхъ именъ относительныхъ суть слѣдующіе.

1. Суффиксъ *-и*, сокращающійся въ *-ь*, особенно употребительный въ церковнославянскомъ и древнерусскомъ. Напр. отъ существительныхъ: **Ꙁавоѵлонъ**, **Адамъ**, **Авраамъ**, **кънѧзь**, **ѵеловѣкъ**, **вельбѫдъ**, *Иванъ*, *Владиміръ*, *Спасъ*, *Борисъ*, и проч., образуются прилагательныя помощію *-ь* (*-и*; при чемъ согласные звуки смягчаются по своимъ законамъ смягченія, §§ 35, 36 и 37): **Ꙁавоѵлон-ь**, **Адам-л-ь**, **Авраам-л-ь**, **кънѧж-ь** (княжій), **ѵеловѣѵ-ь** (человѣчій), **вельбѫжд-ь** (верблюжій), *Иван-ь*, *Владимір-ь* или *Володимер-ь* (отсюда названіе города *Владиміръ*,

вм. *Владимірь*, т. е. городъ Владиміровъ), *Спаш-ь*, *Бориш-ь*, и проч. Названія городовъ *Ярослав-л-ь*, *Переяслав-л-ь* и др., суть не что иное, какъ прилагательныя, отъ собственныхъ именъ *Ярославъ*, *Переяславъ*.

Помощію того же суффикса *-и* образовались съ полнымъ окончаніемъ нынѣ употребительныя: *бараній*, *соболій*, *лъшій*, *волчій*, *бълужій* и др., отъ существительныхъ: *баранъ*, *соболь*, *льсъ*, *волкъ*, *бълуга*.

2. Суффиксы *-ов* или *-ев*, въ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ существительныхъ на *-ъ* или *-ь* и на *-о* или *-е*; и суффиксъ *-ин* или *-ын* (*-н*), въ прилагательныхъ, отъ существительныхъ на *-а* или *-я*; напр. *Иванъ Иван-овъ*, *конь кон-евъ*, *солнце солнц-евъ*, *матушка матушк-инъ*, *батюшка батюшк-инъ*, *Царица Цариц-ынъ*, и проч.

Сверхъ того, суффиксомъ *н* пользуются многія относительныя прилагательныя на *-ый* или *-ій*, съ слѣдующими вспомогательными звуками, поставляемыми передъ *н*: а) съ *ш*, произшедшимъ отъ *с* и *ч*; напр. *вчера-сь вчера-ш-ній*, *лѣто-сь лѣто-ш-ній*, *даве-ча даве-ш-ній*; при нѣкоторыхъ прилагательныхъ формы на *-сь* или *-че* уже не находимъ въ нынѣшнемъ образованномъ языкѣ; напр. *дома-ш-ній*; б) съ *я*; напр. *дерев-я-нный*, *земл-я-ной*, *серебр-я-ный*.

Примѣч. 1. Суффиксы *-ов* или *-ев* и *-н* (*-ин*) могутъ быть сближены съ косвенными падежами существительныхъ, отъ которыхъ происходятъ прилагательныя съ этими суффиксами; напр. *Кесарь*, цс. дат. пад. ед. числа **кесар-ев-н**, прилагат. *кесар-ев-ъ*; *вечеря*, цс. род. пад. ед. числа **вечер-я** (т. е. *вечер-ьн*), прилагат. *вечер-н-ій*. Имена на *ь*, принадлежащія и къ муж., и къ женск. роду, производятъ отъ себя прилагательныя и на *-ев*, и на *-ин*; напр. *звѣрь звѣр-евъ* и *звѣр-инъ*, *лебедь лебед-ин-ый*, и проч.

3. Суффиксъ *-ск*; напр. цс. **мжь мж-ь-скъ**, рус. *муж-ской* и *муж-е-скій* (*е* соотвѣтствуетъ здѣсь церковнославянскому *ь*, § 25); *братъ*, цс. **брат-ь-скъ**, *брат-скій*. Къ остаткамъ именъ прилагательныхъ краткихъ принадлежатъ названія городовъ: *Смолен-скъ* (въ старину: *Смолен-ь-скъ*, *Смолен-е-скъ*), *Архангел-ь-скъ* (въ старину говорили: «Архангельской городъ»).

Примѣч. 2. Мягкій звукъ *ь*, вставлявшійся въ церковнославянскихъ прилагательныхъ передъ суффиксомъ *-ск*, не вездѣ сохранился въ русскихъ,

какъ это явствуетъ изъ приведенныхъ примѣровъ. Однако участіе этого звука оказывается у насъ въ смягченіи согласныхъ, къ которымъ приставляется суффиксъ *-ск*. А именно: *Риг-а Риж-скій*, *Лях-ъ Ляш-скій*, вм. *Риж-ь-скій*, *Ляш-ь-скій;* равно какъ отъ существ. *богъ*, *человѣкъ—бож-е-скій*, *человѣч-е-скій*, вм. *бож-ь-скій*, *человѣч-ь-скій*. (Формы, не смягчающія согласныхъ, каковы: *Петербург-скій*, *Гамбург-скій* и другія, образованныя въ новѣйшее время, составляютъ исключеніе.).

Касательно суффикса *-ск* должно сдѣлать слѣдующія замѣчанія для практическаго употребленія.

1) Прилагаясь къ звукамъ *ч* и *к*, онъ измѣняется, вмѣстѣ съ этими звуками, въ *цк*; напр. *Галичь Гали-цк-ій* (вм. *Галичь-ск-ій*); *Грекъ гре-цк-ій* (вм. *грек-ск-ій*, *грет-ск-ій* или *гречь-ск-ій*, откуда *греч-е-скій*), *дракъ дура-цк-ій* (вм. *дурак-ск-ій*, *дурат-ск-ій* или *дурачь-ск-ій*, см. § 37).

2) Прилагаясь къ звукамъ *д* и *т*, этотъ суффиксъ или а) остается въ цѣлости и не измѣняетъ этихъ звуковъ (хотя въ произношеніи *-дск-* и *-тск-* переходятъ въ *цк*); напр. *швед-скій* (а не *швецкій*), *кадет-скій* (а не *кадецкій*); или б) вмѣстѣ съ *т* (а въ древнерусскомъ и вмѣстѣ съ *д*) переходитъ въ *цк*; напр. отъ рѣки *Полоты—Полоцкъ* (вм. предполагаемаго *Полот-скъ* или старинаго *Полт-е-скъ*; какъ *грецкій* вм. *гретскій*). Въ древнерусскомъ встрѣчаемъ: *посацкій*, *швецкій* или *свецкій* и друг., вм. нынѣ принятыхъ: *посадскій*, *шведскій*.

Примѣч. 3. Такъ какъ прилагательныя на *-скій*, въ значеніи принадлежности какому нибудь народу, происходятъ отъ имени не страны, а народа; напр. *швед-скій*, *француз-скій* (отъ *Шведъ*, *Французъ*), а не *швец-ій-скій*, *франц-ій-скій* (отъ *Швеція*, *Франція*); то прилагательное *рус-скій* (отъ *Русь*, въ значеніи народа, §§ 4 и 61) правильнѣе прилагательнаго *росс-ій-скій* (отъ *Росс-ія*). Впрочемъ *Англ-ій-скій* произведено отъ *Англія*; но старинное и народное *аглиц-кій* отъ *Англич-ане*.

Прилагательное *дат-скій* произошло не отъ позднѣйшаго корня *дан-* (откуда *Дан-ія*), а отъ древнѣйшаго *дат-* или *дак-*, съ смягченіемъ *к* въ *т* (§ 37), откуда и *Дат-чан-инъ*.

Отъ прилагательныхъ на *-скій* (съ измѣненіемъ *ск* на *щ*, § 37) происходятъ существительныя при помощи суффиксовъ:

1) *-ина*; напр. *бѣсов-ск-ій бѣсов-щ-ина*, *деревен-ск-ій деревенщ-ина*, *жен-ск-ій жен-щ-ина*, *муж-ск-ой* — собственно *муж-щ-ина*, но пишутъ: *мужчина* и *мущина*: первое употребительнѣе.

Примѣч. 4. Въ областномъ просторѣчіи говорится: *мужщина*.

2) *-икъ*; напр. *ям-ск-ой ям-щ-икъ*, *день-ск-ой день-щ-икъ*. Здѣсь должно замѣтить слѣдующія видоизмѣненія: а) окончаніе *-щикъ*, передъ *д* и *т*, измѣняется въ *-чикъ*; напр. *завод-ъ завод-чикъ*, *газет-а газет-чикъ*; б) *к* передъ суффиксомъ *-щикъ* смягчается въ *т* (и тогда *-щикъ* переходитъ въ *-чикъ*); напр. *потак-ать потат-чикъ*; потому должно бы писать: *порут-чикъ* (*поруч-ать*, отъ слова *рука*); но въ общее употребленіе вошла уже форма *поручикъ*. в) Звуки *з* и *с* передъ суффиксомъ *-щикъ* выпадаютъ; напр. *извоз-ъ изво-щикъ*, *рѣз-ать рѣ-щикъ*, *донос-ъ доно-щикъ*, вм. *извоз-щикъ*, *рѣз-чикъ*, *донос-щикъ* (какъ *му-щина* вм. *муж-щина*).

Часто смѣшиваютъ суффиксы *-ь* (*-и*, *-j*), *-ов*, *-ев*, *-ин*, съ суффиксомъ *-ск*. Но первые означаютъ принадлежность; напр. *божій*, *человѣчій*, *царевъ*, *батюшкинъ*; а послѣдній — отношеніе: *божескій*, *человѣческій*, *царскій*, *отеческій*.

§ 68. Языкъ отличаетъ суффиксы, которыми смягчаетъ, усиливаетъ и уменьшаетъ качество, напр. *бѣл-ен-е-къ*, *бѣл-ех-он-е-къ*, *бѣл-еш-ен-е-къ*, *бол-ов-атъ*, отъ суффиксовъ, которыми обозначаетъ степени качества; напр. *бѣл-ъ бѣл-ѣе*. Собственно послѣдніе именуются окончаніями степеней сравненія.

Степеней сравненія три: положительная, напр. *хорошъ*; сравнительная, напр. *лучше*; и превосходная, напр. *самый лучшій*.

Окончанія степеней сравненія и окончанія смягчающія, усиливающія и ослабляющія качество составляютъ принадлежность прилагательныхъ качественныхъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ, по самому значенію, не можетъ оказываться бо́льшая или мéньшая мѣра качества; каковы напр. *бездѣтный*, *женатый*, *четвероногій* и т. п.

Реченія, получающія смыслъ прилагательныхъ качественныхъ, могутъ принимать упомянутыя окончанія; напр. *деревянный деревянные* (въ смыслѣ безчувственнѣе), *одинъ одинехонекъ*, *первый первенькой*, *первѣйшій*.

Соотвѣтствіе окончаній степеней сравненія окончаніямъ смягчающимъ, усиливающимъ и ослабляющимъ качество явствуетъ изъ того, что послѣднія не имѣютъ уже способности измѣняться по степенямъ сравненія. Потому, напр., отъ прилагательныхъ *бѣловатъ*, *бѣлехонекъ*, *бѣлешенекъ*, нельзя произвести сравнительной степени: *бѣловатье* и проч.

Примѣч. Степени сравненія именъ прилагательныхъ соотвѣтствуютъ представленію существительныхъ (§ 63). Какъ предметъ можетъ быть представленъ въ бо́льшемъ или ме́ньшемъ видѣ; такъ и качество въ бо́льшей или ме́ньшей мѣрѣ. Потому въ просторѣчіи суффиксъ именъ увеличительныхъ *ищ* (напр. *руч-ища*) присовокупляется къ нѣкоторымъ прилагательнымъ для означенія превосходной степени; напр. *больш-ущ-ій*, *тьм-ущ-ій*, въ выраженіи «тьма *тьм-ущ-ая*.» Смягчительныя прилагательныя (напр. *бѣл-ен-ь-кій*) соотвѣтствуютъ смягчительнымъ и ласкательнымъ существительнымъ (напр. *руч-ен-ь-ка*).

§ 69. О степеняхъ сравненія должно замѣтить слѣдующее.

А. Древнѣйшіе суффиксы степеней сравненія сохранились только въ образованіи словъ. А именно:

1. Суффиксъ сравнительной степени *-тор-* или *-тер-* сохранился въ мѣстоименіяхъ: *ко-тор-ый* (цс. **которъ**) отъ *кой*, *кто* (цс. **кѣи**, **къ-то**), цс. **к-тѣр-ъ** (нѣкоторый) отъ цс. мѣстоименія **и**, **ѣ**, **е**; и въ числительномъ *в-тор-ой*. И доселѣ съ словами *который* и *второй* соединяемъ понятіе о сравненіи: *который*, т. е. кто или что изъ двухъ или изъ многихъ; *второй* же, по самому значенію, указываетъ уже на выборъ изъ двухъ.

Примѣч. 1. Съ этимъ же окончаніемъ образовались мѣстоименія и числительныя и въ другихъ языкахъ; напр. во французск. au-tre. Смотр. Прилож.

2. Суффиксъ превосходной степени *-ст-* сохранился въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ; напр. *рог-а-стъ*, *плеч-и-стъ*, т. е. съ большими рогами, съ широкими плечами; и въ существительномъ

стар-о-ста, которому соотвѣтствуетъ произведенное отъ общеупотребительной сравнительной степени, въ значеніи превосходной: *стар-ѣйш-ина*.

Примѣч. 2. Этотъ суффиксъ *-ст-* образуетъ превосходную степень въ нѣмецкомъ языкѣ. Имъ же объясняются нѣм. формы: er-ste, selb-st, Für-st и друг.

Примѣч. 3. Такъ какъ числительныя имена порядковыя означаютъ постепенное восхожденіе по лѣствицѣ чиселъ, то и образуются помощію суффиксовъ, имѣвшихъ смыслъ превосходной степени: *м* и *т*; напр. *сед-м-ый*, *девя-т-ый* (цс. дєвѧ-т-ыи). Смотр. Прилож.

Б. Какъ церковнославянскій, такъ и русскій языкъ, возвышая прилагательныя по степенямъ, пользуются суффиксомъ только сравнительной степени; для превосходной же употребляютъ приставки: *пре-*, *наи-*; напр. *пре-умный*, *пре-добрый*, *пре-умнѣйшій*, *пре-добрѣйшій*; вторая приставка употребляется съ прилагательнымъ только сравнительной степени; напр. *наи-большій*, *наи-лучшій*.

Примѣч. 4. О прилагательныхъ съ приставкою *наи-* Ломоносовъ говоритъ: «новыя превосходныя, съ польскаго языка взятыя, съ приложеніемъ *наи*: *наилутчій* (т. е. наилучшій), *наичистѣйшій*, россійскому слуху непріятны» (Грам. § 216). Такія прилагательныя нынѣ употребляются только въ важной рѣчи.

Сверхъ того, въ просторѣчіи превосходная степень выражается приставкою частицъ *раз-* и *на-*; напр. *раз-удалый*, *раз-прекрасный* (откуда *раз-прекраснѣйшій*); *на-большій*, (*мелко*) *на-мелко*.

1. Въ церковнославянскомъ языкѣ надлежитъ отличать два періода въ образованіи сравнительной степени:

1. Древнѣйшій, къ которому относится суффиксъ въ муж. нн (т. е. *ій*), въ женск. ьшн, въ ср. є. Кромѣ нѣкоторыхъ сравнительныхъ формъ, каковы напр. глоуѣ-л-нн, крѣп-л-нн, хоужд-нн (откуда наше *хуже* вм. *хуждѣ*), отъ положительныхъ глоуѣ-ѣ-кѣ, крѣп-ъ-кѣ, хоуд-ѣ, этотъ суффиксъ употребляется въ такъ называемыхъ неправильныхъ формахъ степеней сравненія, а именно:

а) Въ значеніи большаго: вол-нн (волѣн), женск. вол-ьшн, ср. волѣ и вол ьше; кашт-нн или вящ-нн (*вящ-ій*).

б) Въ значеніи мéньшаго: мьи-нн (миїи), т. е. мéньшій.

в) Въ значеніи лучшаго: оуи-нн (виїи), лоуч-нн (откуда наше *лучшій*).

г) Въ значеніи худшаго: гор-нн, откуда гор-шїи.

Наши такъ называемыя неправильныя формы сравнительной степени: *боль-шій*, *мéнь-шій*, *луч-шій* (при положительныхъ *великій*, *малый*, *хорошій*), произошли отъ древнѣйшихъ бол-нн, мьи-нн, лоуч-нн, черезъ формы съ звукомъ *ш*, каковы, напр., женск. рода: бол-ьшн, мьи-ьшн, лоуч-ьшн. — Также образовались сравнительныя: *стар-шій*, *млад-шій*, *худ-шій* (вм. *хужд-шій* или *хуж-шій*, согласно съ формою *хуже*). Этимъ прилагательнымъ съ полнымъ окончаніемъ соотвѣтствуютъ краткія: *больше*, *меньше*, *хуже*. Къ древнѣйшему же періоду образованія сравнительной степени принадлежитъ разговорная форма *пущій*, *пуще*.

Примѣч. 5. Вмѣсто *лучшій*, въ старину употреблялось *льпшій* (отъ формы къ положит. степени *льпый*), доселѣ сохранившееся въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Прилагательное *пущій*, *пущая*, *пущее* встрѣчаемъ и въ древнерусскомъ; напр. «яко простіи людье суть, *пущеи* Половець» Лѣт. по Ипат. сп. 164. Вмѣсто *лучше* въ старину говорили *луче* (какъ и теперь говорится въ областномъ просторѣчіи); напр. въ Продолж. Лавр. сп. «брань славна *луче* есть мира студна» 200.

Нѣкоторыя прилагательныя въ сравнит. степени ср. рода имѣютъ двоякое окончаніе: на *–ше* и *–ье* (вмѣсто церковнославянскаго *–ıє*). А именно: *боль-ше* и *бол-ье*, *мень-ше* и *мен-ье*, *даль-ше* и *дал-ье*, *доль-ше* и *дол-ье*, *тонь-ше* и *тон-ье*. Въ языкѣ книжномъ принято употреблять сравнительныя съ окончаніемъ *–ше* въ смыслѣ прилагательныхъ (ибо формы: *больше*, *меньше*, у насъ имѣютъ при себѣ муж. родъ *большій*, *меньшій*, женск. родъ *большая*, *меньшая* и т. д.); прилагательныя же на *–ье* — въ смыслѣ нарѣчій (не смотря на то, что въ церковнославянскомъ есть прилагательныя срав. степени муж. рода болии, мьнии, средн. рода болıе, мьıе, откуда наши *болье*, *меньше* и т. д.). Рѣчь разговорная такого различія не знаетъ, пользуясь въ обоихъ случаяхъ только однимъ окончаніемъ *–ше*. Напр. «чѣмъ *дальше* (вм.

далье) въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ», въ пословицѣ XVII в. «дале въ лѣсъ, больше дровъ.»

Примѣч. 6. У образцовыхъ, писателей: у Ф. Визина: «онъ ужъ сталъ *больше* Французъ, нежели Русскій» 45; «однако ты все-таки Россіи *больше* обязанъ, нежели Франціи» 37; у Карамз. «всегда *больше* думали, нежели говорили» II, 4; «не хочетъ *больше* притворяться» 639; у Дмитр. «*меньше* ль счастливъ я владыки?» II, 13; «я малъ (комаръ), но самъ не *меньше* гордъ» III, 104; у Батюшк. «и *меньше* ль по трудахъ мнѣ будетъ сладокъ онъ (т. е. сонъ)? II, 194.

Въ древнерусскомъ употреблялись формы древнѣйшія: *боле*, *мене*, *дале* (цс. **болѥ**, **мьнѥ**, **далѥ**), вм. нынѣшнихъ: *больше*, *меньше*, *дальше*, и проч.; и наоборотъ: *лучшье*, *получшье*, *тишье*, вм. *лучше*, *получше*, *тише*.

Отъ сравнительныхъ *бо́льшій* и *ме́ньшій*, съ перемѣною ударенія, происходятъ прилагательныя въ полож. степени: *большо́й* и *меньшо́й*.

2. Позднѣйшій періодъ, къ которому относится суффиксъ въ муж. **-ѣи**, въ женск. **-ѣишн**, въ ср. **-ѣіѥ**; напр. **добр-ѣи**, **добр-ѣишн**, **добр-ѣіѥ**; или съ измѣненіемъ *ъ* на *а*, послѣ небныхъ (§§ 25 и 37); напр. **лъгъх-ан**, **лъгъх-аишн**, **лъгъх-аіѥ**. Русскій языкъ эти суффиксы употребляетъ или съ полнымъ окончаніемъ: *добр-ѣйш-ій*, *легч-айш-ій*, или съ краткимъ: *добр-ье*, *легч-е*, соотвѣтствующимъ въ церковнославянскомъ ср. роду.

Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ древнѣйшее окончаніе присовокупляется непосредственно къ корню слова (при чемъ суффиксъ отметается); напр. *выс-о-къ выс-шій*, *крас-н-ый краш-е*, *тон-о-къ тон-ьше*, *тон-ье*. Окончаніе же *-ье*, *-ьйшій* (или *-айшій*) присовокупляется уже и къ суффиксу: *выс-о-ч-айшій*, *крас-н-ье*, *тон-ч-айшій* и проч. Впрочемъ иногда и то и другое окончаніе отбрасываетъ суффиксы; напр. *низ-о-къ*, *низ-кій*, *низ-шій* и *ниж-айшій*.

Примѣч. 7. Уклоненіе отъ законовъ сочетанія звуковъ въ русскомъ языкѣ оказалось въ формахъ: *ловчье*, *бойчье* и въ нѣк. др., въ которыхъ *ъ* удержался послѣ небнаго звука (§ 37), а также въ формахъ: *слаще* (вм. *сладче* или *сладше*), *глубже*, *слабже* (вм. *глубче*, *слабче*, или *глубше*, *слабше*) и въ нѣк. др.

Примѣч. 8. Вмѣсто *-ье*, въ древнерусскомъ языкѣ, до временъ Ломоносова (см. его Грам. § 218), было въ употребленіи окончаніе *-яе* или *-ае*; напр. *блекляе, свѣтляе*, согласно съ сѣвернымъ нарѣчіемъ, гдѣ и доселѣ слышатся: *смѣляе, веселяе, громчае, корочае* и проч.

II. Пользуясь какъ древнѣйшими, такъ и позднѣйшими формами сравнительной степени, нашъ языкъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ полагаетъ различіе между тѣми и другими. А именно:

1) Древнѣйшимъ даетъ смыслъ сравнительной степени, а позднѣйшимъ превосходной, въ слѣдующихъ четырехъ прилагательныхъ:

велик-ій, бол-ьшій (другаго корня), *велич-айшій*;

мал-ый, мен-ьшій (другаго корня), *мал-ѣйшій*;

выс-ок-ій, выс-шій, выс-о-ч-айшій;

низ-кій, низ-шій, ниж-айшій.

Реченіе *первѣйшій* также имѣетъ смыслъ превосходной степени.

2) Древнѣйшія формы отъ позднѣйшихъ отличаетъ самымъ значеніемъ прилагательныхъ; напр. *крас-ный краше* (лучше) и *крас-и-ѣе* (алѣе).

Примѣч. 9. Въ старинномъ и народномъ языкѣ *красный* имѣетъ смыслъ не только алаго, но и свѣтлаго, хорошаго; напр. «красное солнце» «красная весна» «красный день» «красная дѣвица.»

Смѣшивая древнѣйшее окончаніе сравнит. степени съ позднѣйшимъ, нѣкоторыя прилагательныя пользуются и тѣмъ и другимъ. А именно:

1) *Богаче* и *богатье*; употребительнои то и другое. Напр. у Грибоѣд. «балы даетъ нельзя *богаче*»; у Карамз. «Саксонскіе земледѣльцы вообще гораздо *богатье* Прусскихъ» II, 93; «мы несравненно *богатье* древнихъ идеями» III, 589; у Крыл. «и мнѣ бы быть *богатый* не мѣшало» 83; «а въ домѣ, такъ одно *богатье* другаго» 110; «брать дань *богатье* задумали съ морей» 159.

2) *Позже* отъ нарѣчія *поздо* (цс. поздѣ) и *позднье* отъ формы *позд-ній, позд-но*; употребительно и то и другое. Напр. у Лом. «*позднье* въ океанъ спустись», варіантъ: «и *пожже* (вм. *позже*) въ океанъ спустись» од. 4.

3) *Проще* и *простье*, отъ прилаг. *простой* (при соотвѣтственныхъ этому прилагательныхъ: *чистый чище*, *частый чаще*, *густой гуще* и проч.): второе употребительнѣе; напр. у Кар. «онъ (англ. языкъ) всѣхъ на свѣтѣ легче и *простье*» II, 750; у Жуковск. «чѣмъ *простье*, чѣмъ вѣрнѣе будетъ описаніе, тѣмъ болѣе будетъ въ немъ поэзіи» VII, 249; у Крыл. «сказать *простье*, — умеръ онъ» 325; у Пушк. «тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй «и въ обхожденіи *простый*» II, 271.

III. Русскій языкъ бѣднѣе церковнославянскаго формами степеней сравненія. Въ просторѣчіи онъ пользуется только краткими формами; напр. *умнье, дороже, короче, моложе*; полныя же, какъ остатокъ церковнославянскаго языка, предоставляетъ рѣчи книжной и образованной, и при томъ даетъ имъ смыслъ превосходной степени; напр. *умнѣйшій, дражайшій, кратчайшій, младшій* (отъ церковнославянскихъ формъ: **драгъ, кратъкъ, младъ**, въ отличіе отъ чисто русскихъ, полногласныхъ, § 29).

Къ особенностямъ русскаго языка принадлежитъ приставка предлога *по* къ формѣ сравнит. степени, для того, чтобы поднять качество нѣсколько выше; напр. *потоньше, получше, подальше, побольше.*

IV. Для означенія превосходной степени мѣстоименіе *самый* присовокупляется къ прилагательному не только положительной, но и сравнительной степени. Напр. *самый легкій, самый лучшій, самый нужнѣйшій, самый злополучнѣйшій.*

Примѣч 10. Напр. у Карамзина въ И. Г. Р. «(Ольга) давала уставы, самые простые и самые нужнѣйшіе» I, 177; въ прочихъ сочиненіяхъ его: напр. во II-мъ томѣ: «среди самыхъ плодоноснѣйшихъ долинъ» 20; «самое остроумнѣйшее философическое сочиненіе» 109; «съ самымъ живѣйшимъ удовольствіемъ» 229; «самое любопытнѣйшее описаніе Парижа» 562; «самая прекраснѣйшая деревня» 768, и мн. др.; у Жуковскаго, въ переводѣ Одиссеи: «скрытъ у тебя злополучнѣйшій самый мужъ изъ мужей» V, 105—6; «самый быстрѣйшій изъ вѣчныхъ боговъ» VIII, 331; «двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ» IX, 88, и многіе друг.; у Батюшк. «суть самые опаснѣйшіе» I, 3; «въ самомъ высочайшемъ блаженствѣ» I, 12.

Примѣч. 11. Къ особенностямъ древняго и областнаго языка принадлежитъ способность придавить окончаніе сравнительной степени нѣкоторымъ существительнымъ; напр. *скотъ скотье, берегъ бережье* (т. е. ближе къ берегу). Послѣдній примѣръ принадлежитъ архангельск. нарѣчію; а первый взятъ изъ Злат. Чепи, рукоп. XIV в. «скотину ли и нарку, но того *скотье*.»

5. *Имя числительное.*

§ 70. Числительныя имена различаются по значенію и по составу.

По значенію они бываютъ количественныя и порядковыя. Количественныя означаютъ число или количество предметовъ, по вопросу сколько; напр. *пять, десять*. Порядковыя означаютъ послѣдовательность, въ которой одинъ предметъ идетъ за другимъ; напр. *пятый, десятый*. Къ количественнымъ принадлежатъ собирательныя, напр. *двое, оба, пятеро* и проч., и дробныя, напр. *полтора*.

По составу своему числительныя бываютъ первообразныя, производныя и сложныя.

Количественныя принадлежатъ къ первообразнымъ; напр. *три, четыре, пять*; порядковыя же къ производнымъ; напр. *тр-е-т-ій, четвер-тый, пят-ый*. Между количественными, къ производнымъ относятся собирательныя: *двое двои, обое обои, трое трои, четверо четверы, пятеро пятеры* и проч.; въ церковнославянскомъ: **двои, двоꙗ, двоѥ; обои, обоꙗ, обоѥ, обои, ѵетверы и ѵетворы, пятеры и пяторы** и проч.

Нѣкоторыя изъ количественныхъ принимаютъ форму существительныхъ; напр. *пять, шесть* (§ 61), *сто, тысяча* (цс. **тысѫшта, тысѫща, тысѧща**); порядковыя же всѣ принимаютъ форму прилагательныхъ, какъ краткихъ, напр. *пятъ, шестъ* (напр. «самъ-пятъ» «самъ-шестъ»), такъ и полныхъ, напр. *пятый, шестый*. Полной формѣ *третій* въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ особенная, употребляющаяся въ смыслѣ краткой, именно: *третéй* (напр. «самъ третéй).

Нѣкоторыя числительныя образовались въ связи съ мѣстоименіями; напр. *инъ, одинъ* (§ 57); нѣкоторыя при посредствѣ суффи-

ксовъ, которыми мѣстоименія и имена восходятъ по степенямъ сравненія; напр. *в-тор-ой* (§ 69), *тр-е-тій*, *четвер-тый* (§ 69. прим. 3). Числительное *первый* (цс. **прьвъı**) по образованію своему родственно предлогу *пра-* или *пре-*, означающему превосходство и первенство.

Хотя имена числительныя (вмѣстѣ съ числами) восходятъ до безконечности; однако въ своемъ составѣ ограничивается эта часть рѣчи не многими простыми словами, изъ которыхъ, помощію сложенія, образуется безконечный рядъ сложныхъ и составныхъ; напр. *один-надцать*, *двадцать один*ъ, и проч.

Важнѣйшія сложныя формы числительныхъ суть слѣдующія:

1. Для приложенія единицы къ десяткѣ, помощію предлога *на*, образовались: а) съ сокращенною формою *-дцать*, вм. *десять*, изъ количественныхъ: *один*ъ и *единый*, *дв*ѣ и *два*, *три*, *четыре*: *один-на-дцать дв*ѣ*-на-дцать*, *три-на-дцать*, *четыр-на-дцать*; въ церковнославянскомъ: **единъı-на-десате**; муж. **дъва-на-десате**, женск. и ср. **дъвѣ-на-десате**, **три-на-десате**, **четыре-на-десате**; и б) изъ порядковыхъ краткихъ: *пят*ъ, *шест*ъ и т. д., а въ церковнославянскомъ изъ полныхъ: **патъıи**, **шестъıи** и т. д.: *пят-на-дцать*, *шест-на-дцать* и проч., въ церковнославянскомъ: **патъıи-на-десате**, **шестъıи-на-десате** и проч. (§ 105).

2. Для означенія десятковъ, начиная съ 20-ти: *два-дцать*, *три-дцать*, съ сокращенною формою *дцать*, и *пять-десятъ*, *шесть-десятъ*, *сем*ь*-десятъ*, съ род. пад. множ. числа: *десятъ*, отъ ед. числа *десять* (§ 105); слѣдовательно *пять-десятъ*, *шесть-десятъ* тоже, что *пять десятковъ*, *шесть десятковъ* и проч. Отсюда явствуетъ, почему должно писать: *пятьдесятъ* и проч., а не *пятдесятъ* или *пятдесять* и проч. Въ церковнославянскомъ: муж. **дъва-десате** и женск. и ср. **дъвѣ-десате**, **три-десате**, **пать-десатъ**, **шесть-десатъ** и проч.; въ древнерусскомъ: *два-десять*, *три-десять*. Вмѣсто нынѣ употребительнаго числительнаго *сорокъ*, въ церковнославянскомъ было сложное **четыре-десате**.

Числительныя порядковыя измѣняютъ именит. падежъ *пять* *шесть* и проч., на родительный; напр. *пяти-десятый*, *шести-десятый*.

Примѣч. 1. Въ просторѣчіи употребляются числительныя: *тридевять*, *тридевятый*.

3. Для означенія сотенъ, берется реченіе *сто* (цс. **сто**), или въ единств. числѣ: *сто* для 100; или въ двойств. числѣ: цс. **ста**, рус. *сти*, при древней двойств. формѣ средн. рода *двѣ*: цс. **двѣ-сти**, рус. *двѣ-сти*; или въ именит. падежѣ множ. числа: *ста*, съ числительными *три*, *четыре*: *три-ста*, *четыре-ста*; или въ род. падежѣ того же числа: *сотъ*, съ числительными *пять*, *шесть* и т. д.; напр. *пять-сотъ* и т. д.

Числительныя порядковыя измѣняютъ именит. падежъ количественныхъ *два*, *три*, *четыре*, *пять*, *шесть* и проч., въ род. *двухъ*, *трехъ*, *четырехъ*, *пяти*, *шести*; а именно: *двух-сотый*, *трех-сотый*, *четырех-сотый*, *пяти-сотый*, *шести-сотый* и т. д.

4. Для дробныхъ числъ, съ приставкою *пол-*: *пол-тора* (вм. *пол-втора*), *пол-третья* и т. д., берутся: *-тора* (*-втора*), *-третья* и т. д., именно род. пад. ед. числа краткихъ формъ, вм. полныхъ: *втораго*, *третьяго*.

Примѣч. 2. Въ древнерусскомъ языкѣ *пол-* приставлялось къ числительнымъ свободнѣе нынѣшняго; напр. *пол-третья-десять*, *пол-четверта-ста* и проч. Реченіе *полъ* могло не только удвояться, но и утрояться; напр. съ стариннымъ словомъ *четь* (четверть): *пол-пол-четь*, *пол-пол-пол-четь* (въ Юрид. пам.).

Примѣч. 3. Числительныя имена, вмѣстѣ съ мѣстоименіями (§ 57, примѣч. 1), образовались отъ корней, общихъ всѣмъ индоевропейскимъ языкамъ. Смотр. Приложеніе.

6. *Нарѣчіе.*

§ 71. Нарѣчія суть слова производныя или сложныя, за исключеніемъ весьма немногихъ, каковы суть: отрицательная частица *не*, приставки *наи-*, *ни-*, *нь-* (напр. въ реченіяхъ *наи-лучшій*, *ни-кто*, *нь-кто* и проч.), и нѣк. друг.

Нарѣчія происходятъ:

1) Отъ глаголовъ; напр. *почти*, *чуть*. Дѣепричастія, называемыя нарѣчіями отглагольными, суть ни что иное, какъ причастія краткаго окончанія (§ 54).

2) Отъ частей рѣчи склоняемыхъ, помощію окончаній косвенныхъ падежей, съ предлогами или безъ предлоговъ. Въ такихъ на-

рѣчіяхъ флексіи заступаютъ мѣсто суффиксовъ; напр. въ нарѣчіи *вн-ъ* окончаніе *-ъ* есть мѣстный падежъ (§ 72).

Окончанія нѣкоторыхъ нарѣчій уже потеряли для насъ свой первоначальный смыслъ; такъ напр., окончанія нарѣчій, употребляющихся въ видѣ предлоговъ: *рад-и* (при корнѣ *рад-*), *дл-я*, цс. дѣл-и или дѣль-ма (при корнѣ *дьл-*, откуда *дьлать*); въ нарѣчіи *льзя* окончаніе *-я* соотвѣтствуетъ древнѣйшему *-ъ*: въ цс. льѕ-ѣ, при формахъ лѣть, лѣтиѫ (зн. *льзя*).

Отглагольныя реченія *стой-мя, лиѕ-мя* и др., стоятъ между дѣепричастіями и нарѣчіями въ творит. падежѣ, каковы: *весь-ма, вель-ми* (§ 72).

Примѣч. Самый составъ нарѣчій свидѣтельствуетъ о ихъ древности въ языкѣ. Другія слова мы можемъ по своей волѣ склонять и слагать съ приставками. Нарѣчія же просклонялись и сложились съ приставками уже до насъ, оставшись навсегда съ неподвижными флексіями. Такимъ образомъ, не подлежа нашему произволу въ измѣненіи окончаній и въ сложеніи, нарѣчія сохранили народный, живой характеръ: почему многія изъ нихъ и были устраняемы изъ рѣчи книжной. Таковы напр. нарѣчія: *намедни, втьпоры, вечоръ, лѣтось, вчерась* и др. Впрочемъ образцовые писатели позволяютъ себѣ пользоваться нѣкоторыми изъ такихъ разговорныхъ формъ. Напр. Пушкинъ неоднократно употребляетъ *вечоръ, вперво́й*; напр. «такъ подшутилъ *вечоръ* небрежно» I, 149; «что Пушкину привезъ *вечоръ* конецъ» I, 306; «какъ васъ *вперво́й* увидѣлъ я» I, 241; также Жуковскій: «*вперво́й* покинувъ душмый плѣнъ» IV, 216.

Въ нарѣчіяхъ сохранились какъ древнѣйшія реченія, такъ и самые корни словъ въ большей чистотѣ; напр. старинный глаголъ *начаяться* (т. е. надѣяться) въ формѣ *не-вз-на-чай* (въ Др. рус. ст. *невзначае*, стр. 304), старинное существительное *тло* (дно, основаніе, и доселѣ въ областномъ языкѣ, въ значеніи дна въ ульѣ)—въ формѣ *до-тла*; корень *тай* (откуда *тай-ный*) въ нарѣчіяхъ *отай, потай* (напр. въ Новг. Лѣт. «позванъ *отай*» I, 7; въ Духовн. стих. «*потай* бы я въ келью приходала» 7, 433). Двойств. число *очію* сохранилось въ областномъ *в-очью* (передъ глазами).

Областной языкъ особенно богатъ нарѣчіями. Для примѣра предлагаются здѣсь нѣкоторыя. *Вз-грунь*—шибко, быстро, отъ сущ. *грунь*—скорая ходьба; *в-при-трудь*—съ усиліемъ; *в-при-тямь*—памятно;

в-про́-рѣдь—изрѣдка; *в-про́-тарь*—вдоволь; *в-ыну́-поры* — иногда; *доля́гова* — до вечера, при существ. *ле́гомо* — время, когда ложатся спать; *из-вѣкъ* — искони; *лони́, лони́сь* — въ прошломъ году, при выраженіи: «въ лони́ годы», т. е. въ прошлые годы; *на-знами́* — по знакомству; *на-о́-живъ, на-о-жи́въ*—кое-какъ; *на-о́-пако* — наоборотъ; *на́-про-бось*—на босую ногу; *на-у-ко́лъ* — круто; *на-у-ме́къ*—наугадъ; *на-у́-ѣдни*—во время обѣда; *пере-вчо́ра*—четвертаго дня; *су́-точь*—соприкосновенно, при глаголѣ *со-тк-нуться* и при существительномъ *су-тки, су́-точки* (въ областн. языкѣ зн. уголъ), и мн. др.

§ 72. Образованіе нарѣчій происходитъ или помощію падежныхъ окончаній или помощію сложенія.

I. Нарѣчія образуются помощію окончаній слѣдующихъ падежей:

1) Родительнаго ед. числа; напр. цс. **дьне-сь** (род. пад. **дьне** съ мѣстоим. **сь** § 57; впрочемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ **дьньсь**, въ винит. пад.), **долоу, низоу, врьхоу**; рус. *однова* (т. е. *единого* или *одного*) вм. однажды; *вчера, вчера-сь* (областн. *вечера-сь*).

Примѣч. 1. Въ древнерусскомъ языкѣ, вм. *однова́*, употреблялось также *одиново*, т. е. *одиного* или *единого*.

2) Дательнаго ед. числа; напр. *кромѣ*, отъ существ. *крома*: первоначально имѣло смыслъ: на сторону, въ сторону; напр. въ Лавр. сп. лѣт. «а сама (Ольга) отъидѣ *кромѣ*» «и рече Святославъ, *кромѣ* зря» (смотря въ сторону). Сюда же относятся формы: *домой, долой*, вм. древнихъ и областныхъ: *домовь, доловь* (§ 32), употребленныхъ вм. *домови, долови*. — Нарѣчіе *кромѣ* употребляется иногда съ предлогомъ *о-*, въ формѣ *окромѣ*, не только въ разговорной, но и въ книжной рѣчи; напр. у Держ. «*окромѣ* Бога самого» I, 51; у Дмитр. «они богаты всѣмъ, *окромѣ* разума и вкуса» I, 89.

3) Винительнаго ед. числа; напр. *вонъ* (въ соотвѣтствіе мѣстному *внѣ*, т. е. **вънѣ**), *вечо́ръ* (въ отличіе отъ именительнаго *ве́черъ*, и въ соотвѣтствіе родительному *вчера*); *между* (цс. **междѫ** и **междоу**, древнерус: *межу* или *межю*, откуда нынѣшнее разговорное *межъ*), при существительномъ *межа* (цс. **межда**).

Сюда же относятся всѣ нарѣчія отъ сред. рода именъ прилага-

тельныхъ, какъ въ положительной, такъ и въ сравнительной степени; напр. *хорошо*, *долго*, *гораздо*, *крайне* (потому ошибочно писать: *крайнѣ*), *долго*, *болѣе*, *лучше*, и проч. Нарѣчіе *паче* есть средн. родъ сравнительной степени отъ *пакъ*, *паки* (напр. въ выраженіи *кольми паче*). — Нарѣчіе *туне* имѣетъ на концѣ *е*, потому и *втуне* пишутъ съ буквою *е*.

Примѣч. 2. Нарѣчіе *гораздо* имѣетъ въ просторѣчіи сравнительную степень *горазже* или *горажже*, восходящую ко временамъ Остромирова списка Евангелія. Въ послѣсловіи къ этому памятнику встрѣчается сказанное нарѣчіе, въ формѣ: **горазнѣе**, отъ слова *горазный* или *гораздный*, и доселѣ употребительнаго въ областномъ языкѣ.

Нарѣчія *перво* и *первье* употребляются не только въ древнерусскомъ и народномъ, но и въ литературномъ языкѣ XVIII в.; напр. «*перво* выучился читать и писать, послѣ говорить» Всяк. Всяч. 75, «первѣе всѣхъ» Анекд. др. Пошех. 36.

Примѣч. 3. Нарѣчіе *лишь* образовалось черезъ сокращеніе изъ *лише*, а послѣднее есть смягченная форма стариннаго нарѣчія *лихо*. Оба рѣченія: *лихо* и *лише*, употреблялись въ значеніи нынѣшняго лишь. Напр. въ пословицахъ XVII в. «*Лихо* бы съ рукъ, а съ ногъ и собаки стащатъ» «безъ ума торговать, *лише* деньги терять.» Сверхъ того, въ народномъ языкѣ употребляется частица *лихъ*; напр. у Пушк. «да *лихъ* не проведешь» VII, 133.

4) Творительнаго ед., дв. и мн. чиселъ; напр. цс. **тѣхнѣ** (*точію*, отъ слова *точь*, откуда *точ-ка*; напр. въ выраженіи «точь въ точь»); рус. *пѣшкомъ*, *верхомъ*, *пятью*, *шестью* (въ отличіе отъ собственно числительныхъ: *пятью*, *шестью* и т. д.); напр. «пятью пять» «шестью семь» и проч.; древнерус. *полма* (т. е. «на полы» или «пополамъ»), *весь-ма* (отъ слова *весь*), *сель-ми*, *коль-ми* (отъ словъ *велій*, *коль*).

Примѣч. 4. Нарѣчія *пятью*, *шестью* и т. д., донынѣ сохранились только въ таблицѣ умноженія; въ старину же употреблялись вообще въ смыслѣ *пяти*, *шести*, *семи разъ*; напр. въ пословицѣ XVII в. «лучше семью торѣть, а не одинова вдовѣть.» Какъ отъ *пять*, *шесть* и т. д., происходятъ *пятью*, *шестью* и др., такъ и отъ *сто* употреблялось нарѣчіе *сотью* въ значеніи *ста разъ*; напр. у Кант. «*сотью* плетъ въ деревню» Сат. 3, «*сотью* спросятъ о немъ» Сат. 5. Вмѣсто *иногда*, въ старинномъ языкѣ встрѣчаемъ *иною*; напр. въ послов. XVII в. «не все лозою, *иною* и грозою.»

Примѣч. 5. Что окончаніями *-ію* (цс. **иж**), *-ма* и *-ми* означается одинъ и тотъ же падежъ, именно творительный, явствуетъ изъ церковнославянскихъ формъ: **бѣхъ** или **бѣшь** (совсѣмъ), откуда **бѣх-ма** или **бѣш-иж** (тоже совсѣмъ); **кель-ми** и **кель-ма, боль-ми** и **боль-ма** или **больш-ми** и даже **больш-ими** (болѣе). Окончаніе *-ма* или *-мя* принадлежитъ твор. падежу двойст. числа, *-ми* творительному множеств. числа.

Въ областномъ просторѣчіи находимъ такое же соотвѣтствіе между этими окончаніями; напр. *пьс-ью*, вм. общеупотребительнаго *пьш-к-омъ* (отъ корня *пьх-*, встрѣчающагося, напр., въ формѣ *пьх-ота*, и въ областномъ прилагательномъ *пьхій*, вм. *пьшій*); *друго-мя* (иначе), *осенями* (осенью). Нарѣчія отглагольныя, въ выраженіяхъ: «*гор-мя* горитъ» «*руг-мя* ругать» «*ной-ма* ныть», соотвѣтствуютъ явственному творительному падежу, въ выраженіяхъ: «*корп-омъ* корпѣть» «*нойкомъ* ныть», и проч.

5) Мѣстнаго ед. числа; напр. цс. **гор-ѣ, дол-ѣ** (отъ *гора, долъ*), **оутр-ѣ, добр-ѣ, ѵхл-ѣ, съборн-ѣ** (*соборнъ*), **кѣн-ѣ**, рус. *вн-ѣ*; *нын-ѣ*. Потому эти слова и оканчиваются на *-ѣ*.

Примѣч. 6. Нарѣчіе *нынѣ* въ областномъ языкѣ имѣетъ формы: *нонѣ, нонь, ноньмо*.

II. Нарѣчія сложныя въ исторіи языка замѣчательны потому, что или сохранили въ своемъ составѣ древнѣйшія формы, или же, отъ давняго употребленія, такъ исказились, что въ нынѣшней ихъ формѣ едва замѣтны слѣды настоящаго, первоначальнаго ихъ состава. Къ сохранившимъ древнѣйшія формы принадлежатъ, напр., нарѣчія: *ис-кони* (*из-* и *кон-*, откуда *конъ, кон-ецъ*), *в-новь, в-скачь, на-от-машь, в-про-бѣль, в-про-чернь*, (старинное *су-красень*), *в-кратцѣ* (съ церковнославянскимъ смягченіемъ *к* въ *ц*), *о-коло* (отъ слова *коло*, откуда *кол-ес-о*), *о-причь* (отъ слова *прочь*, съ измѣненіемъ *о* на *и*), откуда *оприч-никъ*, и проч. Между исказившими первоначальный свой видъ замѣчательно нарѣчіе *намедни*, иначе *ономедни, онамедни* или *анамедни* (т. е. *оными дни*—на этихъ дняхъ, въ соотвѣтствіе областному *по-се-дни, по-оя-дни* или *по-ся-днись*, т. е. по сихъ дняхъ).

Имена, сложенныя съ предлогами, и употребляющіяся въ формѣ нарѣчій, стоятъ въ косвенныхъ падежахъ, по требованію предлоговъ; напр. *с-нова* (потому ошибочно: *с-ново*), *из-рѣдка* (а не *из-*

–рѣдко). Въ нарѣчіяхъ предлоги слагаются и съ существительными и съ прилагательными именами; напр. съ существительными: *по–задъ* и *по–зади*, *в–предъ* и *в–переди*, *въ–явь*; съ прилагательными: *в–чужь*, *из–далека*, *по–далеку* (*не–по–далеку*), *с–дуру*, и др. Предлоги не управляютъ падежами въ нарѣчіяхъ, произведенныхъ отъ именъ, которыя уже сложены съ этими предлогами; напр. *по–перемѣнно*, отъ прилаг. *по–перемѣнный* (вм. *по–перемѣнну*), *по–дробно*, отъ прилаг. *по–дробный* (вм. старинная *по–дробну*; напр. у Ломон. «кому возможно описать «твои доброты всѣ *подробну*» од. 3).

Одинъ и тотъ же корень слова можетъ оказаться въ нарѣчіи, въ двухъ формахъ; напр. отъ корня *яв–* (откуда *яв–ить*, *яв–ный*) образуются нарѣчія: *въ–явь* (отъ существ. *явь*) и *на–яву* (при цс. **явѣ**).

Если передъ именемъ стоятъ слитно два предлога, то управляетъ падежомъ первый; напр. *ис–под–тишка* (род. пад. *тишка* зависитъ отъ предлога *изъ*, измѣнившагося здѣсь въ *ис–*); *с–на–ружи* (род. пад. *ружи* зависитъ отъ предлога *съ*). Забывъ первоначальный составъ сложныхъ нарѣчій, иные пишутъ неправильно: *наизустъ*, вм. *наизусть*. Это нарѣчіе происходитъ отъ краткаго существительнаго *усть*, вм. *уста*, стоящаго въ винит. падежѣ ед. числа, по требованію предлога *на–*: *на–из–усть*. Пишущіе: *наизустъ*, полагаютъ, противъ законовъ языка, слово *устъ* въ род. падежѣ множ. числа, подчиняя оное зависимости втораго предлога *из–*.

О нѣкоторыхъ сложныхъ нарѣчіяхъ, затрудняющихъ на письмѣ, должно замѣтить слѣдующее:

1) *Внезапу* (откуда *внезап–но*) имѣетъ *е*, а не *ъ*, потому что состоитъ изъ отрицательной частицы *не* и изъ формы *запу* (цс. **заѧпъ**), стоящей въ винит. падежѣ по зависимости отъ предлога *въ*: *в–незапу* (слич. цс. **незаѧпьнъ** неожиданный).

2) *Вообще*—на концѣ *е*, а не *ъ*; потому что *обще* стоитъ въ вин. падежѣ ср. рода.

3) *Врозь* и *врозь* равно правильно: первое произведено отъ прилаг. *розн–ый*, а послѣднее отъ самого корня *роз–*.

4) *Кстати* имѣетъ на концѣ *и*, а не *ѣ*, потому что происходитъ отъ формы *стать*.

5) *Навзничь* (а не *навзначь*), потому что сложено изъ предлоговъ *на-* и *вз-* и изъ существительнаго *ничь* (отъ корня *ник-*, откуда *ник-нуть*, *нич-комъ*, *ниц-ъ*, и пр.).

6) *Наружѣ* имѣетъ на концѣ *ѣ*, а не *и*, потому что предполагаетъ форму *ружа* (а не *ружь*), откуда винит. пад. *ружу*, сохранившійся въ нарѣчіи *наружу*.

7) *Полатыни* (а не *полатинѣ*), потому что происходитъ не отъ прилаг. *латинскій*, а отъ существительнаго *латынь*, принявшаго русскую форму (слич. у Батюшк. «(лѣкарь) поклявшися *латынью* «и практикой своей, «поитъ меня полынью» II, 159).

8) *Поперекъ* (а не *поперегъ*, какъ употребляется уже и въ старинной письменности) состоитъ изъ предлога *по-* и *-перекъ*, откуда *-преки* (*во-преки*), *переч-ить*, и проч.

Сложныя нарѣчія: *поеврейски*, *погречески* и друг., первоначально употреблялись безъ предлога *по-*; напр. въ О. Е. «**на овьчи коупѣли иже нарицаѥться евреискы внѳезда.**» Іо. 5, 2. — Древнѣйшія формы безъ предлога и доселѣ сохранились въ нашемъ языкѣ; напр. *молодецки*, *дружески*, *мальски* (въ формѣ «мало-мальски»), и проч.

Въ старинномъ и народномъ языкѣ такія нарѣчія полагаются и въ дат. падежѣ по требованію предлога *по*; напр. у Ф. Виз. «выучи меня *по-французскому*» 72; въ пѣсн. «*по-русскому* не имѣю, а все понѣмецки» Чулк. I, № 113; въ народн. пѣсн. «*по-свойскому* вм. *посвойски*.

§ 73. Мѣстоименныя нарѣчія, означающія вообще мѣсто, время, качество и количество, либо происходятъ отъ мѣстоименій, напр. *сколько* отъ *сколькій*; либо слагаются съ ними; напр. формы *всю-ду*, *вез-дѣ*, сложены съ мѣстоименіемъ *весь*, и проч.

Эти нарѣчія оказываются такъ же, какъ и прочія, въ косвенныхъ падежахъ, впрочемъ не всѣ въ надлежащей ясности.

1. Нарѣчія мѣста образуются слѣдующими способами: или 1) суффиксомъ *-м*; напр. *та-мо*, *та-мъ*, *ся-мъ*, цс. **ова-мо**, отъ мѣ-

стоименныхъ корней *т–*, *с–*, *ов–*, или 2) звукомъ *д*, который въ наибольшей чистотѣ оказывается съ предлогами *на–*, *по–*, *за–*, *пре–*, въ формахъ *на–дъ*, *по–дъ*, *за–дъ*, *пре–дъ* (*пере–дъ*), откуда сравнит. степень: *пре–жде* (потому и не должно писать: *прежде*). Этотъ звукъ *д* слагается съ мѣстоименными корнями: съ вопросительнымъ *к–*, съ указательными *с–*, *т–*, *ин–*, и съ нѣкоторыми другими, и такимъ образомъ составляются нарѣчія въ различныхъ косвенныхъ падежахъ: *ку–д–а*, *сю–д–а*, *ту–д–а* (съ предлогомъ *отъ*, въ род. падежѣ: *от–куд–ова*, *от–сюд–ова*, *от–туд–ова*, *по–куд–ова*, употребляемыя и образцовыми писателями, напр. Грибоѣдовымъ: «не спи, *покудова* не скатишься со стула» «*откудова* теперь» (Горе отъ ум. 7, 38); цс. **кѫ–д–оу**, **отъ–кѫ–д–оу**, **тѫ–д–оу**, **отъ–тѫ–д–оу**, **тѫ–д–ѣ**; *всю–д–у*, цс. **вьсѫ–д–оу**, **инѫ–д–оу**; **къ–д–е**, **сь–д–е**, **вьсь–д–е** или **вьѫь–д–е**, **инь–д–е**; рус. *г–д–ѣ* (съ перемѣною *к* на *г* передъ *д*, § 31), *з–д–ѣ–сь* (съ перемѣною *с* на *з* передъ *д*, § 31, и съ указательною частицею *–сь*, § 57), *ин–д–ѣ*. Въ этихъ послѣднихъ нарѣчіяхъ пишемъ *ѣ*, полагая ихъ въ мѣстномъ падежѣ. Этотъ же звукъ *д* является въ формѣ **обожд–оу**, употребляемой нынѣ въ производномъ словѣ *обоюд–ный* и въ сложномъ *обоюду–острый*.

Примѣч. 1. Въ церковнославянскомъ отъ того же корня *д* (*жд*), образовались: **н–д–е** или **н–жд–е** (гдѣ), **вьсь–жд–е** (вездѣ), **ж–д–оу** (гдѣ), **ж–д–ѣ**, **ѫ–д–ѣ** (возлѣ), **отъ–н–ѫ–д–оу** и **отъ–н–ѫ–д–ѣ**, наше *отнюдь* (совсѣмъ, вовсе; со вставнымъ *н*), **къпѣ–ѫ–д–оу** (внѣ), **въ–н–ѫтрь–ѫ–д–оу** (внутри), **нъ–ѫтрь–ѫ–д–оу**, и др. — Цс. нарѣчіе **тоу** (откуда наше *ту–тъ*) сохранилось доселѣ въ сложномъ *ту–земный*.

Примѣч. 2. Въ дополненіе къ исчисленнымъ формамъ слѣдуетъ присовокупить областныя, происшедшія также отъ *д*, и сложенныя съ мѣстоименными корнями, но оканчивающіяся на *ы*: *кой–д–ы*, *сей–д–ы*, *той–д–ы*, т. е. по которому мѣсту, по этому мѣсту, по тому мѣсту. Нарѣчіе *куда* въ малорус. языкѣ иногда измѣняется въ *кудою*. — Древнее **камо** областной языкъ употребляетъ въ формахъ: *до–ками* и *до–камь*.

2. Нарѣчія времени образуются слогомъ *гда*, въ сложеніи съ мѣстоименными корнями: *к–*: *ко–гда*, *ни–ко–гда*, *нѣ–ко–гда*; *т–*: *то–гда*;

весь: все-гда; ни-: мно-гда; цс. **ѥ: ѥ-гда**, откуда съ предлогомъ *въ*: **въ-н-ѥ-гда** (въ то время, какъ), со вставнымъ *н*, вм. **въ-ѥ-гда**.

Сюда же относятся болѣе замѣчательныя сложныя нарѣчія: 1) цс. **вѣнижъ** (въ О. Е. **вѣнижъ**), позднѣйшее **вѣкъ** (всегда), состоящее изъ предлога **въ** и мѣстоименія **нижъ** (одинъ), въ винит. пад. ед. числа женск. рода; 2) русское *теперь*, вмѣсто древняго и областнаго *то-перво* (§ 45); и 3) сложенные изъ предлога *по* съ мѣстоименными корнями: съ вопросительнымъ *к-*: *по-ка*, и съ указательнымъ *т-*: *по-та* (реченіе, употребляемое въ древнемъ и областномъ языкѣ).

Примѣч. 3. Въ Сербскомъ языкѣ, по краинскому нарѣчію, употребляется частица *ведно* (очевидно произшедшая отъ сложенія слова *одно* съ предлогомъ *въ*), въ значеніи церковнославянской **вѣнижъ** или *вѣку*. Соотвѣтственно этому нарѣчію образовалось областное *с-одново* (произшедшее отъ *одинъ*), которое означаетъ: съ разу, вдругъ, близко, рядомъ, безпрестанно, то и дѣло.

Реченія *пока* и *пота* отвѣчаютъ одно другому, какъ это видно, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ у Ф. Виз. «*пока* Митрофанушка еще въ недорослях, *пота* его и понѣжить» 95. — Нынѣ употребительное сложное *пока-мьстъ*, съ род. падежемъ мн. числа *мьстъ*, въ древнемъ языкѣ имѣло винит. пад. мн. числа: *мьста*, въ формѣ: *пока-мьста* (напр. въ Юрид. акт. подъ 1567 г. «*покамьста* и монастырь Пречистые стоитъ»).

3. Въ значеніи пространства и времени употребляется суффиксъ *-л*, съ мѣстоименными корнями: *к-*, *т-*, *с-*: *ко-лѣ*, *то-лѣ*, *се-лѣ*, съ предлогами: *до-ко-лѣ*, *от-ко-лѣ*, *до-то-лѣ*, *до-се-лѣ*, и проч. Сюда же относятся, съ предлогами *под-* и *воз-*: *под-лѣ*, *воз-лѣ*. — Частица *лѣ* въ церковнославянскомъ употребляется вм. *еле*; напр. **лѣ-жикъ** вм. *ележикъ* (слич. въ Псковск. нарѣчіи *лѣ-теплъ* вм. еле-теплъ).

Примѣч. 4. Въ старинномъ и народномъ языкѣ нарѣчіе *доселѣ* принимаетъ окончаніе род. падежа: *доселѣва*; напр. въ Древн. рус. стих. «доселѣва Рязань она селомъ слыла» 345. Вмѣсто *доселѣ*, въ областномъ языкѣ употребляется *доси*.

Вмѣсто *когда*, въ просторѣчіи употребляется *коли* (равно какъ и въ церковносл. **коли**, **николи**), родственное церковнославянскому **ѥли**, имѣвшему тоже значеніе; съ предлогомъ **отъ-н-ѥли-же**;

4. Нарѣчія качества (напр. цс т-ако, ꙗ-ко, ин-ако; рус. *т-акъ*, *ин-аче*) и нарѣчія количества (напр. *толико*, *только*, *сколько*, *столько*, и проч.) суть не что иное, какъ мѣстоименія средн. рода ед. числа.

Примѣч. 5. Въ церковнославянскомъ отъ ѥль (сколько) происходятъ: ѥльма, ѥльми (сколько), въ соотвѣтствіе формамъ: *коль*, *кольми*.

Къ мѣстоименнымъ нарѣчіямъ относятся: образовавшіяся звукомъ *в*: *ед-в-а* (при церковнославянскомъ союзѣ ѥд-а), *раз-в-ѣ* (въ церковнославянскомъ зн. кромѣ), съ предлогомъ *раз-*; и нарѣчія времени: *еще* и *уже*.

Нарѣчіе *у*, въ церковнославянскомъ языкѣ употребляемое съ отрицательною частицею *не* (напр. «не оу прїиде часъ мои.» Еванг. отъ Іо. 2, 4), у насъ слагается съ частицею *-же*: *у-же*.

§ 74. Сверхъ падежныхъ флексій, замѣчательнѣйшія изъ окончаній, которыми пользуются нарѣчія, суть слѣдующія:

1) *-Жды* (цс. -жди, -шди, -шти, -щи), употребляемое съ числительными: *одна-жды*, *едино-жды*, *два-жды*, *три-жды*; цс. дъва-жди, дъва-шти, дъва-щи, и проч.

Примѣч. Вмѣсто *однажды*, въ древнерусскомъ языкѣ употреблялось *одною*, а вмѣсто *дважды*, *трижды* въ областномъ просторѣчіи и доселѣ слышатся *двою*, *трою* (въ соотвѣтствіе формамъ *пятью*, *шестью*, и т. д.). Русскому языку нечуждо также церковнославянское окончаніе *-щи* вм. *-жды*: доселѣ въ просторѣчіи говорится, вмѣсто *дважды*, не только *двожды*, *двоича*, но и *дващи*.

2) Указательное *-сь* въ формахъ: дьнь-сь, дьне-сь, *лѣто-сь*, *вчера-сь*, и проч.

3) Частица *-че* или *-ча*, въ просторѣчіи: *нынь-че*, *даве-ча*, *тепере-ча*, и проч.

4) Въ церковнославянскомъ ци, съ мѣстоименіемъ сеи: сеици — оттуда, отъ того, отъ него.

§ 75. Изъ нарѣчій, употребляемыхъ въ приставкахъ, важнѣйшія суть:

1) *Наи-*, для составленія превосходной степени; напр. *наи-лучшій* (§ 69).

Примѣч. 1. Въ церковнославянскомъ языкѣ иногда употребляясь частица *надъ* съ прилагательными; напр. **над-роусъ, над-роумѣнъ** (румянъ).

2) *Нѣ-* въ мѣстоименіяхъ и нарѣчіяхъ; напр. *нѣ-кто, нѣ-гдѣ* (§§ 57 и 73).

Примѣч. 2. Частица *нѣ-* въ древнерусскомъ языкѣ: 1) употребляется, какъ самостоятельное слово, при числительныхъ, въ смыслѣ *около*; напр. «придоша Емь на Вежь ратью *нѣ* въ тысящи» Новг. лѣт. 11; «и бѣ у неи людій *нѣ* 300» Лавр. лѣт. 75; 2) отдѣляется предлогомъ отъ тѣхъ словъ, съ которыми теперь употребляется слитно; напр. «слышавше нѣ отъ кого» (т. е. отъ нѣкотораго) Ипат. сп. лѣт. 5; «нѣкоемъ мѣстѣ» (т. е. въ нѣкоторомъ мѣстѣ) ibid. 217; «нѣ въ кое время» (т. е. въ нѣкоторое время) Др. рус. стих. 217, 307. Отдѣленіе частицы *нѣ-* отъ мѣстоименій, управляемыхъ предлогомъ, встрѣчаемъ уже въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ; напр. въ Супр. рук. «**нѣ по колнцѣхъ мѣсацѣхъ**» 129, «**нѣ къ кыи дьнь**» 132, «**нѣ отъ кого**» 151.

3) Отрицательныя частицы *ни* и *не*; напр. *ни-кто, не-когда.*

Сверхъ мѣстоименій и нарѣчій, съ частицею *не* слагаются имена существительныя, напр. *не-счастіе*, и прилагательныя, напр. *не-счастный*, за исключеніемъ употребленныхъ съ окончаніями, смягчающими или умаляющими качество. Напр. нельзя сказать: *небольшой, небольшой*. Впрочемъ исключеніе оказалось въ формахъ *невеличекъ, немножко.*

Глаголы только тогда могутъ быть сложены съ приставкою *не-*, когда они произошли отъ именъ, уже соединенныхъ съ этою приставкою; напр. *неистов-ый неистов-ствовать*. Глаголъ *ненавидѣть* въ старину употреблялся въ разложеніи: *не навидѣть.*

Примѣч. 3. Глаголъ **ненакидѣти** еще въ О. Е. раздѣлялся на дѣйствительный глаголъ **накидѣти**, и отдѣльную частицу **не**, потому и управлялъ род. падежомъ, вм. винительнаго; напр. «**не накидить свѣта**» 13 а. Такое употребленіе этого глагола сохранено и въ позднѣйшихъ текстахъ.

7. *Предлогъ.*

§ 76. Предлоги бываютъ отдѣльные, напр. *въ, къ* и др., и слитные, напр. *вз-, пере-* и др.

Примѣч. 1. Число предлоговъ весьма невелико. Отдѣльные суть слѣдующіе: *безъ, въ, до, изъ, къ, на, надъ, о, объ, отъ, по, подъ, предъ* (или

передъ), *при*, *про*, *съ* и *чрезъ* (или *черезъ*). Слитные: *вз-* (или *воз-*), *вы-*, *низ-*, *па-*, *пра-*, *пре-* (или *пере-*), *раз-* (или *роз-*) и *су-*. Но и это число должно быть ограничено исключеніемъ нарѣчій, употребляемыхъ вмѣсто предлоговъ, каковы суть: *надъ*, *подъ*, *предъ*, *вы-*, *низ-*, *раз-* (или *роз-*), *чрезъ*. Эти частицы отличаются отъ прочихъ предлоговъ или тѣмъ, что сложены съ суффиксомъ нарѣчій, именно: *на-дъ*, *по-дъ*, *пре-дъ* (§ 73); или тѣмъ, что состоятъ въ связи съ образованіемъ именъ, напр. *предъ пред-окъ*, *подъ ис-подъ*, *низъ низ-окъ*, *раз-* (*роз-*) *раз-ный* и *роз-ный*, а также и съ образованіемъ нарѣчій: *предъ прежде* (§ 73), *чрезъ* — отъ *крозь*, откуда *скрозь* и *сквозь* (§§ 37 и 33). Потому въ древнерусскомъ языкѣ *чрезъ* или *черезъ* употреблялось въ видѣ нарѣчія. Напр. въ пословицѣ XVII в. «журавль межи не знаетъ, и черезъ ступаетъ».

Что же касается до частицы *вы-*, то въ ней *ы* имѣетъ силу носоваго звука (*ън* или *он*), потому она переходитъ въ нарѣчія: *вонъ* и *внѣ*, цс. **вънѣ** (§ 72).

Должно отличать 1) предлоги простые, напр. *на*, *по*, *пре-* и др., отъ сложныхъ, кои суть: *на-дъ*, *по-дъ*, *пре-дъ* и др. (§ 73); 2) предлоги древнѣйшіе, напр. *па-*, *пра-*, отъ соотвѣтствующихъ имъ позднѣйшихъ: *по*, *пре-* или *пере-* (§ 24), и 3) церковнославянскую форму предлоговъ, напр. *пре-*, *предъ*, *чрезъ*, отъ русской: *пере-*, *передъ*, *черезъ* (§ 29).

О нѣкоторыхъ предлогахъ должно замѣтить слѣдующее.

1. Предлоги, нынѣ слитные, первоначально могли употребляться отдѣльно, какъ это видимъ изъ предлога *вз-*, цс. **възъ**, который въ церковнославянскомъ языкѣ иногда управляетъ винит. падежомъ, имѣя силу отдѣльнаго предлога. Напр. «**воздаша ми лоукавая возблагая**» (вм. «**возъ благая**», т. е. за благая) Псал. 34, 12; или «**благодать возблагодать**» (вм. «**возъ благодать**», т. е. за благодать) Еванг. отъ Іоан. 1, 16. Такимъ же сочетаніемъ словъ объясняется церковнославянское нарѣчіе **вскоую** (по древнѣйшему начертанію **въскѫю**), состоящее изъ предлога **възъ** и винит. падежа ед. числа жен. рода мѣстоименія **кои** (наше *кой*), и потому соотвѣтствующее нашему вопросительному: зачѣмъ или для чего.

Примѣч. 2. Въ Супр. рукоп. употребляется нарѣчіе, сложенное съ предлогомъ *въз-*, именно: **въс-краи**, т. е. *на краю*; въ областномъ языкѣ — *вз-* вм. *на-*, въ сложномъ *вс-чатый*, вм. *на-чатый*.

О слитныхъ предлогахъ должно замѣтить слѣдующее. 1) Вмѣсто *пра-*, въ древнѣйшихъ памятникахъ иногда употребляется *прь-*, напр. **прѣ-дѣдъ**. 2) *Па-* весьма употребительно въ областномъ языкѣ; напр. *па́-озёрь* — крестьянинъ, живущій при озерѣ, *па́-полза* — ползунъ или ползунья, *па́-стынь*—тѣнь отъ человѣка. 3) Въ областномъ языкѣ въ видѣ слитнаго предлога употребляется *ко-* или *ка-*; напр. *ко́-воротъ* — верея, затылокъ, *ко-вроты* — ворота, *ка-улокъ*—переулокъ, откуда общеупотребительное *за-ка-улокъ* (при словѣ *ул-ка*, т. е. *ул-ица*).

Въ глаголахъ *поз-волить*, *доз-волить*, приставки *поз-* и *доз-* сокращены, вм. *по-из-* (*волить*), *до-из-* (*волить*).

Глаголъ *разинуть* состоитъ изъ предлога *раз-* и глагола *зинуть* (*зіять*), но употребляется съ однимъ *з*.

2. Нѣкоторыхъ предлоговъ, весьма употребительныхъ въ русскомъ языкѣ, нѣтъ въ церковнославянскомъ, а именно:

а) *Вы-*, вмѣсто котораго въ церковнославянскомъ постоянно *из-*; напр. **ꙁ-боръ, ꙁ-вести, ꙁ-гнати** и пр., вм. русскихъ *вы-боръ*, *вы-вести*, *вы-гнать*. Такія церковнославянскія формы, вошедшія и въ нашу книжную рѣчь, отличаются своимъ церковнославянскимъ оттѣнкомъ отъ чисто русскихъ формъ; напр. *избранный* и *выбранный*, «*изложить* мнѣніе» и «*выложить* деньги на столъ», «*излить* гнѣвъ» и «*вылить* воду» и проч.

Когда предлогъ *из-* употребляется и въ русскихъ формахъ, тогда онъ отличается отъ предлога *вы-*, по самому значенію своему; напр. «*износить* платье» и «*выносить* что́ на дворъ», «*вывести* пятно» и «*извести* кого зельемъ» и проч.

Примѣч. 3. Предлогъ *вы-* употребляется уже въ древнихъ русскихъ памятникахъ; напр. въ Словѣ о полку Игоревѣ: *выторже*, *высѣдѣ*, отъ глаголовъ: выторгнуть (т. е. исторгнуть), высѣсть.

б) *Роз-*, вмѣсто котораго въ церковнославянскомъ языкѣ постоянно *раз-*. Слѣдовательно, формы *ро́зговѣнье*, *ро́здыхъ*, *ро́зъигрышъ*, *ро́звальни* и проч., суть чисто русскія; равно какъ и производныя отъ частицы *роз-*: *роз-ный*, *роз-но*, *роз-нь*. Формы же съ приставкою *раз-*, напр. *раз-бирать*, *раз-дирать*, *раз-ливать*, *раз-умѣть*, равно принадлежатъ какъ русскому, такъ и церковнославянскому языку.

Примѣч. 4. Въ западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ господствуетъ частица *роз-* вм. *раз-*, впрочемъ въ нѣкоторыхъ тоже съ исключеніями.

3 Касательно предлога *су-* (цс. **сѫ-**) должно замѣтить, что онъ весьма употребителенъ какъ въ церковнославянскомъ языкѣ, такъ и въ нашемъ областномъ просторѣчіи. Напр. въ церковнославянскомъ: **сѫмнѣтисѧ** (сомнѣваться), **сѫпрьникъ** (соперникъ), **сѫсѣдъ** (сосѣдъ), и проч.; въ областномъ просторѣчіи: *сумняться, супротивный, сусѣдъ*, и проч. Книжная же рѣчь замѣнила во многихъ случаяхъ *су-* (**сѫ-**) частицею *со-*; напр. *сомняться, соперникъ, сосѣдъ* и т. д., впрочемъ въ нѣкоторыхъ словахъ удержала церковнославянскую **сѫ-**, *су-*; напр. *супругъ* (цс. **сѫпрѫгъ**), *сумракъ* (цс. **сѫмракъ**), *су-тулый* (*туло, тул-ов-ище*), *су-котая* (о кошкахъ), *су-поросая* (о свиньяхъ), *су-дороги* (при глаголѣ *содрогаться*) и др.

8. Союзъ.

§ 77. Союзы бываютъ первообразные, производные и сложные.

Первообразные, которыхъ число весьма ограничено, суть слѣдующіе: *а, и*, цс. **ко** (зн. ибо), *да, же, ли, ни, но* (цс. **нъ**). Всѣ остальные союзы суть слова производныя или сложныя.

Союзы происходятъ:

1. Отъ мѣстоименій; напр. *то, что*, цс. **ѥ-же** (состоящее изъ мѣстоименія **ѥ** съ частицею **же**), *только* вм. *толико* (при реченіи *толикій*) и проч.

Примѣч. 1. Въ древнерусскомъ языкѣ должно замѣтить слѣдующіе союзы, произведенные отъ мѣстоименій: 1) *оже*, вм. церковнославянскаго **ѥ-же** (§ 26); 2) *ино* (отъ слова *иной*), въ значеніи: то, и, да; сокращенно *инъ*. Въ областномъ просторѣчіи доселѣ употребляются *ино* и *инъ*. 3) Вопросительный *чи* или *ци* (отъ вопросительнаго корня *к*, черезъ смягченіе его въ *ч* и *ц*); напр. «Святополкъ про волость *чи* не уби Бориса и Глѣба? а самъ *чи* долго поживе?» Ипат. сп. лѣт. 16; «а *чи* диво ся, братіе, стару помолодити?» Слово о полк. Игор.; «*ци* будетъ Кондратъ живъ?» Новг. Лѣт. 1. 61. Союзъ *чи* или *ци* и доселѣ употребляется въ областномъ просторѣчіи, въ значеніи: ли, или, развѣ. 4) *Та* въ смыслѣ *да—да* или *и—и*; напр. въ Поученіи Влад. Мономаха: «*та* оттуда Турову, а на весну *та* Переяславлю, *та* же Турову» Лавр. лѣт.

103.—5) *Оно* (въ смыслѣ то—то): «дружина его бяшеть *оно* избита, *оно* изоймана» Ипат. 65.

2. Отъ глаголовъ; напр. *хот-ѣть хотя, вѣд-ать вѣдь, пуст-ить пусть, пуск-ать пускай; молв-ить молъ.* Особеннаго вниманія заслуживаютъ союзы, происшедшіе отъ глагола *быть*: *бы* и *буде*.

а) Союзъ *бы* остался въ нашемъ языкѣ отъ древнѣйшей описательной формы прошедшаго условнаго времени, состоявшей изъ вспомогательнаго глагола **бѣхъ** съ причастіемъ прошедшимъ на *-лъ -ла -ло* (§ 88). Напр.

ед. число:	1 *л.*	**былъ бѣхъ, далъ бѣхъ**
	2 *л.*	**былъ бы, далъ бы**
	3 *л.*	**былъ бы, далъ бы**
множ. число:	1 *л.*	**были бѣхомъ, дали бѣхомъ**
	2 *л.*	**были бысте, дали бысте**
	3 *л.*	**были бѣша, дали бѣша.**

Потерявъ способность спрягать прошедшее **бѣхъ**, русскій языкъ удержалъ только 3-е лицо этого времени, именно форму **бы**, и сталъ употреблять ее, не различая ни чиселъ, ни лицъ; напр. «я сдѣлалъ бы» «мы, они сдѣлали бы.» Отсюда явствуетъ, почему союзъ *бы* и сложенные съ нимъ: *что-бы, если-бы, да-бы*, употребляясь съ прошедш. причастіемъ (напр. «зналъ бы» «чтобы зналъ» «еслибы зналъ»), не могутъ стоять при наст. и будущ. временахъ изъяв. наклоненія. Напр. нельзя сказать: «знаетъ бы» «узнаетъ бы» «дабы узнаетъ» «если бы узнаетъ» и проч.

б) *Буде* есть остатокъ формы будущаго времени *будетъ*, которая иногда и употреблялась въ древнерусскомъ языкѣ, въ смыслѣ союза.

Примѣч. 2. Частица *де*, употребляемая для означенія чужой рѣчи, въ старину произносилась *деи*; напр. въ Юрид. актахъ подъ 1587 г. «а бывалъ *деи* тотъ лѣсъ искони-вѣкъ Кускіе волости.» Эта частица имѣетъ при себѣ глаголъ *дѣять*, въ древнемъ значеніи его—говорить, которое удержано, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ Ипат. сп. лѣт. 57: «Бога еси почестилъ, аже *дѣеши*: ты мой еси отець». Первоначально въ значеніи нынѣшняго союза *де* употреблялось 2-е лицо ед. числа наст. времени, отъ глагола **дѣяти**, именно: **дѣеши** (вм. **дѣеши**), встрѣчающееся въ Супр. рук.

3. Изъ произведенныхъ отъ прочихъ частей рѣчи должно замѣтить союзъ *однако*, древнерус. *одинако*, цс. єдинако и єдинакѣ, т. е. средн. родъ ед. числа прилагательнаго *одинакій*, цс. єдинакъ.

Примѣч. 3. Реченіе *воля*, какъ повторяемый союзъ (коли—коли), встрѣчается въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ въ смыслѣ: или—или.

Замѣчательнѣйшіе изъ сложныхъ союзовъ суть слѣдующіе:

1) Сложенные изъ союзовъ: *и-ли*, *и-бо*, *ли-бо*, *да-же* (древн. цс. дожи), и др.

2) Сложенные изъ мѣстоименій съ союзами и предлогами: *е-же-ли*, *за-не*, *по-н-е-же* (вм. *за-е*, *по-е-же*, со вставнымъ *н*, §§ 30 и 33), *по-елику*, и др.

3) Сложенные изъ глаголовъ съ союзами и мѣстоименіями: *да-бы*, *что-бы*, *ес-ли* или *есть-ли* (*ес-* корень глагола вспомогательнаго *ес-мь*), и др..

4) Сложенные изъ отрицательнаго нарѣчія съ союзами: *не-же*, *не-же-ли*, *ни-же*.

Примѣч. 4. Союзы *бо*, *да* (означающій повелительное наклоненіе), *зане*, *ибо*, *поелику*, *понеже*, въ разговорной рѣчи не употребляются, хотя и встрѣчаются въ языкѣ книжномъ. А именно:

а) *Бо* (вм. ибо) употребляется и въ книжномъ языкѣ весьма рѣдко, преимущественно въ высокой стихотворной рѣчи; напр. у Жуковскаго въ переводѣ изъ Энеиды: «защитой *бо* града единый былъ Гекторъ.»

б) *Да* употребляется въ высокой рѣчи; напр. у Пушкина въ Борисѣ Годуновѣ: «*да* правлю я во славѣ свой народъ.»

в) *Зане* также употребляетъ Пушкинъ въ слогѣ высокомъ; напр. въ Борисѣ Годуновѣ:

Зане Святый Владыка предъ Царемъ
Во храминѣ тогда не находился.

г) Союзъ *ибо*, болѣе свойственный важной рѣчи, допускается и въ легкомъ разсказѣ; напр. въ прозѣ Лермонтова: «я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, *ибо* со мной былъ чугунный чайникъ».

д) *Поелику* и *понеже* до нашихъ временъ держались преимущественно въ языкѣ юридическомъ. Въ важной рѣчи и теперь еще

иногда встрѣчается *поелику*, но *понеже* вовсе вышло изъ употребленія. Не смотря на то, Жуковскій пытался обоимъ этимъ союзамъ дать мѣсто въ легкомъ разсказѣ; напр. въ переводѣ Одиссеи:

Мысль объ одномъ наиболѣе губитъ мой сонъ и лишаетъ
Пищи меня, *поелику* никто изъ Ахеянъ столь много
Бѣдствій не встрѣтилъ, какъ Царь Одиссей. IV, 105 — 106.

Порой забываю
Горе, *понеже* насъ скоро холодная скорбь утомляетъ. IV, 102—103.

Примѣч. 5. Употребляемый въ просторѣчіи союзъ *анъ* (или *ане*) встрѣчается и въ книжномъ языкѣ, въ рѣчи разговорной; напр. у Жуковскаго въ Камоэнсѣ: «*анъ* нѣтъ, иначе вышло на повѣрку».

Въ древнерусскомъ языкѣ и въ нынѣшнемъ просторѣчіи, вм. *или*, *иль*, употребляется союзъ *али*, *аль*, встрѣчающійся и у Пушк.; напр. «не казака ль Карелу; *али* Мишка» I, 365.

Примѣч. 6. Изъ союзовъ древнѣйшихъ, сверхъ означенныхъ выше (въ примѣч. 1, 2 и 3-мъ), должно замѣтить слѣдующіе: а) въ церковнославянскомъ языкѣ: *аще*, древнерус. *аче* (вм. нашего *если*), *коли* (ли), *оубо* (и такъ); б) въ древнерусскомъ: *абы* (чтобы), *аже* (что, если же), *ажебы* (сложено изъ *аже* и *бы*), *ать* или *атти* (да, дабы, чтобы). Впрочемъ въ областн. языкѣ доселѣ употребляются *або* (ли, или, либо), *абы* (дабы, чтобы), *аже* (даже), *якобы* (будто бы) и мн. др.

Примѣч. 7. Къ союзамъ относятся частицы *-ко* или *-ка* и *-ста*; напр. *дай-ка*, *пожалуй-ста*, *мы-ста*, *знаемъ-ста*. Частица *-ста* оказывается какъ бы отдѣльнымъ окончаніемъ глаголовъ двойст. числа 2-го и 3-го лица. Ей соотвѣтствуетъ областная *-стье* (какъ бы окончаніе 2-го лица множ. числа); напр. *кушай-стье*.

9. Междометіе.

§ 78. Междометія бываютъ: или 1) слова первообразныя, каковы: выражающія чувствованія: *ахъ*! *увы*! призывъ: *эй*! предложеніе или подачу: *на*! звукоподражательныя: напр. *бухъ*! *мяу*! и проч.; или 2) производныя; напр. означающія указаніе: *вотъ*, *вонъ*, отъ мѣстоименій указательныхъ: *тъ* и *онъ* (§ 58); или 3) сложныя, напр. *спасибо*, состоящее изъ глагола *спаси* и слога *бо*, произшедшаго, черезъ сокращеніе, отъ существительнаго *богъ*; потому въ област-

номъ просторѣчіи доселѣ говорятъ: «спаси Богъ» «Богъ спасетъ» вм. спасибо, и *спасáть* въ значеніи благодарить, говорить *спасибо*.

Примѣч. 1. Въ соотвѣтствіи съ нашимъ *спасибо* образовалось малорусское *пожагайбу* или *магайбу* — Богъ помочь (т. е. помогай Боже).

О нѣкоторыхъ междометіяхъ должно замѣтить слѣдующее:

1) *На* и *ну* могутъ принимать окончаніе глаголовъ 2-го лица множ. числа: *на-те*, *ну-те*.

2) Частица *-съ*, прибавляемая къ словамъ для означенія вѣжливости (напр. «да-*съ*» «точно такъ-*съ*»), въ старину употреблялась въ формѣ *-су*.

Примѣч. 2. Напр. «ино-*су* я тебя и въ другоредь благословлю» Акты Арх. Эксп. IV, 79.

3) Отъ междометій звукоподражательныхъ произошли нѣкоторые глаголы; напр. *мяу-кать*, *оац-нуть*.

Примѣч. 3. Древнерусскій языкъ и областное просторѣчіе богаче нынѣшней образованной рѣчи глаголами, произведенными отъ звукоподражательныхъ корней, для означенія крика животныхъ. Напр. «врани *граяхуть*» «сороки не *троскоташа*» Слов. о полку Игор.; «орломъ же *клекъщущимъ*» Инат. Лѣт. 183.

Примѣч. 4. Областное просторѣчіе отличается отъ языка книжнаго обиліемъ разнообразныхъ междометій, употребляемыхъ для призыванія и отгона домашнихъ животныхъ.

Слова сложныя.

§ 79. Сложныя слова состоятъ изъ двухъ или изъ нѣсколькихъ словъ, соединенныхъ въ одно (§ 40); напр. *пут-е-шествіе*, *высоко-пре-вос-ходительство*.

Сложеніе словъ бываетъ собственное и несобственное.

Въ собственномъ сложеніи слова присовокупляются одно къ другому помощію соединительныхъ гласныхъ, каковыми въ языкахъ церковнославянскомъ и русскомъ бываютъ звуки *о* и *е*; напр. *бог-о-познаніе*, *земл-е-мѣріе*.

Въ несобственномъ сложеніи слова складываются безъ посредства соединительныхъ гласныхъ; напр. *Нов-городъ*, *пол-день*, *пят-*

-на-дцать, *два-дцать*, *двою-родный*, и проч. Къ несобственному сложенію относятся слова, сложенныя съ приставками, напр. *от-ходить*, *пре-красный*, *наи-лучшій*, *у-богій*, и слова, соединенныя флексіею, напр. *трехъ-этажный*.

Примѣч. 1. И образованіе словъ помощію суффиксовъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можетъ быть причислено къ сложенію. Напр. глаголъ *вѣ-мь* (вм. *вѣд-мь*, § 38) состоитъ изъ корня глагола *вѣд-* (*вѣд-ать*) и указателя 1-го лица *м* (§ 58). Реченія: *на-те*, *ну-те*, состоятъ изъ междометій: *на*, *ну*, и указателя 2-го лица множ. числа *-те* (§ 78). Впрочемъ сложеніе отъ производства отличается тѣмъ, что въ производствѣ первая часть слова есть главная и яснѣйшая, вторая же (т. е. суффиксъ)—подчиненная и не всегда ясно понимаемая; а въ сложеніи главная часть есть та, которая бо́льшею частію стоитъ на концѣ, и ей уже подчиняются приставки; напр. *от-ступать*, *на-от-машь*, *земле-дѣлецъ*. Сверхъ того, какъ послѣдняя, такъ и первыя части сложнаго слова бываютъ равно вразумительны.

Примѣч. 2. Нѣкоторыя сложныя слова произошли отъ сліянія реченій, нѣкогда стоявшихъ отдѣльно, но соединенныхъ одно съ другимъ сантаксически. Напр. слово *добро-дѣтель* въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ раздѣлено на два: **добрѣ дѣтель**, склонявшіяся сами по себѣ, напр. «**къ добрѣ дѣтели**» «**доброѭ дѣтелиѭ**» въ Супр. рук.

Примѣч. 3. Сложное существительное *бого-дѣльнъ* произошло отъ церковнославянскаго прилагательнаго **бого-дѣльнъ** (священный, церковный). Равнымъ образомъ существительное *без-дна* предполагаетъ прилагательную форму *без-дный* (т. е. без-донный), которая и употребляется въ просторѣчіи, со звукомъ *о*: *безо-дный* (вм. *безъ-дный*).

Примѣч. 4. Несобственное сложеніе оставляетъ на себѣ слѣды первоначальнаго синтаксическаго сочетанія словъ; напр. *себя-любивъ* (= любить себя), *с-ума-сшедшій* (= сошедъ съ ума). Въ XVIII в. употреблялось сложное *взаймы-давецъ* вм. *заимо-давецъ*.

Нѣкоторыя слова пользуются и собственнымъ и несобственнымъ сложеніемъ; напр. *кров-о-пролитіе* и древнѣйшее *крови-пролитіе*, *пред-о-словіе* и древнѣйшее *пред-о-словіе*.

§ 80. О несобственномъ сложеніи въ практическомъ отношеніи должно замѣтить слѣдующее.

1. Нѣкоторыя слова, сложенныя изъ двухъ существительныхъ,

или изъ существительнаго съ прилагательнымъ, въ склоненіи присовокупляютъ окончанія къ обоимъ словамъ; напр. *Царь-градъ, Царя-града, Царю-граду*, и проч.; *Нов-городъ, Нова-города, Новым-городомъ, въ Новѣ-городѣ*. Впрочемъ это древнѣйшее употребленіе въ современномъ языкѣ вытѣсняется позднѣйшимъ, по которому измѣняется только послѣднее слово: *Царь-града, Царь-градомъ, въ Царь-градѣ*; *Нов-города, Нов-городомъ, въ Нов-городѣ*.

Имена, соединенныя союзомъ *и*, измѣняютъ только послѣднее слово; напр. *мать-и-мачеха, мать-и-мачехи, мат-и-мачехъ, мать-и-мачехой*, и проч.

2. Нѣкоторыя слова, въ имен. пад. ед. числа сложенныя съ приставкою *пол-*, измѣняютъ ее въ прочихъ падежахъ обоихъ чиселъ на *полу-*; при чемъ должно замѣтить слѣдующіе два случая:

а) *Пол-* согласуется, какъ прилагательное, съ существительнымъ, постановленнымъ въ имен. падежѣ ед. числа; напр. *день, ночь*: *пол-день, пол-ночь*. Въ прочихъ падежахъ *пол-* измѣняется въ *полу-*, а существительное склоняется по общему правилу; напр. *полу-дня, полу-днемъ, полу-дни, полу-днями*, и проч.; *полу-ночи, полу-ночью*, и проч. Впрочемъ употребляется въ косвенныхъ падежахъ ед. числа и во всѣхъ падежахъ множественнаго и *пол-*; напр. *пол-дни, къ пол-днямъ, пол-ночи* (напр. у Бат. «Увы! чтобъ повторять въ часъ *полночи* рыданья» II, 234).

б) *Пол-*, какъ существительное, требуетъ послѣ себя род. падежа; напр. *пол-тора* (вм. *-втора*), *пол-третья*: именит. пад. муж. и ср. родовъ: *пол-тора, пол-третья* (напр. рубля); жен. рода: *пол-торы, пол-третьи* (напр. недѣли). Род. падежъ отличается отъ именительнаго только измѣненіемъ формы *пол-* въ *полу-*: муж. и ср. родовъ *полу-тора*, жен. рода *полу-трети*; въ прочихъ же падежахъ *-тора* и *третья* измѣняются по общему правилу; напр. *полу-торымъ, полу-третьимъ* (напр. рублемъ), *полу-торою, полу-третьею* (напр. сотнею), *полу-торыхъ, полу-третьими*, и проч.

Тоже должно сказать о сложномъ *пол-рубля*: род. *полу-рубля*, твор. *полу-рублемъ*, и проч.

Прилагательныя слагаются и съ *полу-*, напр. *полу́-мертвый*, и съ *пол-*, напр. *пол-мертвый*. Первое употребительнѣе.

Примѣч. 1. *Пол-* съ прилагательными у образцовыхъ писателей: «рѣшился бресть назадъ *полмертвый, полхромой*» Дмитр. III, 28; «*полмертвый* пуще всѣхъ боится умереть» ibid. 84; «*полмертвый*, но сграю» Бат. II, 288.

3. О словахъ, сложенныхъ съ числительными количественными, должно замѣтить слѣдующее.

1) Числительныя *три, четыре, пять, шесть* и т. д., прилагаются къ именамъ въ род. падежѣ: *трехъ-аршинный, трехъ-угольникъ, четырех-сторонній, пяти-угольникъ, шести-этажный*, и проч. Впрочемъ принято употреблять нѣкоторыя слова сокращенно: *тре-угольникъ, четыре-угольникъ*.

Примѣч. 2. Реченіе *три-дневный* употребляется въ высокомъ слогѣ (отъ церковнославянскаго **три-дьнєвьнъ**), въ отличіе отъ разговорнаго *трех-дневный*.

2) Числительное *два* употребляется въ род. падежѣ, или а) двойственнаго числа (§ 90): двою, сокращенно *дву*: *двою-родный, дву-главый, дву-гривенный, дву-личневый, дву-ногій, дву-смысленный*, и проч.; или б) множ. числа: *двухъ*: *двух-саженный*, но преимущественно передъ именами, начинающимися гласнымъ звукомъ, слѣдовательно, вм. *дву*, въ избѣжаніе неблагозвучія: *двухъ-аршинный, двухъ-этажный*.

Примѣч. 3. Въ областномъ просторѣчіи, вм. *двоюродный*, употребляется *двуродный*.

3) Числительныя *двое, трое, четверо*, при сложеніи остаются неизмѣнными; напр. *двое-душіе, двое-точіе, трое-женецъ, четверо-брачіе, четверо-ногій*, и проч.

Въ собственномъ сложеніи числительныя количественныя употребляются весьма рѣдко; напр. *тр-е-зубецъ, тр-е-ножникъ, тр-е-ножить*, и нѣк. др.

Реченіе *одинъ, единъ*, употребляется въ приставкахъ по образ-

цу мѣстоименій: *одно-родный, едино-душно*, какъ *ино-ходецъ, само-видецъ*, и проч.

Примѣч. 4. По образцу сложнаго *двою-родный*, употребляются: *трою-родный, четверою-родный*.

§ 81. Въ историческомъ отношеніи о словахъ сложныхъ должно замѣтить слѣдующее.

1. Еще до введенія Христіанства въ Россіи, нашъ языкъ употреблялъ слова сложныя, какъ это видимъ изъ собственныхъ именъ: 1) языческихъ божествъ; напр. *Дажь-богъ, Стри-богъ*; 2) людей; напр. *Влади-міръ* (по старинному начертанію: *Влади-миръ, Володи-миръ* и *Володи-меръ*), *Свято-славъ*; 3) городовъ; напр. *Нов-городъ*.

Примѣч. 1. а) *Дажь-богъ* богъ огня и свѣта, *Стри-богъ* богъ воздуха и вѣтра. б) Сложное *Царь-градъ* было извѣстно нашимъ предкамъ, еще язычникамъ. в) Несторъ повѣствуетъ, что Владиміръ Святой построилъ городъ въ память побѣды, одержанной русскимъ витяземъ надъ Печенѣжиномъ въ единоборствѣ, и назвалъ этотъ городъ *Перея-славлемъ*: «зане *перея славу* отрокъ-отъ»: производство невѣрное и наивное, но свидѣтельствующее намъ, что лѣтописецъ видѣлъ въ этомъ названіи сложное слово. — Реченіе *переславль*, какъ нарицательное, доселѣ употребляется, въ областномъ просторѣчіи, въ смыслѣ переговора.

2. По принятіи Христіанства наши предки внесли въ свой языкъ значительное количество сложныхъ словъ, переведенныхъ съ греческаго; каковы напр. *Все-держитель, Само-держецъ, Едино-родный*, и проч.

Примѣч. 2. Здѣсь предлагаются нѣкоторыя изъ болѣе употребительныхъ сложныхъ, переложенныхъ съ греческаго: *благо-душіе εὐ-ψυχία, благо-лѣпіе εὐ-πρέπεια, благо-родіе εὐ-γένεια, благо-словеніе εὐ-λογία, благо-честіе εὐ-σέβεια, благо-уханіе εὐ-ωδία, бого-борецъ θεο-μάχος, бого-мудріе θεο-φροσύνη, бого-явленіе θεο-φάνεια, веле-лѣпіе μεγαλο-πρέπεια, веле-рѣчіе μεγαλο-ρ-ρημοσύνη, велико-лѣпіе μεγαλο-πρέπεια, все-держитель παντο-κράτωρ, вѣнце-носецъ, στεφανη-φόρος, добро-душенъ εὔ-θυμος, добро-нравіе εὐ-εξία, едино-душный ὁμό-ψυχος, едино-мысліе ὁμό-νοια, жесточко-сердіе σκληρο-καρδία, живо-начальный ζω-αρχικός, живо-писецъ ζω-γράφος, живо-творить ζωο-ποεῖν, земле-мѣріе γεω-με-*

τρία, земно-родный γη-γενής, злато-любіе φιλο-χρυσία, зло-словить κακο-λογεῖν, ино-вѣріе ἀλλο-πιστία, ино-племенникъ ἀλλό-φυλος, ино-родный ἀλλο-γενής, любо-мудріе φιλο-σοφία, мало-душіе μικρο-ψυχία, много-словіе πολυ-λογία, перво-образный ἀρχέ-τυπος, перво-родный πρωτο-γενής, само-любецъ φίλ-αυτος, славо-любіе φιλο-δοξία, славо-словить δοξο-λογεῖν, сладко-гласіе ἡδυ-φωνία, смѣхо-твореніе γελωτο-ποιία, сребро-любіе φιλ-αργυρία, и мног. друг. Къ древнимъ же сложнымъ реченіямъ, переведеннымъ съ иностраннаго, относятся грамматическія термины; напр. *мѣстоименіе ἀντωνυμία, предлогъ πρόθεσις, нарѣчіе ἐπίρρημα.*

Примѣч. 3. Встрѣчающееся въ О. Е. сложное въ дат. падежѣ двойств. числа: **братъ-сестрома** (т. е. брату и сестрѣ), предполагаетъ форму ед. числа въ имен. падежѣ **братъ-сестръ**, двойств. числа имен. падежъ **братъ-сестра**. Это сложное слово, отличающееся своимъ особеннымъ составомъ отъ переведенныхъ съ греческаго, должно быть причислено къ реченіямъ, независимо отъ иностраннаго вліянія, образовавшимся въ языкѣ славянскомъ.

3. Въ древнерусскомъ языкѣ, рядомъ съ упомянутыми переводными словами, употребляются и чисто русскія сложныя, какъ нарицательныя, такъ и собственныя имена.

Примѣч. 4. Напр. въ лѣтописяхъ, собственныя имена: въ Ипат. сп. *Держи-славъ* 163, *Толи-гиевичъ* 168, *Моли-божичъ* 179, *Зави-хвостъ* 181, «Данило посла Костятина, рекомаго *Положи-шила*» 194; въ Псковск. *Бай-борода* 42, «Ѳедоръ *Умойся-грязью*» 217, *Умыл-бородинъ* 266, и проч. Нарицательныя имена въ Словѣ о полку Игор. «в моемъ теремѣ *златоврьсьмь*» «на своемъ *златокованномъ* столѣ» и проч. Въ Древн. рус. стих. «столы *бѣлодубовы*», «оружье *долгомѣрное*» «терема *златоверховаты*» «пески *рудожолтые*», и мн. др.

4. Въ просторѣчіи употребляется много словъ чисто русскаго сложенія. Нѣкоторыя стали общимъ достояніемъ языка; напр. *душе-грѣйка, зло-дѣй, красно-бай, людо-ѣдъ, ноч-легъ, руко-дѣлье, чело-битье*; другія извѣстны только въ областныхъ говорахъ.

Примѣч. 5. Напр. областныя сложныя слова: *водо-по́ймянъ* поемное мѣсто, *ледо-пла́въ* вскрытіе рѣки, *листо-па́дъ* мѣсяцъ Октябрь, *лихо-ма́нка* лихорадка, *рѣко-ста́въ* замерзаніе рѣки, *солнo-всходъ* востокъ, *солнo-сядъ* западъ, *сѣно-зо́рникъ* мѣсяцъ Іюль, *сѣно-ста́въ* время уборки сѣна, *худо-у́мный* помѣшанный, упрямый, и мн. др.

Примѣч. 6. Нѣкоторыя сложныя слова принадлежатъ къ остаткамъ глубокой древности. Таковы напр. *бер-лога*, *было-брысый*, *дур-манъ* (названіе растенія), *мед-в-пдь*, *хоро-водъ*.

Въ нарѣчіяхъ особенно много словъ древнѣйшаго сложенія; напр. *стрем-главъ* (въ Супр. рук. **стрѣмо-главь** 170), пс. **оун-кисть** (т. е. очевидно), **се-кратъ** (теперь, недавно), и мн. друг. (§§ 71 и 72).—Иногда слово осложняется неорганически; напр. *ни-на-есть*, вм. *ни-будь*, употреблявшееся и въ книжномъ языкѣ XVIII в. «что *ни-на-есть*» «какой *ни-на-есть*» (напр. въ Трутн. «для какой *ни-на-есть* бездѣлицы» I, 69).

5. Современный образованный языкъ способенъ принимать въ свой составъ новѣйшія сложныя слова, каковы напр. *паро-возъ*, *паро-ходъ*.

Примѣч. 7. Жуковскій болѣе другихъ новѣйшихъ писателей старался вводить въ книжную рѣчь искусственно составленныя сложныя слова. Напр. въ переводѣ Одиссеи: «на островѣ *волно-объятомъ*» 1, 49; «*длинно-огромныхъ* столбовъ» 1, 53; «(быковъ) *медленно-ходныхъ*» 1, 90; «съ *мѣдно-острымъ* копьемъ» 1, 102; «*весло-любивыхъ* Тафійцевъ» 1, 177; «тюлени *хвосто-ногіе*» IV, 404; «*широко-шумящее* море» IV, 510; «въ Элиду *широко-полянную*» IV, 635; «въ *широко-полянной* землѣ Иперейской» VI, 4; «въ *крѣпко-ременныя* петли» IV, 782; «бездны *безплодно-соленой*» V, 53; «съ зыби *широко-туманной*» V, 56; «*горо-огромную* (землю)» V, 367; «*рыбо-обильнымъ* моремъ» V, 419; «на *быстро-колесной* (колесницѣ)» VI, 75; «*широко-вершинныхъ* (деревъ)» VII, 114; «въ *звонко-пространныхъ* сѣняхъ» VII, 345; «*остро-клычистыхъ* свиней» VIII, 60; «въ *мѣдно-стѣнныхъ* палатахъ» VIII, 321; «къ облакамъ *темно-свѣтлымъ*» VIII, 374; «въ *солнечно-свѣтлой* Итакѣ» IX, 21; «*черно-остраго* носа» (у судна) IX, 483; «*дву-острый* мой мечъ» (т. е. обоюду-острый) X, 262; «океанъ *водо-вратный*» X, 511; «въ Іолхосѣ *тучно-полянистомъ*» XI, 257; «(землею) *жизно-дарною*» XI, 301; «*мягко-широкій* коверъ» XIII, 73; «супругъ *громо-огненный* Иры» XV, 112; «*тонко-широкую* ткань» XIX, 140; «посреди *вино-цвѣтнаго* моря» XIX, 172; въ *много-тѣнную* рощу» XX, 277; «*мягко-одутлой* рукою» (говорится о Пенелопѣ) XXI, 6, и мног. друг. Въ составленіи такихъ искусственныхъ словъ Жуковскій слѣдовалъ Гнѣдичу, который въ своемъ переводѣ Иліады употребляетъ, напр., слѣдующія сложныя: въ 1-ой пѣсни: «*пышно-поножные* мужи Ахейцы» 17; «богъ *сребро-лукій*» 37; «*пространно-властительный* царь Атамемнонъ» 101; «*румяно-ла-*

китую дѣву» 143; «къ *мѣдно-зданному* Зевсову дому» 426; «скорбь о *красно-опоясанной* дѣвѣ» 429; «въ *глубо-донную* пристань» 432.

6. Изъ историческаго обозрѣнія сложныхъ словъ оказывается: 1) что русскія сложныя формы бываютъ какъ собственнаго, такъ и несобственнаго сложенія; переведенныя же съ греческаго и вновь вводимыя преимущественно пользуются собственнымъ сложеніемъ; и 2) что въ современномъ книжномъ языкѣ болѣе употребляются церковнославянскія сложныя реченія, переведенныя съ греческаго, и реченія, составленныя по образцу ихъ въ позднѣйшія времена.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ИЗМѢНЕНІЕ СЛОВЪ.

Общія понятія.

§ 82. Перемѣны въ окончаніяхъ глаголовъ, именъ и мѣстоименій называются измѣненіемъ словъ, или флексіями (§ 41). Глаголы спрягаются, то есть, измѣняютъ окончанія по наклоненіямъ, временамъ, числамъ, лицамъ и родамъ; имена и мѣстоименія склоняются, то есть измѣняютъ окончанія по числамъ и падежамъ, а нѣкоторыя и по родамъ.

Въ исторіи флексій церковнославянскаго и русскаго языковъ должно отличать три періода:

1. Къ древнѣйшему періоду принадлежатъ спряженія и склоненія, извѣстныя подъ именемъ неправильныхъ. Такими флексіями пользуются древнѣйшія въ языкѣ слова, именно: а) нѣсколько глаголовъ, наиболѣе употребительныхъ въ рѣчи: **ѥсмь** (**бꙑти**), **дамь** (*дамъ*), **кмь** (*пмъ*), **вѣмь** (знаю), **имамь** (имѣю) и нѣк. друг., и б) мѣстоименія личныя: **азъ** (*я*), **ты, онъ**, возвратное **сѧ** (*себя*) и нѣк. друг.—Измѣненія этихъ словъ, какъ и всѣхъ прочихъ, основываются на законахъ языка; именуются же они неправильными и только потому, что, будучи остатками древнѣйшихъ флексій, не подходятъ подъ тѣ правила, которыми пользуется въ спряженіи и склоненіи бо́льшая часть словъ.

Нѣкоторыя слова, измѣняющіяся по древнѣйшимъ флексіямъ, заимствуютъ для своихъ склоненій и спряженій формы отъ различныхъ корней; напр. *я, меня, насъ*; *ты, вы*; *есмь, быть, буду*.

Слова, заимствующія для своихъ флексій корни другихъ словъ, именуются **недостаточными**. Такія слова могутъ быть не только съ неправильными флексіями, но и съ правильными; напр. *пх-ать пд-у*.

Примѣч. Законы, которымъ подчинены наши, такъ называемыя, неправильныя спряженія и склоненія, общи всѣмъ языкамъ, родственнымъ славянскому. Потому эти флексіи и принадлежатъ къ древнѣйшимъ остаткамъ языка. Смотр. Прилож. къ §§-мъ 57, 62, 84 и 85-му.

2. Ко второму періоду принадлежатъ богатыя и разнообразныя флексіи церковнославянскихъ склоненій и особенно спряженій.

3. Къ третьему періоду относятся флексіи языка русскаго, который относительно склоненій, и особенно спряженій, значительно бѣднѣе церковнославянскаго.

§ 83. Недостатокъ флексій восполняется въ языкѣ **описательными** формами, то есть, синтаксическимъ сочетаніемъ словъ, выражающимъ то, что̀ слѣдовало бы обозначить флексіею. Напр. въ русскомъ языкѣ падежи обозначаются окончаніями: *земл-я, земл-и, земл-ь*; во французскомъ же синтаксическимъ сочетаніемъ существительныхъ съ предлогами и членами: *de la, à la, du, au*.

Замѣна флексій описательными формами оказалась уже и въ церковнославянскомъ языкѣ, который, выражаетъ синтаксическимъ сочетаніемъ словъ, напр., страдательный залогъ: **писано есть**, будущее время: **глаголати имамь** (имѣю сказать или скажу) и нѣкоторыя другія формы глагола.

По мѣрѣ того, какъ языкъ болѣе и болѣе терялъ флексіи, оказывалась потребность замѣнять оныя описательными выраженіями. Такъ, русскій языкъ, утративъ двойств. число, сталъ обозначать его числительными: *два, оба*; утративъ окончанія прошедшаго времени, сталъ выражать оное прошедшимъ причастіемъ, и проч.

Третій періодъ флексій, къ которому относится русскій языкъ, бѣденъ окончаніями, и потому изобилуетъ формами описательными.

И описательныя формы съ теченіемъ времени искажаются и утрачиваются въ языкѣ, какъ и флексіи. Многія изъ такихъ формъ, опредѣлительныя и ясныя въ древнѣйшемъ церковнославянскомъ язы-

кѣ, дошли до нашихъ временъ отрывочными остатками. Напр. наше прошедшее время: *далъ, дала, дали* и проч., есть остатокъ древнѣйшей описательной формы: далъ есмь, дала есть, дали есте и проч. Нашъ союзъ *бы*, при глаголахъ прош. времени, есть остатокъ прошедшаго описательнаго условнаго; напр. далъ быхъ, далъ бы и проч. (§§ 77 и 88).

Такимъ образомъ въ третьемъ періодѣ, съ утратою флексій, языкъ нашъ претерпѣлъ значительную перемѣну и въ древнѣйшихъ описательныхъ выраженіяхъ, ясно обозначившуюся искаженіемъ и сокращеніемъ оныхъ.

Примѣч. Описательныя выраженія составляютъ предметъ не Этимологіи, а Синтаксиса: почему и не войдутъ въ составъ спряженій и склоненій, измѣняющихъ слово по окончаніямъ, а присовокупятся къ флексіямъ въ видѣ дополненій.

1. Спряженія.

§ 84. Въ спряженіи измѣняется глаголъ по наклоненіямъ, временамъ, числамъ, лицамъ, и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по родамъ.

Въ основу спряженій берется или 1) чистый корень глагола, напр. *да-, пек-*: да-ти, пешти, пещи (т. е. *пек-ти*), да-ж, пек-ж, или 2) корень въ соединеніи съ примѣтою глагольною (§ 50); напр. корень *хвал-*, съ примѣтою *и*, образуетъ форму *хвал-и-*, откуда съ окончаніями -ти, -хъ: неопр. наклоненіе хвал-и-ти, прош. время хвал-и-хъ. Форма, принимаемая въ основу спряженія, называется основою, или темою глагола; напр. *да-, пек-, хвал-и-*.

Объ образованіи наклоненій, временъ, чиселъ, родовъ и лицъ въ церковнославянскихъ и русскихъ глаголахъ должно замѣтить слѣдующее.

1. Наклоненія. Въ церковнославянскомъ языкѣ, равно какъ и въ русскомъ, флексіями отличаются только два наклоненія: изъяви-

тельное и повелительное (сверхъ неопредѣленнаго, принадлежащаго къ образованію, а не къ измѣненію словъ, § 56).

Церковнославянское повелительное наклоненіе отличается отъ русскаго употребленіемъ двухъ примѣтъ: и и ѣ. Звукъ ѣ употребляется послѣ согласныхъ, во множ. и двойственномъ числахъ 1-го спряженія; напр. множ. число **вънемл-ѣ-те, призов-ѣ-те**; двойств. **ид-ѣ-та, привед-ѣ-та**. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ употребляется и; напр. **вѣроу-и, вѣроу-и-те; покаж-и, помоз-и, слыш-и слыш-и-те, благослов-и благослов-и-те**.

Примѣч. 1. Первоначальный звукъ повелительнаго наклоненія есть *и*, который потомъ, по законамъ усиленія или подъема гласныхъ (§ 30), переходитъ въ *ѣ*. Потому въ глаголахъ 1-го спряженія, въ избѣжаніе сочетанія *ѣ* съ шипящими, или остается *и*; напр. **плач-и-теса**; или *ѣ*, по закону сочетанія съ шипящими (§ 37, примѣч. 2), переходитъ въ *а*; напр. **ищ-а-те**.

Русскій языкъ удержалъ для повелительнаго наклоненія только примѣту *и* (напр. *говор-и, говор-и-те*), употребляемую во всѣхъ трехъ лицахъ; напр. *скажи я, скажи ты, скажи онъ*.

Эта примѣта удерживается удареніемъ; напр. *нес-и, нес-и-те*. Если же теряетъ оное, то измѣняется послѣ гласныхъ въ *й*, послѣ согласныхъ въ *ь* (§ 27); напр. *чита́-й чита́-й-те, бро́с-ь бро́с-ь-те*. Только послѣ стеченія согласныхъ, *и*, для благозвучія, не переходитъ въ *ь*; напр. *со́хн-и, огло́хн-и* (вм. *со́хн-ь, огло́хн-ь*).

Примѣч. 2. Отъ глагола *лягу*, повелительное наклоненіе оканчивается на *ъ* вм. *ь*: *ляг-ъ, ляг-те*.

Примѣч. 3. Повелительныя отъ глаголовъ *могу, хочу, захочу*, выходятъ изъ общаго употребленія, хотя и встрѣчаются въ старинномъ и народномъ языкѣ и у образцовыхъ писателей; напр. въ Дух. стих. «*моги*, мой родимый, душѣ пособить» 10, 134; у Крыл. «смотри, лишь промотать сихъ денегъ не *моги*» 89; «безсильному не смѣйся, «и слабаго обидѣть не *моги*!» 495; у Гриб. «но *захоти*, такъ былъ бы дѣловой» 58.

II. Времена. Русскій языкъ имѣетъ флексіи только для одного времени, именно для настоящаго, употребляемаго и въ смыслѣ будущаго, по различію видовъ глагола (§ 89). Церковнославянскій

же, сверхъ того, имѣетъ два времени прошедшихъ, преимущественно отличающихся признакомъ *х*, съ смягченіемъ онаго, по законамъ звуковъ, въ *с* и *ш* (§ 37, примѣч. 6). Эти прошедшія суть:

1. Собственно такъ называемое прошедшее или прошедшее совершенное, оканчивающееся въ 1-мъ лицѣ ед. числа на **-хъ**; напр. **посъла-хъ** (я послалъ), **кидѣ-хъ** (я видѣлъ); 1-е лицо мн. числа **посъла-х-омъ, кидѣ-х-омъ**; 2-е лицо множ. числа **посъла-с-те, кидѣ-с-те**, 3-е лицо мн. числа **посъла-ш-а, кидѣ-ш-а**, и проч. Для 2-го и 3-го лицъ ед. числа признакъ прошедшаго времени *х* отметается: **посъла, кидѣ**.

Примѣч. 4. Въ образованіи этого времени должно замѣтить слѣдующія особенности:

1) Между признакомъ прошедшаго времени и темою глагола, оканчивающеюся на согласный звукъ, вставляется *о*; напр. **нд-о-хъ, мог-о-хъ, нес-о-хъ, пек-о-хъ**, и проч. Сюда же принадлежатъ глаголы на **-нж**, отметающіе въ прошедшемъ времени этотъ суффиксъ; напр. **къздвиг-нж къздвиг-нж-хъ** и **къздвиг-о-хъ**.

2) При глаголѣ **рек-ж** двѣ формы прошедшаго времени: древнѣйшая **рѣ-хъ** и позднѣйшая **рек-о-хъ**.

3) Глаголы **кн-ти, ы-ти, кла-ти, уа-ти, жн-ти, пи-ти, оумрѣ-ти, прострѣ-ти**, принимаютъ въ 3-мъ лицѣ ед. числа признакъ этого лица **-тъ**: **кн-тъ** (**поки-тъ**), **ы-тъ, здуа-тъ, жи-тъ, пѣ-тъ, оумрѣ-тъ** (и **оумрѣ**) и проч., вмѣсто: **поки, ы, здуа, жи**, и проч.

Примѣч. 5. Это прошедшее время иначе именуется аористомъ. Сверхъ выше предложенной формы его, были еще двѣ другія, древнѣйшія, которыя сохранились въ немногихъ остаткахъ. 1) Одна имѣла признакомъ звукъ с вм. *х*; напр. 1-е лицо ед. числа **прия-съ**, 1-е лицо множ. числа **прия-с-омъ**, 3-е лицо множ. числа **прия-с-а**, вм. **прия-хъ, прия-х-омъ, прия-ш-а** (т. е. принялъ, и проч.). 2) Другая форма, которою пользовались темы глаголовъ, оканчивающіяся на согласный звукъ, вовсе отбрасывала признакъ прошедшаго времени *х* (или *с*); напр. **мог-ж, тек-ж**; 1 л. ед. ч. **мог-ъ, тек-ъ**; 1 л. мн. ч. **мог-омъ, тек-омъ**; 3 л. мн. ч. **мог-ж, тек-ж**. — Должно замѣтить, что прошедшее на *с* (напр. **принсъ** и др.) встрѣчается только въ древнѣйшихъ глаголитскихъ памятникахъ, или же въ списанныхъ съ нихъ въ послѣдствіи.

2. Преходящее время, въ древнѣйшихъ памятникахъ, между

признакомъ прошедшаго времени *х* и темою глагола имѣетъ вставные звуки: аа, ꙗа, ѣа, и потому оканчивается въ 1-мъ л. ед. числа на -аахъ, -ꙗахъ, -ѣахъ; напр. маꙁ-аа-хъ, любл-ꙗа-хъ, жив-ѣа-хъ (т. е. я мазалъ, любилъ, жилъ). Прочія лица измѣняются такъ же, какъ и въ прошедшемъ, за исключеніемъ: 1) 2-го и 3-го лицъ ед. числа, которыя, удерживая звукъ *х*, смягчаютъ его въ *ш*, передъ *е*, и такимъ образомъ оканчиваются на *-ше*; напр. маꙁ-аа-ше, любл-ꙗа-ше, жив-ѣа-ше; и 2) 3-го лица множ. числа, оканчивающагося на -хѫ; напр. маꙁ-аа-хѫ.

Позднѣйшій церковнославянскій языкъ удвоенные гласные звуки аа, ꙗа, ѣа, сократилъ въ а, ꙗ, ѣ; напр. 2 и 3 л. ед. числа маꙁ-а-ше, любл-ꙗ-ше. Эти сокращенныя формы господствуютъ уже въ письменности XII в.; такъ напр. постоянно употребляются онѣ въ Галицк. Ев. 1144 г.

Примѣч. 6. Къ окончаніямъ 3-го лица ед. и мн. чиселъ иногда присовокуплялся указатель 3-го лица *-ть*; напр. въ древнерусскихъ лѣтописяхъ: *глаголаше-ть, творяше-ть, творяху-ть*, вм. *глаголаше, творяше, творяху*; въ Слов. о полк. Игор. *растяше-ть, погибаше-ть*, вм. *растяше, погибаше*, и пр. Такія формы, весьма употребительныя въ древнерусской письменности, восходятъ къ XI в. Въ О. Е. встрѣчаемъ моуждаше-ть вм. моуждаше (медлилъ, коснѣлъ). Въ Галицк. Ев. 1144 г. слоужахоуть, молахоуть, вм. Остромировыхъ: слоужаахѫ, молꙗахѫ, Мѳ. 4, 11. 8, 31.

Примѣч. 7. Сверхъ вспомогательнаго глагола бѫдѫ, въ церковнославянскомъ языкѣ сохранилось нѣсколько древнѣйшихъ формъ будущаго времени съ признакомъ *с* (или *ш*); каковы напр. иꙁ-ми-ш-ѫ (пропаду, сгибну, отъ глагола ми-нѫ-ти миновать), о-брь-с-нѫ (обрѣю, отъ глагола о-бри-ти), пла-с-нѫ (запылаю, отъ глагола пла-ти пылать). Причастіе буд. времени вспомогательнаго глагола: бы-ш-ѫшть, предполагаетъ форму буд. времени изъявит. наклоненія: бы-ш-ѫ (отъ глагола бы-ти); точно такъ какъ отъ бѫдѫ употреблялось будущ. причастіе: бѫдъи. Напр. въ сп. Упир. «не бышющи водѣ» (въ испр. «не сѹщей водѣ» Ис. 50. 2); въ Библ. 1499 г. «бѹдыи праведникъ» (въ испр. бѹдѹщїй, Іов. 15, 15),

III. Числа. Спряженія церковнославянскаго языка отличаются отъ русскихъ двойственнымъ числомъ. Оно образуется приложеніемъ мѣстоименныхъ суффиксовъ (§ 58): вѣ (мы двое), та (вы двое и они двое), къ спрягаемому глаголу въ изъявит. и повелит. накло-

неніяхъ, и различается по родамъ: мужескому роду -та соотвѣтствуетъ женскій -тѣ и -тѣ; (въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ языкѣ мужескому -ка соотвѣтствуетъ женскій -кѣ). Для примѣра прилагается здѣсь спряженіе вспомогательнаго глагола въ двойств. числѣ наст. времени изъявит. наклоненія.

1) Въ древнѣйшемъ церковнославянскомъ языкѣ:

1 л. ѥс-кѣ
2 л. ѥс-та
3 л. муж. р. ѥс-та
» » жен. р. ѥс-тѣ и ѥс-тѣ.

2) Въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ языкѣ:

	муж.	жен.
1 л.	ѥс-ва	ѥс-кѣ
2 л.	ѥс-та	ѥс-тѣ
3 л.	ѥс-та	ѥс-тѣ.

Сверхъ того, въ языкѣ нынѣ употребительныхъ Церковныхъ книгъ, встрѣчается введенное въ позднѣйшее время окончаніе 1-го лица двойств. числа -ма вм. -кѣ. Напр. «азъ и отецъ єдино єсма» Ев. отъ Іо. 10, 30; въ Остромировомъ спискѣ, равно какъ и въ другихъ древнѣйшихъ: «азъ и отьць єдино ѥсвѣ.»

IV. Грамматическій родъ обозначается въ спряженіи только въ двойственномъ числѣ (какъ это показано въ предъидущей, III-й статьѣ).

Примѣч. 8. Измѣненіе прошедшаго времени по родамъ, напр. *был-ъ, был-а, был-о*, къ спряженію не относится, потому что составляетъ принадлежность причастія, которое, какъ прилагательное, имѣетъ способность измѣняться по родамъ (§ 55).

V. Лица. Въ спряженіи глаголовъ лица образуются, какъ было уже показано (§ 58), суффиксами личныхъ мѣстоименій.

О лицахъ глагола должно замѣтить слѣдующее.

1. Въ наибольшей полнотѣ они удержались въ настоящемъ (и будущемъ) времени изъявит. наклоненія, какъ въ церковнославянскомъ, такъ и въ русскомъ языкѣ.

2. 2-е лицо ед. числа повелит. наклоненія въ русскомъ

и церковнославянскомъ пользуется только признакомъ наклоненія *и* (*й*, *ь*), не имѣя личнаго суффикса.

3. Прошедшія времена въ церковнославянскомъ языкѣ удерживаютъ личные суффиксы въ двойственномъ и множественномъ числахъ, въ единственномъ же утратили (за исключеніемъ нѣкоторыхъ формъ, показанныхъ выше, каковы напр. **пови-тъ, ꙗ-тъ, творѧше-ть**).

Примѣч. 9. Для ясности предлагается таблица личныхъ окончаній глагола.

	Наст. вр.	Прош. вр.	Повелит. накл.
ед.	1. -м (-мь, -ѫ, -ѭ, -ѹ, -ю)		
	2. -ши (-си)		
	3. -ть (-тъ)		
дв.	1. -вѣ (-ва, -ма)	-вѣ (-ва)	-вѣ (-ва)
	2. -та, -тѣ (-те)	-та, -тѣ (-те)	-та, -тѣ (-те),
	3. -та, -тѣ (-те)	-та, -тѣ (-те)	-та, -тѣ (-те)
мн.	1. -мъ (-мы)	-мъ (-мы)	-мъ
	2. -те	-те	-те
	3. -ѫть, -ѭть, (-ѹтъ, -ютъ); -и (ѧ, ѫ, -а, -ѹ) -ѧть, -ѭть, (-ѧтъ, -ѭтъ).		

Окончаніями 1-го лица ед. числа **-мь** и 2-го лица ед. числа **-си**, отличается древнѣйшее, или неправильное спряженіе отъ позднѣйшаго, или правильнаго, оканчивающагося въ тѣхъ же лицахъ на **-ѫ** или **-ѭ** и **-ши**; напр. **да-мь да-си** и **ꙁок-ѫ ꙁок-е-ши**. Церковнославянская форма **да-си** переходитъ въ русскую *да-шь*.

Позднѣйшій церковнославянскій языкъ измѣнилъ въ исчисленныхъ окончаніяхъ: 1) носовые звуки на чистые: **ѫ** и **ѭ** на **ѹ** и **ю**, а **ѧ** и **ѩ** на **а** или **ꙗ** (§ 28); 2) **ь** на **ъ** въ окончаніяхъ 3-го лица ед. и мн. чиселъ настоящаго вр., то есть **-ть** на **-тъ**, за весьма не многими исключеніями (§ 26); и 3) въ глаголахъ неправильныхъ окончаніе 1-го лица множ. числа наст. (и будущ.) времени **-мъ** на **-мы**; напр. **ѥс-мы, вѣ-мы, да-мы, ꙗ-мы**, вм. древнѣйшихъ: **ѥс-мъ, вѣ-мъ, да-мъ, ꙗ-мъ** (т. е. мы есмы, мы вѣдаемъ, дадимъ, ѣдимъ).

Примѣч. 10. Указатель 3-го лица ед. и мн. чиселъ наст. (и будущ.) времени **-ть** иногда отметается: 1) въ древнѣйшемъ церковнославянскомъ языкѣ; напр. въ Супр. рук. **ꙗвлѩѥ, бѫде, наѵьнѫ**, вм. **ꙗвлѩѥ-ть, бѫде-ть, наѵьнѫ-ть**; въ послѣсловіи О. Е. **напише** вм. **напи-**

ше-ть; но особенно часто въ Изборн. Свят.; напр. бываѥ, бѫдє, хоштє, ѹжѭ, вм. бываѥ-ть, бѫдє-ть, хоштє-ть, ѹжѭ-ть; а также ѥ, иѫ, сѫ вм. ѥсть, нѣсть, сѫть; и въ О. Е. иногда встрѣчается ѥ вм. ѥсть. 2) Въ русскомъ областномъ просторѣчіи (особенно въ рязанскомъ и частію въ новгородскомъ); напр. *везё, берё, ходи, люби, ѣздя, любя,* вм. *везе-тъ, бере-тъ, ходи-тъ, люби-тъ, ѣздя-тъ, любя-тъ,* и пр. Точно также произошелъ союзъ *будё* отъ глагола *буде-тъ*, черезъ усѣченіе личнаго окончанія *-тъ* (§ 77).

Примѣч. 11. Въ формахъ *буд-е-м-те, пойд-е-м-те* и проч., соединяются два личные указателя мн. числа: 1-го л. *-мъ* и 2-го л. *-те*. Сюда же принадлежитъ *благодарст вуй-те*, вм. *благодарствуем-те.*

§ 85. Въ образованіи глагола должно отличать тему, или основу, настоящаго (и будущаго) времени отъ темы неопредѣленнаго наклоненія; напр. отъ корня *бр-* тема настоящаго времени *бер-*, откуда съ присовокупленіемъ личныхъ окончаній: *бер-у, бер-е-шь* и проч.; тема же неопредѣленнаго наклоненія *бр-а-*, откуда, съ присовокупленіемъ окончанія *-ть*, неопредѣленное наклоненіе *бр-а-ть.*

Иногда тема настоящаго времени совпадаетъ какъ съ темою неопред. наклоненія, такъ и съ самымъ корнемъ глагола; напр. *цвѣт- цвѣт-у цвѣс-ть* (т. е. *цвѣт-ть*); иногда же, совпадая съ темою неопредѣленнаго наклоненія, отличается отъ корня; напр. корень *дѣл-*, тема *дѣла-*, откуда *дѣла-ю* и *дѣла-ть*; корень *люб-*, тема *люби-* (или *любь-, любль-*), откуда: *любл-ю люби-шь люби-ть.*

Дѣленіе церковнославянскихъ и русскихъ глаголовъ основывается на присоединеніи личныхъ окончаній къ темѣ настоящаго (и будущаго) времени. А именно: личныя окончанія присоединяются къ темѣ или непосредственно; напр. да-мь да-си дас-ть, ѥс-мь ѥ-си ѥс-ть, *люби-шь люби-тъ, пои-шь пои-тъ пои-мъ,* и проч.; или посредствомъ звука *е*; напр. *бер-у бер-е-шь бер-е-мъ.*—По первому способу спрягаются: 1) глаголы древнѣйшаго образованія, или неправильные: ѥс-мь, вѣ-мь, да-мь (*дамъ*), ıа-мь (*ѣмъ*), имѫ-мь (при неопредѣленномъ имѣ-ти); и 2) глаголы съ темою настоящаго времени на *-и* (или *-ь*); напр. *пои-шь, люби-тъ, слыши-мъ,* и проч.—По второму способу спрягаются всѣ прочіе глаголы.

Правильные глаголы раздѣляются на два спряженія. Первое присовокупляетъ личныя окончанія къ темѣ настоящаго времени помощію звука *е*; тогда въ 3-мъ лицѣ множ. числа оказывается *у* или *ю*, въ церковнославянскомъ ѫ или ѭ; напр. *бер-у бер-е-шь бер-у-тъ, чита-ю чита-е-шь чита-ю-тъ*, въ церковнославянскомъ: бер-ѫ бер-е-ши бер-ѫ-ть, чита-ѭ чита-е-ши чита-ѭ-ть. Второе спряженіе присовокупляетъ личныя окончанія непосредственно къ темѣ настоящаго времени, оканчивающейся на *-и* (или *-ь*); тогда въ 3-мъ лицѣ множ. числа оказывается *а* или *я*, въ церковнославянскомъ ѧ или ѩ; напр. *слыш-у слыши-шь слыш-а-тъ, хвал-ю хвали-шь хвал-я-тъ*; въ церковнославянскомъ: слыш-ѫ слыши-ши слыш-ѧ-ть, хвал-ѭ хвали-ши хвал-ѩ-ть.

Примѣч. 1. Слѣдовало бы измѣнить порядокъ въ спряженіяхъ, постановивъ второе, какъ ближайшее къ измѣненіямъ глаголовъ неправильныхъ, на первомъ мѣстѣ, а первое спряженіе уже на второмъ; но здѣсь принятъ прежній порядокъ въ уваженіе общепринятому ученію.

Кромѣ *е*, могъ соединять личное окончаніе съ темою настоящаго времени звукъ *а*, какъ это видно изъ глагола древнѣйшаго или неправильнаго: има-а-мь (имѣю), има-а-ши, има-а-те и т. д. Эти формы сократились въ позднѣйшія, употребляемыя въ церковныхъ книгахъ: има-мъ, има-ши и проч.

Примѣч. 2. Равнымъ образомъ, вмѣсто формъ быва-ѥ-ть, повелѣва-ѥ-ть, въ древнихъ церковнославянскихъ памятникахъ встрѣчаются: быва-а-ть, повелѣва-а-ть.—Уже въ О. Е. иногда употребляется имамъ вм. има-а-мь.

Примѣч. 3. Соединительный гласный звукъ *е* отметается какъ въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ; напр. дѣла-ть вм. дѣла-ѥ-ть (дѣлаетъ); такъ и въ русскомъ областномъ просторѣчіи; напр. *зна-шь, зна-тъ, гуля-мъ*, вм. *зна-е-шь, зна-е-тъ, гуля-е-мъ*, и проч.

Примѣч. 4. Въ нашихъ спряженіяхъ важнѣйшее затрудненіе для иностранцевъ состоитъ въ опредѣленіи отношенія между настоящимъ временемъ и неопредѣленнымъ наклоненіемъ; потому что и та и другая форма иногда пользуются разными темами глагола, иногда одною, общею обѣимъ.

На отношеніи неопредѣленнаго наклоненія къ настоящему времени основывается подраздѣленіе спряженій на различія.

I. Въ 1-мъ спряженіи должно замѣтить слѣдующія три различія.

1. Окончанія *-ть* (*-ти*) и *-ешь* (*-еши*) и проч., приставляются къ общей темѣ:

1) Послѣ согласныхъ: а) послѣ зубныхъ; напр. *нес- нес-ти нес-у нес-ешь, плет- плес-ти* (вм. *плет-ти*) *плет-у плет-ешь; чьт-* **чьс-ти** и **чис-ти** (достиг. накл. **чис-тъ**), **чьт-ѫ**; б) послѣ губныхъ; напр. *жив- жи-ти* (вм. *жив-ти*) *жив-у жив-ешь*; в) послѣ гортанныхъ; напр. *пек- печь* **пєшти пєщи** (вм. *пек-ти*) *пек-у печ-ешь*; г) послѣ плавныхъ *н* и *м*, содержащихся въ звукѣ *ѫ*; напр. цс. **жѧ-ти** (т. е. *жьн-ти* или *жьм-ти*), *жа-ть жн-у жн-ешь* и *жм-у жм-ешь* (цс. **жьн-ѫ, жьм-ѫ**); **ѧ-ти** *ем-л-ю*. Сюда же относится **клѧ-ти**, *клян-у клян-ешь* (въ цс. **кльн-ѫ кльн-єши**). Наше неопредѣленное *кляс-ть* происходитъ отъ темы *клят-*.

2) Послѣ гласныхъ: *о, я, и, ѣ, у, ы*; напр. *зна-ть зна-ю зна-ешь, дѣла-ть дѣла-ю дѣла-ешь, мѣня-ть мѣня-ю мѣня-ешь, би-ть*, цс. **би-ѭ би-ѥши**, наше *бь-ю бь-ешь, грѣ-ть грѣ-ю грѣ-ешь, ду-ть ду-ю ду-ешь, мы-ть*, цс. **мы-ѭ**, наше *мо-ю мо-ешь*.

Сюда же относятся: а) *пѣ-ть по-ю по-ешь*, съ измѣненіемъ *ѣ* на *о*; б) *бри-ть брѣ-ю*, съ измѣненіемъ *и* на *ѣ*; в) *слы-ть, плы-ть* (цс. **слоу-ти, плоу-ти**), *слы-в-у слы-в-ешь, плы-в-у плы-в-ешь*, со вставкою *в*, вм. древнѣйшихъ: **слов-ѫ, плов-ѫ**, въ которыхъ слогъ *ов* соотвѣтствуетъ звукамъ *ы* или *у* неопредѣленнаго наклоненія: *слы-ть*, цс. **слоу-ти** (§§ 25 и 30).

1-е различіе объемлетъ глаголы по преимуществу первообразные.

2. Окончаніе *-ть* принимаетъ передъ собою гласные звуки *а* или *я* (въ церковнославянскомъ *ѣ*), и въ немногихъ глаголахъ *о*, отметаемые въ настоящемъ времени; напр. *рв-а-ть рв-у рв-ешь, ор-а-ть ор-ю ор-ешь, сѣ-я-ть сѣ-ю сѣ-ешь, (на)дѣ-я-ться (на)дѣ-юсь, (на) дѣ-ешься, пис-а-ть пиш-у пиш-ешь, плак-а-ть плач-у плач-ешь.*

Сюда же относятся: а) *бр-а-ть бер-у бер-ешь, стл-а-ть стел-ю стел-ешь, зв-а-ть зов-у зов-ешь*, со вставкою *е* или *о* въ настоящемъ времени; б) *да-в-а-ть, (у)зна-в-а-ть, (в)ста-в-а-ть*, со вставнымъ придыханіемъ *в* (§ 32), вмѣсто: *да-а-ть, узна-а-ть, вста-а-ть*; откуда настоящее время: *да-ю, узна-ю, вста-ю*.

Къ этому же отдѣлу принадлежатъ глаголы, измѣнившіе въ неопредѣленномъ наклоненіи звуки **ра, ла** и **лѣ** на *оро* и *оло* (§ 29), передъ *-ть*: цс. **бр-а-ти, (ꙁа)кл-а-ти, пр-а-ти, мл-ѣ-ти, пл-ѣ-ти**; у насъ: *бор-о-ть, кол-о-ть, пор-о-ть, мол-о-ть, пол-о-ть: бор-ю, кол-ю, пор-ю, мел-ю* (съ измѣненіемъ *о* на *е*), *пол-ю; бор-ешь, кол-ешь*, и проч.

Если между *-а-ть* и корнемъ глагола стоитъ *-ов-* или *-ев-*, то

въ настоящемъ времени эти послѣдніе звуки, для благозвучія, переходятъ въ *у* или *ю* (§ 30); напр. *совѣт-ов-а-ть совѣт-у-ю совѣт-у-ешь, дн-ев-а-ть дн-ю-ю дн-ю-ешь*; цс. **обѣд-ов-а-ти** (*обѣда-ть*) **обѣд-оу-ѭ**.

3. Окончаніе *-ть* присовокупляется къ вставкѣ *-ну-* (цс. **-нж-**), которая въ настоящемъ времени сокращается въ *н*; напр. *зяб-ну-ть зяб-н-у зяб-н-ешь, лип-ну-ть лип-н-у лип-н-ешь*, **двиг-нж-ти двиг-н-ѫ двиг-и-еши**.

Глаголы, въ историческомъ своемъ развитіи смѣшавшіе различія, суть слѣдующіе:

1) Глаголы *мер-е-ть, пер-е-ть, (про)стер-е-ть, тер-е-ть*, въ церковнославянскомъ: **мр-ѣ-ти, (про)стр-ѣ-ти, тр-ѣ-ти**: *мр-у, пр-у (про)стр-у, тр-у*, — по вставкѣ звуковъ *е* и *ъ* (передъ окончаніемъ *-ть*, **-ти**), выпускаемыхъ въ настоящемъ времени, принадлежатъ ко 2-му различію, вмѣстѣ съ глаголами: *бр-а-ть бер-у, бор-о-ть борю* и проч.; по прошедшему же времени: *теръ терла*, (*про*)*стеръ, умеръ* (въ церковнославянскомъ **оумьрлъ**) — къ 1-му различію, вмѣстѣ съ глаголами: *нес-у несъ несли, пек-у пекъ пекли* и др.

2) Глаголы, въ настоящемъ времени удерживающіе, по 3-му различію, звукъ *н*: *дѣ-н-у дѣ-н-ешь, ста-н-у ста-н-ешь, сты-н-у сты-н-ешь*; при неопредѣленномъ наклоненіи 1-го различія: *дѣ-ть, ста-ть, сты-ть*.

3) Нѣкоторые глаголы изъ первообразныхъ перешли въ производные. Напр. *влад- влас-ти* **влад-ѫ**, а у насъ со вставнымъ *ъ*: *влад-ъ-ть влад-ъ-ю*; точно такъ же при древнѣйшей формѣ изъявит. наклоненія къ-мъ позднѣйшая неопредѣленнаго наклоненія: **вѣд-ѣ-ти**. Сюда относятся нѣкоторыя глаголы, перешедшіе изъ 1-го различія во 2-е. Напр. цс. **чоу-ти** и наше *чу-я-ть*, старин. и областн. *ча-ти, ча-ть* и общеупотреб. *ча-я-ть*.

II. 2-е спряженіе на различія не подраздѣляется. Оно объемлетъ глаголы, присовокупляющіе окончаніе *-ти* къ темѣ настоящаго времени, оканчивающейся на *и*. При этомъ оказывается два случая: 1) или звукъ *и* остается неизмѣняемымъ; напр. *пои-ть пои-шь, люби-ть люби-шь*; или 2) переходитъ въ *ѣ* (и въ соотвѣтствующіе ему *а* и *я*); напр. *смотрь-ть* (древнерус. *смотри-ть*) *смотри-шь, слыша-ть* (вм. *слышѣ-ть*, § 25) *слыши-шь, стоя-ть стои-шь* (въ отличіе отъ формы: *стои-ть стои-шь*).

Замѣчательную неправильность представляетъ въ русскомъ языкѣ глаголъ *гн-а-ть*, по неопредѣленному наклоненію относящійся ко

2-му различію 1-го спряженія, а по настоящему времени изъяв. наклоненія—къ 2-му спряженію: *гон-ю гони-шь*, отъ формы **гони-ти**. Въ церковнославянскомъ онъ спрягается правильно, по 2-му различію 1-го спряженія: **гн-а-ти жен-ѫ жен-е-шн** (съ измѣненіемъ *г* на *ж*).

Въ русскомъ равно употребительны формы 2-го спряженія: *гуди-шь гуди-тъ гуд-ятъ*, и 1-го: *гуд-ё-шь гуд-ё-тъ гуд-утъ*. Первыя принадлежатъ глаголу *гудѣ-ть*, а вторыя старинному *гус-ти*, цс. **гѫс-ти**, отъ корня **гѫд-**, откуда **гѫс-ли, гѫдь-ба**.

Смѣненіе носовыхъ **а** и **ѫ** съ **ѫ** и **ѭ**, а вмѣстѣ съ тѣмъ 2-го спряженія съ 1-мъ, оказалось уже въ древнемъ церковнославянскомъ языкѣ, особенно въ причастіи наст. вр. дѣйств. залога. Напр. **лѣжѫштен, горѫшта**, вм. **лѣжаштен, горыштa**; отъ глагола **крѣти** (кипѣть): древнѣйш. **крѫшта** и позднѣйш. **крящ**. Такое же смѣшеніе оказалось у насъ въ формахъ: *горящій, горячій* и *горючій, кипящій кипучій, шипящій* и *шипучій*, и др.

Примѣч. 5. Такъ какъ *у* и *ю*, въ 1-мъ лицѣ ед. числа (*зов-у, съ-ю* и проч.) суть видоизмѣненіе одного и того же звука, то имя нельзя отличать ни спряженій, ни ихъ различій.

Для того, чтобы опредѣлить спряженіе и различіе какого либо глагола, нужно знать его настоящее время и неопредѣленное наклоненіе.

§ 86. Однѣ формы глагола происходятъ отъ темы настоящаго (или будущаго) времени, другія отъ темы неопредѣленнаго наклоненія.

Отъ темы настоящаго времени:

1) Повелительное наклоненіе; напр. *зов-у зов-и* (§ 84).

2) Причастія настоящаго времени дѣйств. и страд. залоговъ; напр. *зов-ущій, зов-омый, терп-ящій терпи-мый* (§ 55).

2. Отъ темы неопредѣленнаго наклоненія.

1) Причастія прош. вр. дѣйствительнаго залога на *-лъ*: а) послѣ гласныхъ; напр *бы-ть бы-лъ, зва-ть зва-лъ*; б) послѣ зубныхъ; напр. *вес-ти* (вм. *вед-ти*) *ве-лъ* (вм. *вед-лъ*), *цѣпс-ти* (вм. *цѣпт-ти*) *цѣп-лъ* (вм. *цѣпт-лъ*); в) послѣ гортанныхъ; напр. *печь* (вм. *пек-ть*) *пекъ* (вм. *пен-лъ*) *пек-ла*, *беречь* (вм. *берег-ть*) *берегъ* (вм. *берег-лъ*) *берег-ла*; г) послѣ губныхъ; напр. *погиб-ну-ть погибъ* (вм. *погиб-лъ*) *погиб-ла*, за выпускомъ слога *ну*; д) послѣ *р*; напр. *тер-еть*, (*у*) *мер-еть, теръ* (вм. *тер-лъ*) *тер-ла*, (*у*)*меръ* (*у*)*мер-ла*.

2) Причастіе прошедш. вр. дѣйствительнаго залога на *-шій*, съ предшествующимъ звукомъ *в*, или безъ него: *бы-ть бы-в-шій*, *зва-ть зва-в-шій*, *цвѣс-ть цвѣт-шій* (§ 55).

3) Причастіе прошедш. вр. страдательнаго залога на *-тъ* или *-нъ*; напр. *би-ть би-тъ*, *чита-ть чита-нъ*, *вель-ть вель-но* (§ 55).

Если прошедш. причастіе на *-нъ* производится не отъ темы неопредѣленнаго наклоненія, а прямо отъ корня глагола; то передъ *н* оказывается вставное *ѣ*; напр. *пльн-и-ть плѣн-е-нъ*, *оцьн-ить оцѣн-е-нъ*, *лиш-ить лиш-е-нъ*, *род-ить рожд-е-нъ*, *смьс-ить смѣш-е-нъ*; въ отличіе отъ формъ, произведенныхъ отъ темы неопредѣленнаго наклоненія: *зе-а-ть зе-а-нъ*, (*за*)*мьш-а-ть* (*за*)*мѣш-а-нъ*, и проч.; въ цс. **род-и-ти рожд-е-нъ**, **блаж-и-ти блаж-е-нъ**, и **ꙁва-ти ꙁва-нъ**. Отъ нѣкоторыхъ глаголовъ причастіе образуется тѣмъ и другимъ способомъ; напр. *терп-ѣ-ть терпѣ-е-нъ* и *терп-ѣ-нъ* (*претерпѣнный*), откуда *терп-ѣ-ніе*, *сид-ѣ-ть* (*про*)*сиж-е-нъ*, *сиж-е-но*, и *сид-ѣ-ньe* (отъ предполагаемаго причастія *сид-ѣ-нъ*). — При этомъ должно отличать прилагательныя отъ причастій: въ причастіи и русскій, и церковнославянскій языкъ пользуются звукомъ *е*, какъ это видно изъ приведенныхъ примѣровъ; въ прилагательномъ же русскому *е* соотвѣтствуетъ церковнослав. **ь**; напр. *вид-е-нъ вид-на*, цс. **вид-ь-нъ кид-ь-на**, въ отличіе отъ причастія **видѣ-нъ** (откуда *видѣ-ніе*). Такимъ образомъ, *бол-е-нъ* (вм. *бол-ь-нъ*), *бол-ь-на*, есть прилагательное отъ глагола **бол-ѣ-ти**, а не причастіе.

Производство дѣепричастій сообразуется съ производствомъ причастій (§ 54).

Примѣч. Церковнославянское прошедшее время изъявительнаго наклоненія производится отъ темы настоящаго времени; напр. **клн-ѫ клн-е-хъ**; прошедшее отъ темы неопредѣленнаго наклоненія: **клѧ-ти клѧ-хъ**.

Прибавленіе къ §§ 85 и 86.

Для общаго обозрѣнія прилагаются здѣсь примѣры церковнославянскихъ спряженій. Для полноты къ нимъ присовокуплены формы неопредѣленнаго наклоненія и причастій.

А. Спряженія древнѣйшія (или, такъ называемыя, неправильныя).

1. Спряженіе глагола ѣсть, дополняемое формами отъ другаго корня: ѣсти, ѣдж.

Неопр. накл. ѣсти.

		Наст. вр.	Повелит. накл.
ед.	1.	ѣмь	
	2.	ѣси	ѣждь
	3.	ѣсть	ѣждь
дв.	1.	ѣвѣ	ѣдѣвѣ
	2.	ѣстѣ	ѣдѣстѣ
	3.	ѣстѣ	ѣдѣстѣ
мн.	1.	ѣмъ	ѣдѣмъ
	2.	ѣсте	ѣдѣсте
	3.	ѣдятъ	

		Прош. вр.	Преход. вр.
ед.	1.	ѣхъ	ѣлъ
	2.	ѣ	ѣлъ
	3.	ѣ	ѣлъ
дв.	1.	ѣхово	ѣлово
	2.	ѣста	ѣлста
	3.	ѣста	ѣлста
мн.	1.	ѣхомъ	ѣломъ
	2.	ѣсте	ѣлсте
	3.	ѣша	ѣлъ

Будущ. вр.

ед.		дв.	мн.
1.	ѣдж	ѣдѣвѣ	ѣдѣмъ
2.	ѣдеши	ѣдѣста	ѣдѣсте
3.	ѣдетъ	ѣдѣста	ѣдѣдятъ

Причастія:

наст. дѣйств. ѣдый

прошедш. дѣйств. 1. ѣвъ прошедш. страд. ѣденъ (*за-ѣденъ*) и ѣтъ (*за-ѣтъ*)

прошедш. дѣйств. 2. ѣвъ

будущ. дѣйств. ѣдый, ѣдущій, откуда ѣдешь или ѣдящь (древнѣйш. ѣшьть).

Въ дополненіе къ спряженію этого глагола должно замѣтить слѣдующее.

1) Вмѣсто **ѥсмь** весьма часто встрѣчается въ старинныхъ памятникахъ русской письменности *есми* (а иногда и *ѣмя*).

2) Вмѣсто **ѥсть** въ О. Е., Изборн. Свят. и въ другихъ памятникахъ встрѣчается просто **ѥ**.

3) Вмѣсто **ѥсмъ** (1 л. мн. числа), въ позднѣйшихъ памятникахъ обыкновенно употребляется **ѥсмы** (въ древнерус. и *есмя*).

4) 2-е и 3-е лица прош. времени чаще употребляются въ формѣ **бысть** вм. **бы**. **Бысть** встрѣчается уже въ О. Е. для 3-го лица.

5) Вмѣсто полныхъ формъ преходящаго времени: **бѣахъ**, **бѣаше** и проч., обыкновенно употребляются краткія, встрѣчающіяся уже въ О. Е. **бѣхъ**, **бѣ** и проч., или же **бяхъ**, **бяше** и проч.

6) Что въ русскомъ разговорномъ языкѣ нѣкогда были въ ходу формы *есмь, еси* и проч., свидѣтельствуетъ до позднѣйшихъ временъ сохранившееся въ видѣ восклицанія выраженіе: *гой еси!* весьма употребительное, напр., въ Древн. рус. стих. Въ **о**бластномъ языкѣ, вм. *гой еси*, встрѣчается иногда и *гой естя* или *гой есте*.

7) Формы: **ѥсмь**, **ѥси**, **ѥсть**, **ѥсмъ**, или позднѣйшее **ѥсмы**, и **ѥсте**, съ отрицательною частицею *не*, образуютъ: **нѣсмь**, **нѣси**, **нѣсть**, **нѣсмъ**, или **нѣсмы**, и **нѣсте**, вм. *неесмь, неесси, неесть* и проч. (§ 25). Наше *нѣтъ* есть сокращенное **нѣсть**.

II. Спряженіе глаголовъ **кѣмь**, **дамь** и **имь**, отъ темъ: *вѣд-, дад-* и *яд-* (§ 38). Тема *дад-* образовалась помощію удвоенія (§ 50).

Неопр. накл. **вѣд-ѣ-ти, да-ти, ѥс-ти.**

Достигат. накл. **вѣд-ѣ-тъ, да-тъ, ѥс-тъ.**

Изъявительное наклоніе.

	Наст. вр.	Будущ. вр.	Наст. вр.
ед. 1.	**вѣ-мь**	**да-мь**	**ѥ-мь**
2.	**вѣ-си**	**да-си**	**ѥ-си**
3.	**вѣс-ть**	**дас-ть**	**ѥс-ть**
дв. 1.	**вѣ-вѣ**	**да-вѣ**	**ѥ-вѣ**
2.	**вѣс-та**	**дас-та**	**ѥс-та**
3.	**вѣс-та**	**дас-та**	**ѥс-та**
мн. 1.	**вѣ-мъ**	**да-мъ**	**ѥ-мъ**
2.	**вѣс-те**	**дас-те**	**ѥс-те**
3.	**вѣд-ѧть**	**дад-ѧть**	**ѧд-ѧть**

Прошедшее время:

ед.	1.	вѣд-ѣ-х-ъ	да-х-ъ	мо-х-ъ
	2.	вѣд-ѣ	дас-ъ	мо-съ
	3.	вѣд-ѣ	дас-ть	мо-ть
дв.	1.	вѣд-ѣ-х-о-вѣ	да-х-о-вѣ	мо-х-о-вѣ
	2.	вѣд-ѣ-с-та	дас-та	мо-та
	3.	вѣд-ѣ-с-та	дас-та	мо-та
мн.	1.	вѣд-ѣ-х-о-мъ	да-х-о-мъ	мо-х-о-мъ
	2.	вѣд-ѣ-с-тѣ	дас-тѣ	мо-тѣ
	3.	вѣд-ѣ-ш-а	дош-а	мо-ш-а

Преходящее время:

ед.	1.	вѣд-ѣа-х-ъ	дад-ѣа-х-ъ	мд-ѣа-х-ъ
	2.	вѣд-ѣа-ш-е	дад-ѣа-ш-е	мд-ѣа-ш-е
	3.	вѣд-ѣа-ш-е	дад-ѣа-ш-е	мд-ѣа-ше
дв.	1.	вѣд-ѣа-х-о-вѣ	дад-ѣа-х-о-вѣ	мд-ѣа-х-о-вѣ
	2.	вѣд-ѣа-с-та	дад-ѣа-с-та	мд-ѣа-с-та
	3.	вѣд-ѣа-с-та	дад-ѣа-с-та	мд-ѣа-с-та
мн.	1.	вѣд-ѣа-х-о-мъ	дад-ѣа-х-о-мъ	мд-ѣа-х-о-мъ
	2.	вѣд-ѣа-с-тѣ	дад-ѣа-с-тѣ	мд-ѣа-с-тѣ
	3.	вѣд-ѣа-х-ж	дад-ѣа-х-ж	мд-ѣа-х-ж

Повелительное наклоненіе:

ед.	2.	вѣжд-ь	дажд-ь	мжд-ь
	3.	вѣжд-ь	дажд-ь	мжд-ь
дв.	1.	вѣд-и-вѣ	дад-и-вѣ	мд-и-вѣ
	2.	вѣд-и-та	дад-и-та	мд-и-та
	3.	вѣд-и-та	дад-и-та	мд-и-та
мн.	1.	вѣд-и-мъ	дад-и-мъ	мд-и-мъ
	2.	вѣд-и-тѣ	дад-и-тѣ	мд-и-тѣ

Причастія:

наст. дѣйств.		вѣд-ы	дад-ы	мд-ы
прош. дѣйств.	1.	вѣд-ѣ-въ	да-въ	мд-ъ

прош. дѣйств. II. **вѣд-ѣ-лъ** **да-лъ** **и-лъ**

наст. страд. **вѣд-о-мъ** **дад-о-мъ** **ид-о-мъ**

прош. страд. **вѣд-ѣ-нъ** **да-нъ** **ид-е-нъ**.

Въ дополненіе къ спряженію этихъ глаголовъ должно замѣтить слѣдующее.

1) Форма настоящаго времени: **да-мь, да-си, дас-ть** и т. д., употребляется въ значеніи будущаго уже въ О. Е. и въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ.

2) Въ древнѣйшихъ памятникахъ, вмѣсто **вѣмь**, иногда употребляется **вѣдѣ**.

3) Вмѣсто **ѣсти, ѣмь, ѣси** и проч., встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ формы: **ѣсти, ѣмь, ѣси** и проч., съ измѣненіемъ *я* на *ѣ*, какъ въ русскомъ (§ 25). Съ предлогомъ *съ* образуется въ церковнославянскомъ глаголъ **с-н-ѣмь, с-нѣси** и проч.; въ русскомъ *съ-ѣмъ, съ-ѣшь*, безъ вставнаго *н*.

4) Вмѣсто краткихъ формъ: **ихъ, ихомъ** (вм. **идхъ, идхомъ**) и проч., употребляются и полныя: **ид-о-хъ, ид-о-х-омъ**, и проч.

5) Вмѣсто **дадать** употребляется въ церковнославянскомъ языкѣ и **даджть**, откуда наше *дадутъ*; и наоборотъ, въ областныхъ нарѣчіяхъ (именно въ псковскомъ) говорится *ядуть* вм. *ѣдятъ*.

6) Вмѣсто формъ 1-го лица множ. числа **вѣмъ, дамъ, имъ** (т. е. *вѣдаемъ, дадимъ, ѣдимъ*), въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ языкѣ употребляются **вѣмы, дамы, имы**, какъ **ѣсмы** вм. **ѣсмъ**. Впрочемъ изрѣдка попадаются такія формы и въ древнѣйшихъ памятникахъ, напр. въ Супр. рук.

7) Въ русскомъ языкѣ сохранились остатки древнѣйшаго спряженія этихъ глаголовъ. А именно: а) въ древнерусскомъ не только *вѣмъ, дамъ*, но и *вѣмъ* (вм. знаю; напр. въ пословицѣ XVII в. «вѣмъ, а дѣла не вѣмъ»); б) въ областномъ просторѣчіи (особенно въ новгородскомъ), даже во 2-мъ лицѣ ед. числа, на *-си* вм. *-шь*; напр. *даси, продаси, поѣси*, вм. *дашь, продашь, поѣшь*; в) въ общеупотребительномъ языкѣ: *дамъ дастъ, ѣмъ ѣстъ*, съ измѣненіемъ *ѣ* на *е* (§ 26), и съ удержаніемъ древнѣйшаго мягкаго звука, въ формѣ: *вѣсть*, напр. въ выраженіяхъ: «Богъ вѣсть» «не вѣсть» (напр. у Грибоѣд.: «попробуй говорить, и не вѣсть что наскажетъ»).

8) У насъ формы множ. числа: *ѣд-и-мъ ѣд-и-те ѣд-я-тъ*, спрягаются по 2-му спряженію, а въ формахъ: *дад-и-мъ дад-и-те дад-у-тъ*, смѣшиваются оба спряженія.

9) Форма *вѣдущій*, въ реченіяхъ: *всевѣдущій*, *вѣдущій*, происходитъ отъ древнѣйшаго *вѣмь* черезъ причастіе **вѣды вѣдящи**, а не отъ позднѣйшаго *вѣдаю* (отъ котораго причастіе *вѣдающій*).

III. Спряженіе глагола **им-ѣ-ти** отличается отъ правильныхъ глаголовъ особенными формами только въ настоящемъ времени, которое здѣсь и предлагается вполнѣ.

ед.	1.	**им-а-мь**
	2.	**им-а-ши**
	3.	**им-а-ть**
дв.	1.	**им-а-вѣ**
	2.	**им-а-та**
	3.	**им-а-та**
мн.	1.	**им-а-мъ**
	2.	**им-а-те**
	3.	**им-ать**

Прочія формы образуются, или отъ темы неопредѣленнаго наклоненія: повелит. **им-ѣ-и**, прош. **им-ѣ-хъ**, и проч.; или отъ корня глагола; напр. причастіе наст. вр. двиствит. залога **им-ы**. Но причастіе прош. вр. страд. залога **им-ѣ-нъ**, откуда существительное **им-ѣ-ніе**, удерживаетъ звукъ *ѣ*, принадлежащій темѣ неопр. наклоненія **им-ѣ-ти**.

Русская форма *им-ѣ-ю* уже позднѣйшая, произведенная отъ темы неопр. наклоненія.

Б. Спряженія позднѣйшія (или, такъ называемыя, правильныя): 1-го спряженія **нес-ж**, 2-го **гор-ѣ**.

Неопредѣленное наклоненіе: **нес-ти**, **гор-ѣ-ти**.

Достигательное наклоненіе: **нес-тъ**, **гор-ѣ-тъ**.

Изъявительное наклоненіе.

Настоящее время.

ед.	1.	**нес-ѫ**	**гор-ѭ**
	2.	**нес-е-ши**	**гор-и-ши**
	3.	**нес-е-ть**	**гор-и-ть**
дв.	1.	**нес-е-вѣ**	**гор-и-вѣ**
	2.	**нес-е-та**	**гор-и-та**
	3.	**нес-е-та**	**гор-и-та**
мн.	1.	**нес-е-мъ**	**гор-и-мъ**
	2.	**нес-е-те**	**гор-и-те**
	3.	**нес-ѫть**	**гор-ѧть**

Прошедшее время:

ед. 1.	нёс-о-х-ъ	гор-ѣ-х-ъ
2.	нёс-е	гор-ѣ
3.	нёс-е	гор-ѣ
дв. 1.	нёс-о-х-о-кѣ	гор-ѣ-х-о-кѣ
2.	нёс-о-с-та	гор-ѣ-с-та
3.	нёс-о-с-та	гор-ѣ-с-та
мн. 1.	нёс-о-х-о-мъ	гор-ѣ-х-о-мъ
2.	нёс-о-с-те	гор-ѣ-с-те
3.	нёс-о-ш-а	гор-ѣ-ш-а

Преходящее время:

ед. 1.	нёс-ѣа-х-ъ	гор-ѣа-х-ъ
2.	нёс-ѣа-ш-е	гор-ѣа-ш-е
3.	нёс-ѣа-ш-е	гор-ѣа-ш-е
дв. 1.	нёс-ѣа-х-о-кѣ	гор-ѣа-х-о-кѣ
2.	нёс-ѣа-с-та	гор-ѣа-с-та
3.	нёс-ѣа-с-та	гор-ѣа-с-та
мн. 1.	нёс-ѣа-х-о-мъ	гор-ѣа-х-о-мъ
2.	нёс-ѣа-с-те	гор-ѣа-с-те
3.	нёс-ѣа-х-а	гор-ѣа-х-а

Повелительное наклонение:

ед. 2.	нёс-и	гор-и
3.	нёс-и	гор-и
дв. 1.	нёс-ѣ-кѣ	гор-и-кѣ
2.	нёс-ѣ-та	гор-и-та
3.	нёс-ѣ-та	гор-и-та
мн. 1.	нёс-ѣ-мъ	гор-и-мъ
2.	нёс-ѣ-те	гор-и-те

Причастія:

наст. дѣйств.	нёс-ы	гор-а
прош. дѣйств. I.	нёс-ъ	гор-ѣ-къ
прош. дѣйств. II.	нёс-лъ	гор-ѣ-лъ
наст. страд.	нёс-о-мъ	гор-и-мъ
прош. страд.	нёс-е-нъ	гор-ѣ-нъ

§ 87. Кромѣ глаголовъ: **ѥс-мь, вѣ-мь, да-мь, ѣ-мь, нм-я-мь,** представляютъ значительное отклоненіе отъ общихъ законовъ спряженій слѣдующіе:

I. Разноспрягаемые, или спрягаемые частію по 1-му, частію по 2-му спряженію:

1) *Бѣж-а-ть*: по 2-му спряженію: *бѣж-и-шь, бѣж-и-тъ* и пр.; по 1-му: *бѣг-у, бѣг-у-тъ*, но въ цс. **бѣж-а-ть**, какъ и доселѣ въ просторѣчіи: *бѣжатъ*, вм. *бѣгутъ*. Повелит. наклоненіе: *бѣг-и*, цс. **бѣжи.**

2) *Хот-ѣ-ть*: въ церковнославянскомъ языкѣ: по 1-му спряженію: **хощ-ж хощ-е-шн хощ-е-ть хощ-е-мъ хощ-е-те**, и по 2-му **хот-я-ть** (встрѣчается и **хоштѫть** или **хощѫть**); въ русскомъ ед. число также по 1-му спряженію: *хоч-у хоч-е-шь хоч-е-тъ*; множественное же во всѣхъ лицахъ по 2-му: *хот-и-мъ, хот-и-те, хот-я-тъ*. Впрочемъ въ древнерусскомъ языкѣ и въ нынѣшнемъ просторѣчіи употребляются: *хоч-е-мъ, хоч-е-те* (и даже *хочутъ*), согласно съ церковнославянскими: **хощ-е-мъ, хощ-е-те** (§ 9).

II. Измѣняющіе составъ глагольнаго корня и дополняющіе спряженіе корнями другихъ глаголовъ.

1) *Ѣх-а-ть, ѣх-а-лъ, и ѣд-у, ѣд-е-шь* и проч.

2) Церковнославянскій глаголъ **и-ти**, для образованія темы настоящаго времени, присовокупляетъ *д* къ *и*: **ид-ж**, наше *ид-у, ид-е-шь* и проч. (§ 49). Русскіе грамматисты произвели неопредѣленное наклоненіе уже отъ настоящаго времени: *ид-ти* (пишутъ также *итти*).

Въ практическомъ отношеніи объ употребленіи формы *ид-ти* должно замѣтить слѣдующее. Она пишется различно, смотря по приставкамъ, съ которыми соединяется. а) Если приставка оканчивается на *и* или *ы*, каковы *при-, вы-*; то форма *идти*, или теряетъ начальный звукъ *и*, который сливается тогда съ приставками *при-* или *вы-*: *при-дти, вы-дти* (а не *при-йдти, вы-йдти*), или переходитъ въ древнюю форму *и-ти*, съ измѣненіемъ *и* въ *й*: *при-йти, вы-йти*; цс.

при-й-ти и древнѣйшее *прити*. б) Если же приставка оканчивается на одинъ изъ прочихъ гласныхъ звуковъ; то форма *ид-ти* постоянно возвращается къ своему первоначальному виду *и-ти* (при чемъ *и* также переходитъ въ *й*): *за-й-ти*, *во-й-ти*, *у-й-ти* (а не *за-йдти*, *у-йдти* и проч.). Равномѣрно говорятъ: «*не йти*», хотя и пишутъ обыкновенно: «*не йдти*», не смотря на то, что первая, разговорная форма вполнѣ согласуется съ законами языка.

Настоящее время: *иду*, *идешь* и проч., употребляясь съ приставками, измѣняется въ *йду*, *йдешь* и проч.; напр. *на-йду*, *пере-йдешь*, *вы-йду*, и пр.; а также и съ отрицательною частицею *не*: *не йду*. Только съ приставкою *при-*, начальный звукъ *и*, въ формѣ *иду*, отметается: *при-ду*. Въ разговорномъ языкѣ отметается *и* и послѣ *вы-*: *вы-ду*, *вы-демъ* (вм. *вы-йду*, *вы-йдемъ*).

Для причастія прош. времени дѣйств. залога глаголъ *идти* пользуется чужимъ корнемъ: цс. **шьд-**, **шьлъ** (вм. **шьд-лъ**, § 38), откуда наше *шелъ*, *шла*, и проч.; въ формахъ причастія и дѣепричастія: *шед-ший*, *шед-ши*. Форма *шьд-* или *шед-* есть смягченіе твердой *ход-*, въ глаголѣ *ход-ить* (§ 37).

Примѣч. 1. Вмѣсто *идти* въ древнерусскомъ языкѣ и въ областномъ просторѣчіи употребляется съ нарощеніемъ: *итти-ть*.

3) Особаго рода неправильность оказалась въ глаголѣ *рост-у*, при неопредѣленномъ *рас-ти* (и *рос-ти*, вм. *раст-ти* или *рост-ти*), откуда: *ростъ*, *рос-лый*; *вы-рость* и проч.

Примѣч. 2. Глаголъ *спать* (цс. **съпати**, **съпѧ**, **съпишн**) имѣетъ неопр. наклоненіе по 1-му спряженію, при изъявит. наклоненія наст. вр. по 2-му спряженію: *сплю*, *спишь* (какъ бы отъ *спѣть*, **съпѣти**, вм. спать).

§ 88. Описательныя формы спряженія слагаются изъ глагола, который требуется спрягать, и изъ другаго, который помогаетъ ему въ спряженіи. Потому послѣдній глаголъ именуется вспомогательнымъ. Такимъ глаголомъ въ языкахъ церковнославянскомъ и русскомъ по преимуществу оказывается: *быть*, *есмь*. Кромѣ того бываютъ вспомогательными: *имѣть*, *хотѣть*, *стать*, *начать* и нѣк. др.

Глаголъ, спрягаемый при помощи вспомогательнаго, употребляется въ формѣ имени: или 1) существительнаго, т. е.

въ неопредѣленномъ наклоненіи; напр. *буду дѣлать*; или 2) въ формѣ прилагательнаго, т. е. въ причастіи; напр. въ церковнославянскомъ: **ѥсмь** *съткорилъ*. Слѣдовательно по лицамъ измѣняется, въ описательномъ спряженіи, только глаголъ вспомогательный; неопредѣленное наклоненіе, стоящее при немъ, вовсе не измѣняется; причастіе же, какъ прилагательное, измѣняется по числамъ и родамъ.

Примѣч. 1. Впрочемъ иногда языкъ забываетъ первоначальное происхожденіе описательной формы, и придаетъ личныя окончанія какъ причастію, такъ и неопредѣленному наклоненію, какъ это видимъ въ нарѣчіяхъ польскомъ, сербскомъ, малороссійскомъ и друг. Напр. въ польск. *byłem, byłeś* (я былъ, ты былъ); въ малорус. *могтиму, могтимешь*, т. е. *могти-иму, могти-имешь* — смогу, сможешь, и проч.

Описательныя формы въ церковнославянскомъ и русскомъ языкахъ употребляются:

А. Въ дѣйствительномъ залогѣ:

I. Съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ глагола, который слѣдуетъ спрягать, для означенія будущаго времени, съ вспомогательными глаголами:

1) **Хощѫ**, *хощеши*, въ древнѣйшемъ церковнославянскомъ; напр. «хотятъ прити» вм. придутъ.

Примѣч. 2. Въ древнерусскомъ языкѣ также употребительна эта описательная форма будущаго времени. Напр. «лютъ се мужъ *хоче* быти» вм. будетъ. Лавр. сп. 41.

2) **Имамь**, *имлю*, въ церковнославянскомъ: «**глаголати имать**» и въ русскомъ языкѣ, въ важной рѣчи: «*имлю сказать*.»

Примѣч. 3. Въ областномъ просторѣчіи: «*иму дѣлать*» «*имешь ѣсть*» и даже: «*нему* (вм. не иму) *пахать*», вм. буду дѣлать, будемъ ѣсть, не буду пахать.

3) **Начьнѫ**, *начну*, какъ въ церковнославянскомъ, такъ и въ русскомъ: «**нерадити начьнеть**» т. е. не будетъ заботиться, «*начнетъ лѣниться*».

4) **Кѫдѫ**, *буду* и *стану*; напр. «**кѫдѫ творити**» «*буду, стану говорить*».

II. Съ причастіемъ прошедшимъ 2-мъ, на **лъ**. Употребляются настоящее, прошедшее, преходящее и будущее время вспомогательнаго глагола **бы-ти**. А именно:

1) Настоящее: **ѥсмь, ѥси, ѥсть** и проч., для означенія прошедшаго времени; напр. **ѥсмь положилъ, ѥси положилъ, ѥстє положили** и проч. Русскій языкъ уже въ древнѣйшую эпоху сталъ опускать вспомогательный глаголъ, пользуясь однимъ причастіемъ для выраженія прошедшаго времени изъявит. наклоненія: *я положилъ, ты положилъ* и пр. (§§ 17 и 83).

Примѣч. 4. Опущеніе вспомогательнаго глагола началось съ 3-го лица: *есть, суть*, и потомъ уже коснулось 1-го и 2-го. *Есмь* и *еси* долго употреблялись при прошедш. причастіи, на *-лъ*, и имѣли для нашихъ предковъ силу личныхъ мѣстоименій *я* и *ты*. Потому въ старинныхъ словаряхъ, *есмь* объясняется мѣстоименіемъ *я*, а *еси* мѣстоименіемъ *ты*. См. въ Синтаксисѣ.

2) Прошедшее: **бѣхъ, бы, бѣхомъ** и проч., для означенія прошедшаго условнаго. Напр. **бѣхъ положилъ, бѣхомъ положили, или подожилъ бѣхъ, положилъ бы, положили бѣхомъ** и проч. Нашъ союзъ *бы*, какъ было уже объяснено (§§ 77 и 83), обязанъ своимъ происхожденіемъ описательной формѣ прошедшаго условнаго.

3) Преходящее: **бѣахъ или бѣхъ, бѣ** и проч., для означенія преходящаго; напр. **изгыбалъ бѣхъ, изгыбалъ бѣ** и проч. Этой формы вовсе уже нѣтъ въ русскомъ языкѣ.

Примѣч. 5. Въ соотвѣтствіе этой формѣ древнерусскій языкъ употреблялъ описательную съ вспомогательнымъ *былъ, была* и проч. Напр. въ Древнерусск. стихотв. «*поѣхали были* на своихъ добрыихъ коняхъ» 404.

4) Будущее: **бѫдѫ, бѫдєшь** и проч., въ церковнославянскомъ и древнерусскомъ, для означенія будущаго совершеннаго и будущаго условнаго. Напр. въ церковнославянскомъ: «**єлико бѫдєть сътворилъ**»; въ древнерусскомъ: у Нестора въ договорахъ съ Греками: «аще ли взялъ будеть» «аще ли купилъ буде Гречинъ» «елико же далъ будеть»; въ Рус. Правдѣ: «будеть убилъ» и проч. Нашъ союзъ *буде*есть не что иное, какъ остатокъ этой описательной формы (§ 77)

Б. Въ страдательномъ залогѣ.

Ни церковнославянскій, ни русскій языкъ не имѣютъ особыхъ флексій для спряженія глаголовъ страдательнаго залога: и слѣдо-

вательно, по необходимости, употребляютъ, вмѣсто флексій, описательныя формы. Онѣ суть слѣдующія:

1) Глаголъ дѣйств. залога съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *-ся*, цс. *-сѧ*; напр. *строиться, строится*, и проч.

2) Причастія страдат. залога настоящ. или прош. вр. съ вспомогательными глаголами *быть* и *бывать*. а) Съ настоящимъ, для означенія дѣйствія продолжаемаго; напр. въ церковнославянскомъ: **хранимъ ѥсмь, хранимо ѥсть, бѣ хранимъ**; въ русскомъ: *хранимъ, хранимо, хранимъ былъ, хранимъ бывалъ, хранимъ будетъ*, и проч. б) Съ прошедшимъ, для означенія дѣйствія прекращеннаго: въ церковнославянскомъ: **осужденъ ѥсмь, писано ѥсть, осужденъ бѫдетъ**; въ русскомъ: *осужденъ, писано, осужденъ былъ, осужденъ бывалъ, осужденъ будетъ*, и проч.

Дѣепричастіе страд. залога составляется въ русскомъ языкѣ изъ причастій страд. залога настоящаго и прошедшаго съ дѣепричастіями вспомогательнаго глагола: *будучи* и *бывъ*. Напр. *будучи посылаемъ, посылаема, посылаемы*; *бывъ посланъ, послано*, и проч.

Неопредѣленное наклоненіе страдательнаго залога составляется изъ вспомогательнаго глагола *быть* и причастій въ дат. падежѣ, измѣняемомъ по родамъ и числамъ: а) настоящаго времени, для означенія дѣйствія продолжаемаго: *быть читаему, читаемой, читаемымъ*; б) прошедшаго времени, для означенія дѣйствія прекращеннаго: *быть почтену, -ой, -ымъ*, и проч.

В. Отъ вышеизложенныхъ описательныхъ формъ должно отличать форму повелительнаго наклоненія, слагающуюся изъ настоящаго или будущаго времени изъявительнаго наклоненія съ союзами: *да, пусть* (*пускай*). Первый союзъ употребляется въ церковнославянскомъ языкѣ, а также и въ русскомъ, въ важной рѣчи. Напр. *да будетъ, да пріидетъ, да царствуетъ*, и проч. Второй союзъ употребляется только въ русскомъ языкѣ. Напр. «*пусть будетъ*, что будетъ» «*пусть идетъ*». Вмѣсто *пусть* употребляется также *пускай*; напр. «*пускай идетъ*.»

Пользуясь союзами *да* и *пусть* или *пускай*, съ настоящимъ или будущимъ временемъ изъявительнаго наклоненія, мы имѣемъ возможность отличать лица и числа повелительнаго наклоненія. Напр. *да буду*, *пусть говорятъ*, и проч.

Примѣч. 6. Подробнѣйшее объясненіе описательныхъ формъ см. въ Синтаксисѣ.

§ 89. Недостатокъ окончаній, для означенія временъ, русскій языкъ восполняетъ видами глагола, совокупляя въ одно спряженіе различные глаголы одного корня, образовавшіеся по различнымъ видамъ, для означенія продолженія или совершенія, многократности или однократности дѣйствія (§ 53). Напр., глаголы *колоть*, *у-колоть*, *кольнуть*, *калывать*, образовались отъ одного корня *кл-* (цс. кл-а-ти), но разошлись въ значеніи по видамъ: *колоть* означаетъ дѣйствіе неокончательное или продолженное, *у-колоть* совершенное, *кольнуть* мгновенное, *калывать* многократное. Отъ корня *двиг-*: продолженное *двйгать*, однократное *двинуть* (вм. *двигнуть*, § 38), многократное *двигивать* (*двигать*, § 53). Формы *калывать* и *двигивать* теперь неупотребительны. Каждый изъ приведенныхъ здѣсь глаголовъ можетъ принять форму настоящаго и прошедшаго времени изъявит. наклоненія, а именно: *колю* и *кололъ*, *двигаю* и *двигалъ*, *у-колю* и *у-кололъ*, *кольну* и *кольнулъ*, *двину* и *двинулъ*, *калываю* и *калывалъ*, *двигиваю* и *двигивалъ*. Сличивъ формы прошедшаго времени, видимъ, что *кололъ*, *двигалъ*, означаютъ дѣйствіе продолженное, *у-кололъ*—совершенное, *кольнулъ*, *двинулъ*—однократное, *калывалъ*, *двигивалъ*—многократное. Сличивъ формы настоящаго времени, видимъ, что *колю*, *двигаю*, имѣютъ и значеніе настоящаго времени, а *у-колю*, *кольну*, *двину* — будущаго; формы же *калываю*, *двигиваю* вышли изъ употребленія.

Такъ какъ повелительное наклоненіе образуется отъ темы настоящаго (или будущаго) времени; то отъ сказанныхъ формъ происходятъ, съ тѣмъ же различіемъ по видамъ: *коли*, *двигай*, *уколи*, *кольни*, *двинь* (отъ неупотребительныхъ *калываю*, *двигиваю*, не принято и повелительное *калывай*, *двигивай*).

Изъ сказаннаго явствуетъ слѣдующее:

1) Форма настоящаго времени имѣетъ значеніе настоящаго или будущаго времени, смотря по виду, въ которомъ глаголъ употребляется: прололженнаго вида имѣетъ смыслъ настоящаго времени; совершеннаго или однократнаго вида имѣетъ смыслъ будущаго; глаголы же многократнаго вида вовсе не имѣютъ формы настоящаго времени.

2) Формы прошедшаго времени измѣняютъ смыслъ глагола по видамъ: продолженному, совершенному или однократному и многократному.

3) Повелительное наклоненіе согласуется съ формою настоящаго времени.

Образованіе причастій (и дѣепричастій) согласуется съ формами настоящаго времени и неопредѣленнаго наклоненія:

1) Причастіе (и дѣепричастіе) настоящаго времени дѣйств. залога происходитъ отъ формы глагола, имѣющей смыслъ настоящаго времени; напр. *двигаю*, *двигающій*, *двигая*, *двигаючи*. Потому нельзя сказать ни *двинущій*, ни *двигивающій*.

Примѣч. 1. Употребленіе нѣкоторыхъ глаголовъ совершеннаго или однократнаго вида въ формѣ причастія настоящаго времени, для означенія причастія будущаго показано въ § 55, 1.

2) Причастіе (и дѣепричастіе) прошедшаго времени дѣйствительнаго залога производится отъ глаголовъ вида продолженнаго и совершеннаго или однократнаго: *двигавшій*, *двигавъ*; *двинувшій*, *двинувъ*; *уколовшій*, *уколовъ*.

Примѣч. 2. Употребленіе дѣепричастій вида совершеннаго и однократнаго въ формѣ настоящаго времени для означенія времени прошедшаго показано въ § 54.

3) Причастія страдательнаго залога въ образованіи своемъ согласуются съ причастіями дѣйствительнаго залога. Настоящее производится отъ вида продолженнаго: *движемъ*; прошедшее отъ продолженнаго и совершеннаго или однократнаго: *двиганъ*, *двинутъ*, *убитъ*.

Такъ какъ виды измѣняются и помощію предлоговъ (§ 53); то въ значеніи нащихъ глаголовъ оказывается перестановка видовъ и временъ, зависящая отъ приставки предлога къ глаголу: продолженный видъ переходитъ въ совершенный, многократный же въ продолженный. Напр. *хвалить* и *похвалить*, *хваливать* (неупотребляется) и *похваливать*.

При такомъ переходѣ глаголовъ изъ одного вида въ другой замѣчается слѣдующее:

1) Форма настоящаго времени принимаетъ смыслъ будущаго: *хвалю—похвалю*, и тогда уже становится невозможнымъ причастіе *похваляющій*.

2) Многократный видъ получаетъ способность принять на себя форму и смыслъ настоящаго; напр. отъ неупотребительныхъ *хваливаю, калываю, ворачиваю, маливаю*, происходятъ, съ предлогами: *похваливаю, расхваливаю, покалываю, раскалываю, поворачиваю, отворачиваю, пошаливаю*.

Въ нашемъ языкѣ значительное количество многократныхъ глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами, употребляется въ смыслѣ продолженнаго вида. Напр: *с-казывать*, *от-казывать* (отъ глагола *казать*), *у-строивать*, *при-кидывать* и мн. др.

3) Глаголы продолженнаго вида, произведенные отъ коренныхъ, помощію усиленія гласнаго звука, или помощію окончанія, отличаются отъ коренныхъ тѣмъ, что принимаются и за многократные, и за продолженные, т. е. съ предлогомъ употребляются въ значеніи и настоящаго, и будущаго времени; напр. *отвожу, сношу, перелетаю* (при коренныхъ: *отведу, снесу, перелечу*). Сюда же принадлежитъ глаголъ *ходить*. Смыслъ настоящаго или будущаго времени зависитъ отъ предлога, что особенно явствуетъ изъ глаголовъ, сложенныхъ съ предлогомъ *вы-*: *вывожу́* и *вы́вожу, выношу́* и *вы́ношу, выхожу́* и *вы́хожу*.

Примѣч. 3. Значеніе видовъ опредѣляется синтаксическимъ сочетаніемъ словъ, и потому въ бо́льшей подробности объяснено въ Словосочиненіи.

2. Склоненія.

§ 90. По склоненіямъ измѣняются части рѣчи склоняемыя, то ёсть: имена существительныя, прилагательныя, числительныя, причастія и мѣстоименія.

Грамматическая форма, принимаемая въ основу склоненій, именуется основою или темою склоненія. Иногда тема совпадаетъ съ именительнымъ падежомъ ед. числа. Напр. въ существительныхъ: *домъ, дом-а, дом-у*; *конь, кон-я* (*конь+а*), *кон-ю* (*конь+у*); *обычай, обыча-я* (*обычай+а*), *обыча-ю* (*обычай+у*) и проч.; въ мѣстоименіяхъ: цс. тъ (тотъ) и сь (сей): *т-ого т-ому, с-его, с-ему*, и пр. Иногда тема отличается отъ именительнаго падежа. Напр. именит. падежи: *мать* (цс. мати), *дочь* (цс. дъщи), *знамя* (цс. знамя), *небо, кто* (цс. къто), *что* (цс. чьто) и проч.; темы же, употребляемыя въ склоненіи этихъ словъ, суть: *матер-*: *матер-и, матер-ямъ*; *дочер-*: *дочер-и, дочер-ей*; *знамен-*: *знамен-и, знамен-емъ*; *небес-*: *небес-а, небес-ъ*; *къ-*: *к-ого к-ому*; *чь-*: *ч-его ч-ему*, и пр.

Церковнославянскія и древнерусскія склоненія отличаются отъ употребительныхъ нынѣ: 1) по числамъ и 2) по падежамъ.

1. Числа. Церковнославянскія склоненія имѣютъ двойственное число, которое, за немногими остатками, чуждо языку русскому. Для того, чтобы припомнить важнѣйшія примѣты падежей двойств. числа, слѣдуетъ заучить склоненіе числительныхъ дъва и оба, употребляющихся только въ двойственномъ числѣ.

Предварительно должно замѣтить, что въ двойств. числѣ падежи: 1) именительный, винительный и звательный, 2) родительный и мѣстный, и 3) дательный и творительный, имѣютъ одни и тѣ же окончанія; и что въ именительномъ, винительномъ и звательномъ падежахъ женскій и средній родъ пользуются общею примѣтою, въ отличіе отъ примѣты мужескаго рода.

	муж.	женск. и средн.
И. В. З.	дъв-а, об-а	дъв-ѣ, об-ѣ
Р. М.	дъв-ою (и дъв-оу), об-ою	дъв-ою (и дъв-оу), об-ою
Д. Т.	дъв-ѣ-ма, об-ѣ-ма	дъв-ѣ-ма, об-ѣ-ма.

Примѣч. 1. Согласно съ этими числительными склоняются существительныя; напр. 1) сынъ: сын-а, сын-оу, сын-ома; 2) край: кра-и, кра-ю, кра-ѣ-мъ; 3) рыба: рыб-ѣ, рыб-ою, рыб-ама; 4) доуша: доуш-и, доуш-ею, доуш-ама; 5) кость: кост-и, кост-ию, кост-ьмъ; 6) место: мѣст-ѣ, мѣст-оу, мѣст-ома. Прилагательныя краткія: муж. рода: добръ, добр-а, добр-оу, добр-ома; женск. рода: добр-ѣ, добр-оу, добр-ама; средн. рода: добр-ѣ, добр-оу, добр-ама. Прилагательныя полныя: муж. рода: добр-аго, добр-оую, добр-ыма; женск. и средн. родовъ: добр-ѣи, добр-оую, добр-ыма. Мѣстоименія; напр. сь (сей): муж. рода: сиа, сею, сима; женск. и средн. родовъ: си, сею, сима.

Остатки двойственнаго числа доселѣ сохранились въ нашемъ языкѣ въ слѣдующихъ формахъ: 1) въ именит. (и винит.) падежѣ числительныхъ: *два* *двѣ*, *оба* *обѣ*; но прочіе падежи приняли уже множ. число: *двухъ*, *обоихъ*, *обѣмъ*, и проч.; 2) въ словахъ сложныхъ: *дву-смысленный*, *дву-мѣстный*, *двою-родный* (§§ 7 и 80); 3) въ числительномъ *дѣс-сти* (вм. *дѣсѣть*, § 70); 4) въ существительныхъ, согласованныхъ съ числительными: *два*, *оба*, *три*, *четыре*: *два человѣка*, *оба стола*, *дѣвѣ книги*, *дѣвѣ рукѝ* и *обѣ рукѝ*, *дѣвѣ щекѝ* и *обѣ щекѝ*; *два дня* и *два дни*, *два рубля* и *два рубли*, *три ведра*, *четыре аршина*, и проч. (§§ 7 и 8); 5) въ нѣкоторыхъ именахъ, означающихъ парные предметы: *очи*, откуда предложный падежъ *въ очью*, т. е. въ оую; *уши* (при мн. числѣ ухеса, оушеса), *колѣни* (при множ. *колѣна*), *плечи* (при множ. *плеча*), *брыль*.

Примѣч. 2. Сохранившіеся доселѣ остатки двойственнаго числа свидѣтельствуютъ намъ, что это число принадлежало русскому языку, какъ его собственность, а не какъ заимствованіе изъ церковнославянскаго. Въ древнерусскихъ памятникахъ постоянно его встрѣчаемъ; напр. *дѣвѣсть*, *безъ дву сту* (безъ двухъ сотъ), *двѣма стома* (двумя стами), *братома*, *рукама*, и проч. Числительныя же *три* и *четыре*, нынѣ употребляемыя съ двойственнымъ числомъ, древнерусскій языкъ согласовалъ со множественнымъ: *три человѣки*, *четыре мужи* и проч. Впрочемъ, будучи вытѣсняемо множественнымъ числомъ, двойственное стало употребляться ошибочно уже и въ древнерусскомъ языкѣ. Напр. въ лѣтописяхъ: *съ обѣ стороны*, *съ обою странъ*, *два мужи*; въ Древнерус. стихотвореніяхъ: *дву удалыми Борисовичи*, и проч. Двойст. число въ народномъ языкѣ: въ Послов. XVII в. «воробей сидитъ

на тынѣ, надѣется *на крылѣ*»; въ пѣсн. «что одинъ у меня былъ свѣтъ *въ очью*» Чулк. 1 № 142.

2. Падежи. Церковнославянскій и древнерусскій языкъ отличаются отъ нынѣшняго русскаго употребленіемъ падежей: звательнаго въ ед. числѣ и мѣстнаго.

а) Мы теперь не отличаемъ именительнаго падежа отъ звательнаго, за исключеніемъ немногихъ формъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго. Напр. зват. пад. *Господи*, *Боже*, *владыко*, *старче*, отъ имен. пад. *Господь*, *Богъ*, *владыка*, *старецъ*, и проч. Въ церковнославянскомъ же языкѣ, звательный падежъ, имѣя свои собственныя окончанія, составляетъ существенную принадлежность склоненія именъ существительныхъ въ ед. числѣ. Напр. льве, моужоу, нѥрею, врачоу, дѣво, доуше, отъ именительныхъ: львъ (левъ), моужь, нѥрен, врачь, дѣва, доуша, и проч.

Примѣч. 3. Что нашъ языкъ имѣлъ нѣкогда свои собственныя формы звательнаго падежа, свидѣтельствуютъ областныя нарѣчія, въ которыхъ доселѣ отличается звательный падежъ нѣкоторыхъ словъ отъ именительнаго. Такъ въ сибирскомъ нарѣчіи имена, оканчивающіяся на *-а*, имѣютъ звательный на *ау*; напр. *женау*, *дѣвкау*. Въ древнерусскомъ языкѣ постоянно употребляются формы зват. падежа. Такъ напр. Даніилъ Заточникъ въ своемъ посланіи часто взываетъ: «*Княже Господине!*» Въ Сербск. и Болгарск. пѣсняхъ весьма обыкновенно употребленіе зват. падежа вм. именительнаго, объясняемое, вѣроятно, живостью и свѣжестью разговорнаго начала, господствовавшаго въ древнѣйшихъ формахъ языка. Подобное употребленіе изрѣдка встрѣчается и у насъ; напр. въ Духовн. Стих. «посылаетъ *Господи* по душу её «ангеловъ господніихъ» 28, 12—13.

б) Въ церковнославянскомъ и древнерусскомъ языкѣ употребляются безъ предлоговъ слова съ окончаніями предложнаго падежа. Такой падежъ именуется мѣстнымъ, потому что имъ означается, между прочимъ, мѣсто, на вопросъ *гдѣ*? Напр. Нѥроусалимѣ (т. е. въ Іерусалимѣ), *Кіевѣ* (въ Кіевѣ), *Новѣгородѣ* (въ Новѣгородѣ) и проч. Остатки этого падежа сохранились въ нарѣчіяхъ: *внѣ*, *горѣ* и въ нѣк. друг. (§§ 72 и 73).

§ 91. Склоненія церковнославянскаго и русскаго языковъ дѣлятся на **правильныя** и **неправильныя** или **древнѣйшія**. Къ неправильнымъ принадлежатъ склоненія личныхъ мѣстоименій: *я* (*азъ*), *ты*, *онъ*, возвратнаго *себя* (*ся*) и вопросительныхъ: *кто*, *что*, а также склоненія нѣкоторыхъ существительныхъ, удержавшихъ въ своемъ образованіи древнѣйшія флексіи (§ 62). Имена числительныя и прилагательныя (съ причастіями) согласуются въ склоненіи частію съ существительными, частію съ мѣстоименіями.

Слова, подвергающіяся склоненію, или измѣняются по родамъ; напр. *добрый*, *добраго*, *доброй*, *добрымъ*, *доброю*, и проч.; или же не измѣняются; напр. *мужъ*, *жена*, *ты*, *себя*, и проч. Къ первымъ принадлежатъ прилагательныя съ причастіями, ко вторымъ существительныя. Числительныя же и мѣстоименія относятся, частію къ первымъ, частію къ послѣднимъ.

Вообще о склоненіяхъ должно замѣтить, что единственное число подверглось, и въ русскомъ, и церковнославянскомъ, болѣе разнообразному видоизмѣненію, нежели число множественное, двойственное же (въ церковнославянскомъ) подверглось еще менѣе множественнаго.

1. Склоненіе мѣстоименій.

§ 92. О неправильно склоняющихся мѣстоименіяхъ должно замѣтить слѣдующее.

1. Мѣстоименія *я* и *ты* пользуются въ склоненіи различными корнями (§ 57). Напр. *я*, *меня*, *мы*, *насъ*; *ты*, *тебѣ*, *тобою*, *вы* и проч.

2. Мѣстоименіе *себя* (цс. *ся*) не имѣетъ ни именительнаго падежа ед. числа, ни особыхъ окончаній для множественнаго и двойственнаго, и, вмѣстѣ съ личными *я* и *ты*, по родамъ не измѣняется. Что церковнославянская форма *ся* нѣкогда принадлежала и русскому языку, свидѣтельствуютъ наши глаголы, слагающіеся съ нею; напр. *боять-ся*, *мыть-ся* и проч.

3. Мѣстоименія *кто* и *что* (цс. **къто, ѣто**) въ прочихъ падежахъ отметаютъ окончаніе *то*, и измѣняютъ только формы *къ-* и *чь-*: *к-ого, ч-его, к-ому, ч-ему*, и проч. Мѣстоименіе *что* собственно есть средній родъ отъ мѣстоименія *кто*. Оба они имѣютъ окончанія только единственнаго числа.

Особенная неправильность въ склоненіи вопросительнаго *что* оказывается въ церковнославянской формѣ род. падежа **ѣсо** или **ѣсо**, вм. **ѣего**.

Въ русскомъ языкѣ творительный падежъ: *кѣмъ, чѣмъ* — соединяетъ *ѣ* съ *к* и *ч* (противъ общаго закона сочетанія звуковъ, § 25). Церковнославянскій языкъ избѣгаетъ этого сочетанія, употребляя: **цѣмь**, вм. **кѣмъ**, и **ѣмь**, вм. **ѣмъ**.

Прибавленіе къ § 92-му.

Здѣсь предлагаются церковнославянскія склоненія упомянутыхъ мѣстоименій.

1. Мѣстоименія **азъ, ты, са** (*себя*).

Единств.

И. **азъ**	**ты**	
Г. **мене**	**тебе**	**себе**
Д. **мънѣ, ми**	**тебѣ, ти**	**себѣ, си**
В. **ма**	**та**	**са** (**себе**)
Т. **мъною**	**тобою**	**собою**
М. **мънѣ**	**тебѣ**	**себѣ**

Двойств.		Множеств.	
И. **ка**	**ва**	И. **мы**	**вы**
В. **на**	**ва**	Р. **насъ**	**васъ**
Р. **ню**	**вю**	Д. **намъ**	**вамъ**
Л. **нима**	**вама**	В. **ны**	**вы**
		Т. **нами**	**вами**
		М. **насъ**	**васъ**.

1) Вмѣсто **нѣмъ** и **вамъ**, въ древнемъ языкѣ употреблялись также формы **ны** и **вы**; напр. въ Словѣ о полку Игор. «не лѣпо ли *ны* бяшетъ». Въ Новг. лѣт. «а даю *вы* сынъ свои старѣишіи Константинъ» 29.

2) Согласно съ формами творительнаго падежа *тобою* и *собою*, въ древнерусскомъ языкѣ и въ нынѣшнемъ областномъ просторѣчіи употребляются: *тобь*, *собь*. Эти послѣднія формы встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности; напр: въ Изборн. Свят. 1073 г., въ Галицк. спискѣ Евангг. 1144 г. и въ др.

3) Согласно съ церковнославянскою краткою формою: ти (вм. тебѣ), и доселѣ въ областномъ просторѣчіи употребляются: *ти*, *ть* или *те* (вм. *тебь*).

4) Вмѣсто *тебя*, *тебь*, *себя*, *себь*, тамъ же употребляются формы: *тя*, *теть*, *сея*, *сеть*.

5) Вмѣсто *мнь*, въ областномъ же языкѣ употребляется *мни*.

II Мѣстоименія **кто** и **что**

И. **кто**	**что**
Р. **кого**	**чьсо, чьсого, чесо, чесого**
Д. **комоу**	**чемоу; чьсомоу, чесомоу**
В. **кого**	**что, чесо**
Т. **цѣмь**	**чимь**
М. **комь**	**чемь, чесомь.**

§ 93. Прочія мѣстоименія подлежатъ общему закону склоненій, за немногими исключеніями. Въ наибольшей простотѣ оказался этотъ законъ въ склоненіи мѣстоименія 3-го лица или мѣстоименія указательнаго: муж. и, жен. ѧ, ср. е (употребляемаго въ церковнославянскомъ съ союзомъ же: и-же, ѧ-же, е-же, въ смыслѣ мѣстоименія относительнаго); род. падежъ: его, ея, его; дат. емоу, ей, емоу, и проч.; мн. число: род. пад. ихъ, дат. имъ, твор. ими, и проч. Именительный падежъ ед. и множ. числъ заимствуется отъ другаго корня: онъ, при полной формѣ: онын (§ 57).

По образцу мѣстоименія и, склоняются: *сей*, *сія*, *сіе* (цс. сь, си, се): *с-его*, *с-ему*, *с-имъ*, *с-ею*, *с-ими*, и проч.; *кой*, *коя*, *кое*: *ко-е-го*, *ко-ей* (вм. стариннаго *ко-ея*, ко-ея), *ко-ими*, *ко-ихъ*, и проч.; *весь*, *вся*, *все*: *вс-его*, *вс-ему*, *вс-ей*, *вс-ею*, и проч.; *чей*, *чья*, *чье*: *чь-его*, *чь-ей*, *чь-ихъ*, *чь-ими*, и проч. Или съ твердымъ *о* вм. мягкаго *е*: цс. тъ, наше *тотъ* (съ нарощеннымъ окончаніемъ *-тъ*, § 57), *та*, *то*: *т-ого*, *т-ому*, *т-ой* *т-ою*; *этотъ* (также съ наро-

щеніемъ *-тъ*) *эт-ого*, *эт-ому*, и проч.); *одинъ*, *одн-ого*, *одн-ому*, *одн-ой*, *одн-имъ*, и проч.

Въ практическомъ отношеніи о склоненіи нѣкоторыхъ мѣстоименій должно замѣтить слѣдующее:

1. Мѣстоименія: *тотъ* и *весь*, въ твор. падежѣ ед. числа муж. и ср. родовъ, и во всѣхъ падежахъ множ. числа имѣютъ *ь*: *тьмъ*, *всьмъ*, *ть*, *вс*ѣ, *тьхъ*, *всѣхъ* и проч.

Примѣч. 1. Тому же закону слѣдуетъ церковнославянскій языкъ, за исключеніемъ имен. пад. множ. числа: муж. **ти, кси**; жен. **ты, вьси**; ср. **та, вьси.**

2. Мѣстоименіе *этотъ* въ тѣхъ же падежахъ имѣетъ *и*, а не *ь*: напр. *этимъ*, *эти*, *этихъ*, и проч.

Примѣч. 2. Нѣкоторые пишутъ: *этъ*, *этъхъ*, и проч., сближая правописаніе этого слова съ мѣстоименіемъ *тотъ*.

3. Окончаніе род. падежа муж. и сред. родовъ ед. числа мѣстоименій *-ого* (въ отличіе отъ того же падежа прилагательныхъ полныхъ на *-аго*) удерживается въ словахъ: *кого*, *того*, *этого*, *какого*, *такого*, *одного*; въ отличіе отъ прочихъ мѣстоименій, принявшихъ окончаніе род. падежа прилагательныхъ полныхъ, напр. *онаго*, *инаго*, *другаго*, *котораго*, и проч. Мѣстоименіе *самъ* имѣетъ род. падежъ *самого*, а *самый* — *самаго*.

4. *Онъ* и *одинъ* въ имен. падежѣ множ. числа для муж. и ср. родовъ имѣютъ: *они*, *одни*, а для жен. рода: *онѣ*, *однѣ*. Послѣднее реченіе удерживаетъ *ѣ* во всѣхъ падежахъ множ. числа жен. рода; напр. *однѣхъ*, *однѣмъ*, и проч., въ отличіе отъ падежей муж. и ср. родовъ: *однихъ*, *однимъ*, и проч.

5. Звукъ *н* приставляется для благозвучія къ косвеннымъ падежамъ мѣстоименія *онъ*, когда оно зависитъ отъ предлога: *къ нему*, *отъ него*, *отъ нея*, *отъ нихъ*. Если же предлогъ, стоящій передъ этимъ мѣстоименіемъ, не управляетъ имъ, то *н* не приставляется: напр. «отъ *его* брата» «отъ *ея* брата».

6. Въ разговорномъ языкѣ вин. пад. жен. рода, вм. всю, одну, ту, саму, употребляется *всее*, *одне*, *тое*, *самое*. Напр. въ пѣсн. «*всее*

правду скажу тебѣ, всю истину» Чулк. 1, № 131; «кого жъ подстерегли? «*тое*-жъ Лису злодѣйку» Крым. 187; «(душа) углубляется въ *самое* себя» Кар. 3, 536; у Жук. «*самое* Гурдаферидъ» вм. саму. 6. 46.

Примѣч. 3. Въ древнерус. языкѣ склоненіе мѣстоименій подверглось значительнымъ измѣненіямъ противъ церкославянскаго. Такъ напр. род. пад. ед. ч. жен. рода: *твоее, сее, другое*, Лавр. сп. 92, 93; *ѣи* и *еи*, вм. ея, Новг. юрид. акт. XIV — XV в.; тамъ же предл. пад. ед. ч. жен. р.: «на *тое* земли»; *ею́* вм. *ее*, цс. ж.: «Татьяну Агіеву дочь, что понялъ *ею́* за себя» Юрил. акт. подъ 1628 г.; вм. *ѣ* (т. е. *ихъ*, вин. п. муж. р.) употребляется и *я*, и *ь*, а также *ѣя, ня*, съ благозвучнымъ *н*: «разгнѣвася на *ня*» «хотяше на *ня* ити» Ипат. сп. 15. Въ Новг. акт. XIV—XV в., согласно мѣстному нарѣчію, употребляются: *тимъ, мимъ, ти, тихъ*, вм. *тѣмъ, чѣмъ, тѣ, тѣхъ*, и др. Мѣстоименіе *сей* видоизмѣняется слѣдующимъ образомъ: вм. п. ед. ч. муж. рода, или нарощенно: *сесь* (и въ винит. пад.): въ Юрид. акт. «*сесь* списокъ» 1510 г. «за *сесь* годъ» 1571 г.; «по *сесь* годъ» 1613 г.; или съ измѣненіемъ и сокращеніемъ гласныхъ: въ Юрид. акт. конца XV в. не только: «*сеи* судъ» и «*сѣй* судъ», но «*си* судъ», и даже, подъ 1510 г. «*сіи* судъ». Соотвѣтственно сокращенному сред. рода *се*, и жен. р. ед. ч. *ся*, вм. *сія*: въ Юрид. ак. «*ся* грамота» 1505 — 1511; «*ся* запись» 1509; вин. пад. *сю*, вм. *сію*: «грамоту писалъ язъ князь Иванъ своею рукою *сю* разводную» 1462; въ Шуйск. акт. «а прочеть *сю* нашу грамоту» 1653 г.: что и доселѣ сохранилось въ выраженіи: «по *сю* пору.»

Примѣч. 4. Въ областномъ языкѣ: *ёнъ* или *йонъ* — онъ, *оны* — они, *имя* — имъ, дат. пад. мн.; *этая* — эта (Костр.); *той, тая, тое, тыи, тыт* — тотъ, та, то, тѣ (Тверск.); *ты, тыхъ, тымъ, тыми* — тѣ, тѣхъ, тѣмъ, тѣми (Арханг. Пермск.); *тыё* — то, это (Курск.). Слич. въ Юрид. акт. XIV—XV в. «не вступатися въ *тыи* села, ни въ *тыи* земли;» у Ломон. «орлы на *тое* не взираютъ» Од. 2.

Примѣч. 5. Усѣченныя *котора* и *которо* въ древнемъ и народномъ языкѣ весьма употребительны, а въ муж. родѣ *которъ* не удержалось въ употребленіи.

Примѣч. 6. Экой въ род. пад. ед. ч. имѣетъ *экова*: «экова пѣтуха у насъ не было» Пѣсн. Чулк. 1, № 163. Вмѣсто *моего, твоего* и др., въ разговорномъ языкѣ употребляются *мово, твово* и др.; пр. «Сисой бѣлья *мово* и платья надзиратель» Разкащ. 45.

Прибавленіе къ § 93-му.

Здѣсь предлагается церковнославянское склоненіе мѣстоименій: и, ѧ, ѥ (и-жє, ѧ-жє, ѥ-жє), и тъ, та, то.

единствен. число.

	муж.		женск.		сред.	
И.	и (и-жє)	тъ	ѧ (ѧ-жє)	та	ѥ (ѥ-жє)	то
Р.	ѥго	того	ѥѩ	тоѩ	ѥго	того
Д.	ѥмоу	томоу	ѥи	тои	ѥмоу	томоу
В.	и	тъ	ѭ	тѫ	ѥ	то
Т.	ѥмь	тѣмь	ѥѭ	тоѭ	ѥмь	тѣмь
М.	ѥмь	томь	ѥи	тои	ѥмь	томь

двойств. число.

И. В.	ѧ (ѧ-жє)	та	и (и-жє)	тѣ	и (и-жє)	тѣ
Р. М.	ѥю	тою	ѥю	тою	ѥю	тою
Д. Т.	ѥма	тѣма	ѥма	тѣма	ѥма	тѣма

множеств. число.

И.	и (и-жє)	ти	ѧ (ѧ-жє)	ты	ѧ (ѧ-жє)	та
Р.	ѩхъ	тѣхъ	ѩхъ	тѣхъ	ѩхъ	тѣхъ
Д.	ѥмъ	тѣмъ	ѥмъ	тѣмъ	ѥмъ	тѣмъ
В.	ѧ	ты	ѧ	ты	ѧ	та
Т.	ѥми	тѣми	ѥми	тѣми	ѥми	тѣми
М.	ѩхъ	тѣхъ	ѩхъ	тѣхъ	ѩхъ	тѣхъ

2. Склоненіе существительныхъ.

§ 94. Имена существительныя въ нынѣ употребительномъ русскомъ языкѣ дѣлятся на два склоненія, за исключеніемъ весьма немногихъ, соединяющихъ въ себѣ признаки обоихъ склоненій, и потому именующихся разносклоняемыми.

Дѣленіе существительныхъ на склоненія въ русскомъ языкѣ основывается на признакахъ косвенныхъ падежей, и именно родительнаго, дательнаго и творительнаго единств. числа. Имена 1-го склоненія оканчиваются въ род. падежѣ на *-а* или *-я*, въ дат. на *-у* или *-ю*, въ творит. на *-омъ* или *-емъ*. Напр. *берегъ, облако, звѣрь, открытіе*. Имена 2-го склоненія оканчиваются въ род. падежѣ на *-ы* или *-и*,

въ дат. на *–ъ* или *–и*, въ творит. на *–ою* или *–ею*, и *–ію* (*–ью*). Напр. *вода, земля, тварь*. Имена разносклоняемыя измѣняютъ свои окончанія, частью по 1-му, частью по 2-му склоненію. Напр. *путь, время, имя* и друг.; въ родит. и дат. падежахъ, склоняются по 2-му склоненію: *пут–и, времен–и, имен–и*; въ творительномъ по 1-му: *пут–емъ, времен–емъ, имен–емъ*.

Существительныя разносклоняемыя сохранили въ своихъ измѣненіяхъ слѣды древнѣйшихъ склоненій.

Примѣч. По древнѣйшимъ памятникамъ церковносл. письменности XI в., слово дьнь (*день*) въ твор. над. ед. ч. склоняется и по 1-му и по 2-му склоненію: дьнь*мь* и дьни*мь*, напр. въ Изборн. Святосл. 1073 г., въ Толков. Пророк. по списку Упыря 1047 г.

§ 95. Въ историческомъ развитіи, склоненія церковнославянскихъ и русскихъ существительныхъ дѣлятся на два отдѣла: 1) одни имена пользуются темою слова, оканчивающеюся на согласный звукъ; напр. *мать матер–, знамя знамен–, дитя дитят–*, и проч. (§§ 90 и 62). 2) Другія пользуются темою, оканчивающеюся на гласный звукъ; напр. *сынъ* (=*сыну*, § 27), *покой, книга, золото, кость, день, путь*, и проч. Между послѣдними должно отличать отъ прочихъ имена женскаго рода на *–ь*, напр. *пясть, кость, дверь*, и, проч., и нѣкоторыя муж. рода, оканчивающіеся на тотъ же звукъ; напр. *день, путь, пламень*, и нѣкоторыя другія, какъ въ древнерусскомъ и областномъ, такъ и въ церковнославянскомъ языкѣ, сблизившія свое склоненіе, частію съ склоненіемъ именъ жен. рода на *–ь* (§ 61), напр. *путь пути* (какъ жен. рода *кость кости*), частію съ склоненіемъ существительныхъ, имѣющихъ тему съ окончаніемъ на согласный звукъ, напр. въ церковнославянскомъ: дьнь, род. дьне (какъ слова *семя, мать* и проч., въ церковнославянскомъ родит. падежъ: *семене, матере*, и проч.).

Примѣч. 1. Къ древнѣйшимъ относятся склоненія 1) именъ съ темою, оканчивающеюся на согласный звукъ, и 2) нѣкоторыя имена муж. рода на *–ъ*.

1. Имена съ темою, оканчивающеюся на согласный звукъ, объяснены въ § 62. Они различаются по согласному звуку темы. А именно:

1) *н*: имѧ им-ен: им-ен-е; 2) *т*: жрєбѧ жрѣб-ѧт: жрѣб-ѧт-е; 3) *с*: слово слов-єс: слов-єс-є; 4) *р*: мати мат-єр: мат-єр-є; 5) *в*: црькы црьк-ъв-црьк-ъв-є.

Въ склоненіи этихъ словъ должно отличать имена жен. рода отъ именъ рода средняго. Первыя въ твор. падежѣ ед. числа оканчиваются въ церковнославянскомъ на-нѭ, напр. матєр-нѭ, а послѣднія на-ьмь, напр. имен-ьмь (именемъ). Въ родительномъ же и дательномъ и тѣ и другія имѣютъ общія окончанія: въ род. падежѣ на -є: матєр-є, имен-є; въ дательномъ на-и: матєр-и, имен-и. Въ русскомъ языкѣ оба эти падежа имѣютъ только примѣту *-и*: *матер-и*, *имен-и*.

Для примѣра предлагается церковнославянское склоненіе: а) именъ жен. рода црькы и мати, и б) средняго рода имѧ.

а) Склоненіе существительныхъ црькы и мати.

	единств.	двойств.	множеств.
И.	црькы	црьк-ъв-и	црьк-ъв-и
Р.	црьк-ъв-є	црьк-ъв-ию	црьк-ъв-ъ (црьк-ъв-ии)
Д.	црьк-ъв-и	црьк-ъв-ама	црьк-ъв-амъ
В.	црьк-ъв-є	црьк-ъв-и	црьк-ъв-и
З.	црьк-ы	црьк-ъв-и	црьк-ъв-и
Т.	црьк-ъв-нѭ	црьк-ъв-ама	црьк-ъв-ами
М.	црьк-ъв-и	црьк-ъв-ию	црьк-ъв-ахъ
И.	мати	мат-єр-и	мат-єр-и
Р.	мат-єр-є	мат-єр-ию (мат-єр-оу)	мат-єр-ии (мат-єр-ъ)
Д.	мат-єр-и	мат-єр-ьма	мат-єр-ємъ
В.	мат-єр-є	мат-єр-и	мат-єр-и
З.	мати	мат-єр-и	мат-єр-и
Т.	мат-єр-нѭ	мат-єр-ьма	мат-єр-ьми
М.	мат-єр-и	мат-єр-ию (мат-єр-оу)	мат-єр-єхъ

б) Склоненіе существительнаго имѧ.

	ед.	дв.	мн.
И.	имѧ	им-єн-и	им-єн-а
Р.	им-єн-є	им-єн-оу	им-єн-ъ
Д.	им-єн-и	им-єн-єма	им-єн-ємъ

В.	**нма**	**им-ен-и**	**им-ен-а**
З.	**нма**	**им-ен-и**	**им-ен-а**
Т.	**им-ен-ьмь**	**им-ен-ема**	**им-ен-ы**
М.	**им-ен-и**	**им-ен-оу**	**им-ен-ѣхъ.**

Замѣчанія:

1. Именительный (а иногда и винительный) падежъ ед. числа всѣхъ означенныхъ здѣсь именъ есть уже сокращеніе первоначальной темы, оказывающейся въ косвенныхъ падежахъ. Напр. формы **прькы**, **мати**, **нма** и проч., сократились изъ темъ **прькъ-**, **матер-**, **имен-**. Рядомъ съ сокращенными формами именительнаго падежа, стоятъ и полныя, удержавшія суффиксъ какъ въ церковнославянскомъ языкѣ; напр. **кора**, **камы**, **каѣмы** и **кор-ен-ь**, **кам-ен-ь**, **каѣм-ен-ь**; такъ и въ русскомъ: *мать*, *дочь*, *пламя*, и *матерь*, *дочерь*, *пламень*, и притомъ не только въ областномъ языкѣ (*дочерь*, *доцерь*, вин. пад. ед. числа *дочерю*), но въ литературномъ, напр. у Жуковскаго въ переводѣ отрывковъ изъ Иліады: «сбудется то, что давно предсказала мнѣ *матерь*» (вм. мать) «его услышала *матерь*» V, 76, 77. Въ древнерусскомъ *стремя—стремень* (§ 62)

2. Сверхъ реченій на **-ма**, каковы напр. **врѣма**, **крѣма**, **сѣма**, и проч., по образцу существительнаго **нма**, склоняются съ немногими видоизмѣненіями: 1) имена средняго рода съ темами, оканчивающимися на **-ат-** (или **-ент-**) и **-ес-**: **жрѣбя жрѣб-ят- жрѣб-ят-е**; **дѣло дѣл-ес- дѣл-ес-е**; **коло кол-ес- кол-ес-е** (откуда наше **кол-ес-о** § 62), и 2) имена муж. рода на **ы** и **а**, съ темою, оканчивающеюся на **-ен-**: **пламы плам-ен- плам-ен-е**, **камы кам-ен- кам-ен-е**, **кора кор-ен- кор-ен-е** и проч.

3. Стремленіе языка подновлять древнѣйшія формы ясно оказалось въ переходѣ означенныхъ здѣсь существительныхъ отъ первоначальнаго ихъ вида къ позднѣйшему, согласному съ составомъ именъ, склоняемыхъ правильно. А именно:

а) Нѣкоторыя имена, выпуская суффиксы **-ес-** и **-ен-**, склоняются по общему правилу съ другими существительными, какъ въ церковнославянскомъ, напр. отъ существительнаго **тѣло**, въ О. Е. **тѣл-ес-е**, **тѣл-ес-и**, и **тѣл-а**, **тѣл-оу**, и проч.; такъ и въ древнемъ и областномъ языкѣ русскомъ, напр. въ древнерус. стихотв. «а съ того *время*» (вм. врем-ен-и) 236, *пламемъ* (вм. плам-ен-емъ) 223, «а знамя за *знамемъ* (вм. знам-ен-емъ) идетъ» 322; «у котораго *дитя* (вм. дит-ят-и) нѣтъ» 32. Такія формы въ разговорной рѣчи весьма употребительны, напр. *вымя*:

вымю, вымемъ, и проч., и потому встрѣчаются въ языкѣ образцовыхъ писателей; напр. у Держ. «сынъ *время*, случая, судьбины» I, 172; «чтобъ въ прошломъ *времѣ* не жилъ я» I, 9; «жницъ съ *знамемъ* идущихъ» I, 265; «когда отъ *бремя* дѣлъ случится «и мнѣ свободный часъ имѣть» 1, 366; у Дмитр. «(зрю) въ дыму и въ *пламѣ* страшну сѣчу» 1, 12; «изъ *племя* жавронковъ» 3, 92; у Крыл. «повѣрь, что у него ни *время* ни охоты «на это нѣтъ» 17; въ комедіи Грибоѣдова: «*дитей* (вм. дитятею) возили на поклонъ» «а! помню, ты *дитей* (вм. дитятею) съ нимъ часто танцовала»; у Пушкина въ сказкѣ: «это было-бъ лишь *время* (вм. времени) трата» IX, 229. Барсовъ въ своей Грамматикѣ допускаетъ въ разгорной рѣчи употребленіе формъ: «*время* нѣтъ» «стоитъ у *знамя*» «купить толченаго *сѣмя*» и т. п.

б) Древнѣйшія формы **писма, рама** (отъ которыхъ и доселѣ удержались въ употребленіи *письм-ен-а, рам-ен-а, письм-ен-ъ, рам-ен-ъ* и проч.), перешли въ позднѣйшія: *письмо, рамо*; древнѣйшія **цркы, любы, свекры** въ позднѣйшія *церк-ов-ь, люб-ов-ь, свекр-ов-ь*, и проч. Переходомъ же изъ неправильнаго склоненія въ правильное объясняется древнерусская форма *стремяно* вм. *стремя* (§ 62).

в) Древнѣйшія формы на *я* (собственно на **я** съ суффиксомъ *-ент*), какъ не подходящія подъ общій поряд къ правильныхъ существительныхъ, русскій языкъ сталъ замѣнять позднѣйшими съ новымъ суффиксомъ *-окъ*. Такъ формы *теля, щеня, робя*, вм. *тел-ен-окъ, щен-окъ, роб-ен-окъ* или *реб-ен-окъ*, были употребительны въ древнерусскомъ языкѣ; напр. въ пословицахъ XVII в. «мило волку *теля*, да гдѣ ево взять» «малая собака и подъ старость *щеня*»; въ литерат. XVIII в. «чужое-то *робя* всегда худо» Живоп. 87; въ позднѣйшихъ пословицахъ: «дай Богъ нашему *теляти* волка поймати.» Въ южнорусск. языкѣ эти древнія формы и доселѣ въ ходу. Наши формы множ. числа: *тел-ят-а, щен-ят-а* и проч., происходятъ отъ древнѣйшихъ: *теля, щеня*; какъ *письмена* отъ древнѣйшаго **письма**.

г) Существительное *дитя* въ своемъ склоненіи соединяетъ двѣ темы: неправильную, или древнѣйшую: *дитя* (цс. дитѧ) для ед. числа: *дит-ят-и* (цс. дѣт-ят-е) и проч., и правильную: *дѣти*, для множ. числа, не только въ русскомъ, но и въ церковнославянскомъ.

4. Въ нашемъ правописаніи принято уклоненіе отъ общаго правила въ формѣ род. падежа множ. числа: *сѣмянъ* (вм. *сѣменъ*); впрочемъ образцовые писатели употребляютъ и *времянъ* вм. *временъ*; напр.

Бат. (описываетъ) «древнюю Русь и нравы «Владиміра *времянъ*» (въ рнему: Славянъ) 2, 144; Пушк. «достойна старыхъ обезьянъ «хваленыхъ дѣдовскихъ *времянъ*» 1, 91.

II. Древнѣйшее склоненіе именъ муж. рода на *ъ* подраздѣляется на два отдѣла. Къ одному относятся имена, сближенныя, по склоненію, съ темами, оканчивающимися на согласный звукъ, и имѣющими въ ед. числѣ род. пад. на *–е*, дат. на *–и*. Напр. **камень, корень, ремень, день**; род. пад. **камен-е, корен-е, ремен-е, дн-е**; дат. пад. **камен-и, дн-и** и проч. (какъ **нма, имен-е, имен-и**). Къ другому отдѣлу относятся имена, сближенныя въ склоненіи съ женскими на *ь*: напр. **пѧть**: род., дат. и мѣст. падежи ед. числа: **пѧт-и** (какъ *дверь, двер-и, о двер-и*). Въ именительномъ падежѣ множ. числа существительныя того и другаго отдѣла оканчиваются на **-не**: **дьнне** (дни), **пѧтнє**.

Для примѣра предлагается здѣсь склоненіе существительнаго **пѧть**.

ед.	дв.	мн.
И. **пѧть**	**пѧти**	**пѧтнє**
Р. **пѧти**	**пѧтію**	**пѧтии**
Д. **пѧти**	**пѧтьма**	**пѧтємъ**
В. **пѧть**	**пѧти**	**пѧти**
З. **пѧти**	**пѧти**	**пѧти**
Т. **пѧтьмь**	**пѧтьма**	**пѧтьми**
М. **пѧти**	**пѧтію**	**пѧтєхъ**.

Отъ этого склоненія отличается склоненіе именъ жен. рода на *ь* только тѣмъ, что въ творительномъ имѣетъ **–нѭ**, напр. **костиѭ**, и въ именительномъ множ. числа **–и**: **кости**.

Замѣчанія объ измѣненіяхъ, претерпѣнныхъ существительными муж. рода на *ъ*, въ исторіи церковнославянскаго и русскаго языковъ:

1. Въ церковнославянскомъ языкѣ было весьма много именъ, склонявшихся по образцу реченія **пѧть**, которыя впослѣдствіи были уже подведены подъ общее склоненіе существительныхъ правильныхъ. Таковы напр. **голѫбь, ѕвѣрь, мєдвѣдь, огнь, тлть, тьсть** (*тесть*) и др.: въ род. и дат. падежѣ ед. числа: **голѫби, ѕвѣри, мєдвѣди, огни, тлти, тьсти**: и проч. (какъ *путь пути*, или *кость кости*); а нынѣ склоняются уже по общему правилу: *голубя, звѣря; медвѣдя, огня, тятя, тестя* и пр. (какъ *князь князя*, или *мужъ мужа*).

Сюда же относится слово **господь**, нѣкогда склонявшееся, также какъ реченіе **пѫть**; но уже въ О. Е. оно имѣетъ кромѣ древнѣйшаго род. падежа: **господи** (какъ *путь пути*), и позднѣйшій **господа**, который и нынѣ употребляется въ согласіи съ остальными падежами: *господу*, *господомъ*, *о господѣ*. Въ Сербск. Пам. XIII в. «**помощию господи моего**» «**ѡнъ бо остакль ꙁаповѣдь господи и ѡтьца своего**».

2. Имена: **дьнь**, **корень**, **камень** и нѣкоторыя другія, въ древнерусскомъ языкѣ, имѣютъ род. падежъ ед. число на *и*, вмѣсто церковнославянскаго *е*: *дни*, *корени*, *камени* (согласно съ именами жен. рода; напр. *кость*, род. *кости*, и съ именами муж. рода, какъ *путь пути*, и съ именами средн. рода въ русскомъ на *-и* вм. церковнославянскаго *-е*: *имени*, *знамени* и проч.). Напр. въ пословицахъ XVII в. «день ото *дни*, а къ смерти ближе» «еловыя шишки отъ *корени* до вышки»; въ древнерусск. стихотв. не только *камени*, но и *каменю*; напр. «*съ камени*» 45; «сверхъ того *каменю* 114. Въ Юрид. акт. встрѣчается уже на *-я*: «отъ синего *каменя* отъ розсѣлого» 1532. Также *пень* род. *пни* вм. *пня*: въ Юрид. акт. «отъ осинового *пни*» 1498—1505. Нынѣшнія формы: *дня*, *камня*, *корня*, подведены уже подъ правильныя склоненія; но и доселѣ употребительно *дни* вм. *дня*.

3. Какъ въ церковнославянскомъ, такъ и въ русскомъ языкѣ, существительное: **дьнь** (*день*) имѣетъ двоякое окончаніе въ род. падежѣ множ. числа: **дьнии**, т. е. *дней*, и **дьнъ**, т. е. *денъ*. Послѣдняя форма (образовавшаяся также, какъ *имя именъ*, *корень*—древній церковнослаянскій род. пад. **коренъ**, *сажень саженъ*) встрѣчается уже въ О. Е., и доселѣ весьма употребительна въ разговорной рѣчи, но устранена изъ нынѣшняго книжнаго языка.

4. Соществительныя: *степень*, *гортань*, изъ древнѣйшей формы муж. рода перешли въ позднѣйшую женскаго рода, потому что теперь стало уже намъ не понятно, какимъ образомъ эти слова, склоняющіяся по образцу именъ жен. рода (род. пад. *степени*, какъ *кость кости*) могли быть рода мужескаго.

III. Въ заключеніе о древнѣйшихъ склоненіяхъ, здѣсь разсмотрѣнныхъ, должно упомянуть, что они, какъ нѣкоторыми флексіями, такъ и темами именъ, оканчивающимися на согласный звукъ, состоятъ въ ближайшей связи съ склоненіемъ мѣстоименій. Напр. именит. и винит. падежи: **им-ѧ**, **ꙁнам-ѧ**, вм. *имен-*, *знамен-*, какъ **мѧ** вм. *мен-*; род. пад. **дьн-е**, **кам-ен-е**, **им-ен-е**, оканчивается на *е*, какъ **м-ен-е**, **т-еб-е**, **с-еб-е**; дат. пад. **дьн-и**, **кам-ен-и**, **им-ен-и**, какъ **м-и**, **т-и**, **с-и**. Ны-

нѣшнія формы: *меня, тебя, себя*, относятся къ древнѣйшимъ: **мене, тебе, себе**, какъ позднѣйшія: *дня, камня, корня*, къ первоначальнымъ: **дьне, камене, корене**, и проч.

О склоненіи всѣхъ прочихъ существительныхъ должно замѣтить слѣдующее:

1. Имена на *ъ* и *о*, и на соотвѣтствующія имъ мягкіе звуки *ь* (муж. рода), *й* и *е*, склоняются по 1-му склоненію. Напр. *врагъ, витязь, бой, золото, поле*. Имена на *а*, и на соотвѣтствующее ему *я*, также на *ь* (женскаго рода) склоняются по 2-му склоненію. Напр. *рука, земля, кость*.

Въ склоненіяхъ наблюдаются законы: 1) соотвѣтствія гласныхъ твердыхъ мягкимъ: напр. *враг-а витяз-я*, *враг-у витяз-ю* и проч. (§ 26); 2) сочетанія гласныхъ съ согласными; напр. *мужъ* (цс. **мѫжь**) *муж-а* и *муж-и* (а не *муж-ы*), *меч-ъ*, *меч-а*, и проч.; *туч-а туч-ъ* (а не *тучь*) и *ноч-ь ноч-и*, *врагъ враг-а* и *враг-и* (вм. *враг-ы*, цс. **враз-и**) (§ 37); и 3) соотвѣтствія бѣглыхъ звуковъ *о* и *е* церковнославянскимъ гласнымъ *ъ* и *ь*; напр. *сонъ сна* (цс. **сънъ съна**), *отецъ отца* (цс. **отьць отьца**), *мохъ мха мхи* (цс. **мъхъ мъха**) и проч. (§ 26).

Примѣч. 2. Въ историческомъ развитіи склоненій церковнославянскаго и русскаго языковъ должно обратить вниманіе: 1) на переходъ древнѣйшаго окончанія *и* въ позднѣйшее *я*, въ церковнославянскихъ именахъ, оканчивающихся на **-ыни**, и въ нѣкоторыхъ на **-ни**; напр. **гръдыни, княгыни, поустыни, вѣтни, млъни, сѫдни** и проч., и *гордыня, княгиня, пустыня, вѣтія* или *витія, молнія, судія* и проч. (§ 60 примѣч. 2); и 2) на переходъ древнѣйшихъ именъ жен. рода, оканчивающихся на *ь*, въ позднѣйшія формы, оканчивающіяся на *я*; напр. *баснь, пѣснь, пустынь* и *басня, пѣсня, пустыня* и проч.

Примѣч. 3. Здѣсь предлагаются образцы церковнославянскихъ правильныхъ склоненій.

1-го склоненія:

а) Имена на *ъ*; напр. **сынъ**.

	ед.	дв.	мн.
И.	**сын-ъ**	**сын-а**	**сын-и**
Р.	**сын-а**	**сын-оу**	**сын-ъ**
Д.	**сын-оу**	**сын-ома**	**сын-омъ**

В.	сын-ъ	сын-а	сын-ы
З.	сын-е	сын-а	сын-и
Т.	сын-ъмь	сын-ома	сын-ы
М.	сын-ѣ	сын-оу	сын-ѣхъ

По этому же образцу склоняются имена на *и* и *ь*, замѣняя гласныя звуки твердые мягкими.

б) Имена на *ь* вмѣсто *ъ*, послѣ нѣбныхъ; напр. мужь.

	ед.	дв.	мн.
И.	мужь	мужа	мужіе
Р.	мужа	мужоу	мужь
Д.	мужоу	мужема	мужемъ
В.	мужь	мужа	мужа
З.	мужоу	мужа	мужи
Т.	мужьмь	мужема	мужи
М.	мужи	мужоу	мужихъ

в) Имена на *о* и *е*; напр. место, поле.

	ед.	дв.	мн.
И.	мѣст-о	мѣст-ѣ	мѣст-а
Р.	мѣст-а	мѣст-оу	мѣст-ъ
Д.	мѣст-оу	мѣст-ома	мѣст-омъ
В.	мѣст-о	мѣст-ѣ	мѣст-а
З.	мѣст-о	мѣст-ѣ	мѣст-а
Т.	мѣст-ъмь	мѣст-ома	мѣст-ы
М.	мѣст-ѣ	мѣст-оу	мѣст-ѣхъ

По этому же образцу склоняются имена на *е* (напр. поле), замѣняя гласные звуки твердые мягкими.

2-го склоненія:

а) Имена на *а*; напр. рыкъ.

	ед.	дв.	мн.
И.	рыб-ъ	рыб-ѣ	рыб-ы
Р.	рыб-ы	рыб-оу	рыб-ъ
Д.	рыб-ѣ	рыб-ама	рыб-амъ
В.	рыб-ѫ	рыб-ѣ	рыб-ы
З.	рыб-о	рыб-ѣ	рыб-ы
Т.	рыб-ою	рыб-ама	рыб-ами
М.	рыб-ѣ	рыб-оу	рыб-ахъ.

б) Имена на *я* и *а* послѣ небныхъ, нѣкоторыхъ плавныхъ и друг.; напр. доуша.

ед.	дв.	мн.
И. доуш-а	доуш-и	доуш-ѧ
Р. доуш-ѧ	доуш-оу	доуш-ь
Д. доуш-и	доуш-ама	доуш-амъ
В. доуш-ѫ	доуш-и	доуш-ѧ
З. доуш-е	доуш-и	доуш-ѧ
Т. доуш-ею	доуш-ама	доуш-ами
М. доуш-и	доуш-оу	доуш-ахъ

По этому же образцу склоняются имена на -ца, -ла и нѣкоторыя на -за; напр. польза; а также древнѣйшія на -ыни и -ни; напр. поустыни, сѫдни, а равно и позднѣйшія формы этихъ словъ на *я*: напр. поустыня, сѫдня.

в) Имена женскаго рода на ь; напр. кость.

ед.	дв.	мн.
И. кост-ь	кост-и	кост-и
Р. кост-и	кост-ию	кост-ии
Д. кост-и	кост-ьма	кост-емъ
В. кост-ь	кост-и	кост-и
З. кост-и	кост-и	кост-и
Т. кост-ию	кост-ьма	кост-ьми
М. кост-и	кост-ию	кост-ехъ

§ 96. При сравненіи склоненій церковнославянскихъ съ русскими должно обратить вниманіе на то, въ чемъ они между собою сходствуютъ, и чѣмъ различаются.

1. Кромѣ сходства многихъ церковнославянскихъ падежей съ русскими, которое очевидно само собою, должно замѣтить слѣдующее:

1. Въ ед. числѣ только имена на *а* и *я* (и цс. и) имѣютъ особенное окончаніе для винительнаго падежа; напр. рыбѫ (*рыбу*), сѫдию (*судью*).

2. Винительный падежъ именъ средняго рода, какъ въ ед., такъ и во множ. числѣ сходенъ съ именительнымъ.

Русскій языкъ подъ этотъ законъ подвелъ всѣ имена неодушевленныхъ предметовъ, какъ муж. рода и женск. на *-ъ* (въ обоихъ числахъ), такъ и женскаго на *-а* и *-я* (во множ. числѣ); напр. *домъ, кость, книги, кости*,—отличивъ сходствомъ винит. падежа съ родительнымъ имена одушевленныхъ предметовъ муж. рода (въ обоихъ числахъ) и женскаго (во множ. числѣ); напр. *сына, вдовъ, дочерей* и проч.

3. Имена существительныя муж. рода на *ъ* (и *ь*) въ родительномъ и мѣстномъ (или предложномъ) падежахъ имѣютъ двоякое окончаніе: родит. падежъ, кромѣ *а* или *я*, и на *у* или *ю*; мѣстный (или предложный), кромѣ *ѣ*, также на *у* или *ю*. Напр. въ церковнославянскомъ: род. падежъ *дома* и *домоу, мира* и *миру*; мѣстный *домѣ* и *домоу, сынѣ* и *сыну*; въ русскомъ: род. падежъ: *дома, лѣса*, и *изъ дому, изъ лѣсу*; предложный: *о домѣ*, о *лѣсѣ*, и *въ дому, въ лѣсу*, и проч.; родит. количества: *фунтъ сахару, чаю* и проч.

Примѣч. 1. Родительный и предложный падежи на *у* или *ю* принимаютъ существительныя, употребляющіяся въ смыслѣ нарѣчія, съ предлогомъ, на вопросы: *откуда* или *гдѣ*? Напр. *изъ лѣсу, въ лѣсу*. Впрочемъ мѣстный падежъ на вопросъ *гдѣ*? употребляется и на *ѣ* вм. *у* или *ю*; напр. въ Послов. XVII в. «Данила *въ ровѣ* (вм. *во рву*) убоялися львове» «болитъ зубъ у себя *во ртѣ*» (т. е. *во ртѣ*, вм. *въ роту*); у Жук. «разливался *въ лѣсѣ* шопотъ» 2, 21. Потому Барсовъ въ своей Грам. полагаетъ равно употребительными: *во лбу* и *во лбѣ, въ роту, во рту* и *во ртѣ, въ хмѣлю* и *въ хмѣлѣ*; но иностранныя слова полагаетъ только на *ѣ*; напр. *на караулѣ, на базарѣ, на пикетѣ, на кипарисѣ*. Нѣкоторые слова тому и другому окончанію даютъ разное значеніе; напр. *въ виду* (напр. происходила битва *въ виду* чего или кого нибудь), и *въ видѣ*, т. е. въ образѣ (напр. лѣкарство *въ видѣ* питья). — Слово *домъ*, Барсовъ полагаетъ въ род. только на *у*: *дому*, въ отличіе отъ нарѣчія: *дома*; слич. напр. у Кар. «я искалъ нашего бывшаго *дому*» 3, 119. Ломоносовъ въ своей Грам. объ этихъ формахъ говоритъ слѣдующее: «происшедшіе отъ глаголовъ употребительнѣе имѣютъ въ род. пад. *у*, и тѣмъ больше оное принимаютъ, чѣмъ далѣе отъ славенскаго отходятъ; а славенскія, въ разговорѣ мало употребляемыя, лучше удер-

живаютъ *а*: *размахъ*, *размаху* и проч.» § 167. «Сіе различіе древности словъ и важности знаменуемыхъ вещей, весьма чувствительно и показываетъ себя не рѣдко въ одномъ имени. Ибо мы говоримъ: *Св. Духа*, *Ангельскаго гласа*, а не *Св. Духу*, *Ангельскаго гласу*. Напротивъ того свойственнѣе говорится: *розоваго духу*, *птичья голосу*, нежели: *розоваго духа*, *птичья голоса*.» § 168.

4. Слово *Христосъ*, какъ въ русскомъ, такъ и въ церковнославянскомъ, откидываетъ окончаніе *-осъ*, въ косвенныхъ падежахъ *Христ-а*, *Христ-у*, и проч.

Примѣч. 2. Въ древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятникахъ это слово склонялось безъ выпуска окончанія *-ос*. Напр. **христ-ос-а**, **христ-ос-оу**; также склонялось въ древнѣйшихъ памятникахъ и слово *псаломъ*, съ греч. окончаніемъ *-осъ*: «**имаши жалъмосы**» (вм. *псалмы*) Избор. Свят. 1073 г. Л. 204.

II. Важнѣйшія примѣты, которыми отличаются цековнославянскія склоненія отъ русскихъ суть слѣдующія:

1. Правильнѣйшее употребленіе звуковъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ, что особенно явствуетъ а) въ употребленіе носовыхъ звуковъ (§ 28); напр. **доуша**: **доуша**, **доушѫ**; **мѫжь**, **мѫжѫ**, **кость костиѭ**, и б) въ смягченіи гортанныхъ (§ 37); напр. **боръ**, **отрокъ**, **грѣхъ**: имен. множ. **бози**, **отроци**, **грѣси**; винит. множ. **богы**, **отрокы**, **грѣхы**; зват. единств. **боже**, **помощьниче**, **женише** (отъ словъ **помощьникъ**, **женихъ**); **нога**, **рѫка**, **снъха** (сноха): **нозѣ**, **рѫцѣ**, **снъсѣ**, (въ дат. и мѣст. ед. числа, и въ именит., винит. и зват. двойственнаго числа) и проч.

2. Вставка слога **-ов-** или **-ев-** въ косвенныхъ падежахъ именъ муж. рода: въ ед. числѣ дат. падежъ: **бог-ов-и**, **мир-ов-и**, **льв-ов-и**, **дом-ов-и** (вм. *богу*, *миру*, *льву*, *дому*); въ множ. числѣ имен. пад. **льв-ов-е**, **сын-ов-е**, **дом-ов-е**; родит. **льв-ов-ъ**; дат. **бѣс-ов-омъ**, **вѣтр-ов-омъ**, и проч. Остатки этого суффикса сохранились у насъ: а) въ родит. множ. числа: *дом-ов-ъ*, *ум-ов-ъ*, *отц-ев-ъ* и проч. б) вообще въ склоненіи множ. числа нѣкоторыхъ именъ, каковы: *хозяинъ*, *сынъ*, *кумъ*, *зять*: именит. падежъ: *ховя-ев-а*, *сын-ов-ья*, *кум-ов-ья*, *зят-ев-ья*; род. пад. *хозя-ев-ъ*, *сын-ов-ей*, *кум-ов-ей*, *зят-ев-ей*; дат. пад. *хозя-ев-амъ*, *сын-ов-ьямъ* и проч.

3. Окончанія нѣкоторыхъ падежей въ отдѣльности. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить такія особенности церковнославянскаго языка, которыя и доселѣ сохранились въ нашемъ языкѣ, какъ остатокъ старины. А именно:

а) Винительный падежъ ед. числа именъ муж. рода, означающихъ предметы, какъ неодушевленные, такъ и одушевленные, въ церковнославянскомъ языкѣ сходенъ съ именительнымъ; напр. *домъ, сынъ*; въ русскомъ же винительный именъ одушевленныхъ сходенъ съ родительнымъ; напр. *сына*. Но въ смыслѣ нарѣчія, съ предлогомъ, до сихъ поръ употребляется у насъ винит. падежъ ед. числа именъ одушевленныхъ предметовъ, сходный съ именительнымъ. Напр. *за мужъ* (вм. *за мужа*), въ смыслѣ: «идти замужъ», или «выдавать замужъ».

Примѣч. 3. Въ древнерусскомъ языкѣ такой винительный падежъ былъ весьма употребителенъ. Напр. въ языкѣ лѣтописей: «да пойди *за князь нашъ за Мала*» Лавр. лѣт. 24 (т. е. за мужъ за князя Мала). Съ другой стороны и церковнославянскій языкъ, согласно съ русскимъ, иногда употребляетъ винит. падежъ именъ одушевленныхъ предметовъ, сходный съ родительнымъ, напр. *сына, Христа*, и проч.

Равнымъ образомъ во множ. числѣ винительный падежъ именъ одушевленныхъ предметовъ сходствуетъ у насъ съ именительнымъ, въ нѣкоторыхъ словахъ, употребляемыхъ въ смыслѣ нарѣчія, съ предлогомъ *въ*. Напр. *въ офицеры, въ солдаты, въ студенты, въ дьяконы, въ столоначальники* (т. е. произвести, разжаловать, принять) и проч.; также: «играть *въ дураки*» «выйти *въ люди*» и т. п.

Примѣч. 4. Такое употребленіе винительнаго падежа въ древнерусскомъ языкѣ весьма обыкновенно. Напр. въ Древнерус. стихотв:

На многи *Князи*, бояра
И на руские могучіе богатыри
И гости богатые. 54 (т. е. былъ у Владиміра пиръ).
А пиръ идетъ про князей, про бояръ,
Про вельможи и гости богатые. 327.

Въ послѣднемъ примѣрѣ поставлены рядомъ оба винительные падежа, и нынѣ употребительный, и древній.

Примѣч. 5. Имена собирательныя языкъ относитъ къ одному разряду съ неодушевленными. Потому винительный падежъ собирательныхъ, напр. *народы, войска*, и нѣкоторыхъ именъ средн. р., употребляемыхъ въ смыслѣ предметовъ одушевленныхъ, напр. *лица* и проч., сходенъ съ именительнымъ. Винительный падежъ именъ, оканчивающихся на суффиксъ *-тель*, означающій лицо, дѣйствующее (§ 55, V), бываетъ сходенъ съ родительнымъ, хотя бы само имя и не означало предмета одушевленнаго. Напр. «помножить знаменателя на числителя».

б) Въ церковнославянскомъ языкѣ, по общему правилу, имена муж. рода на ъ и ь оканчиваются въ именит. падежѣ множ. числа, или 1) на и, напр. **отьци, сыни, бози, мужи**; или 2) на є, и при томъ съ слѣдующимъ различіемъ: а) имена на **-инъ**, отбрасывающія этотъ мѣстоименный суффиксъ (§ 58); напр. **Римлан-инъ Римлан-є, граждан-инъ граждан-є**, родит. падежъ **Римлан-ъ, граждан-ъ** и проч. b) Имена, принимающія выше упомянутый суффиксъ **ок** или **ек**; напр. **сын-ок-є, лык-ок-є, дом-ок-є**. с) Имена на **ь**, принимающія передъ є звукъ **н**: **дьнь дьнис** (*дни*), **звѣрь звѣрис, рыбарь рыбарис, тать татис, мужъ мужис** и проч. Сюда же относится **людис** (при единственномъ **людъ**).

Русскій языкъ согласуется съ церковнославянскимъ въ употребленіи именит. падежа множ. числа именъ муж. рода на *и* (и ѣ), а также и на *е*, за отнятіемъ суффикса *-инъ* (напр. *други, отцы*; *христіи-нинъ христіан-е*); въ двухъ же послѣднихъ случаяхъ, вмѣсто церковнославянскаго *е*, употребляетъ *а* или *я*; и притомъ въ ограниченномъ количествѣ существительныхъ. Напр. *хозя-ев-а, брат-ья, друз-ья, князь-я, муж-ья, сык-ов-ья, кол-ов-ья*; родит. *хозяев-ъ, братьев-ъ, друзе-й, князе-й, сынове-й, кулове-й, мужьев-ъ*, и *муже-й*; дат. *брать-ямъ, мужь-ямъ* и проч. Такъ же склоняются: *дяд-ья дядьев-ъ, холоп-ья холоп-ямъ, холоп-ями* и проч., при простыхъ формахъ: *дяди, холопы*.

Въ важной рѣчи и въ переносномъ значеніи употребляются формы: *мужи, сыны*, вм. *мужья, сыновья*.

На *а* вм. *е* оканчиваются въ именит. падежѣ множ. числа и нѣкоторые имена, имѣющія въ ед. числѣ суффиксъ *-инъ*. Напр. *боляр-*

-инъ бояре и *бояра*; *бар-инъ бара*, *господ-инъ господа*, *Татар-инъ Татара* (въ древнерус. стихотв. *Татар-ове*, *Татар-овья*). Форма *Цыгане*, вм. *Цыганы*, ошибочна; потому что ед. число *Цыганъ* не оканчивается на *-инъ*.

Примѣч. 6. Къ выше сказанному должно присовокупить слѣдующее о нѣкоторыхъ особенностяхъ въ русскомъ языкѣ, какъ въ древнемъ и народномъ, такъ и у образцовыхъ писателей. 1) Вмѣсто дьниѥ (*дни*), въ древнерус. употреблялось *денье*: «сташа *денье* зли, мразъ, вьялица» Новг. лѣт. 1, 6; ꙁвѣрнѥ, дроуꙁи, въ народн. языкѣ: *звѣрья*, *дружья* (=*друзья*): въ Духовн. ст. «кабы *звѣрья* его растерзали» «ни *дружья* и ни братья» 8, 65. 13,119. — 2) Имен. п. множ. ч. *холопья*: «*холопья*, ими навезенные» Пушк. 5, 53; род. п. *дядевей* и *дядь*, *шурей*, *зятевей*, *сватовей*, *кумовей*: «до *дядевей*» (до дядей) Юрид. акт. подъ 1646; «своихъ *дядь*» Юрид. Акт. подъ 1508 г.; «отъ братьевъ ево и отъ *шурей*» Шуйск. акт. подъ 1657; въ пѣсняхъ: «девять *зятевей*» «семь *сватовей*»; «(зываетъ) сосѣдей всѣхъ и *кумовей*» Крыл. 85.; дат. п. *кумонямъ*, *хозяямъ* (вм. кумовьямъ, хозяевамъ): «кума шла пѣша, *кумонямъ* лехче» Посл. XVII в.; «*хозяямъ* кладъ былъ гость такой» Дм. 3, 97, «честь *хозяямъ* отдала» Пушк. 4, 98. — 3) Вм. *Христіяне*, *крестьяне*, *дворяне*, въ древнерус. употребляются: *хрестіяня*, *крестьяня*, *дворяня*, въ Юрид. Акт. подъ 1534, 1617 и 1613 г. — 4) Суффикъ *-ин-* иногда удерживается и во множ. числѣ; напр. *бояр-ин-овъ*, *Татар-ин-овъ* (вм. бояръ, Татаръ): въ Мамаев. Побоищѣ: «сорока *бояриновъ* Московскихъ»; въ пѣсн. «кабы триста *Татариновъ* «да полтораста *бояриновъ*» въ Извѣст. Акад. Наук.— 5) При множ. числѣ *Москвитяне*, *Тверитяне*, *Псковитяне*, Барсовъ въ своей Грам. полагаетъ ед. ч. *Москвитинъ* (вм. Москвитянинъ), *Тверитинъ*, *Псковитинъ*, а при ед. числѣ: *Литвинъ*, *Мордвинъ*, *челядинъ*, вм. множественнаго, собирательныя: *Литва*, *Мордва*, *челядь*. — 6) Вм. *Булгаринъ* или *Болгаринъ* (во множ. *Булгаре* или *Болгаре*), Пушк. употребляетъ *Болгаръ* (слѣд. во множ. *Булгары*): «Кирджали былъ родомъ *Булгаръ*» 7, 247; а также *Мусульманъ* (множ. *Мусульманы*), вм. *Мусульманинъ* (множ. *Мусульмане*): «какъ *Мусульманъ* въ своей раю» 1, 245. — 7) *Нѣмч-инъ* иногда употребляется и во мн. числѣ съ удержаніемъ суф. *-ин-*; напр. у Дмитр. «прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ *Нѣмчинъ*» 2, 141 (какъ бы при имен. п. мн. ч. *Нѣмч-ин-ы*). — 8) Иногда встрѣчается род.

и. мн. ч. *Славяновъ*, вм. *Славянъ*; напр. у Дмитр. «гдѣ ты *Славяновъ* храбрыхъ сила!» 1, 10. — 9) Съ суф. *-инъ*, слово *воинъ* въ общемъ употребленіи удержало во множ. ч. этотъ знакъ ед. числа: *воины*, вм. древн. *вое* или *вои*, которое впрочемъ встрѣчается еще и у позднѣйшихъ писателей; напр. у Бат. «и томный сонъ отягощаетъ «лежащихъ *воевъ* средь полей» 2, 188; «тамъ шлемы *воевъ* оперены» 2, 245.

в) Церковнославянскій род. падежъ множ. числа именъ мужескаго рода, подобный именительному на *ъ*, напр. *сынъ* (вм. *сынове* или *сыновей*) сохранился у насъ въ немногихъ словахъ, каковы напр. *глазъ*, *человѣкъ*, и проч.; но въ книжномъ, витіеватомъ слогѣ былъ весьма употребителенъ; напр. «къ защитницѣ своихъ *предѣлъ*» Лом. од. 3. «къ чему сихъ *ароматъ* и мирры сладкій дымъ» Бат. 2, 9.

Примѣч. 7. По общепринятымъ Грамматикамъ, въ нынѣшнемъ книжномъ языкѣ, имена эти суть слѣдующія: *алтынъ*, *аршинъ*, *глазъ*, *гренадеръ*, *драгунъ*, *кадетъ*, *пудъ*, *разъ*, *рекрутъ*, *сапогъ*, *солдатъ*, *Турокъ*, *человѣкъ* (съ словами, означающими количество; напр. «пять паръ *чулокъ*»), и съ перестановкою ударенія *волосъ* (при именит. ед. числа *волосъ*). Впрочемъ въ древнерусскомъ и нынѣшнемъ разговорномъ, употребляются съ этимъ окончаніемъ и нѣкоторыя другія имена, напр. *рогъ* (вм. *роговъ*), въ пословицѣ XVII в. «бодливой коровѣ Богъ *рогъ* не даетъ»; *зубъ* (вм. *зубовъ*), напр. у Кант. «старикъ безъ *зубъ*» Сат. 5; у Жук. «отъ *зубъ* «его ужъ не было спасенья» VI, 255; у Пушк. «но Пегасъ, «старъ, *зубъ* ужъ нѣтъ» II, 335; у Крыл. «*зубъ* не разжималъ» 173; *кирасиръ*: «за отрядомъ *кирасиръ* ѣхали сани» Пушк. 5, 149. И на оборотъ въ народномъ языкѣ употребляется *глазовъ* вм. *глазъ*; напр. въ послов. XVII в. «Азовъ не о стѣ *глазовъ*, а Крымъ не кривъ».

г) Церковнославянскій творит. падежъ множ. числа именъ муж. и средн. родовъ на *ы* и *и*; напр. *сыны*, *краи*, *мѣсты* (вм. *сынами*, *краями*, *мѣстами*) употребляется въ древнерусскомъ и нынѣшнемъ областномъ языкѣ.

Примѣч. 8. Напр. въ пословицахъ XVII в. «пѣвливъ съ горшки не ѣздитъ» «*глазы* пива не выпить» «бабка съ мотовы*лы*, а внука съ бѣ-лилы« «мухи съ обухи, клопы съ ослопы, коморы съ топоры, то-

роканы зсанапалы (вм. съ самопалы), сверчки съ лучки. Въ Древ. Рус. Ст.

А сидитъ Дюкъ за единымъ столомъ
Съ тѣми князи и бояры. 26
Что не Садко богатъ — богатъ Новгородъ
Всякими товарами заморскими,
И тѣми черепанами, тилыми горшки. 274.

Это древнее окончаніе творит. падежа употреблялось у насъ даже въ именахъ жен. рода. Напр. въ Древнерус. стихотв.

Пошла она молода Княжна
Со своими няньки, мамками. 368.

Творит. на ы допускается и въ новѣйшемъ народномъ языкѣ. Напр. у Пушкина: «съ дубовыми тесовыми вороты» IV, 130. Сюда же принадлежитъ выраженіе: «съ товарищи, вм. съ товарищами.

д) Церковнославянскій творит. падежъ множ. числа на *-ьми* (напр. костьми) сохранился у насъ въ нѣкоторыхъ именахъ, каковы напр. *дверьми, людьми, дѣтьми, дочерьми, костьми, рѣчьми* и проч. Разговорный языкъ допускаетъ и продолженныя формы: *дверями, людями, костями, рѣчами*, и проч.

Примѣч. 9. Въ пословицѣ XVII в. «кось *очми*, кривъ *рѣчми*.» Въ нынѣшнихъ пѣсняхъ: «*зорючми слезами*» и проч. По Грам. Барсова творит. падежъ позволяется сокращать во всѣхъ словахъ, сокращаемыхъ въ народной рѣчи, только бы не вышло въ односложныхъ неблагозвучія, какъ напр. *лясьми, вшьми*; но вм. *дѣтьми* и *людьми*, Барсовъ не допускаетъ: *дѣтями, людями*.

е) Въ важной рѣчи, наши писатели позволяютъ себѣ употребленіе нѣкоторыхъ церковнославянскихъ окончаній. Напр. склоненіе съ суффиксомъ *ес: слов-ес-а* вм. *слова*: у Пушкина: «и полныя святыни *словеса*» IX, 172; двойств. число *крыль* (вм. *крылья*) не однократно у Жуковскаго.

Примѣч. 10. Въ пословицѣ XVII в. «воробей сидитъ на тынѣ, надѣется на *крыль*.»

ж) Въ выраженіи: «*по дѣломъ*» сохранилось церковнославянское окончаніе дательнаго падежа множественнаго числа.

§ 97. О склоненіи существительныхъ въ нынѣ-употребительномъ русскомъ языкѣ должно замѣтить слѣдующее:

I. Въ отношеніи къ числамъ.

1. Нѣкоторыя имена муж. рода на *-ъ*, *-ь*, и *-й*, имѣютъ въ именит. падежѣ множ. числа двоякое окончаніе: на *-ы* (*-и*) и на *-а* (*-я*), съ удареніемъ. Напр. *вѣкъ вѣки* и *вѣка́*, *домъ домы* и *дома́*, *край краи* и *края́*, и проч.

Этимъ двоякимъ окончаніемъ языкъ пользуется иногда для отличенія разныхъ значеній слова. Напр. *мѣхи́* (раздувальные) и *мѣха́* (звѣриныя шкуры), *о́бразы* (виды или способы) и *образа́* (иконы), *хлѣбы* (т. е печеные) и *хлѣба́* (разнаго рода жита), *цвѣты* (растенія) и *цвѣта́* (краски). Въ такихъ словахъ отличіе удареній въ имен. падежѣ удерживается и косвенными; напр. *о́бразовъ* и *образо́въ*, *хлѣбами* и *хлѣба́ми* и проч. Это множ. число на *-а* соотвѣтствуетъ собирательному на *-ье* и *-ья*.

Примѣч. 1. Отъ упомянутыхъ именъ надлежитъ отличать реченіе *глазъ*, которое употребляется только съ окончаніемъ *-а*.

2. Нынѣ употребительный языкъ смѣшалъ во множественномъ числѣ нѣкоторыхъ словъ всѣхъ трехъ родовъ двѣ формы: простую и собирательную. Напр. отъ словъ: *дерево*, *камень*, *уголь*, *щель* и друг., мы употребляемъ двоякую форму множ. числа: а) простую: *дерева*, *камни*, *угли*, *щели*, и б) собирательную: *деревья*, *каменья*, *уголья*, *щелья* и проч. Эта послѣдняя собственно есть не что иное, какъ множ. число собирательныхъ именъ средняго рода: *деревье*, *каменье*, *уголье*, *щелье* и проч.

Такое смѣшеніе двухъ различныхъ формъ произошло отъ того, что нынѣшній языкъ, утративъ ед. число многихъ собирательныхъ на *-ье*, удержалъ ихъ только во множественномъ. Напр. формы множ. числа: *сучья*, *деревья* — мы употребляемъ, формы же единственнаго числа: *сучье*, *деревье*, теперь уже вышли изъ употребленія, а въ старину были весьма обыкновенны.

Примѣч. 2. Напр. въ пѣснѣ XVII в. «а свѣты яхонты серешки! «на *сучье* ли васъ задѣвати» (т. е. на сучья ли васъ, вѣшать, яхонтовыя сережки?). Въ юрид. акт. подъ 1549 г. «которое *деревье*.» «на

томъ *деревьи*;» въ пословицѣ XVII в. «*елье, березье* — все то *деревье*». Еще примѣры собирательныхъ въ ед. числѣ: въ пѣсн. «а гребцы гребутъ, какъ *крылѣмъ* машутъ» въ Извѣст. Акад. Наук.; въ Анекд. Древн. Пошех. «въ луковомъ *перы*» 20, «*гвоздье*» 52; у Крыл. «и *перьемъ* бы твоимъ постельку ихъ убрать» 147; «утыкавши себѣ павлинымъ *перьемъ* хвостъ» 272; «хоть *листьемъ*, правда; онъ одѣтъ» 178. Въ области. языкѣ: *ямье* вм. ямы (Новгородск.)

Нѣкоторыя собирательныя формы множеств. числа мы отличаемъ отъ простыхъ, по значенію. Напр. *зубы* (во рту) и *зубья* (у гребня), *листы* (напр. бумаги) и *листья* (на деревѣ). Впрочемъ множественное: *листы*, употребляется и о древесныхъ листьяхъ.

Примѣч. 3. Напр. у Бат. «зефиръ *листы* колышетъ» 2, 141; «чуть легкимъ вѣтеркомъ «*листы* колеблемы шептали« 2, 196. у Жук. «на деревахъ *листы* дремали молча» 6, 261; у Крыл. «*Листы* на деревѣ съ зефирами шептали» 123; «*листы*, по дереву шумя, залепетали» 124; у Пушк. «чуть трепещутъ «сребристыхъ тополей *листы*« 2, 297; у Лермонтова: «не пылитъ дорога «не дрожатъ *листы*».»

Слово: *кольно*, кромѣ собирательной формы: *кольнья* (т. е. составы), *кольньевъ*, имѣетъ двѣ простыя: одну въ множеств. числѣ: *кольна* (племена), *кольнъ*, и другую въ двойств. *кольни* (часть человѣческаго тѣла), *кольней* (§ 60); впрочемъ употребляется и *кольна*, въ смыслѣ: *кольни*.

Примѣч. 4. Напр. у образцовыхъ писателей: у Ломон. «Москва едина на *кольна* «упавъ, передъ Тобой стоитъ» Од. 9; у Держ. «и падши на *кольна*» (въ риему: смягченна) 1, 401; у Бат. «(мудрецъ) коленъ предъ случаемъ во вѣкъ не преклоняетъ» 2, 44; у Пушк. «и палъ безъ чувствъ онъ на *кольна*» (въ риему: измѣна) 2, 113.

3. Имена на *-окъ*, образовавшіяся отъ древнѣйшихъ на *-а* (§§ 62 и 95), смѣшали въ множественномъ числѣ двѣ формы: форму муж. рода на *-и*: *медвѣженокъ медвѣженки*, *щенокъ щенки* (*цыпленки*, вм. *цыплята*, напр. у Ф. Визина 405), съ формою средняго рода на *-та*, произшедшею отъ единственнаго числа на *-я*. Напр. *телята*, *ягнята*, *поросята* и проч., правильно производятся отъ единственныхъ: *теля*, *ягня*, *порося* и проч. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ, так-

же какъ въ именахъ собирательныхъ, смѣшеніе формъ множественнаго числа произошло отъ утраты формъ числа единственнаго.

Примѣч. 5. Слѣдующія существительныя уклоняются отъ общихъ правилъ въ образованіи множественнаго числа: 1) Реченіе: *люди*, имѣетъ при себѣ въ ед. числѣ собирательное *людъ*; 2) *дѣти*, рода общаго, имѣетъ при себѣ ед. число *дитя*, въ среднемъ родѣ. 3) Нѣкоторыя имена вм. *-ы* или *-и*, теперь оканчиваются въ общемъ употребленіи только на *-а* или *-я*; напр. *лѣсъ лѣса*, *городъ города* (въ древне-рус. *лѣсы*, *городы*); другія имѣютъ оба окончанія; напр. *дома* и *домы*, *учителя* и *учители*: первое употребительнѣе въ разговорной рѣчи. 4) Окончанію на *-а* соотвѣтствуетъ на *-я* въ собирательномъ *колосья* (а не *колосьи*, отъ *колосъ*, или точнѣе, отъ *колосье*). 5) *Чертъ* имѣетъ *черти*, *чертей* (а не *черты*, *чертовъ*); но *сосѣдъ* — и *сосѣди*, *сосѣдей*, и *сосѣды*, *сосѣдовъ*. Также *комаръ* — *комари*, *комарей*, и болѣе употребительное въ книжной рѣчи: *комары*, *комаровъ*. 6) Форма множ. числа: *куры*, *куръ*, собственно произошла отъ формы ед. числа муж. рода *куръ* — пѣтухъ, (напр. въ юрид. акт. «двадцать *куровъ*» подъ 1610 годомъ), отъ которой нынѣ употребительное *кур-ица*. 7). Равномѣрно и множ. *суда́* (при ед. числѣ *судно*) произошло отъ древнѣйшей формы ед. числа *судъ*, употреблявшейся въ смыслѣ сосуда. Сложныя *со-судъ*, *по-суда*, происходятъ отъ этого древняго реченія. Въ области. языкѣ употребляется форма *суда*, вм. посуда (въ Перм.).

II. Въ отношеніи къ падежамъ.

1. Должно отличать церковнославянскія и древнѣйшія формы дат. и пред. падежей ед. числа: *басни*, *пѣсни*, *о басни*, *о пѣсни*, и родительнаго множ. числа: *басней*, *пѣсней*, отъ формъ чисто русскихъ: *баснѣ*, *пѣснѣ*, *о баснѣ*, *о пѣснѣ*, *басенъ* (или *басень*), *пѣсенъ*. Первыя имѣютъ въ именительномъ падежѣ ед. числа формы: *баснь*, *пѣснь*; а вторыя — *басня*, *пѣсня*.

2. Имена, оканчивающіяся на *-ко* уклоняются отъ прочихъ средняго рода тѣмъ, что въ именит. падежѣ множ. числа, вмѣсто *-а*, имѣютъ *-и*: *окошки*, *лыки* (за исключеніемъ: *войска*, *облака*). Сверхъ того должно замѣтить, что образцовые писатели вообще

употребляютъ очень обыкновенно, особенно въ стихахъ, имена сред. р. въ им. и вин. пад. мн. ч. на на *–ы* вм. *–а*.

Примѣч. 6. Напр. у Дмитр. очень обыкновенны формы: *свѣтилы, лицы, лѣты, селы*; у Бат. *вины* (въ риему: апельсины) 2, 159; *гнѣзды* (въ риему: звѣзды) 2, 141. У Жук. «и были вечера *свѣтилы* «какъ яркія *паникадилы*» 3, 289 — 290; «морской глубины несказанныя *чуды*» (въ риему: груды) 4, 189.

Примѣч. 7. Сблизившись такимъ образомъ съ именами муж. рода, по именит. падежу множ. числа (*окошко, окошки*, какъ *мышокъ, мышки*), нѣкоторыя изъ этихъ именъ и въ родит. падежѣ множ. числа принимаютъ окончаніе именъ муж. рода: *–овъ: очки очковъ, ушки ушковъ, яблоки яблоковъ*. Образцовые писатели иногда употребляютъ *войски* вм. *войска*; напр. Держ. (въ риему: геройска) 1, 412.

3. Смѣшеніе склоненій особенно оказывается въ род. падежѣ множ. числа нѣкоторыхъ именъ на *–ъ, –я* (или *–а*) и *–ie* или *–ье*.

а) Нѣкоторыя имена на *–ь* въ родит. множ. числа имѣютъ *–ей* вм. *–овъ*. Напр. *тетеревъ тетеревей* (и *тетеревовъ*).

Примѣч. 8. Напр. у Держ. «вдали *тетеревей* глухое токованье» 1, 306, у Бат. «стадо *тетеревей*». I, 166. у Левш. «пребываніи глухихъ *тетеревей*» Соверш. Ег. III.

б) Нѣкоторыя имена на *–я* (и *–а* послѣ небныхъ) имѣютъ въ родительномъ множ. числа окончаніе *–ей*, вмѣсто *–ъ* или *–ь*. Напр. *броня, четверня, вожжа, парча, притча, хажа, юноша* и нѣк. друг.

Примѣч. 9. Въ церковнославянскомъ языкѣ употребляется правильно: **притъчь** (или **притъчъ**), **юношь** (или **юношъ**); въ древнерусскомъ: *приточъ, векошъ* (вм. *векшей*). И наоборотъ въ русскомъ языкѣ, вмѣсто *–ъ* или *–ь*, допускается, не только въ устной, но и въ книжной рѣчи, окончаніе *–ей*, въ нѣкоторыхъ словахъ, каковы напр. *вельможа вельможей*, вм. *вельможъ*, напр. у Держ. «какихъ въ тебѣ *вельможей* нѣтъ» I, 204; «*вельможей* дѣлаютъ извѣстность» I, 276; «и предъ *вельможей* пышны взоры» I, 305; «средь свѣтлаго *вельможей* строя» 1, 382; у Бат. «щастливъ онъ, и втрое болѣ, «всѣхъ *вельможей* и царей» 2, 166. *Туча, тучь* и *тучей*; напр. у Ломон. «какъ громъ отъ *тучей* удаленныхъ «въ горахъ раздавшись, множитъ слухъ» Од. 12. *Буря, бурь* и *бурей*; *заря, зарь* и *зарей*; напр. у Бат.

«средь *бурей* жизни» 2, 34; «и день, чудесный день, безъ ночи, безъ *зарей*» 2, 171; у Дмитр. «въ одеждѣ розовыхъ *зарей*» 1, 382. *Свѣча, свѣчъ* и *свѣчей*; напр. у Кант. «весь вечеръ Хрисиппъ безъ *свѣчъ*, зиму всю колѣетъ» Сат. 3; у Жук. «и въ высотѣ дрожащимъ *свѣчъ* огнемъ» 2, 133; у Грибоѣд. «столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и *свѣчей*» «*свѣчей* побольше, фонарей» Горе отъ Ума.

в) Имена, оканчивающіяся на слогъ *–ня* имѣютъ въ род. п. мн. ч. или *–ъ*; напр. *башня башенъ, сотня сотенъ, пѣсня пѣсенъ, басня басенъ* (какъ *вода водъ*); или на *–ь*; напр. *деревня деревень*; или на *-ей*; напр. *сплетня сплетней*; употребляется и *сплетенъ*, но *деревенъ* не говорится; *сажень* имѣетъ въ род. множ. ч. *саженъ, сажень* и *саженей*. Нѣкоторые употребляютъ: *басень, пѣсень*, вм. *басенъ, пѣсенъ*.

Примѣч. 10. Напр. у Дмитр. *басенъ*, въ рифму слову: *ужасенъ*, 2, 86. У Бат. *башенъ*, въ рифму слову *брашенъ*, 2, 51. У Пушк. «собранье *басень* площадныхъ» 1, 131.

г) Нѣкоторыя имена на *–іе* или *–ье* имѣютъ въ родительномъ множ. числа *–евъ* вм. *–ій*; напр. *устье устьевъ* (и *устій*), и нѣкоторыя на *–е*, послѣ нѣбныхъ, имѣютъ *–ей* вм. *–ь*; напр. *логовище, логовищей* (и *логовищъ*).

Примѣч. 11. Напр. у Бат. «обитатель *устьевъ* Волги» I, 85; у него же: «изъ *логовищей*» I, 162; «а не *чудовищей* имъ (желѣзомъ) дикихъ поражаемъ 2, 51; «любезныхъ *дѣтищей* купаютъ 2, 254 (в. *чудовищъ, дѣтищъ*).

Примѣч. 12. Нѣкоторыя имена на *-ле* и *-ре*, сверхъ *-ей*, въ род. п. мн. ч. употребляются съ окончаніемъ *–ъ*, по древнѣйшему склоненію, и особенно въ старинномъ стихотворномъ языкѣ; напр. у Ломон. «казацкихъ *поль* заднѣстрской тать»; «седми пространныхъ *морь* брегов» Од. 1. У Держ. «съ *поль*» 1, 311; «ревъ *морь* и *бурей* (вм. *бурь*) шумъ» 1, 313.

4. Существительныя, взятыя изъ иностранныхъ языковъ, склоняются, какъ русскія, если они усвоены русскому языку посредствомъ нашихъ собственныхъ окончаній. Напр. *гувернант-ка, аптекар-ша*. Если же они не приняли нашихъ окончаній, то могутъ

склоняться въ томъ только случаѣ, когда своимъ родомъ и окончаніемъ соотвѣтствуютъ собственно русскимъ именамъ. Потому напр. реченія: *гувернеръ, школа* и друг., склоняются; а реченія: *колидри, рагу* и проч., несклоняются; потому же иностранныя фамиліи, напр. *Байронъ, Шиллеръ, Стюартъ*, при именахъ муж. рода склоняются: *Лордъ Байронъ, Лорда Байрона* и проч.; а при именахъ жен. рода не склоняются: *Марія Стюартъ, Маріею Стюартъ*, и проч.

Примѣч. 13. Большая часть иностранныхъ словъ на *-а*, съ предшествующимъ гласнымъ звукомъ, переходя въ нашъ языкъ, принимаютъ окончаніе *-я*, и склоняются также, какъ русскія на *-я*; напр. *Мантуя, Мантуи, Мантую, Мантуею*. Нѣкоторые пишутъ: *Мантуа, Генуа*, въ винит. падежѣ *Мантуу, Генуу*; но сочетаніе звуковъ: *уа, уу* (*Мантуа, Мантуу*) и друг., противно законамъ благозвучія нашего языка. (§ 30). Въ древнерусскомъ употреблялось: *Падва, Падву*, вм. *Падуя, Падую*, съ переходомъ *у* въ *в*: что совершенно согласно съ свойствами нашего языка. (Смотр. въ Статейн. списк.).

Усвоивая себѣ иностранныя слова, русскій языкъ дѣлаетъ нѣкоторыя измѣненія въ окончаніяхъ. Напр. употребляются: *музеумъ, музеума, музеуму* и проч., и *музей, музея* и проч., *маій, маія*, и *май, мая*; *Ахиллесъ, Фидіасъ*, и *Ахиллъ, Фидій*; *Данте, чичероне* (проводникъ), несклоняются, а *Дантъ, чичеронъ*, склоняются; напр. у Пушк. «младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ *чичеронемъ*» 8, 175.

Иностранныя имена на *-е* и *-о*, взятыя въ русскій языкъ въ позднѣйшее время, не склоняются, хотя, по образцу русскихъ формъ на *-е* и *-о*, и пользуются среднимъ родомъ, если они означаютъ предметы неодушевленные; напр. *каре, бюро, депо*.

Примѣч. 14. Въ старину языкъ свободнѣе обращался съ иностранными реченіями. Потому существительныя, издавна занесенныя къ намъ изъ чужихъ языковъ, склоняются свободно. Напр. *алое* (въ церковнославянскомъ αλγοη), *алоя, алоемъ* и проч. Слѣдуя древнему обычаю, простор*ѣчіе* покушается склонять всякое иностранное слово; напр.

депо, депа, въ депѣ и проч.; *кофе*, въ формѣ *кофій*, склоняется, какъ имена на *-й*: *кофію* и проч. Въ Живоп. «тогда должно сварить *кофій*» 2, 153. У Пушк. «онъ просилъ, чтобы ему дали чашку *кофію*» 8, 88. Даже тѣ, кто не склоняетъ слово *кофе*, согласуютъ его въ мужскомъ родѣ, предполагая тѣмъ самымъ форму *кофій*; напр. говорятъ и пишутъ: *горючій кофе*, и проч. Слово *карре* Пушкинъ склоняетъ; напр. «(полки) составляли три фаса одного каррея» 11, 283. Карамзинъ склоняетъ иностранныя имена лицъ на *-о*, приспособляя ихъ, къ склоненію, или муж. рода, или женскаго; напр. *Отелло, Бруно*, муж. р. «многіе удивляются *Отеллу*» 2, 321; «набожному *Бруну*» 2, 412; *Сафо* жен. р. «бездна *Сафу* поглощаетъ» 3, 428. Вмѣсто несклоняемаго *мадамъ*, не только въ просторѣчіи, но и у классическихъ писателей употребляется склоняемое *мадама*; напр. у Дмитр. «насъ матушка послала съ *мадамой* въ Лѣтній садъ» 3, 44. Въ XVIII вѣкѣ всякой иностранной фамиліи для означенія лица женск. пола придавали окончаніе *-ша*; напр. *Бирониха* (отъ *Биронъ*), какъ *Генеральша* (отъ *Генералъ*). Напротивъ того, въ XVII вѣкѣ, по вліянію польской литературы, наши писатели употребляли падежи съ латинскими окончаніями; напр. *елемента* въ им. и вин. п. мн. ч. (лат. *elementum, elementa*), вм. *елементы*.

Примѣч. 15. Какъ въ словахъ сложныхъ первый членъ не склоняется; напр. *Генералъ-Майоръ, Генералъ-Майора; Унтеръ-Офицеръ, Унтеръ-Офицера*; такъ и переднія имена въ нѣкоторыхъ составныхъ формахъ въ разговорномъ языкѣ остаются неизмѣняемыми; а именно; *Іисусъ* передъ словомъ *Христосъ* (и въ древнемъ языкѣ): *Іисусъ Христа, Іисусъ Христу*; слово *Князь* передъ собственнымъ именемъ: *Князь Ивана, Князь Ивану*; собственное имя лица передъ отчествомъ: *Иванъ Васильичу, Иванъ Васильичемъ*; въ нѣкоторыхъ иностранныхъ собственныхъ именахъ лицъ; напр. *Вальтеръ Скоттъ*: у Пушк. «съ романомъ новымъ *Вальтеръ-Скотта*» 2, 248.

Примѣч. 16. Нѣкоторыя несклоняемыя реченія, будучи употреблены въ смыслѣ существительныхъ, получаютъ способность измѣняться по падежамъ; каковы: *есть, ныть, завтра*; напр. старинное выраженіе: *въ ныткѣ*; въ пословицѣ XVII в. «*есть ныта* лучше, а и *ныть естя* не хуже»; у Дмитр. «а *завтремъ* льстить себя оставь уже ты насъ» 3, 112. По смыслу, такія слова относятся къ среднему роду; но по окончаніямъ могутъ быть приняты въ разрядъ и мужескихъ, и

женскихъ. Напр. реченіе: *авось*, Пушкинъ употребляетъ въ муж. родѣ: «да понадѣялся онъ *на русскій авось*» 9, 226.

Примѣч. 17. О склоненіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ должно замѣтить слѣдующее.

а) Слово: *облако*, въ церковносл. и древнерус. употреблялось въ формѣ мужескаго рода: **облак-ъ**; напр. у Лом. «багровый *облакъ* въ небѣ рдѣетъ» Од. 2. Отъ этой формы берется нынѣшній родительный падежъ множ. числа муж. рода: *облаковъ* (вм. *облакъ*).

б) Вмѣсто *юноша*, въ старинномъ языкѣ встрѣчается *юношь* или *юношъ*, напр. въ Сборникѣ Гр. Уварова XVI в., изъ библіотеки Царск. «бѣ нѣкій *юношь*.» Потому въ прочихъ падежахъ склоняется по I-му склоненію; напр. «предъ *юношемъ*» Новикова Деревенск. Библіот. 2, 349.

в) *Батюшка* имѣетъ при себѣ старинную и народную форму *батюшко*, родит. пад. *батюшка* (вм *батюшки*), творит. пад. *батюшкомъ* (вм. *батюшкою*) и проч. Напр. въ стихотвор. XVII в., «дай Споди (вм. Господи), здоровъ былъ Государь мой *батюшко*». «встрѣчати своего *батюшка*»; въ древнерус. стих. «а за славнымъ было *батюшкомъ* за Байкаюмъ моремъ» 301. Въ пѣснѣ: «растилается сынъ передъ *батюшкомъ*.»

г) Существительныя общаго рода, оканчивающіяся на -*ъ*, могутъ различно склоняться, или для мужескаго рода, или для женскаго. Напр. *лебедь бѣлаго лебедя*, *бѣлымъ лебедемъ*, и *бѣлой лебеди*, *бѣлою лебедью* и проч.

д) Въ старинномъ и областн. языкѣ склоненіе многихъ словъ отступаетъ отъ общихъ правилъ въ слѣдствіе измѣненія грам. рода; напр. *ужина* вм. *ужинъ* (въ древнемъ, и нынѣ въ областномъ, напр. въ Псковск. Новгор. Тверск.). Въ Сборн. Гр. Уварова XVI в. изъ библіот. Царск. «носилъ Христа на *плещи* своей» (вм. *на плечь*). Въ пѣсн. у Прач. «*коромыселъ* (вм. *коромысло*) гнется, свѣжа вода льется» 131. Въ пѣсн. «при той *путъ* (вм. при томъ пути), при дороженькѣ.» Или же съ измѣненіемъ окончанія въ имен. пад. ед. ч. при удержаніи того же рода; напр. у Писателей XVII в. *архимандрита*, вм. архимандритъ; у Дмитр. «о *витій*! (вм. *витія*) что твоя хвала.» 1, 23; въ областн. *мыша* вм. *мышь*.

е) Нарицательное *любовь* имѣетъ въ косвенныхъ падежахъ *любви*, въ отличіе отъ собственнаго *Любовь—Любови*. Это древнее окончаніе употреблялось и въ нарицательномъ именѣ; напр. у Держ. «ты

въ мирѣ будешь богъ *любови*» 1, 383; у Бат. «и ты *любови* мать» (т. е. Венера) 2, 44.

ж) Иностранное слово *нервъ* въ род. п. мн. ч. *нервовъ*, а въ старину и *нервъ*; напр. у Кар. «самое расположеніе *нервъ*» 3, 466.

з) Вмѣсто *церковь*, *церкви*, *церковью* и проч., въ просторѣчіи употребляютъ: *церква*, *церквы*, *церквою* и проч.; а вм. древней формы *церкы*, въ позднѣйшихъ памятникахъ церковной письменности употребляется *церкви* (т. е. *церковь*).

и) Смѣшивая законы склоненія, просторѣчіе употребляетъ родительный падежъ множ. числа: *рублевъ* вм. *рублей*; *коневъ* вм. *коней*; напр. въ Новг. лѣт. «много *коневъ* отъяша» 1, 39. Слич. у Держ. «тогда «*Ѳивовъ* (вм. и *Ѳивъ*) разоритель» 1, 328; «*Фуріевъ*» (вм. *фурій*). 1, 412.

і) Въ областномъ просторѣчіи замѣчательнѣйшія уклоненія отъ общепринятыхъ падежныхъ окончаній суть слѣдующія: а) творительный падежъ единств. числа женскаго рода съ нарощеніемъ *-й*; напр. *съ матерьюй*, *съ дочерьюй*; б) употребленіе дательнаго падежа множ. числа, вмѣсто творительнаго, и наоборотъ; напр. у Чулк. «*съ краямъ* равны» «*за воротамъ*» 1, №№ 169 и 174. У Прач. «залилась дѣвка *горючимъ слезамъ*» 57; «*съ подружкамъ*» 151; с) окончаніе творительнаго падежа множ. числа на *-ма* (сходное съ церковнославянскимъ дат. и творит. двойств. числа) вм. *-ми*. Напр. *со дѣвицама*, *съ подружкама* (вм. *съ дѣвицами*, *съ подружками*). d) Въ род. п. мн. ч. *-ей* вм. *-евъ*, или *-овъ*; напр. въ пѣснѣ: «всего семеро рабочихъ *гребцей* «всѣхъ *гребцей* — удалыхъ *молодцей*.» Всѣ эти особенности по преимуществу принадлежатъ сѣверному или новгородскому нарѣчію. Остатокъ древняго склоненія предлагаетъ областная форма *устна* — ротъ и губы (въ Владим. Нижегор.).

§ 98. Нѣкоторыя существительныя употребляются въ одномъ только единственномъ числѣ, напр. *земляника*, *клубника*, *золото*, *молоко*; нѣкоторыя въ одномъ множественномъ, напр: *будни*, *сливки*, *ворота*. Нѣкоторыя имѣютъ въ ед. числѣ одно значеніе, а во множественномъ другое. Напр. *вѣсъ* и *вѣсы*, *деньга* и *деньги*, *дрога* и *дроги*, а также *дрожки* (уменьшительная форма отъ *дроги*), *мощь* (сила, крѣпость) и *мощи*, *очко* и *очки*, *сѣнь* и *сѣни*, *храмъ* (полногласная форма *хоромъ*) и *хоромы*, *часъ* и *часы*, *щипецъ* и

щипцы, и многія другія. Въ такихъ существительныхъ множ. числа грамматическій родъ самъ собою явствуетъ по единственному числу. Въ тѣхъ же, которыя, утративъ единственное, употребляются только въ множественномъ, родъ узнается по окончаніямъ именительнаго и родительнаго падежа, отличающимъ склоненія именъ по родамъ. А именно:

1. Имена муж. рода имѣютъ родительный на *-овъ* или *-евъ* при именительномъ на *-ы* или *-и*; напр. *квасцы квасцовъ, помои помоевъ* (какъ *столъ столы столовъ, покой покои покоевъ*).

2. Имена жен. рода имѣютъ родительный на *-ъ* или *-ей* при именительномъ на *-ы* или *-и*; напр. *латы латъ, сливки сливокъ, сани саней* (какъ *вода воды водъ, кость кости костей*). Сюда принадлежатъ имена нѣкоторыхъ городовъ; напр. *Авины, Ѳивы* и друг.

Примѣч. 1. Такъ какъ имена на *-ъ* бываютъ и женскаго, и мужескаго рода; то въ этотъ отдѣлъ, между существительными на *-и*, могли войти реченія обоихъ родовъ. Такъ слово *будни* рода мужескаго (при ед. числѣ *будень*, отъ глагола *бъдѣти*; слич. сербское прилагательное *будан*, т. е. *буден*, или *будній*, въ значеніи бодрствующаго). Имена городовъ на *-чи*, напр. *Боровичи*, рода мужескаго, какъ это видно изъ самого происхожденія этихъ именъ (§ 64).

Примѣч. 2. Слово *сутки*, кромѣ общеупотребительнаго значенія, въ областномъ языкѣ имѣетъ смыслъ передняго угла или мѣста подъ образами; уменьшительное же *сутычки*, сверхъ того, значитъ сумерки, также въ избѣ то мѣсто, гдѣ у печки сомкнуты два столба. Областное реченіе *суточь* (одного происхожденія съ словомъ *сутки сут-о-къ*), употребляемое въ видѣ нарѣчія, имѣетъ значеніе соприкосновенности вообще; напр. «доски положены *суточь*». Въ област. простор. *сутки, сутковъ* р. муж.

3. Имена сред. рода имѣютъ родительный на *-ъ* при именительномъ на *-а*; напр. *уста устъ* (какъ *тѣло тѣла тѣлъ*).

Примѣч 3. Нѣкоторыя изъ именъ, нынѣ употребляющихся только въ множественномъ числѣ, имѣютъ число единственное или въ церковнославянскомъ и древнерусскомъ, или же и въ нынѣшнемъ областномъ языкѣ. Напр. *кросна*; въ церковнославянскомъ и нынѣшнемъ областномъ: *кросно* (ткальный станокъ). Вмѣсто множ. ч. *бѣлила, чернила, ла-*

ты, въ древнихъ Иконописныхъ Подлинникахъ XVII в., часто употребляется ед. число: *бѣлило, чернило, лата*. Въ Парнас. Щепет. «*чернило*, говорятъ имѣетъ бѣлый цвѣтъ» 286. Вм. множ. ч. *бредни, бредней*, Кантем. употребляетъ ед. ч. *бредня* или *бреднь*: (люди) «больше глазу «вѣрить станутъ своему, нежель *моей бредни*.» Сат. 4. Слово *пяльца* и *пяльцы* (род. п. *пялецъ* и *пяльцевъ*) рода средняго; потому что происходитъ отъ *пяло* (какъ *кольцо* отъ *коло*). *Порты портовъ* муж. р., отъ древняго *портъ*.

Такъ какъ окончанія падежей во множ. ч. у насъ переходятъ изъ одного склоненія въ другое; то изложенныя здѣсь правила о грамматическомъ родѣ именъ, употребляющихся только въ множ. числѣ, подвержены многимъ исключеніямъ. Областныя нарѣчія, смѣшивающія граммат. роды, не могутъ служить въ этомъ случаѣ надежною опорой. Такъ напр. въ нихъ употребляется муж. родъ вм. женск. *овецъ* — овца и баранъ вообще; *скулъ* — бокъ печи (слич. *скула*); *спинъ* (вм. *спина*) — хребетъ; женск. вм. ср. *тѣль* — тѣло, вещество; сред. вм. муж. *пыло* — пылъ, *стуло* — стулъ, отрубокъ. Слич. § 97. Прим. 17. д.)

3. *Склоненія прилагательныхъ.*

§. 99. Имена прилагательныя, а вмѣстѣ съ ними числительныя порядковыя, причастія и нѣкоторыя мѣстоименія, пользуются двоякимъ склоненіемъ: простымъ и сложнымъ. Къ первому относятся формы съ окончаніемъ краткимъ; напр. *добръ*, *пятъ*, цс. бнꙗ (отъ глагола бн-ти); род. пад. *добр-а, пят-а* (напр. *пол-пята*), бнѭща; ко второму формы съ окончаніемъ полнымъ: *добрый, пятый*, цс. бнꙗи, рус. *бьющій, таковый*; род. пад. въ русскомъ *добр-аго, пят-аго*, цс. бнѭща-аго, рус. *бьющ-аго*, *таков-аго* и проч. (§§ 30. II; 58 и 65). Формы краткія измѣняются по склоненіямъ именъ существительныхъ, окончивающихся въ муж. родѣ на *-ъ* или *-ь*, въ женскомъ на *-а* или *-я*, и въ среднемъ на *-о* или *-е*. Напр. *добр-ъ добр-а добр-о*, родит. *добр-а добр-ы добр-а*, дат. *добр-у добр-ѣ добр-у*, и проч. Формы полныя измѣняются помощію прилагаемаго къ нимъ склоненія личнаго мѣстоименія: *и, я, е* (§ 58).

Въ исторіи склоненія церковнославянскихъ и русскихъ прилагательныхъ должно отличать три періода: древнѣйшій, средній

и позднѣйшій. Первый принадлежитъ древнѣйшему періоду языка церковнославянскаго; второй древнерусскому и областному, а также и церковнославянскому, измѣнившемуся подъ вліяніемъ русскаго; послѣдній нашему языку книжному и разговорной рѣчи, образованной подъ вліяніемъ этого языка.

I. Въ древнѣйшемъ періодѣ языка церковнославянскаго прилагательныя краткія и полныя постоянно и правильно отличались въ склоненіяхъ, и притомъ полныя склоненія въ своихъ полногласныхъ формахъ явственно выказывали присутствіе личнаго мѣстоименія (§ 30, II). Напр. добра-аго (древнѣйш. добра-ѥго), доброу-оумоу (древнѣйш. доброу-ѥмоу), добры-имъ, добры-ихъ, добры-ими и проч.

Примѣч. 1. Полногласныя формы прилагательныхъ по преимуществу принадлежатъ памятникамъ болгарской письменности, въ которыхъ сохранился и первоначальный видъ этихъ формъ; напр. тврѣда-ѥго, сждаща-ѥго, прѣва-ѥго и проч. (§ 30, II).

1. Склоненіе прилагательнаго краткаго: добр-ъ, добр-а, добр-о (по общимъ правиламъ съ склоненіемъ существительныхъ, напр. *сын-ъ, рыб-а, мѣст-о.*)

а) добр-ъ.

	ед.	дв.	мн.
И.	добр-ъ	добр-а	добр и
Р.	добр-а	добр-оу	добр-ъ
Д.	добр-оу	добр-oма	добр-омъ
В.	добр-ъ	добр-а	добр-ы
З.	добр-е	добр-а	добр-и
Т.	добр-ъмь	добр-oма	добр-ы
М.	добр-ѣ	добр-оу	добр-ѣхъ

б) добр-а.

И.	добр-а	добр-ѣ	добр-ы
Р.	добр-ы	добр-оу	добр-ъ
Д.	добр-ѣ	добр-амa	добр-амъ
В.	добр-ж	добр-ѣ	добр-ы
З.	добр-о	добр-ѣ	добр-ы

Т.	добр-ою	добр-ыма	добр-ами
М.	добр-ѣ	добр-оу	добр-ахъ

в) добр-о

И.	добр-о	добр-ѣ	добр-а
Р.	добр-а	добр-оу	добр-ъ
Д.	добр-оу	добр-ома	добр-омъ
В.	добр-о	добр-ѣ	добр-а
З.	добр-о	добр-ѣ	добр-а
Т.	добр-ъмь	добр-ома	добр-ы
М.	добр-ѣ	добр-оу	добр-ахъ

2. Склоненіе прилагательнаго полнаго: добрѣ-н или добры-н, добра-я, добро-е.

		муж.	жен.	ср.
ед.	И.	добрѣ-н или добры-н	добра-я	добро-е
	Р.	добра-го	добры-я	добра-го
	Д.	доброу-оумоу	добрѣ-н	доброу-оумоу
	В.	добрѣ-н или добры-н	добрѫ-ю	добро-е
	Т.	добры-нмь	добр-ою	добры-нмь
	М.	добрѣ-нѣмь	добрѣ-н	добрѣ-нѣмь
дв.	И. и В.	добра-я	добрѣ-н	добрѣ-н
	Р. и М.	доброу-ю	доброу-ю	доброу-ю
	Д. и Т.	добры-нма	добры-нма	добры-нма
мн.	И.	добри-н	добры-я	добра-я
	Р.	добры-нхъ	добры-нхъ	добры-нхъ
	Д.	добры-нмъ	добры-нмъ	добры-нмъ
	В.	добры-я	добры-я	добра-я
	Т.	добры-ними	добры-ними	добры-ними
	М.	добры-нхъ	добры-нхъ	добры-нхъ

Звательный падежъ именъ прилагательныхъ полныхъ сходенъ съ именительнымъ.

3. Склоненіе пригательнаго сравнительной степени: въ краткой формѣ: боли-н, больш-н, бол-є; и въ полной: больши-и, больши-и, больше-є. (Первая форма каждаго падежа есть краткая, а вторая полная).

		муж.	жен.	сред.
ед.	И.	боли-и	больш-и	бол-є
		больши-и	больши-и	больше-є
	Р.	больш-а	больш-а	больш-а
		больша-аго	больша-и	больша-аго
	Д.	больш-оу	больш-и	больш-оу
		большоу-оумоу	больши-и	большоу-оумоу
	В.	больш-ъ	больш-ж	бол-є
		больши-и	большж-ж	больше-є
	Т.	больш-емь	больш-ею	больш-емь
		больши-нмь	больш-ею	больши-нмь
	М.	больш-и	больш-и	больш-и
		больши-нмь	больши-и	больши-нмь
дв.	И. и В.	больш-а	больш-и	больш-и
		больших-и	больши-и	больши-и
	Р. и М.	больш-оу	больш-оу	больш-оу
		большоу-ю	большоу-ю	большоу-ю
	Д. и Т.	больш-ема	больш-има	больш-ема
		больши-има	больши-има	больши-има
мн.	И.	больш-є	больш-а	больш-а
		больше-и	больша-и	больша-и
	Р.	больш-ь	больш-ь	больш-ь
		больши-ихъ	больши-ихъ	больши-ихъ
	Д.	больш-емъ	больш-имъ	больш-емъ
		больши-имъ	больши-имъ	больши-имъ
	В.	больш-а	больш-а	больш-а
		больших-и	большж-ж	больша-и
	Т.	больш-и	больш-ими	больш-и

	больши-ими	больши-ими	больши-ими
М.	больш-ихъ	больш-ахъ	больш-ихъ
	больши-ихъ	больши-ихъ	больши-ихъ.

4. Склоненіе причастія: въ краткой формѣ: биѩ, биѭ-щи, биѩ; и въ полной: биѩ-и, биѭщи-ѩ, биѭщє-ѥ. (Первая форма каждаго падежа есть краткая, а вторая полная).

		муж.	жен.	сред.
ед.	И.	биѩ	биѭщ-и	биѩ
		биѩ-и	биѭщи-ѩ	биѭщє-ѥ
	Р.	биѭщ-а	биѭщ-ѧ	биѭщ-а
		биѭща-аго	биѭщѧ-ѩ	биѭща-аго
	Д.	биѭщ-оу	биѭщ-и	биѭщ-оу
		биѭщоу-оумоу	биѭщи-и	биѭщоу-оумоу
	В.	биѭщ-ь	биѭщ-ѫ	биѭщ-є
		биѭща-аго	биѭщѫ-ѭ	биѭщє-ѥ
	Т.	биѭщ-ємь	биѭщ-єѭ	биѭщ-ємь
		биѭщи-имь	биѭщ-єѭ	биѭщи-имь
	М.	биѭщ-и	биѭщ-и	биѭщ-и
		биѭщи-имь	биѭщи-и	биѭщи-имь
дв.	И. и В.	биѭщ-а	биѭщ-и	биѭщ-и
		биѭща-ѩ	биѭщи-и	биѭщи-и
	Р. и М.	биѭщ-оу	биѭщ-оу	биѭщ-оу
		биѭщоу-ю	биѭщоу-ю	биѭщоу-ю
	Д. и Т.	биѭщ-ема	биѭщ-ама	биѭщ-ема
		биѭщи-има	биѭщи-има	биѭщи-има
мн.	И.	биѭщ-є	биѭщ-ѧ	биѭщ-а
		биѭщє-и	биѭщѧ-ѩ	биѭщѧ-ѩ
	Р.	биѭщ-ь	биѭщ-ь	биѭщ-ь
		биѭщи-ихъ	биѭщи-ихъ	биѭщи-ихъ
	Д.	биѭщ-ємъ	биѭщ-амъ	биѭщ-ємъ
		биѭщи-имъ	биѭщи-имъ	биѭщи-имъ

В.	бнѭщ-ѧ	бнѭщ-ѧ	бнѭщ-ѧ
	бнѭщѧ-ѩ	бнѭщѧ-ѩ	бнѭщѧ-ѩ
Т.	бнѭщ-и	бнѭщ-ами	бнѭщ-и
	бнѭщи-ими	бнѭщи-ими	бнѭщи-ими
М.	бнѭщ-ихъ	бнѭщ-ахъ	бнѭщ-ихъ
	бнѭщи-ихъ	бнѭщи-ихъ	бнѭщи-ихъ

II. Средній періодъ въ исторіи склоненій имени прилагательнаго начинается уже вмѣстѣ съ древнѣйшими памятниками нашей письменности; ибо въ нихъ, при древнѣйшихъ формахъ прилагательныхъ, встрѣчаются уже и позднѣйшія, какъ исключенія, или какъ ошибки писца. Въ памятникахъ же послѣдующихъ вѣковъ послѣднія формы становятся господствующими.

Исторія склоненій прилагательнаго, касается 1) сокращенія полногласныхъ окончаній, и 2) смѣшенія полныхъ окончаній съ краткими.

Для яснѣйшаго уразумѣнія того и другого предмета надлежитъ разсмотрѣть: А) прилагательныя полныя, и Б) краткія: 1) въ церковнославянскихъ памятникахъ, писанныхъ въ Россіи; 2) въ языкѣ древнерусскомъ, и 3) въ областномъ просторѣчіи.

А. Прилагательныя полныя.

1. Уже въ памятникахъ XI и XII вѣковъ замѣчается сокращеніе полногласныхъ окончаній. Такъ вмѣсто имѫщааго, имѫщоуоумоу, свѧтыихъ и проч., попадаются формы: имѫщаго, имѫщемоу, свѧтыхъ и проч.

Примѣч. 2. Даже въ О. Е. встрѣчаются, напр. въ послѣсловіи формы сокращенныя: дат. пад. ед. числа сътѧжавъшоумоу, род. пад. мн. числа: с҃тыхъ (т. е. *святыхъ*) вмѣсто полныхъ: сътѧжавъшоуоумоу, свѧтыихъ; въ Синодальномъ спискѣ Евангелія 1144 года имоущаго, имоущемоу, вм. имѫщааго, имѫщоуоумоу, и проч. Такое сокращеніе формъ вошло въ древнѣйшія церковнославянскіе памятники подъ вліяніемъ русскаго говора.

2. Въ древнерусскомъ языкѣ, какъ остатокъ старины, употребляются иногда древнѣйшія полногласныя формы прилагательныхъ.

Напр. *Новогородьскыихъ, Новогородьскыимъ; третьяя, третьюю* и проч. вм. *Новогородскихъ, Новогородскимъ, третья, третью* и проч.

Примѣч. 3. Въ языкѣ лѣтописей даже имена прилагательныя относительныя удлиняютъ свои окончанія. Напр. (жена) *Миндовговая*, (жену) *Борисовую, Гльбовую, Романовую* и проч., вм. *Миндовгова, Борисову* и проч. — Въ древнерус. стихотвореніяхъ: «*краснымъ* золотомъ» «въ тѣхъ ордахъ *немирныихъ*» «двумъ братцамъ *родимыимъ*» «по *высокіимъ* горамъ» и проч. Тамъ же имена относит. «(кланяется) княгинѣ *Апраксѣевной* на особицу» «у молоды Запавы *Путятишной*», вм. *Апраксѣевнѣ, Путятишны*.

3. Въ просторѣчіи нѣкоторыя полногласныя формы прилагательныхъ живутъ и доселѣ. Напр. *хорошіимъ, хорошіихъ* и проч.

Примѣч. 4. Въ духовныхъ стихахъ: «во *чистóмъ* полѣ» «во *дальнеей* во долинѣ»; въ пѣсняхъ: «*тонкіемъ* полотномъ» «горемъ *великіемъ*» «*провожатыихъ* или *провожатыехъ* (вм. *провожатыхъ*); и даже: «у меня младой — *младешенькой*» (вм. *младешенькъ*).

Б) Прилагательныя краткія.

1. Какъ въ церковнославянскихъ книгахъ, такъ и въ древнерусской письменности вообще, долго держались формы краткія по всѣмъ падежамъ един. и множ. (и двойств.) чиселъ, при полныхъ на -аго, -ому и проч. (вм. -аго, -оуомоу и проч.); и отличались отъ послѣднихъ постоянно: но въ послѣдствіи времени стали съ ними смѣшиваться. Смѣшеніе оказалось преимущественно во множ. числѣ: именно при единств. числѣ прилагательныхъ краткихъ: добръ, добра, доброу и проч., и прилагательныхъ полныхъ добрый, добраго, добромоу и проч., оказалось одно общее имъ обоимъ склоненіе множеств. числа съ окончаніями полными: добрыхъ, добрымъ и проч. (при именит. падежѣ краткомъ: добры, и при полномъ: добрыи или добрые и добрыя).

Впрочемъ до позднѣйшаго времени прилагательныя краткія (преимущественно въ единств. числѣ) имѣли способность склоняться въ языкѣ русскомъ по древнѣйшему закону, сблизившему измѣненіе этихъ формъ съ склоненіями существительныхъ. Напр.

въ древнерус. стихотв.: муж. рода: «у *жива* моста *калинова*» «по *чисту* полю» «на стулѣ *золоть*»; жен. рода: «выше *буйны* головы» «изъ пещеры *бѣлокаменны*»; сред. рода: «на *большо* мѣсто»; даже во множ. числѣ творит. падежъ на *-ы*: «со вдовы *честны*» (вм. «со вдовами *честными*»).

Рядомъ съ этими краткими формами употребляются, безо всякаго отъ нихъ отличія, и формы полныя. Напр. въ пословицахъ XVII в. «*бить небитова* на рукахъ носитъ»; въ древнерусскихъ стихотвореніяхъ: «напущается онъ на *стараго*, на *стара* козака Илью Муромца.»

Примѣч. 5. Въ древнерусскомъ языкѣ весьма обыкновенно употребленіе причастій въ краткой формѣ; напр. *стоящь*, *побѣгшь*, вм. *стоящій*, *побѣгшій* и проч.

2. Въ просторѣчіи краткія прилагательныя весьма употребительны и доселѣ. Напр. въ народныхъ пѣсняхъ: «*бѣлъ горючь* камень» «*чисто* серебро» «*красно* золото» «*добра* молодца» «*добру* молодцу» «*бѣлы* руки» «въ мать *сыру* землю» и проч.

3. Нынѣшній языкъ, образованный литературою, употребляетъ краткія формы только въ прилагательныхъ спрягаемыхъ, или такихъ, которыя, будучи сочиняемы съ глаголомъ, составляютъ сказуемое; напр. «Богъ *всемогущъ*»; прилагательныя же, какъ слова опредѣлительныя, имѣютъ теперь только полную форму; напр. «*добрый* человѣкъ.» А такъ какъ прилагательное, сочиняясь съ глаголомъ, не можетъ свободно измѣняться по падежамъ; то краткія формы потеряли въ общеупотребительномъ языкѣ способность къ склоненію; и ставятся, либо въ именит. падежѣ всѣхъ родовъ обоихъ чиселъ: *добръ*, *добра*, *добро*, *добры*; либо въ дательномъ муж. и сред. родовъ ед. числа при глаголѣ вспомогательномъ въ неопредѣленномъ наклоненіи. Напр. «быть *богату*» «быть *бѣдну*» «быть *взятуѣ*» и проч. (но въ женск. «быть *богатой*, *взятой*,» а не *богать*, *взять*).

Примѣч. 6. Въ пословицахъ XVII вѣка: «*горьку* быть — выплюнутъ, а *сладку* быть — проглотятъ» «*горду* быть — глупымъ слыть.»

Прилагательныя спрягаемыя отличаются отъ краткихъ склоняемыхъ удареніемъ. Напр. «солнце *красно́*» и «*кра́сно* солнце» «мѣсяцъ *свѣтелъ*» и «*свѣтёлъ* мѣсяцъ» «море *синё*» и «*си́не*» и проч.

§ 100. Какъ остатокъ старины, сохранилось въ нашемъ языкѣ нѣсколько краткихъ прилагательныхъ формъ, удержавшихъ, за немногими уклоненіями, свои первоначальные падежи, сходные съ падежами именъ существительныхъ. А именно:

1. Цѣлый разрядъ прилагательныхъ относительныхъ, оканчивающихся на *-овъ*, *-евъ*, *-инъ*, *-ынъ*. Эти прилагательныя смѣшали краткое склоненіе съ полнымъ. По краткому, образовали они всѣ падежи ед. числа муж. и сред. родовъ, кромѣ творительнаго и предложнаго; и именительный и винительный ед. числа рода женскаго; во множественномъ же только именительный и сходный съ нимъ винительный. Прочіе падежи ед. и мн. числа образовали они по склоненію полному. Напр. краткія формы: *отцевъ*, *отцева*, *отцеву*, *отцевы*; полныя формы: *отцевымъ* тв. п. ед. ч. (а не *отцевомъ*), *объ отцевомъ* (а не *объ отцевѣ*), *отцевыхъ*, *отцевымъ* и проч. Такъ же склоняются всѣ прилагательныя, съ упомянутыми окончаніями, обращенныя въ имена собственныя лицъ, городовъ и проч.; съ тѣмъ только отличіемъ, что предложный падежъ оканчиваютъ, по краткому склоненію, на *-ѣ* вм. *-омъ* или *-емъ*; напр *Пушкинѣ*, *Пушкина*, *Пушкинымъ*, о *Пушкинѣ*; *Царицыно*, *Царицына* *Царицынымъ*, *о Царицынѣ*, и пр.

2. Относительныя прилагательныя на *-ій*: *Божій*, *вражій*, въ родит., дат. и пред. падежахъ ед. числа всѣхъ трехъ родовъ. А именно: муж. и сред. рода: родит. *Божія*, дат. *Божію*, пред. о *Божіи*. Такъ же склоняется и *вражій*: *вражія*, *вражію* и проч. Эти краткія формы употребляются не только въ важной рѣчи, но и въ разговорной. Напр. у Пушкина: «али дождаться свѣту *Божія*», 7, 191. При краткихъ падежахъ существуютъ въ нашемъ языкѣ и полные: *Божіяго*, *Божіему*, *о Божіемъ*, *Божіей*; *вражьяго*, *вражьему* и проч.

3. Краткія прилагательныя, употребляемыя въ видѣ существительныхъ; каковы напр. *молебенъ* (отъ прил. *молебный*), *вселенна* (отъ *вселенный*=заселенный), *обѣдня*, *вечерня*, *заутреня*, *добро*, *зло*, *войско* (§ 44) и друг.; *добра*, *добру*, *злу*, *о злѣ*, *войску*, *войскамъ*, *войсками* (а не *войскими*) и проч. Сюда же принадлежатъ краткія прилагательныя имена относительныя, сохранившіяся въ названіяхъ городовъ (§ 67). Напр. *Архангельскъ*, *Архангельскомъ*, *въ Архангельскѣ*; *Смоленскъ*, *Смоленска*, *подъ Смоленскомъ*, *о Смоленскѣ*; *Полоцкъ* (вм. *Полотскъ*), *Полоцкомъ*, *о Полоцкѣ*; *Кіевъ* (при существительномъ *Кій*), *Кіеву*, *за Кіевомъ*, *въ Кіевѣ*; *Ярославль*, *Ярославля*, *Ярославлемъ*, и проч.

Примѣч. 1. Существительное *дьва*, вѣроятно, образовалось изъ прилагательнаго усѣченнаго, которому соотвѣтствуетъ полное *дьвая*, употреблявшееся въ церковнославянскомъ, въ значеніи слова: *дьва*. — Въ древн. и народн. языкѣ употребляются и полныя формы: *обѣдняя*, *заутреняя*; напр. въ 1 Новгор. лѣт. «на *обѣднюю*» 6; въ пѣсн. «собирайтеся ко *заутренѣй*» Чулк. 2. № 121. — Въ древней цс. письменности употреблялось прилагательное *христинъ*, откуда сущ. *христіян-инъ*, какъ отъ прилаг. *поганъ* — *поган-инъ*, т. е. язычникъ.

4. Прилагательныя краткія, въ словахъ сложныхъ (§ 80); напр. *новъ*, *бѣло*, въ собственныхъ именахъ: *Нов-городъ*, *Бѣло-озеро*: род. пад. *Нова* (города), *Бѣла* (озера); дат. *Нову* (городу), *Бѣлу* (озеру), пред. *въ Новѣ* (городѣ), *на Бѣлѣ* (озерѣ), а не *въ Новомъ* (городѣ), *на Бѣломъ* (озерѣ); но творит. падежъ, по склоненію полному: *Новымъ* (городомъ), *Бѣлымъ* (озеромъ), а не *Новомъ* (городомъ), *Бѣломъ* (озеромъ). Употребляется и *Новгорода*, *Новгороду*, *Новгородомъ*.

Примѣч. 2. Такъ же образовалось *Иванъ-городъ*, но уже потеряло косвенные падежи въ первой своей части: *Иванъ-города*, *Иванъ-городомъ*, вм. *Ивана-города*, *Иваномъ-городомъ*.

5. Нѣкоторыя мѣстоименія и числительныя, напр. *всякъ*, *пятъ* (§ 70), *самъ*, *онъ* и друг., при полныхъ: *всякій*, *пятый*, *самый*, *оный*. Потому родит. падежъ двухъ послѣднихъ мѣстоименій, по общему закону прилагательныхъ полныхъ, оканчивается на *-аго*; напр. *самаго* (въ отличіе отъ *самого*, § 93), *онаго*. Краткая форма ре-

ченія: *другой*, имѣетъ смыслъ, или существительнаго: *другъ друзья*, или числительнаго, въ сложномъ: *самъ-другъ*, или мѣстоименія въ выраженіяхъ: *другъ друга*, *другъ другу*, *другъ другомъ*, и проч.

6. Въ нарѣчіяхъ: *снова*, *сперва*, *смолоду*, *вчужь*, *издалека*; въ выраженіяхъ: «отъ *мала* до *велика*» «въ-три-*дорога*,» «безъ *вѣдома*», «съ *вѣдома*,» проч. (вм. *съ новаго*, *съ перваго*, и проч.).

Примѣч. 3. Прилаг. *четья* (отъ муж. *четій*, § 55 Пр. 7), въ женск. р., согласованное съ *Минея*, въ ед. числѣ измѣняется по склоненію краткому; напр. род. п. *Четьи Минеи*; а во множ. ч. по полному; напр. род. п. *Четьихъ Миней*, дат. п. *Четьимъ Минеямъ*, при имен. и вин. п. *Четьи Минеи*.

§ 101. Нашъ книжный языкъ пользуется краткими формами, какъ церковнославянскаго языка, такъ и древнерусскаго и областнаго. Старинные писатели весьма богаты этими формами.

Примѣч. 1. Напр. у Ломоносова въ Одѣ на взятіе Хотина: «въ крови *Молдавски* горы тонутъ» «гдѣ зримъ *всходящу* къ намъ денницу». «Что ноги узами звучатъ, *«которы* для отгнанья стадъ *«чужи* поля топтать готовы.» «Но *большу* нанести боязнь» «и правда взявъ перо *злато*» и проч.

Писатели позднѣйшіе употребляютъ эти формы, или въ рѣчи возвышенной; напр. Пушкинъ въ Борисѣ Годуновѣ:

Къ его одру, Царю едино зримый,
Явился мужъ необычайно *свѣтелъ* (1, 278);

или же въ рѣчи разговорной, напр. «до *бѣла* дня», какъ въ слѣдующемъ мѣстѣ комедіи Грибоѣдова: Горе отъ ума:

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до *бѣла* дня
Въ приличьяхъ скованы — не вырвешься изъ нга!

Примѣч. 2. Въ высокомъ слогѣ допускаются краткія формы нѣкоторыхъ прилагательныхъ въ родительномъ падежѣ жен. рода; напр. «благости *Господни*» (вм. *Господней*), и въ предложномъ падежѣ муж. и сред. рода: «въ законѣ *Господни*» (вм. *Господнемъ*).

Слѣдуетъ отличать краткую форму: *Златоустъ*, *Златоуста*, *Златоусту* и проч., отъ полной: *Златоустый*, *Златоустаго*, *Златоустому*, и проч.

Примѣч. 3. Нѣкоторыя краткія прилагательныя въ древн. и народномъ языкѣ, въ имен. п. мн. ч., оканчиваются, какъ въ церковнославянскомъ, на *и*– вм. *-ы*; напр. *ради, сыти, богати*; вм. *рады, сыты, богаты*. Въ Словѣ о полк. Игор. «страны *ради*, грады весели». Въ Живоп. Новик. «мужики *богати*» 1, 78. Слич. причастія: *зрѣли, кисли*, и прилагат. *зрѣлы, кислы*; существ. *сосѣди* и *сосѣды*; *черти* вм. *черты*.

§ 102. О нѣкоторыхъ отдѣльныхъ падежахъ полнаго склоненія прилагательныхъ въ нашемъ языкѣ должно замѣтить слѣдующее:

1. Именит. падежъ ед. числа муж. р. оканчивается на *-ой* вм. *-ый* и *-ій*, когда эти послѣднія окончанія произносятся какъ *-ой*, съ удареніемъ; напр. *нѣмо́й, глухо́й, чужо́й* и проч.

Примѣч. 1. Въ древнерусскомъ и областномъ языкѣ прилагательныя оканчиваются на *-ой* или *-ей* и безъ ударенія на концѣ. Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ (§ 161) допускаетъ формы: *истинной, прежней, Божей* и друг., вм. *истинный, прежній, Божій*.

2. Родительный падежъ муж. и сред. рода ед. числа прилагательныхъ, оканчивающихся на *-ой* и *-о́е*, и употребленныхъ въ видѣ существительныхъ, имѣетъ *-ова*, вм. *-аго*. Напр. *Толсто́й Толсто́ва, жа́рко́е жа́рко́ва*.

Примѣч. 2. Въ древнерусскомъ языкѣ, равно какъ и въ нынѣшнихъ областныхъ нарѣчіяхъ, род. падеж. муж. и сред. рода оканчивается различно: или на *-ого, -его*: *доброго, синего* (въ Новогородскомъ нарѣчіи); или на *-ага* и *-ава*: *добрага* и *добрава* (въ Рязанскомъ); или на *-ова* и *-ева*: *доброва, хорошева* (въ Московскомъ); или на *-ово, -ево*: *хорошово, лишнево* (во Владимірскомъ).—У писателей, особенно въ стихахъ, часто встрѣчается *-ова*, вм. *-аго*; напр. у Дмитр. «который отъ роду нечитывалъ *другова*, «кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова.» 1, 53.

3. Родительный падежъ ед. числа жен. рода измѣнилъ окончанія: *-ыя, -ая* и *-яя* (*-ыя, -ія*) на *-ой* и *-ей*; напр. *добрыя доброй*. Древнѣйшее окончаніе: *-ыя, -ія*, и теперь допускается въ высокомъ слогѣ. Иногда встрѣчаются рядомъ, и древнее и новое

окончаніе; напр. у Жук. «блещетъ куполъ «*соборныя величественной* церкви»; «онъ *слабыя, земной* руки созданье» 3, 196, 213.

Примѣч. 3. Въ древнерусскомъ языкѣ виденъ переходъ отъ формы древнѣйшей къ нынѣшней: ибо въ немъ употребляются и та и другая, а также и среднія между обѣими, оканчивающіяся на *-ые, -іе, -оѣ, -ое*. А именно: *святыя* (вм. **скатыя**), *святоѣ, святые, святое* и *святой*; *орамыя* (пахатной), *орамые, орамой* и проч. Напр. въ Ипат. сп. лѣт. «борзости ради *коньское*» «не воевати Ляхомъ *Русское* челяди» 161, 169. Въ юрид. акт. подъ 1550 г. «у Марьи у *Ивановскіе*» «у *Гавриловскіе* жены.» Въ послов. XVII в. «есть въ немъ *сѣрые* овчины клокъ.» Въ древнерусскихъ стихотвореніяхъ окончаніе *-ыя* или *-ія* употребляется не только для родительнаго, но и для дательнаго и предложнаго ед. числа жен. рода. А именно: а) род. «загонъ земли не *паханыя* и *нераныя*» 5. б) Дат. «ко матушкѣ *родимыя* своей» 349; «пріѣхалъ ко церкви *соборныя*» 96. в) Предлож. «сидючи въ бесѣдѣ *смиренныя*» 283, «стоять на пристани *корабельныя*» 175.

Примѣч. 4. Къ замѣчательнѣйшимъ областнымъ уклоненіямъ принадлежатъ: 1) родит. и дат. п. ед. ч. женск. род. на *-ею* или *-ою*, вм. *-ей* или *-ой*; напр. въ пѣсн. «до *вашёю* да до милости»; «пріѣзжалъ вѣдь онъ да ко Дунай-рѣкѣ, «ко *широкою* да ко *глубокою*» (Архан.) 2) Вм. *-ыми, -ими, -ьми*, въ твор. пад. мн. ч., или *-ымъ* (*-имъ*), или *-ыма* (*-има, -ьма*). Напр. «заросла моя деревня долами горами, «и долами и горами, *крутымъ* берегами» Прач. 131; «со *всѣма* дѣтьми *любезныма*, «со *всѣма* да со церковники — «грамотѣями *духовныма*» (Арханг.).

4. Именительный падежъ множ. числа для именъ мужескаго рода принято оканчивать на *-е*, а для именъ женскаго и средняго рода на *-я*; напр. муж. *добрые*; жен. и сред. *добрыя*. Въ церковнославянскомъ муж. род. оканчивается на *-и*: добрии; жен. на *-а*: добрыа; сред. на *-а*: добраа. Въ древнерусскомъ языкѣ всѣ три рода безъ различія оканчивались и на *-и*, и преимущественно на *-е* или *-я*: *дробыи, добрые* и *добрыя*.

Примѣч. 5. Ломоносовъ еще не отличалъ въ своей Грамматикѣ мужрода на *-е* отъ женскаго и средняго на *-я*.

§ 103. Имена прилагательныя относительныя на *-ій*, образовавшіяся помощію звука *и* (§ 67), тѣмъ отличаются въ склоненіи отъ прочихъ прилагательныхъ съ тѣмъ же окончаніемъ, что удерживаютъ этотъ звукъ *и*, или вполнѣ, или сокращенно, въ звукѣ *ь*. Напр. *вражій вражі-яго* или *вражь-яго*, *вражі-ему* или *вражь-ему* и проч. (въ отличіе отъ склоненія прилагательныхъ качественныхъ: *синій син-яго син-ему* и проч.) Сокращеніемъ звука *и* на *ь* отличается собственно русское склоненіе отъ церковнославянскаго: потому реченія, употребляющіяся въ разговорномъ языкѣ, имѣютъ *ь* вм. *и*. Напр. *рыбій рыбья рыбье*, *рыбьяго*, *рыбьей*, *рыбьи* и проч. (вм. *рыбія*, *рыбіе*, *рыбіяго*, и проч.)

§ 104. Имена прилагательныя, употребляемыя въ видѣ существительныхъ, каковы напр. *нищій*, *кормчій*, *лъсничій*, *лъшій* и друг., измѣняются по склоненію прилагательныхъ. Напр. *нищаго*, *кормчаго*, *лъсничаго*, *нищему*, *кормчему*, *лъшему*, о *лъсничемъ*; *нищіе*, *кормчихъ* и проч.

Примѣч. Жуковскій употребляетъ *лъшай* (вм. *лъшій*), склоняя это слово, какъ существительное: *лъшая*, *лъшаю* и проч. Напр. «два *лъшая* дерутся» 6, 247, «глупымъ *лъшаямъ* оставивъ «на пронзволъ» и пр. 6, 248.

4. *Склоненія числительныхъ.*

§ 105. Имена числительныя измѣняются по склоненію, или 1) мѣстоименій, напр. *одинъ одного* (а не *одна́го*, какъ *самъ самого*); или 2) существительныхъ, напр. *пять*, *пяти*, *пятью* (какъ *кость*, *кости*, *костью*); *сто*, *ста*, *сту*, *стомъ*, о *стѣ* (какъ *мѣсто*, *мѣста*, *мѣсту*, *мѣстомъ*, о *мѣстѣ*); или 3) прилагательныхъ, напр. *пятый*, *пятаго*, *пятыхъ*, и проч.

Числительныя количественныя склоняются по образцу существительныхъ, а порядковыя по образцу прилагательныхъ.

Въ разсужденіи склоненія должно отличать числительныя простыя отъ сложныхъ, и употребляемыя отдѣльно, отъ сочиняемыхъ съ именами.

I. О склоненіи числительныхъ простыхъ должно замѣтить слѣдующее:

1. Числительныя: *пять, шесть, десять* и проч., измѣняясь по склоненію существительныхъ, могли имѣть не только единственное, но и множественное число, а въ церковнославянскомъ языкѣ и двойственное.

Примѣч. 1. Напр. числительное пять, во множ. числѣ, имѣло родит. и предлож. пятихъ, дат. пятимъ, творит. пятьми. Въ древнерус. *пятма*: «къ ихъ же *пятма* варницамъ». Юрид. акт. подъ 1551 г.

Примѣч. 2. Остатокъ именительнаго падежа двойствен. и множ. числа реченія десять: десате, сохранился въ церковнославянскихъ: дѣкадесате, тридесате, четыредесате; и остатокъ родительнаго падежа множ. числа: десать, въ сложныхъ: *пять-десять, шесть-десять* и проч. (§ 70). Десате, въ сложныхъ: дѣка-на-десате, три-на-десате и проч. есть винит. падежъ единств. числа, зависящій отъ предлога *на*.

2. Числительное: *два, двѣ*, потерявъ теперь способность измѣняться по двойственному числу, склоняется по множественному, вмѣстѣ съ реченіями: *три, четыре*. Напр. *двухъ, трехъ, четырехъ* и проч.

Примѣч. 3. Церковнославянское склоненіе числительныхъ: два, ова, смотр. въ § 90.

Примѣч. 4. Числительныя трие и четыре (съ окончаніемъ -ие, какъ пятие, мужие), въ церковнославянскомъ склоняются слѣдующимъ образомъ:

И.	трие	четыре
Р.	три	четыръ
Д.	тремъ	четыремъ
В.	три	четыри
Т.	тримъ	четырьми
М.	трехъ	четырехъ.

Въ древнерус. языкѣ: род. п. *трій*, творит. *треми*; напр. въ Новг. I. Лѣт. «безъ *три* мѣсяць» 8; въ Ипат. списк. Лѣт. «со *треми* тысящами» 180; въ Юрид. Акт. «промежъ *треми* елми» подъ 1519 г.

3. Числительныя: *двое, обое, трое*, т. е. собирательныя формы средняго рода отъ реченій: *два, оба, три* (§ 70), въ исторіи нашего языка имѣли неодинаковую участь.

а) Реченіе *обое* и доселѣ склоняется въ ед. числѣ: *обоего, обоему, обоимъ*; тогда какъ *двое* и *трое* уже потеряли окончанія ед. числа. Затерянный въ употребленіи имен. падежъ ед. числа муж. р., вѣроятно, былъ *обый* или *обой, двой, трой*.

Примѣч. 5. Въ древнерусскомъ языкѣ встрѣчаемъ *двоего, двоему*; въ именит. падежѣ женскаго рода: *двоя, троя*. Въ нарѣчіяхъ: *вдвоемъ, втроемъ*, доселѣ сохранился предложный падежъ ед. числа этихъ реченій.

б) Числительныя: *двое* и *трое*, потерявъ единственное число, замѣнили его множественнымъ: *двоихъ, троихъ, двоимъ, троимъ*, и проч. Соотвѣтствующіе же имъ падежи отъ реченія *обое*: *обоихъ, обоимъ, обоими*, припявъ при себѣ формы женскаго рода: *обѣихъ, обѣимъ, обѣими*, замѣнили у насъ церковнославянское двойственное число, при именительномъ падежѣ: *оба, обѣ* (§ 90).

Примѣч. 6. Въ древне-русскомъ употреблялись формы: *обоихъ* и *обѣихъ, обоимъ* и *обѣимъ*, безъ различія по родамъ; напр. въ Юрид. акт. «*обоихъ* истцевъ» и «*обѣихъ* истцевъ» подъ 1485—1505 г.

Примѣч. 7. Объ употребленіи *двое, обое, трое*, и *двои, обои*, и проч. смотр. въ Синтаксѣ.

II. О склоненіи числительныхъ сложныхъ должно замѣтить слѣдующее:

1. Числительныя сложныя съ формою родительнаго падежа *-десять*: *пять-десять, шесть-десять* и проч., склоняются теперь какъ отдѣльныя *пять десять, шесть десять* и проч. Напр. родит. дат. и предл. *пяти-десяти*, творит. *пятью-десятью*, (употребляется въ творит. и *пяти-десятью, шести-десятью* и проч.). Въ церковнославянскомъ же и древнерусскомъ, согласно съ образованіемъ этихъ сложныхъ словъ, склоняется только первое числительное: второе же, стоящее въ родит. падежѣ множ. числа, остается неизмѣняемымъ. Напр. пати-десять, шестиж-десять и проч. (Смотр. Синтаксъ.)

2. Также склоняются и сложныя съ реченіемъ *сто*: *двѣсти*, *триста*, *пятьсотъ*: *двухъ сотъ*, *тремъ стамъ*, *пяти сотъ*, *пяти стамъ*, *пятью стами*, о *пяти стахъ* и проч. Въ церковнослав. начиная отъ *пяти*, склоняется также только первое слово, а второе остается неизмѣнно въ род. пад.; напр. пѧть сътъ, пѧтиѭ сътъ. (Смотр. Синтакс.)

3. *Одиннадцать*, *двѣнадцать*, *пятнадцать*, *девятнадцать* и др., склоняются, какъ сущ. женск. р. на *-ь*; напр. *двѣнадцати*, *пятнадцатью*. Въ цс. на-десате, какъ форма самостоятельная, остается неизмѣняемою, а первый членъ сложнаго слова склоняется; а именно: ѥдинаго-на-десате, ѥдиномоу-на-десате, двою-на-десате, двѣма-на-десате (двойств. число); пѧтаго-на-десате и т. д.

Примѣч. 8. Но въ Синод. Еванг. 1537 г. встрѣчаемъ уже: «двана́десѧтиꙗ же а҆поло҃мъ» Матѳ. 10, 2, по новѣйшему, вм. двѣманадесате. Въ древне-рус.: въ Юрид. акт. «съ *двунадцати* дворовъ» подъ 1705 г.

Примѣч 9. О склоненіи: *полтора*, *полтретья*, см. § 80. Въ древне-русскомъ склоненіе дробныхъ чиселъ довольно разнообразно. Напр. въ Юрид. акт.: род. пад. «*полудесята* рубля»; вин. пад «на *полдесята* рубля»; «предл. пад. «въ *полудесятѣ* рубляхъ» подъ 1503 г.

III. Числительныя, *сорокъ*, *сто*, *девяносто*, прилагаясь къ существительнымъ, для всѣхъ косвенныхъ падежей принимаютъ только одно окончаніе род. падежа (какъ приставка *пол-* въ сложномъ: *полдень*: *полудня*, *полудню* и проч. § 80). А именно: *сорокъ рублей*, *сто рублей*: *сорока рублей*, *рублямъ*, *рублями*, *рубляхъ*; *ста рублей*, *рублямъ* и проч.

Примѣч. 10. Въ предложномъ падежѣ допускается и окончаніе *-ѣ*; напр. *во стѣ рубляхъ*. Впрочемъ просторѣчіе измѣняетъ эти числительныя и въ прочихъ падежахъ; напр. въ народной пѣснѣ: «что ни *стомъ* рублевъ, ни тысячей.» Прач. 153. Въ древне-рус. стихотв. «прибылъ флотъ въ *девяностѣ* корабляхъ» 11; въ Юрид. акт. даже: «*сорокью* восмью баграми» подъ 1674 г. Напротивъ того у Державина: «поставь на *сорокъ* (вм. на *сорока*) двухъ столпахъ» 1, 401.

Примѣч. 11. Въ областномъ языкѣ употребляются слѣдующія замѣчательныя формы: 1) *обои* — оба; 2) *обы*, *обыхъ* — оба, обоихъ; 3)

двымъ, двыхъ — двоимъ, двоихъ; 4) *троима* и *троима* — втроемъ; 5) *девяро* — девять или девятеро, откуда *девярный* — девятый.

Примѣч. 12. Такъ какъ все разнообразіе и кажущая неправильность склоненія числительныхъ происходятъ отъ ихъ синтаксическаго употребленія; то въ дополненіе къ сказанному здѣсь смотр. о склоненіи числительныхъ въ Синтаксисѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Такъ какъ твердыя, научныя основанія этимологіи заимствуются изъ Сравнительной Грамматики; то для желающихъ предлагается здѣсь нѣсколько самыхъ необходимыхъ сравнительныхъ приложеній къ §§-мъ 1-ой части этого Опыта.

Къ § 24-му.

Переходъ *ai* въ *ē* и *au* въ *ō* явствуетъ изъ слѣдующихъ формъ: 1) *ai* въ *e* (*ae*): греч. *λαιός* лат. *laevus*, греч. *σκαιός* лат. *scaevus*; лат. *aidilis* и *aedilis*, *quaistor* и *quaestor*; 2) *au* въ *o*: лат. *ausculum* и *osculum*, *haurio* и *de-horio*; лат. *aurum*, *auris*, *claustrum* и нт. *oro*, фр. *or*, нѣм. *ohr*, фр. *or-eille* (съ суффиксомъ именъ уменьшительныхъ), нѣм. *kloster*.

Во французскомъ *ai* произносится какъ *e*, *au* — какъ *o*.

Переходъ *a* въ *o* и *e*: 1) въ *o*: литовск. *akis* и *око*, лат. *arare* и *орати*, лат. *mare*, лит. *mares* и *море*, гот. *gasts* и *гость*; 2) въ *e*: **азъ** и лат. *ego*, гр. *ἐγώ*.

Къ § 25-му.

Нашему *ѣ* соотвѣтствуютъ въ родственныхъ языкахъ, или долгое *e*, или двоегласныя: *ai*, *oi*, *ei*. Напр. *квѣтъ* (*квятъ*) или *цвѣтъ* и лит. *kwétys* (triticum), гот. *hvaitei* (triticum); *вѣдать* и греч. *εἶδον*, *εἴδω*, *οἶδα* (съ тонкимъ придыханіемъ вмѣсто густаго, соотвѣтствующаго звуку *в*, или дигаммѣ), гот. *vait*, лит. *wéizdmi*.

Къ § 27-му.

Буквы *ъ* и *ь* соотвѣтствуютъ въ родственныхъ языкахъ слѣдующимъ звукамъ: 1) *ъ* звукамъ твердымъ *у* и *а*: *плъкъ* лит. *pulkas*, **дъщи дъщерь** лит. *duktê*, род. пад. *dukterês*; **бъдръ** лит. *budrus*; латинское *u*, въ окон-

чаніяхъ именъ *-u-s* и достигательнаго наклоненія *-um*, соотвѣтствуетъ нашему окончанію на *-ъ*: *bon-u-s добр-ъ*, *past-u-m* паст-ъ (пасти); къ-то лит. *ka-s*; литовское окончаніе *a-s* соотвѣтствуетъ весьма часто нашему *-ъ*: *ubag-a-s убог-ъ*, *bas-a-s бос-ъ*, и проч. 2) *ь* преимущественно звуку *i*: греческіе глаголы на *-μι* соотвѣтствуютъ нашимъ на *-мь*: *δίδωμ-ι* дамь; греч. *ἐσ-τί* и *есть*; латин. *i* въ окончаніи *-i-s* соотвѣтствуетъ нашему па *-ь*: *ign-i-s* огн-ь.

Къ § 28-му.

Буквамъ ѫ, ѭ, ѧ, ѩ, въ родственныхъ языкахъ соотвѣтствуютъ гласныя съ *m* или *n*; а именно: 1) ѫ: ręka лит. *ranka*, польск. *ręka*; винит. пад. кьдок-ѫ лат. *vidu-am*; въ 3-мъ лицѣ множ. числа глаголовъ: сѫть лат. *sunt*; въ причастіяхъ: кѣд-ѫ-щ- (кѣдѫри, кѣдѫщаго и проч.) *am-an-s*. 2) ѧ: пять гр. *πέντε*, нѣм. *fünf*; въ причастіяхъ: сѣд-а сѣд-а-щ- (сѣд-а-щи и проч.) *leg-en-s*, и проч.

Къ § 29-му.

Вставкою гласныхъ при плавныхъ пользуются и другіе родственные языки. Напр. нарѣчіе Осковъ придаетъ полногласіе латинскимъ формамъ: *ar-a-getud* вм. лат. *argento*, *ter-e-mniss* вм. лат. *terminus*. Въ такомъ же отношеніи стоитъ древне-верхне-нѣмецкое нарѣчіе къ ново-нѣмецкому; напр. древнія формы: *dur-u-h*, *ar-a-peit*, *ar-a-m*, *vur-u-m*, соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ: *durch*, *arbeit*, *arm*, *wurm* и проч.

Къ § 32-му.

По придыханіямъ: *c* и *h*, отличаются индоевропейскіе языки: въ однихъ господствуетъ *c*, какъ напр. въ латинскомъ, въ другихъ *h*, какъ напр. въ греческомъ. Нашъ славянскій присоединяется, въ этомъ отношеніи, къ языкамъ, усвоившимъ придыханіе *c*. Напр. *семь* или *седмь*, лат. *septem*, греч. *ἑπτά*.

Въ греческомъ придыханіе выражалось, кромѣ знаковъ ‘ и ’, особеннымъ начертаніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ дигаммы (*Ϝ*). Дигаммою обозначались придыхательные звуки: *v*, *h*, *g*; напр *Ϝέσπερος* лат. *vespera*, *Ϝοῖνος* лат. *vinum*, *Ϝιδεῖν* лат. *videre*, видѣть; *Ϝοῖδα* гот. *vait*, вѣдѣти и проч. Дигамма обыкновенно приписывается нарѣчію эолическому. Въ дорическомъ ей соотвѣтствуетъ *γ*: *Ϝέαρ γίαρ* лат. *ver*; *Ϝεστά γεστιά* лат. *vestis*; *Ϝοῖνος γοῖνος*; или же *β*; напр. *Ϝίς βία* лат. *vis*. Впослѣдствіи дигамма, или перешла въ густое придыханіе, напр.

Γέσπερος ἕσπερος, или въ *υ*, образовавъ двоегласные: *αυ, ου, ευ*; напр. *ναῦς* (вм. *νάΓς*), лат. *navis*; *βοῦς* (вм. *βόΓς*), лат. *bōs* (вм. *bovs*), *bŏvis*; или же вовсе исчезла, въ началѣ слова перешедши въ тонкое придыханіе, напр. *Γίς ἴς*, лат. *vis*, а среди слова не оставивъ даже и слѣда, напр. *νέος* (вм. *νέΓος*), лат. *novus*, новый.

Къ § 33-му.

Обоюдный переходъ плавныхъ *р* и *л* оказывается въ слѣдующихъ формахъ: лат. *gurges* и *gula*, лит. *surus* (соленый) и *соль*, лат. *sal*; лит. *garsas* (молва) и *гласъ*, *серебро* и гот. *silubr*, нѣм. *silber* и проч. Какъ мы въ иностранномъ словѣ измѣнили *р* на *л*: *Февраль* вм. *Февpарь*, такъ и нѣмцы передѣлали изъ латинскаго *peregrinus* — *pilgrim*, старинное *piligrim*.

Переходъ *л* въ гласные звуки особенно явствуетъ въ формахъ романскихъ языковъ, которые, во многихъ случаяхъ, замѣняютъ латинское *л* звуками *і* и *у*: 1) *і*: особенно въ итальянскомъ: *bianco, fiamma, piano, fiore, fiume*, вм. *blanco, flamma, plano, flore, flume* и проч. 2) *у*: во французскомъ, послѣ гласныхъ, вмѣстѣ съ которыми это *и*, происшедшее изъ *l*, переходитъ въ долгій звукъ: *paume, aime, taupe, saut*, вм. *palma, alna, talpa, saltus*; *eux, ceux, mieux, vieux*, вм. *els, cels, miels, viels*; *doux* вм. *dolcs*. Впрочемъ, если на концѣ нѣтъ согласнаго звука, то *l* можетъ сохраниться; напр. *mal, cheval*.

Изъ славянскихъ нарѣчій особенно сербское любитъ измѣнять *л* въ *у*: напр. *муня, дуг, вук*, вм. *млынъ, длгъ, клкъ*. Въ малороссійскомъ нарѣчіи *л* переходитъ въ *в*, т. е. въ краткое *у*: *вовкъ* (*воукъ*) вм. *волкъ*.

Переходъ *с* въ *р* особенно замѣчателенъ въ исторіи латинскаго языка. Древнѣйшія собственныя имена: *Papisius, Vetusius*, перешли въ позднѣйшія: *Papirius, Veturius*; древнѣйшія формы: *asă, ausum, ausis, hesi, fesiae* и др., перешли въ позднѣйшія: *ara, aurum, auris, heri, feriae* и проч. Такимъ образомъ, напр., наша форма: *ухо*, должна быть сближаема съ древнѣйшею: *ausis* (готск. *ausa*), а не съ позднѣйшею: *auris*.

Звукъ *д*, смягчаясь, переходитъ иногда въ *л* или въ *р*: на этомъ основывается измѣненіе литовской формы *sidabras* въ славянскую *сребро* и въ готскую *silubr*. Слич. гр. *δάκρυ* и лат. *dacrima* и *lacrima*, наше *деверь* и лат. *levir* и проч.

Переходъ *м* въ *п* оказался въ образованіи нѣкоторыхъ формъ классическихъ языковъ. Такъ винит. падежъ ед. числа въ латинскомъ имѣетъ

m, а въ греческомъ *ν*; напр. лат. *patrem, eum, illam, bonam*; въ греч. *ἐν, τόν, τήν, καλήν*.

Н переходитъ въ *л*: лат. *asinus* и гот. *asilus*, *оселъ*; нѣм. *kind* и англо-сакс. *ciln*, англ. *child*; древне-верхне-нѣм. *organa* и новонѣм. *orgel*. Въ романскихъ языкахъ, древнѣйшее *н* переходитъ въ *р* и въ *л*: франц. *diacre, timbre, cofre*, вм. *diaconus, tympanum, cophinus*; итал. *Bologna, Palermo, Girolámo, veléno*, вм. *Bononia, Panormus, Hieronymus, venenum*, и проч.

Къ § 36-му.

Славянскія нарѣчія смягчаютъ *д* и *т* различно: сербск. въ *дь* и *ть*, церковнослав. или древнеболг. въ *жд* и *шт* (щ), рус. въ *ж* и *ч*, чеш. и польск. въ *з* и *ц*. Напр. сербск. *медю*, церковнослав. *между*, рус. *межу* или *межою*, *межъ*, чешск. *meze*; сербск. *ноть*, церковнослав. *нощь* и *ночь*, рус. *ночь*, чешск. *noc*.

Въ основѣ смягченныхъ звуковъ предполагаются твердые. Такъ формамъ: *между, межъ* и проч., соотвѣтствуетъ несмягченная *мед-*, напр. въ лат. *medius*; формамъ: *чужой* и *сегодня* и проч. — несмягченная *тудь*, которую дѣйствительно встрѣчаемъ въ сербскомъ нарѣчіи.

Смягченіе зубныхъ *д* и *т* не чуждо и другимъ индоевропейскимъ языкамъ. Такъ напр. оно встрѣчается въ нарѣчіяхъ языковъ классическихъ. Въ греческомъ: эолич. и іонич. *ζορκάς, ζόρξ*, вм. *δορκάς, δόρξ*; эол. *ζά* вм. *διά*; и наоборотъ *δεύς* вм. *ζεύς*, откуда *διός*. Дорич. *μάδδα* вм. *μάζα*, *ὄδδει* вм. *ὄζει*, лакон. *μυσίδδειν* вм. *μυσίζειν*. Въ латинскомъ: въ нарѣчіи Осковъ: *Bansae, Compsa*, вм. *Bantiae, Comptia*.

Романскіе языки смягчаютъ зубные звуки латинскаго. Напр. *diaconus*, въ средневѣк. лат. *zaconus*; итал. *mezzo, pranzo*, вм. лат. *medius, prandium*; *razzo* и *raggio* вм. лат. *radius*; *oggi* вм. лат. *hodie*; *giorno* вм. лат. *diurnus*; во франц. *jour*, какъ и ит. *giorno*, вм. *diurnus*; *rayon* вм. *radius*. Переходъ *i*, передъ гласнымъ *i*, съ слѣдующимъ гласнымъ же, въ *ц* или въ *с* (напр. *conditio, condition*), ясно указываетъ на смягченіе зубныхъ звуковъ, какъ общую потребность нарѣчій латинскаго языка.

Къ § 38-му.

Церковнославянскому *щ* (или *шт*) и нашему *ч* въ родственныхъ языкахъ весьма часто соотвѣтствуетъ сочетаніе звуковъ: *кт* или *т*; напр. *дъщи дъщерь, дочь дочерь*, гр. *θυγάτηρ*, лат. *dukié* род. *dukteres*, гот. *dauhtar*, нѣм. *tochter*; *нощь* гр. *νύξ*, лат. *nox* род. *noct-is*, гот. *nahts*, нѣм. *nacht*, и пр.

Къ § 48-му. Смотр. примѣч.

Напримѣръ наше слово *сынъ*, лит. *sunus*, гот. *sunus* (откуда древне-верхненѣм. *sunu*, средненѣм. *sun* и наконецъ новонѣм. *sohn*), указываютъ при себѣ на одинъ общій корень въ глаголѣ *су*, имѣющемъ въ Санскритѣ значеніе *рождать*, и производящемъ отъ себя, въ этомъ языкѣ, причастіе *сӯ-ну-с* (рожденный), которое получило смыслъ существительнаго: *сынъ*, т. е. рожденный.

Къ § 50-му. Примѣч. 2.

Напримѣръ въ греческомъ: *δίδωμι*, *τίθημι* и проч.; въ латинскомъ: *tĭtŭbo*, *sisto*; въ нарѣчіи Осковъ *fefacust* вм. *fecerit*; у Плавта и Теренція удвоенная форма *tetuli*, и простая *tuli*; въ готскомъ прошедшія формы: *haihait* (hiess), *taitok* отъ *tekan* (ткнуть).

Редупликація или удвоеніе усиливаетъ корень глагола, и потому соотвѣтствуетъ подъему гласныхъ въ глаголѣ, господствующему, вмѣсто редупликаціи, въ нарѣчіяхъ славянскихъ.

Къ § 55-му.

Наши формы на *-мень*, *-мя*, соотвѣтствуютъ греч. на *-μον*, *-μεν*; напр. *πνεῦ-μον*, *δαί-μων*, *ποι-μέν*; латинскимъ на *-men*, *-mo(n)*, *-minus*; напр. *car-men*, *ser-mo ser-mon-is*, *ter-minus* и проч. Носовой звукъ *м*, въ окончаніи *-мя*, напр. *сѣ-мя*, оказывается явственно въ латинскомъ *-men*, напр. *se-men*, *ful-men* (вм. *fulg-men*), *ger-men* (вм. *gen-men*) и проч.

Наше окончаніе *-тель* (напр. въ словахъ: *да-тель*, *по-да-тель*) соотвѣтствуетъ латинскимъ *-tor* и *-turus* (окончанію причастія); напр. *da-tor* и *da-turus*, *geni-tor* и *geni-turus*; греческимъ суффиксамъ *-τριδ*, *-τρια* (лат. *-tri-c* въ *-trix*), *-τηρ*, напр. въ словѣ *γας-τήρ* и проч.

Къ § 56-му.

Лат. супинумъ на *-tum* есть не что иное, какъ отглагольное имя въ винит. падежѣ средняго рода.

На сродствѣ именъ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, по образованію, основывается въ нѣкоторыхъ языкахъ переходъ неопредѣленнаго наклоненія въ существительное имя; напр. въ нѣмецкомъ: *essen* и *das essen*.

Къ § 57-му. Примѣч. 1.

Напримѣръ: личныя мѣстоименія: 1-го лица: **азъ**, **мене** (**мя**); санскр. *агам*, *мама*; зенд. *азем*, *мана*; греч. *ἐγώ*, *μοῦ*; лат. *ego*, *mei*; лит. *asz*, *manęs*; гот. *ik*, *meina* и проч.: 2-го лица: **ты**, **тебе**; санск. *твам*, *тава*;

зенд. *тум*, *тава*; греч. *σύ*, *σοῦ*, *σέθεν*, по дорич. нарѣчію: *τύ*, *τέος*, *τεοῦς*; лат. *tu*, *tui*; лит. *tu*, *tawęs*; гот. *thu*, *theina* и проч.; возвратное мѣстоименіе: себе, ся; лат. *sui*, *se*; лит. *sawęs*, *sawę*; гот. *seina*, *sik* (нѣм. *sich*); въ греческомъ *s* замѣняется густымъ придыханіемъ, равно какъ и въ языкѣ Зендавесты: греч. *ὅυ*, *ἕ* и *σφέ* (съ звукомъ *c* вм. *г*); зенд. *hé*: и проч. Корень вопросительныхъ мѣстоименій *к*: къ-то, к-ой; санскр. *кас*, лат. *quis*; въ греческомъ по эолич. нарѣчію: *κόϝος*, *κοῖος*; въ готскомъ *к* переходитъ въ *h*: *huas* (quis), древне-верхне-нѣм. *huer*, откуда нововѣмецкое *wer* (за отнятіемъ придыханія *h*, какъ *ring* вм. *hrings* и мн. др.). Корень указательнаго мѣстоименія *с*: сь, сей; санск. *cja*, гот. *sa*, греч. *ὁ*, *ἡ* (вм. *σο*, *ση*), и проч.

Къ § 59-му. Примѣч. 3.

Смотр. приложеніе къ § 48-му.

Къ § 63-му.

Суффиксы нашихъ именъ, отметаемые въ именит. падежѣ, оказываются въ именахъ и прочихъ родственныхъ языковъ. Напр. 1) *-мен-* въ именахъ на *-мя*: *сѣ-мя сѣ-мене*, лат. *se-men*; 2) *-т-*: дитя дит-т-е, греч. *σῶμα*, въ косвен. падежахъ тема: *σωμα-τ-*, и друг. 3) *-р-*: матерь мат-ер-, дъщи дъщ-ер-, греч. *μήτ-ηρ*, лат. *mat-er*, греч. *θυγάτ-ηρ*, лит. *dukté* род. пад. *dukt-er-ės*, гот. *douht-ar*, откуда нѣм. *tocht-er*, и проч. 4) *-с-*: небо *неб-ес-е*, санскр. *наб-ас*, греч. *νέφος*, род. *νέφεος* вм. *νέφ-εϝ-ος*, и проч.

Къ § 69-му. Примѣч. 1.

Помощію суффикса сравнит. степени *-тар-* или *-тер-* образуются: *ко-тор-ый* (съ измѣненіемъ *-тар-* на *-тор-*), санскр. *ка-тар-ас*, (отъ мѣстоим. *кас*) греч. *πό-τερ-ος* (вм. *κό-τερ-ος*), лат. *al-ter*, *u-ter*, *ne-u-ter*, *dex-ter*, и друг.; французское *au-tre* (вм. *al-tre*) есть не что иное, какъ лат. *al-ter*. Суффиксъ сравнительной степени *-тар-*, *-тор-*, явственно сохранился въ греческомъ; напр. *εὐρύ-τερ-ος*, *κατώ-τερ-ος*, *δεξι-τερ-ός*, *ἀριστ-ερός*, и проч.

Къ § 69-му. Примѣч. 3.

Числительныя образовались помощію суффиксовъ, или сравнительной, или превосходной степени; напр. наше *в-тор-ой*, греч. *δεύ-τερ-ος*; лат. *sept-imus*, помощію суффикса превосходной степени *-im-us*; напр. *si-mill-im-us*, *ult-im-us*, *min-im-us* и проч. Равномѣрно и звукъ *т* въ числительныхъ признается указателемъ превосходной степени: *quin-t-us*, *ter-t-ius*, нѣм. *dri-tte* и проч.

Французское *même* (древнефран. *meismes*, *mesme*) образовалось отъ формы превосходной степени: *metipsimus*, итал. *medesimo*.

Нашей формѣ: *старо-ст-а* соотвѣтствуетъ готская *sini-st-a*, съ тѣмъ же суффиксомъ и въ томъ же значеніи.

Къ § 70-му. Примѣч. 4.

Напримѣръ: *два*, *три*, *четыре*, *пять* (пять); санскр. *два*, *трі*, *чатвáр*, *панчан*; зенд. *два*, *т'рі*, *чатвáр*, *панчан*; греч. *δύο*, *τρεῖς*, *τέσσαρες*, *πέντε*; лат. *duo*, *tres*, *quatuor*, *quinque* (съ измѣненіемъ *п* на *кв*); лит. *du*, *trys*, *keturi* (съ гортаннымъ *к* вм. *ч*, какъ наше къ-то переходитъ въ чь-то), *penki*; гот. *tvai*, *threis fidvör*, *fimf*: откуда нѣм. *zwei* (съ смягченіемъ язычнаго *t*), *drei*, и проч.

Касательно единичнаго числа должно замѣтить, что названіе его въ родственныхъ языкахъ, какъ и у насъ, образовалось въ связи съ мѣстоименіями. Потому латинское *unus* переходитъ въ членъ языковъ романскихъ, т. е., въ мѣстоименіе: фр. *un*, *une*; равномѣрно и нѣм. *ein* есть и членъ, и мѣстоименіе, и числительное. Другой членъ образуется въ языкахъ отъ мѣстоименія указательнаго: фр. *le*, *la*, отъ лат. *ille*; нѣм. *der*, *die*, *das*, вмѣстѣ и членъ, и указательное мѣстоименіе, родственное нашимъ: тъ, та, то.

Къ §§ 84-му и 85-му.

Глаголы древнѣйшей формаціи, или неправильные, во всѣхъ коренныхъ индоевропейскихъ языкахъ одного и того-же происхожденія и образованія. Напр.

	Слав.	Санскр.	Лат.	Греч.
1 л.	ѥс-мь	*ас-мі*,	*es-mi*	*εἰμί* (*ἐμμί* *ἐσ-μί*)
2 л.	ѥс-и (вм. *ес-си*)	*ас-і*	*es-si*	дорич. *ἐσ-σι*, откуда *εἶς*
3 л.	ѥс-ть	*ас-ті*	*es-ti*	*ἐσ-τί* и проч.

Греческій языкъ имѣетъ цѣлый разрядъ глаголовъ на *-μι* (= -мь, напр дамь гр. *δίδω-μι*).

Въ формахъ литовскаго языка очевиднымъ образомъ усматривается переходъ глагола отъ древнѣйшаго (или неправильнаго) спряженія къ позднѣйшему. Ибо въ этомъ языкѣ нѣкоторые глаголы, кромѣ древнѣйшаго окончанія, имѣютъ и позднѣйшее, общее со всѣми прочими; напр. употребляются: не только *ed-mi* (ѣмь, вм. *яд-мь*, т. е. *ѣ-мъ*), *ei-mi* (иду), но и *édu* или *édziu* (ѣмъ), *einu* (иду). Даже вспомогательный глаголъ, кромѣ формы *es-mi* (ѥс-мь), имѣетъ сообразную съ законами позднѣйшихъ глаголовъ: *essu* (есмь).

Въ латинскомъ указатели лицъ весьма явственно сохранились при глагольныхъ формахъ всѣхъ временъ: *su-m*, *inqua-m*, *amaba-m* и проч.

Къ § 84-му.

Окончанія церковно-славянскихъ прошедшихъ формъ на **-хъ** и **-съ**, напр. **прнх-хъ**, **прнх-съ**, **прнх-х-омъ**, **прнх-с-омъ**, соотвѣтствуютъ въ греческомъ языкѣ суффику аориста 1-го: **σ**, напр. *ἐ-βούλευ-σα*.

Къ § 99-му.

Соотвѣтственное славянскому образованію и склоненію прилагательныхъ полныхъ встрѣчается въ языкѣ литовскомъ, въ которомъ прилагательныя полныя склоняются также помощію присоединенія мѣстоименія указательнаго или личнаго къ формѣ краткой; напр.

Имен.	**новъ + и**	=	**новъи** (**новыи**).
	naujas + jis	=	*naujasis*.
Род.	**нова + его**	=	**новаго**
	naujo + jo	=	*naujojo*
Дат.	**новоу + емоу**	=	**новоуомоу**
	naujam + jam	=	*naujamjam* и проч.

Вообще ко всей I-й части.

Подробности этимологическихъ видоизмѣненій по вѣкамъ, нарѣчіямъ и областнымъ говорамъ Русскаго языка смотр. въ примѣчаніяхъ къ статьямъ Исторической Христоматіи Церковно-Славянскаго и Русскаго языковъ.